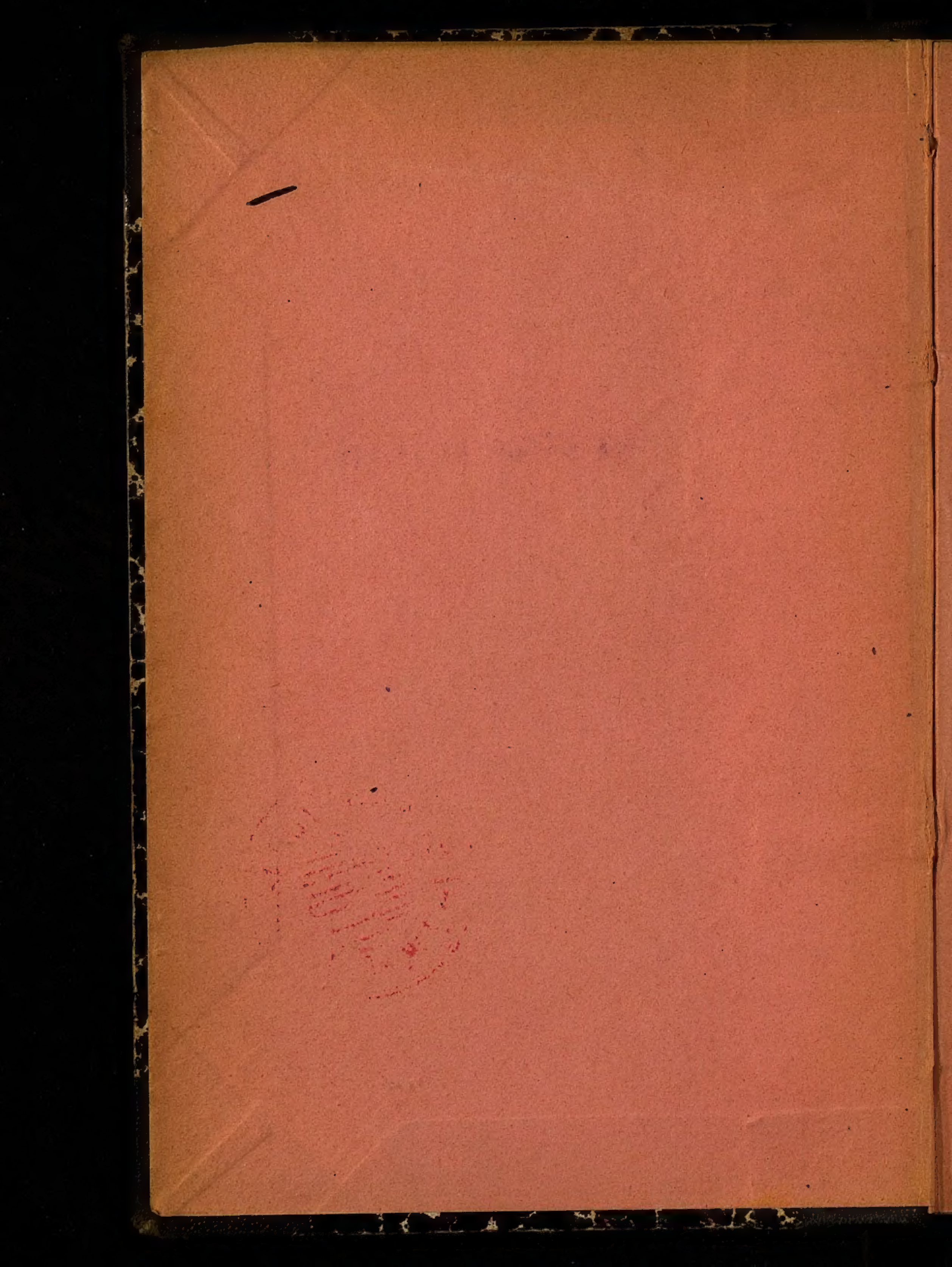
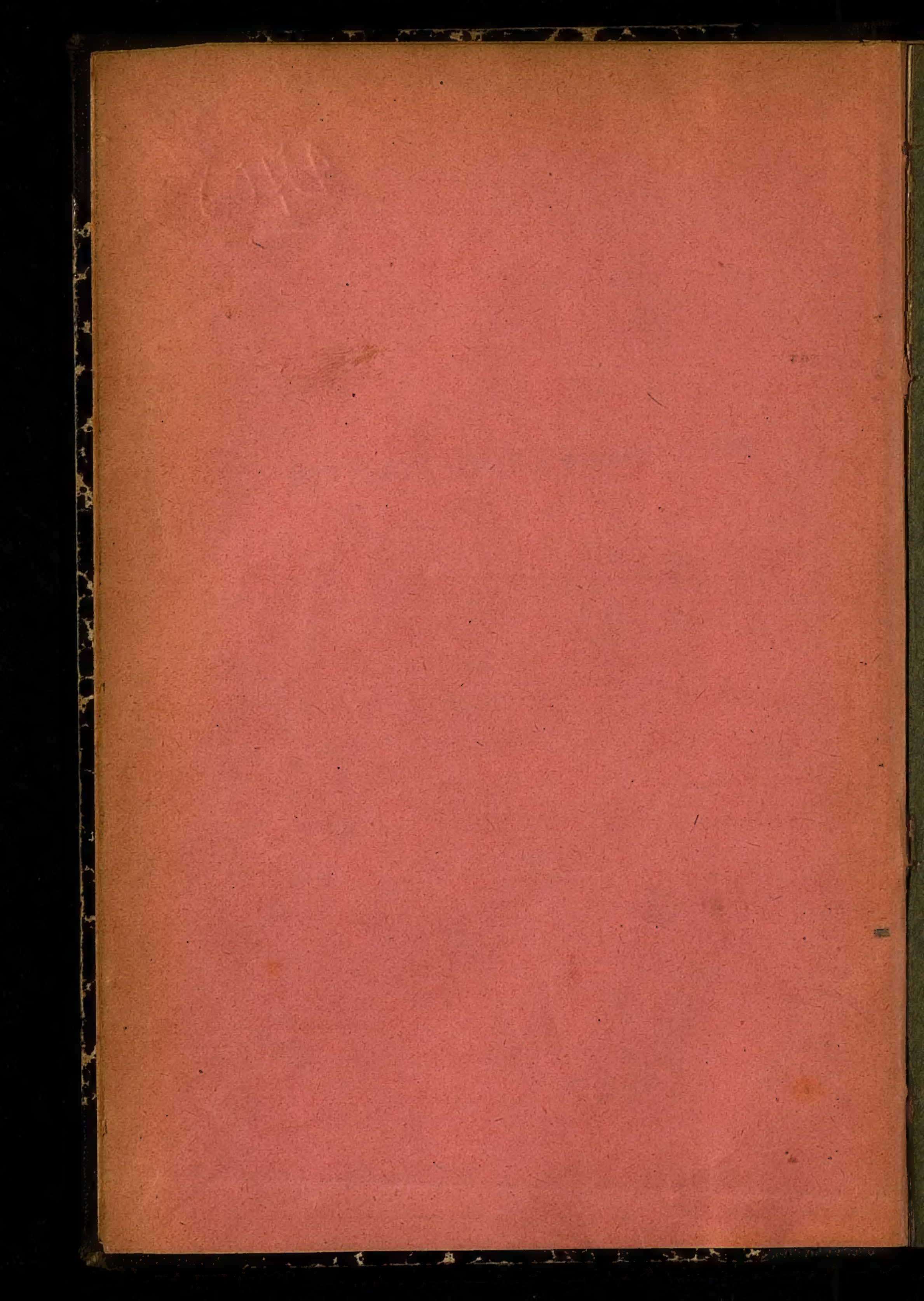

№ 3854
9·32В·9/48
Т 72
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦДІ
Г778

ЖЕНЕВСКАЯ
СОЦИАЛ.-РЕВ

Documents sur le mouvement révolutionnaire
en Russie de 1860 à 1870.
réédités par B. Basilevsky.

Русская Историческая Библіотека
№ 5

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
революціоннаго движенія
въ Россіи въ 60-хъ гг.

Второе приложеніе къ сборникамъ
„Государственныя преступленія въ Россіи",
издающимся подъ радакціей
Б. Базилевскаго.

Paris
SOCIÉTÉ NOUVELLE DE LIBRAIRIE ET D'ÉDITION
17, Rue Cujas.
1905

ОСВОБОЖДЕНІЕ

Издается подъ редакціей **Петра Струве**

Освобожденіе выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ размѣр 16 страницъ въ четвертую долю листа. Подписная цѣна на че верть года (3 мѣс.) 6 фр., съ пересылкой внутри всемірнаго по товаго союза 6 фр. 60 с. Цѣна отдѣльнаго номера безъ пер сылки 1 фр., съ пересылкой 1 фр. 10 с. Для Россіи (изданіе тонкой бумагѣ для пересылки въ конвертахъ) — на четверт года 3 руб. Подписка принимается въ конторѣ изданія (**Société nouvelle de librairie et d'édition, Paris, 17, Rue Cujas**) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Отдѣльныя изданія редакціи „Освобожденія":

ОСВОБОЖДЕНІЕ. Издается подъ редакціей Петра Струве. **Книга первая.** Съ приложеніемъ снимка съ памятника Герцена. Стр. 255. Цѣна 5 фр.

Содержаніе: Отрывки изъ „Былого и Думъ". А. Герцена. — Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи. *. — „Общее Дѣло". Исторія и характеристика изданія. А. Х. Христофорова. — Письма теоретика о политическихъ вопросахъ. Л. Ф. — Къ исторіи борьбы общества и бюрократіи въ Россіи. (Два документа.) — Самодержавіе и общинное землевладѣніе. (Выдержки изъ записки Витте 1894 г. въ защиту общины.) — Внѣ закона. Р. Д. — Владиміръ Энгельсонъ и его письма къ А. И. Герцену. М. — На поворотѣ. Мысли о современномъ положеніи Россіи. Земца. — Полярный адъ. Е. — Матеріалы по новѣйшей исторіи русской цензуры. — Теорія вѣроятностей и борьба съ крамолой. В. — Проектъ реформы Комитета Министровъ. Z. Z. — Не въ очередь. Письмо съ береговъ Женевскаго озера N. N. и отвѣтъ на него редактора „Освобожденія". — Библіографія.**

ТОЖЕ. Книга вторая. Стр. 131. Цѣна 3 фр.

Содержаніе: Отцы и дѣти. **Независимаго.** — Откуда и куда? Замѣтки публициста. **П. Струве.** — Общественное движеніе при Александрѣ II. I. Начало царствованія. — Воспоминанія. I. Гимназія. **В. Дебогорія-Мокріевича.** — Письма теоретика о политическихъ вопросахъ. Письмо второе. **Л. Ф.** — Нѣсколько житейскихъ соображеній и историческихъ справокъ по поводу брошюры г. Д. Х. — Конституція-покойница. **Профессора-политика.** — Послѣдняя исповѣдь. Отрывокъ изъ драмы. — Одна судебная рѣчь. — Замѣтки объ арміи. **Нижняго чина.** — Библіографія. (Отзывы о „Государственныхъ преступленіяхъ" Базилевскаго, „Быломъ" Бурцева и „Запискахъ декабриста" Д. И. Завалишина.)

САМОДЕРЖАВІЕ И ЗЕМСТВО. Конфиденціальная записка Министра Финансовъ Статсъ-Секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Второе изданіе съ двумя

Prix 7 fr. 50.

Documents sur le mouvement révolutionnaire
en Russie de 1860 à 1870.
Réédités par B. Basilevsky.

Русская Историческая Библіотека
№ 5

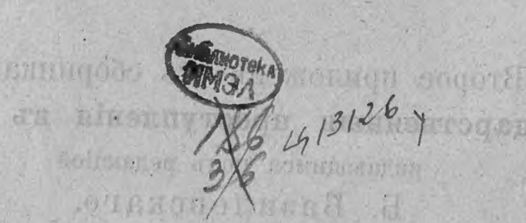
МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
революціоннаго движенія
въ Россіи въ 60-хъ гг.

Второе приложеніе къ сборникамъ
„Государственныя преступленія въ Россіи",
издающимся подъ редакціей
Б. Базилевскаго.

Paris
SOCIÉTÉ NOUVELLE DE LIBRAIRIE ET D'ÉDITION
17, Rue Cujas.
1905

Imprimerie Ch. Noblet. Paris. 13, rue Cujas.

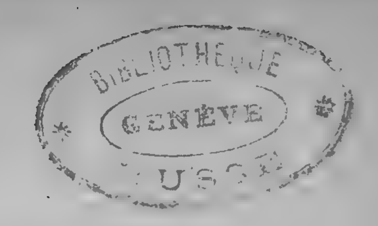

М. Л. Михайловъ.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье
Какъ молитву повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ....

Оглавленіе.

Предисловіе.

Революціонное движеніе шестидесятыхъ годовъ представляетъ собою явленіе, чрезвычайно мало изученное въ нашей литературѣ. Это происходитъ, разумѣется, прежде всего отъ недостатка даже самыхъ сырыхъ матеріаловъ, касающихся даннаго предмета. Много ли мы знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, о такихъ замѣчательныхъ страницахъ движенія 60-хъ годовъ, на которыхъ написаны слова „М. Л. Михайловъ", „Великоруссъ", „Общество Земля и Воля", „Дѣло Чернышевскаго", „Славянская секція Интернаціонала" и многія другія? Въ настоящемъ сборникѣ мы печатаемъ по этому поводу нѣкоторые матеріалы и документы, въ печати еще не бывавшіе, но еще болѣе находится здѣсь перепечатокъ изъ изданій, ставшихъ огромными библіографическими рѣдкостями. Собранные воедино, они проливаютъ не мало свѣта на столь мало изученную эпоху. Нѣкоторые изъ читателей нашихъ изданій уже откликнулись активно на обращенный нами призывъ къ собранію и изданію историческихъ матеріаловъ по исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи. Мы надѣемся на помощь и содѣйствіе нашимъ изданіямъ и со стороны другихъ читателей, особенно тѣхъ, которые сами принимали участіе въ движеніяхъ. Ихъ воспоминанія, переписки и другіе документы внесли бы много свѣта въ столь неразработанную область. Съ призывомъ къ нимъ мы обращаемся снова этими строками.

Редакція Русской Исторической Библіотеки.

1861 годъ.

Къ дѣлу М. Л. Михайлова.

Первою жертвою революціоннаго движенія 60-хъ годовъ палъ извѣстный поэтъ Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ. Обвиненный въ участіи въ составленіи и распространеніи прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, Михайловъ выслушалъ первымъ у того „позорнаго столба“, у котораго стояли затѣмъ Обручевъ, Чернышевскій, Николай Серно-Соловьевичъ и другіе извѣстные русскіе писатели и общественные дѣятели, „высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта“, коимъ онъ, Михайловъ, былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на шесть лѣтъ. Никакихъ рѣшительно сообщеній о дѣлѣ Михайлова правительство Александра II не опубликовало, и о самомъ приговорѣ надъ извѣстнымъ писателемъ русское общество узнало лишь изъ № 275 „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи“ отъ 14-го декабря, гдѣ было сказано только, что въ этотъ день (14 декабря)[1] назначено на площади передъ Сытнымъ рынкомъ публичное объявленіе приговора „отставному губернскому секретарю Михаилу Михайлову“.[2]

Для ознакомленія съ дѣломъ Михайлова имѣется до сихъ поръ очень мало матеріаловъ. Мы помѣщаемъ здѣсь: 1. полный текстъ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“;[3] 2. никогда

---

[1] Замѣчательное совпаденіе! 14-го декабря 1825 года была сдѣлана первая попытка русскихъ революціонеровъ покончить съ самодержавіемъ. 14 декабря 1861 года палъ жертвою того же стремленія первый представитель длинной вереницы революціонеровъ 60-хъ гг. Этотъ день имѣетъ поэтому для Россіи особое историческое значеніе. Ред.

[2] Текстъ полицейскаго оповѣщенія по этому поводу перепечатанъ въ первомъ томѣ сборниковъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, издающихся подъ редакціей Базилевскаго, стр. 199—200. Ред.

[3] Прокламація „Къ молодому поколѣнію“ перепечатана полностью въ изданномъ въ 1862 году въ Гейдельбергѣ № 1 „Летучихъ Листковъ“ (слѣдующихъ №№ не появлялось). Въ книгѣ г. Бурцева „За сто лѣтъ“ эта прокламація приведена лишь въ отрывкахъ. Въ книгѣ г. Куклина „Итоги революціоннаго движенія“ — также только въ отрывкахъ и притомъ въ тѣхъ самыхъ, которые приведены и у г. Бурцева. „Летучій Листокъ“, въ которомъ помѣщена прокламація „Къ молодому поколѣнію“ полностью, составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. Его нѣтъ и въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, но одинъ экземпляръ „Листка“ сохранился въ Пироговской читальнѣ русскихъ студентовъ въ Гейдельбергѣ. Изъ этого источника мы и заимствуемъ приводимую здѣсь прокламацію. Ред.

еще не бывшія въ печати отрывки изъ записокъ самого М. Л. Михайлова;[1] 3. стихотвореніе, посланное заключенными въ 1861 г. въ Петропавловскую крѣпость студентами петербургскаго университета Михайлову и отвѣтъ на него Михаила Ларіоновича.[2]

Редакція.

КЪ МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

Печатано безъ цензуры въ С.-Петербургѣ,
въ сентябрѣ 1861 года.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятіяхъ сладострастія,
Въ постыдной праздности, влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны,
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятіяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріензи.

Рылѣевъ.

Когда манифестъ о волѣ былъ уже готовъ и оставалось только объявить его, русское правительство, прежде всего, струсило: оно испугалось своего собственнаго дѣла — ну, а если вся Россія поднимется? если народъ пойдетъ на Зимній дворецъ? И рѣшили объявить народу волю въ великомъ посту, а балаганы на время масляницы отнесли подальше отъ дворца, на Царицынъ лугъ. О, знаніе сердца человѣческаго! О, знаніе русскаго народа! Вѣдь, правительство думало, что оно осчастливитъ свой народъ? Гдѣ же слыхано, чтобы человѣкъ счастливый пошелъ бить стекла и колотить встрѣчныхъ? Если же правительство боялось народа, значитъ оно имѣло причины его бояться. И точно, причина была. Во-первыхъ, государь обманулъ ожиданіе народа — далъ ему волю не настоящую, не ту, о которой народъ

---

[1] Эти отрывки мы помѣщаемъ въ томъ видѣ, въ которомъ они переданы намъ однимъ русскимъ литераторомъ, имѣвшимъ возможность ознакомиться съ подлинными записками Михайлова. Опубликовать эти записки полностью по нѣкоторымъ причинамъ не представляется еще возможнымъ. Ред.

[2] Стихотвореніе это было въ свое время весьма распространено. Въ послѣднее время оно воспроизведено въ № 6 журнала г. Бурцева „Былое“, откуда мы его и перепечатываемъ. Ред.

мечталъ и какая ему нужна. Во-вторыхъ, онъ укралъ у него радость, — объявилъ манифестъ въ великомъ посту, а не 19-го февраля. Въ третьихъ, организаціей комиссій, составлявшихъ и разсматривавшихъ „Положеніе“, государь показалъ полнѣйшее презрѣніе ко всему народу и къ лучшей, т. е. къ образованнѣйшей, честнѣйшей и способнѣйшей части русскаго общества — къ народной партіи: все дѣло велось въ глубочайшемъ секретѣ, вопросъ разрѣшался государемъ и помѣщиками, никто изъ народа не принималъ участія въ работѣ, журналистика не смѣла пикнуть — царь давалъ народу волю, какъ милость, какъ бросаютъ сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры. Все это не можетъ и не должно быть прощено правительству. Не народъ существуетъ для правительства, а правительство для народа. Слѣдовательно, очевидно, что правительство, которое не понимаетъ народа, не знаетъ его нуждъ и потребностей, которое, считая себя помѣщикомъ, дѣйствуетъ исключительно въ своекорыстныхъ цѣляхъ, которое, наконецъ, презираетъ народъ, имъ управляемый — недостойно этого народа. Романовы, вѣроятно, забыли, что они свалились не съ неба, а выбраны народомъ, потому что ихъ считали способнѣе управлять Россіей, чѣмъ какихъ-нибудь польскихъ и шведскихъ королевичей. Вотъ почему, если они не оправдываютъ надеждъ народа — долой ихъ! Намъ не нужна власть, оскорбляющая насъ; намъ не нужна власть, мѣшающая умственному, гражданскому и экономическому развитію страны; намъ не нужна власть, имѣющая своимъ лозунгомъ развратъ и своекорыстіе. Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія, прикрывающая наслѣдственную неспособность; мы хотимъ имѣть главой простого смертнаго, человѣка земли, понимающаго жизнь и народъ, его избравшій. Намъ нуженъ не императоръ, помазанный масломъ въ Успенскомъ соборѣ, а выборный старшина, получающій за свою службу жалованье. Освобожденіе крестьянъ и послѣдніе четыре года показали, что новое правительство, при своемъ настоящемъ составѣ и при тѣхъ правахъ, которыми оно пользуется, рѣшительно никуда не годится. Все та же сіятельная тупость и подлость окружаютъ царя; все тѣ же казнокрады, Адлерберги и Муравьевы, стоятъ во главѣ правительства; Россіи правительство не знаетъ и знать не хочетъ; общественнаго мнѣнія для него не существуетъ, какъ не существуетъ для него русскаго общества, какъ не существуетъ для помѣщика мнѣнія его крестьянъ. Правительство наше знаетъ только себя и дѣлаетъ только то, что ему выгодно. Укажите намъ людей, довольныхъ правительствомъ! Адлерберги да Муравьевы, наживающіеся добромъ, содраннымъ съ народа? Десять человѣкъ, изъ-за которыхъ страдаютъ 60 милліоновъ? И это правительство, и это императорская власть! Мы не знаемъ ни одного сословія въ Россіи, которое бы не было оскорблено императорской властью. Обижены всѣ. Послѣдняя обида нанесена какъ разъ въ то время, когда императорская власть думала, что она творитъ великое дѣло, что она кладетъ первый камень великому будущему Россіи. Мы не отвергаемъ важности факта,

заявленнаго манифестомъ 19-го февраля; но мы видимъ важность его не въ томъ, въ чемъ видитъ его важность правительство. Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастію: къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или къ другому. Моментъ освобожденія великъ потому, что имъ посажено первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ. И мы пользуемся этимъ, чтобы напомнить Россіи ея настоящее положеніе. Мы хотимъ напомнить ей, что наступила пора сдѣлать съ нашимъ правительствомъ то, что сдѣлали крестьяне одного имѣнія Тамбовской губерніи со своими управляющими изъ нѣмцевъ. Когда манифестъ о волѣ былъ прочитанъ крестьянамъ, они запрягли лошадей въ телѣги, вѣжливо попросили своихъ управляющихъ садиться, довезли ихъ до границы имѣнья, и также вѣжливо просили ихъ вылѣзть. „Мы вамъ очень благодарны за ваше управленіе“, сказали крестьяне нѣмцамъ, „но больше его не хотимъ; ступайте съ богомъ, куда вамъ угодно, но ужъ къ намъ больше не возвращайтесь“. Правительство наше, вѣроятно, не догадывается, что, положивъ конецъ помѣщичьему праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть. Императоръ былъ крѣпокъ только помѣщиками и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помѣщицей. Кончились помѣщики, кончилось и императорство — у него нѣтъ больше почвы, осталось имя безъ сущности, форма безъ содержанія. Изъ всей русской исторіи мы знаемъ только одинъ случай, когда деспотизмъ явился на помощь народу: „хочу, чтобы крестьяне были свободны“, сказалъ царь, — и сто тысячъ помѣщиковъ низкимъ поклономъ выразили полную готовность повиноваться волѣ монаршей. Но это была послѣдняя вспышка умирающаго деспотизма. Этимъ онъ кончилъ. Ему больше нѣтъ дѣла въ Россіи, ждать отъ него больше нечего. Сословія уже начинаютъ понимать, какую роль они играли до сихъ поръ; освобожденные крестьяне уже думаютъ о своемъ безвыходномъ положеніи — они недовольны. Недовольные вездѣ; всѣ ждутъ чего-то.... Императорская Россія разлагается. Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу — тѣмъ хуже для него. Общее недовольствіе могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, — недовольные будутъ послѣдовательны: они придутъ къ крайнимъ требованіямъ. Пусть подумаетъ объ этомъ правительство, время поправить бѣду еще не ушло; но пусть же оно не медлитъ. Но, съ другой стороны, и мы должны помнить, что имѣемъ дѣло съ правительствомъ ненадежнымъ, съ правительствомъ, которое временными уступками будетъ успокоивать насъ, изъ личныхъ, временныхъ выгодъ готово испортить все будущее всей страны — для десяти подлецовъ ничего не значитъ счастье 60 милліоновъ. Молодое поколѣніе! не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся

къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію — вы — настоящая ея сила, вы — вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сдѣланное намъ императорской властью, вы должны показать народу, что тутъ нѣтъ никакого помазанія, что Богъ познается въ дѣлахъ общаго блага, въ дѣлахъ добрыхъ, а гдѣ добра нѣтъ, тамъ дѣйствуетъ злая сила — духъ тьмы, а этотъ-то духъ и есть русская императорская власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ. Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ. Не забудьте и солдатъ. Объясните имъ, что и у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ. Объясните вы это народу и солдатамъ, но не забудьте прибавить, что помѣхой всему — царь и его министры, для которыхъ это невыгодно. Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что онъ пріучаетъ насъ только считать гроши, что разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями еще придешь ли къ благосостоянію? — односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копѣечные разсчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется — деньги. А эти, къ несчастію, плодящіяся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; они черствятъ человѣка, они ведутъ къ сословному разъединенію, къ привиллегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общаго съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами англичанъ. Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести....

Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60-ти милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ, что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастью? Гдѣ та наука,

которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такой науки; мы знаемъ только, что Гнейсты, Бастіа, Моли, Рау, Рошеры раскапываютъ навозныя кучи, и гниль прошедшихъ вѣковъ хотятъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихнимъ закономъ; а мы для себя попытаемся поискать другой.... Для невѣрующихъ мы дѣлаемъ слѣдующій примѣръ. Существуетъ Китай; ближайшіе сосѣди не знаютъ другой страны болѣе цивилизованной. Рошеры и Моли Китая утверждаютъ, что законъ, по которому развивалась жизнь въ Китаѣ и слагалась тамошняя цивилизація, есть именно тотъ законъ, по которому должны развиваться всѣ народы. Сосѣди вѣрятъ глубокомысленнымъ ученымъ и, не видя жизни и цивилизаціи выше китайской, лѣзутъ сами изъ всѣхъ силъ въ Китай. Но вдругъ оказывается, что есть другія страны, что у другихъ народовъ существуютъ стремленія, неизвѣстныя китайцамъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что стремленія эти вздоръ, что только китайская цивилизація и политическія убѣжденія китайцевъ одни истинны? Человѣкъ, видѣвшій только Европу, сотни нѣмецкихъ королевствъ съ ихъ кенигами, герцогами и принцами, или Францію съ ея Наполеономъ, разумѣется удивится, узнавъ, что въ Америкѣ порядки совсѣмъ другіе. Почему же Россіи не придти еще къ новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ? Мы не только можемъ, мы должны придти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ.

Европа сложилась изъ остатковъ древняго міра; тысячу лѣтъ назадъ въ Европѣ была монархія; ужъ тогда Европа разбилась на могучихъ собственниковъ и на безсильныхъ рабовъ, не имѣвшихъ земельной собственности; ужъ тогда было положено въ ней начало того экономическаго и политическаго неравенства, которое привело и къ пролетаріату и вызвало соціализмъ. Европа попыталась было выйти изъ своего крайняго положенія, но партія привиллегированныхъ людей была слишкомъ сильна; вѣковыя традиціи были слишкомъ крѣпки и въ народѣ и въ тамошнемъ мѣщанствѣ; а соціальныя теоріи настолько смуты и слабы своей организаціонной стороной, что 1848 годъ долженъ былъ привести къ неудачѣ. А этой то неудачи струсили и наши западники, и наши доморощенные политико-экономы. Припомните, какъ легко Рошеръ рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. И съ нѣмецкой точки зрѣнія дѣло не могло быть рѣшено иначе. Отчего же нашъ народъ недоволенъ царской милостью, недоволенъ тѣмъ, отъ чего нѣмцы пришли бы въ восторгъ? А недоволенъ народъ потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльческой общины. Ему нужно равенство правъ и владѣнія; онъ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ законность такого

порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ. Въ Европѣ сидятъ еще и до сихъ поръ остатки феодальнаго права; а мы его не знали и не знаемъ; наше дворянство, наши помѣщики не европейская аристократія; наши — просто незаконнорожденная власть, вышедшая изъ того же народа, искусственно созданная императорской властью и особенно расплодившаяся со временъ Екатерины II; она должна осѣсть въ народъ и осядетъ съ паденіемъ власти императорской. Неудача 1848 года, если что-нибудь и доказываетъ, такъ доказываетъ только одно — неудачу попытки для Европы; но не говоритъ ничего противъ невозможности другихъ порядковъ у насъ въ Россіи. Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земледѣльческая община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ея намъ на десятки тысячъ лѣтъ. Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастія, ея безвыходное положеніе — урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти. До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своей жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А, между тѣмъ, русская мысль зрѣла, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ не ладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени. Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того, ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдывали и проповѣдуютъ намъ нашъ профессоръ-правительство и разные послѣдователи Рошера и Гнейста. Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стремленій; значитъ она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы, русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новинѣ и нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлять свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлилась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно — и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха предъ будущимъ, какъ у западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повто-

рять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика. Если для осуществленія нашихъ стремленій — для раздѣла земли между народомъ пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно. Вспомните сколько народу потеряли мы въ польскую и венгерскую войны. И для чего? Изъ капризовъ Николая, и не только безъ всякихъ выгодъ, но на позоръ всей страны. Вспомните, что крымская война стоила намъ 300 000 народу, что она разорила цѣлый край, что ввела насъ въ громадный долгъ, а развѣ мы испугались ея? Нѣтъ, хоть она и стоила намъ лучшихъ силъ страны. А развѣ наше дворянство лучшая рабочая сила страны? Нѣтъ. До сихъ поръ оно стояло враждебно къ народу, оно было именно тѣмъ осадкомъ общества, куда уходило все сочувствующее царской власти, все лакействующее, все ничего не дѣлающее, все, притѣсняющее народъ, все своекорыстное, все вредное для Россіи. Дворянство представляло у насъ постоянно элементъ болѣе чѣмъ консервативный. Но намъ могутъ замѣтить, что наше образованіе шло изъ дворянства, что лучшіе люди были изъ этого сословія. Во-первыхъ, это не совсѣмъ правда. А Ломоносовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій? Во-вторыхъ, лучшее, что выходило изъ дворянства, тотчасъ же отдѣлялось отъ него и становилось на сторону угнетеннаго народа. При разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ дворянство, и изъ него такъ называемая старая аристократія, показало еще разъ, что можетъ ожидать отъ него Россія. Мы увидѣли еще разъ и убѣдились окончательно, что это партія плантаторовъ, что это помѣха Россіи на пути ея развитія. Нравственныя силы Россіи, если онѣ даже и изъ этого источника, онѣ не принадлежатъ и не могутъ принадлежать дворянской партіи: онѣ составляютъ свое особое сословіе, свой кругъ, непризнанный правительствомъ, враждебный ему и дворянству, дружественный народу. Что народное, что сильно своей внутренней силой, что составляетъ нравственное украшеніе страны, то не дворянское, не правительственное. Ни одинъ человѣкъ, способный различить только сѣрое отъ чернаго, не примкнетъ къ правительственной партіи, не пойдетъ въ привиллегированное сословіе, не воспользуется своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и титуломъ для притѣсненія народа, для своихъ узкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не ту пору мы переживаемъ. Современный честный русскій не можетъ быть другомъ правительства. Онъ другъ народа. Все же враждебное народу, все эксплуатирующее его есть правительство; а все поддерживающее правительство и стремящееся не къ общему равенству правъ, а къ привиллегіямъ, къ исключительному положенію — есть дворянство и партія дворянская. Это врагъ народа, врагъ Россіи. Жалѣть его нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода. И что значитъ это привиллегированное сословіе, эта аристократія рожденія, аристократія физической силы, одна пользующаяся всѣми выгодами, работающая чужими руками? Въ чемъ ея способности, въ чемъ ея право на исключительность въ положеніи? Представьте себѣ, что внезапно, въ одинъ день, умираютъ всѣ

наши министры, всѣ сенаторы, всѣ чины государственнаго совѣта. Пусть вмѣстѣ съ ними умираютъ всѣ губернаторы, директоры департаментовъ, митрополиты, архіереи — однимъ словомъ, вся нынѣшняя служебная аристократія. Что теряетъ отъ этого Россія? Ничего. Черезъ часъ явятся новые министры, новый сенатъ, новый государственный совѣтъ; явятся новые губернаторы, директоры департаментовъ, архіереи и митрополиты — и колесо государственнаго управленія пойдетъ до того по старому, что Россія и не замѣтитъ никакой перемѣны. Представьте, что въ одно время съ ними умираютъ всѣ тунеядствующіе вельможи, великіе князья и княжны, всѣ лакированные флигель-адъютанты, фрейлины, всѣ штатсъ-дамы — весь придворный штатъ. Разумѣется, потеря эта, какъ и всѣхъ министровъ, взятая съ общей человѣческой точки зрѣнія, принесетъ много огорченій родственникамъ, оставшимся въ живыхъ, — но и только. На мѣсто умершихъ найдется немедленно неменьшее число людей, способныхъ заниматься тѣмъ же и черезъ часъ такіе же лакированные адъютанты и фрейлины наполнятъ снова дворъ, и если государь вздумалъ бы назначить вечеромъ балъ, то едва ли бы и самъ онъ замѣтилъ перемѣну въ лицахъ. Новые флигель-адъютанты танцовали бы съ неменьшимъ искусствомъ, какъ и прежніе, шеи новыхъ фрейлинъ были бы также плѣнительны, улыбки ихъ также очаровательны, разговоры ихъ также пусты, какъ и прежнихъ, и въ общемъ характерѣ не было бы замѣтно никакой перемѣны. Представьте, что вмѣстѣ съ министрами и фрейлинами умираетъ все наше старое дворянство, вся аристократія происхожденія, всѣ ничего не дѣлающіе помѣщики. Пусть даже число новыхъ покойниковъ будетъ сто тысячъ. И эту потерю Россія не замѣтитъ. Черезъ часъ царь можетъ создать новыхъ помѣщиковъ, надѣлать новыхъ графовъ и князей. Развѣ не всякій на это способенъ? Такимъ образомъ, внезапная потеря болѣе ста тысячъ людей, признаваемыхъ правительствомъ полезными и необходимыми ему, не только не повредитъ Россіи, напротивъ, принесетъ народу пользу, избавивъ его отъ необходимости кормить тунеядцевъ. Но вотъ картина мѣняется. Министры съ ихъ товарищами живы и здоровы, сенатъ и государственный совѣтъ тоже, а съ ними и все ничего не дѣлающее столбовое дворянство; фрейлины и флигель-адъютанты танцуютъ, камеръюнкеры и камергеры прислуживаютъ за царскимъ столомъ; однимъ словомъ, все идетъ такъ, какъ идетъ теперь; все безполезное населеніе Россіи живо и здорово, но умираетъ аристократія мысли, умираютъ литераторы, поэты, ученые, художники, фабриканты, т. е. тѣ люди, которыя производятъ вещи полезныя для страны и снабжаютъ ее предметами наиболѣе нужными, въ произведеніяхъ которыхъ высказывается геній и всѣ способности народа, которые составляютъ гордость и славу націи. Что станется тогда съ Россіей? И сколько нужно времени, чтобы возстановить ея потерю? Ни фрейлины, ни сенаторы, ни архіереи, ни митрополиты, ни члены государственнаго совѣта и флигель-адъютанты не въ состояніи быть литераторами, художниками, учеными, фабрикантами. Что станется съ страной, постигнутой та-

кимъ страшнымъ бѣдствіемъ, лишенной всей нравственной силы? Что станутъ дѣлать столбовые дворяне, министры, фрейлины, митрополиты и флигель-адъютанты? Царю останется одно — поселиться съ ними особой колоніей подъ Петербургомъ и возращать картофель. Да, пожалуй, и этого будетъ не нужно. И странное дѣло, эта клейменная неспособность, окружающая царя, эта дворянская партія, представители выгоднаго для нихъ консерватизма думаютъ, что народъ нельзя предоставить самому себѣ, что ему нужно дать нянекъ. Жалкіе мыслители, хотя и послѣдовательные, вы не хотите дать народу свободу, потому что и для себя самихъ вы видите возможность только одного положенія — холопства. Но кто же далъ вамъ право переносить свое тупоуміе и безсердечіе на весь народъ? Кто сказалъ вамъ, что всѣ должны быть лакеями, потому что вы лакеи? что ни у кого не должно быть собственной воли, потому что вы тупоумны? Вы говорите, что народъ не созрѣлъ. Да что значитъ зрѣлость? Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы понимать удовольствіе ходить въ просторныхъ сапогахъ, чтобы перемѣнить узкій сапогъ на широкій? Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы отличить справедливость отъ безсудія? чтобы чувствовать потребность дышать свѣжимъ воздухомъ, ѣсть, пить, мыслить и, слѣдовательно, свободно выражать свои желанія и мысли? Или вы думаете, что все это не есть органическая потребность человѣка? Или вы думаете, что нашъ крестьянинъ безчувственъ ко всему этому? Что его нужно пріучать постепенно къ справедливости и правдѣ? Что въ дѣлѣ народнаго грабежа и разоренія нужно сходить на нѣтъ постепенно? Что, если съ крестьянина брали въ годъ по лишнему волу, то не слѣдуетъ прекращать грабежъ вдругъ, а убавлять ежегодно порцію — сначала корову, потомъ теленка, барана, овцу, курицу, цыпленка, куриное яйцо — и даже въ этомъ дѣлѣ вести крестьянина путемъ переходнаго состоянія, какъ это сдѣлали съ волей? Да, вѣдь, это безсмыслица! Что же вы хотите? могутъ, наконецъ, спросить насъ. Вы говорите о скудоуміи власти, но кто же этого не знаетъ? Тѣмъ хуже для насъ. Мы знаемъ, мы видимъ все умственное и нравственное ничтожество власти и мы терпимъ ее. Кому нравится это, пусть остается въ ярмѣ; но кто проснулся и дозрѣлъ до пониманія человѣческаго достоинства, въ комъ есть хоть искра гражданскаго мужества, гражданской доблести, пусть сброситъ съ себя цѣпи, пусть пристаетъ къ людямъ, ищущимъ свободы, пусть число свободныхъ людей растетъ все больше, пусть они тѣснѣе пристаютъ одинъ къ другому и, наконецъ, потребуютъ перемѣны существующихъ порядковъ. Къ этимъ-то людямъ свободы мы и обращаемся — они поймутъ насъ, чего мы хотимъ! Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть изъ самихъ насъ — выборная и ограниченная. Мы хотимъ свободы слова, т. е. уничтоженія всякой цензуры. Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія. Если крестьяне имѣютъ это право, если они избираютъ сами

отъ себя старшинъ и головъ, если общинамъ предоставлено право гражданскаго суда и полицейской расправы, зачѣмъ же этими правами выборнаго начала и самоуправленія не пользуется вся остальная Россія? Или все остальное населеніе хуже понимаетъ свои потребности и потребности страны? Или въ немъ меньше смыслу, чѣмъ въ земледѣльческомъ населеніи? Нѣтъ, этого не скажетъ наше правительство. Оно дало крестьянамъ волю потому, что боялось крестьянскихъ топоровъ; но насъ никто и никогда не боялся. Теперь же мы сильнѣе, и мы хотимъ послѣдовательнаго развитія началъ народнаго управленія. Наша сельская община есть основная ячейка, собраніе такихъ ячеекъ есть Русь. Вездѣ должно проходить одно начало. Вотъ что намъ нужно: Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинаковыми правами, чтобы привиллегированныхъ сословій не существовало, чтобы право на высшую дѣятельность давали способности и образованіе, а не рожденіе; чтобы назначенія въ общественныя должности шли изъ выборнаго начала. Мы не хотимъ дворянства и титулованныхъ особъ. Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы денежные сборы съ страны не шли неизвѣстно куда; чтобы ихъ не крали; чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ. Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи — явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія. Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины, т. е. или приписаться къ общинѣ существующей, или нѣсколько гражданъ могли бы составить новую общину. Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами чрезъ большіе сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общиннаго владѣнія землей есть заблужденіе, пусть она кончится сама собой; умретъ вслѣдствіе собственной несостоятельности, а не подъ вліяніемъ экономическаго ученія Запада. Мы хотимъ, чтобы 9 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель европейской Россіи (оброчныя статьи) были отданы дворовымъ людямъ, пущеннымъ манифестомъ 19 февраля по міру. Мы хотимъ уничтоженія переходнаго состоянія освобожденныхъ крестьянъ; мы хотимъ, чтобы выкупъ всей личной земельной собственности состоялся немедленно. Если операцію эту не въ состояніи взять на себя правительство, пусть возьмутъ ее всѣ сословія страны. Это путь мирный; и мы хотѣли бы, разумѣется, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу. Если изъ пустого честолюбія Наполеонъ I перебилъ на своемъ вѣку 8 милліоновъ народу, что значитъ какая-нибудь сотня людей, когда этой жертвой покупается счастье народа! Но и до этой

цифры не дойдетъ. Стоитъ сдѣлать одинъ примѣръ съ тѣми, кто не идетъ на добровольную уступку — остальные согласятся. Но, вѣдь, это насиліе, скажутъ сторонники настоящаго порядка. А какъ назовете обращеніе 20 милліоновъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ? или послѣднюю муравьевскую кражу? Развѣ это не было хуже, чѣмъ грабежъ народа? Мы не предлагаемъ такого грабежа, мы только хотимъ возвратить вполнѣ права тѣмъ, отъ кого они были отняты. Мы хотимъ полнаго уничтоженія слѣдовъ крѣпостного права, уничтоженія развитаго имъ неравенства въ землевладѣніи; мы хотимъ полнаго обновленія страны. Мы хотимъ уничтоженія мѣщанства, этой неудавшейся русской буржуазіи, выдуманной Екатериной II. И какіе они tiers-état! Тѣ же крестьяне, какъ и всѣ остальные, но безъ земли, бѣдствующіе, гибнущіе съ голоду. Имъ должна быть дана земля. Мы хотимъ сокращенія расходовъ на безполезную громадную армію. Она стоитъ намъ болѣе 100 милліоновъ деньгами, да военныя натуральныя повинности, падающія на народъ, стоятъ почти столько же (90 милліоновъ). А чего стоитъ потеря въ рабочей силѣ, оторванной отъ плуга и отъ верстака? Насколько долженъ народъ усилить свои занятія, чтобы трудящіеся люди работали за ничего не дѣлающую армію? Въ армію берутъ лучшихъ людей, и люди эти дѣлаются совсѣмъ безполезными для своей страны на всю жизнь. Прослуживъ 25 лѣтъ, отставной солдатъ дѣлается неспособнымъ къ сельскимъ занятіямъ, отъ которыхъ его оторвали. Онъ идетъ или по миру — какъ искалѣченные севастопольскіе герои — или въ сторожа, швейцары, въ легковые извозчики. А зачѣмъ намъ гвардія? Для защиты зимняго дворца и царской семьи ея слишкомъ много. И что такое гвардія? Военное дворянство? Но это вздоръ: или всѣ — гвардія, или всѣ армія — всѣ граждане равны, обязанности всего военнаго сословія одинаковы, а потому нѣтъ привилегій. Мы хотимъ, чтобы офицеры арміи и гвардіи поняли свое истинное назначеніе; чтобы они поняли, что они не царское войско, исполняющее капризы императорской власти, а народная стража; что они служатъ не на угнетеніе слабаго, а на его защиту противъ обидъ сильныхъ и власти, эксплуатирующей его трудъ и время. Непохвальна роль, которую играло до сихъ поръ русское войско. Оно рубило поляковъ, рубило венгерцевъ, оно участвовало во всѣхъ злодѣяніяхъ русскихъ императоровъ. Для него не существовало родной земли, родного народа. Его кумиромъ былъ царь и волю его оно исполняло свято — оно рѣзало свой народъ, когда этого хотѣлось царю; оно было палачемъ и тюремщикомъ Россіи. Солдатъ прикрывается присягой, которую онъ не понимаетъ, и солдату это прощается, потому что онъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ. Но чѣмъ можете оправдывать себя вы, господа офицеры? Вы учились кое-чему, вы развитѣе рядовыхъ солдатъ, вы понимаете смыслъ присяги, вы должны знать, что васъ призвали на защиту страны своей, а не на ея угнетеніе. Вы говорите, что сердце у васъ обливалось кровью, когда вамъ приходилось бить венгерцевъ — такъ зачѣмъ же вы ихъ били? Вы не хотѣли дружиться съ австрійцами. Зачѣмъ же вы съ ними дружились? Мы

видѣли сѣдыхъ казаковъ, которые до сихъ поръ рыдаютъ, какъ дѣти, разсказывая исторію съ графиней Платеръ — постыдную казнь, выдуманную злодѣемъ Николаемъ. А нынче: народу дали полусвободу, не растолковали дѣла, онъ недоволенъ, и васъ шлютъ стрѣлять и бить безоружныхъ, и вы, храброе русское войско, хладнокровно стрѣляете въ безоружныхъ. Вотъ на что употреблялось наше войско. Позоръ ему! Пора кончить эту постыдную роль. Пора вспомнить о службѣ отечеству. Пора перестать быть царской стражей. Вотъ почему мы хотимъ, чтобы наше войско было не императорская гвардія, а стража народная. Тогда въ минуту возстанія угнетеннаго народа, когда страна потребуетъ своихъ правъ и войско не забудетъ, что оно было игрушкой власти, ея слѣпымъ и позорнымъ орудіемъ, и оно не забудетъ предъявить свои требованія и встанетъ на сторонѣ народа, а не на сторонѣ общаго врага. И неужели вы думаете, что итти противъ французовъ и англичанъ, какъ это было въ послѣднюю войну, менѣе опасно, чѣмъ сказать: нѣтъ, мы не хотимъ итти противъ своихъ — и не тронуться съ мѣста? Васъ гнали на вѣрную смертъ и вы шли; а тутъ приходится сказать только „нѣтъ“ — и вы не смѣете! Никто еще не укорялъ русскихъ офицеровъ и солдатъ въ недостаткѣ военнаго мужества, но за то и никто не находилъ въ нихъ мужества гражданскаго. Ужъ если въ васъ не найдется силы сказать: „нѣтъ“ — идите; но первый залпъ, который вамъ велятъ сдѣлать въ своихъ, сдѣлайте въ тѣхъ, кто вамъ велитъ это сдѣлать — и ужъ за одно это благословитъ васъ народъ. Мы хотимъ, чтобы срокъ службы солдату не была цѣлая вѣчность, убивающая въ немъ всѣ гражданскія способности, всѣ человѣческія силы, дѣлающая его никуда негоднымъ въ отставкѣ. Мы хотимъ, чтобы солдатъ шелъ въ службу охотой, чтобы она представляла ему выгоды, чтобы срокъ службы былъ 3—5 лѣтъ, чтобы солдатъ не отрывался окончательно отъ своей родной избы, чтобы онъ уходилъ только на время и послѣ службы возвращался въ свою семью, чтобы послѣ службы онъ оставался тѣмъ же селяниномъ, какъ и до рекрутства, чтобы онъ получалъ жалованье не только достаточное для его текущихъ потребностей, но чтобы онъ могъ посылать коечто домой, а не тянуть изъ дому послѣднюю копѣйку. Пусть наше войско будетъ ополченіемъ; пусть каждая губернія составляетъ свою дружину. Не зачѣмъ солдату уходить въ мирное время за тысячу верстъ отъ своего дома. Мы хотимъ сокращенія расходовъ на все управленіе; мы хотимъ уничтоженія вредныхъ для народа управленій, какъ министерство государственныхъ имуществъ, министерство двора, удѣльное управленіе. У народа есть и головы и старшины, есть, наконецъ, здравый смыслъ, въ который вѣруетъ и само правительство. Къ чему послѣ этого еще управляющіе палатами и конторами, окружные и депутаты? А къ чему двору цѣлое министерство? Домовыя конторы, да расходчики, вотъ все, что нужно для дворцовъ. Народу все это слишкомъ тяжело, вѣдь, онъ, а не кто другой платитъ за все это. Мы хотимъ сокращенія расходовъ на царскую фамилію. Зачѣмъ какому-нибудь великому князю 130 лошадей, когда люди не ме-

нѣе порядочные и уже, разумѣется, болѣе полезные, довольствуются вполнѣ парой. Зачѣмъ на дворъ тратится 50 милліоновъ въ годъ, когда за десятую часть этой суммы можно имѣть людей, знающихъ лучше свое дѣло и дѣйствительно полезныхъ странѣ? Крѣпостное право кончилось, а съ нимъ должно кончиться и барство и всякія помѣщичьи замашки — дворовые, дворцы, дворы. Мы хотимъ освобожденія изъ казематовъ и возвращенія изъ ссылки всѣхъ осужденныхъ за политическія преступленія; мы хотимъ возврата на родину всѣхъ политическихъ выходцевъ. Наконецъ, мы хотимъ совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ. Напримѣръ: „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ". Что за клевета на Бога и совѣсть! Въ этомъ можно увѣрять только китайцевъ и турокъ, да и тѣ едва ли вѣрятъ подобной баснѣ. Странно навязывать подобное вѣрованіе народу, у котораго 9 милліоновъ сектантовъ, не признающихъ царя. А между тѣмъ во всемъ сводѣ проходитъ эта мысль — вездѣ благоговѣніе передъ властью и сословное неравенство. Понятно, что мы хотимъ измѣненія основныхъ законовъ и очистки всѣхъ остальныхъ. Но кому мы указываемъ эту програму? Кто станетъ ее выполнять? Гдѣ у насъ люди, понимающіе свои гражданскія и человѣческія права и способные предъявить свои требованія? Дворянство? Нѣтъ, въ дворянство мы не вѣруемъ — оно показало уже свое безсиліе, непониманіе своихъ выгодъ и неумѣнье пользоваться обстоятельствами. Когда государь сказалъ имъ: „я хочу, чтобы вы отказались отъ своихъ правъ на крестьянъ"; имъ слѣдовало отвѣтить: „государь, мы согласны, но и вы должны тоже отказаться отъ безусловной власти; вы ограничиваете насъ, мы хотимъ ограничить васъ". Это было бы послѣдовательно, и въ рукахъ дворянства была бы конституція. Дворянство струсило, въ немъ не достало единодушія и теперь очередь не за нимъ. Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій; за тѣмъ всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола — чиновники, эти несчастные фабричные канцелярій, обреченные на самое жалкое существованіе и зависящіе вполнѣ отъ личнаго произвола своихъ штатскихъ генераловъ; войско, находящееся совершенно въ такомъ же положеніи и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19-е февраля 1861 года открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату. Обращаемся еще разъ ко всѣмъ, кому дорого счастіе Россіи, обращаемся еще разъ къ молодому поколѣнію. Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство въ тихомолку или разсказывать все одни и тѣ же разсказы объ однѣхъ и тѣхъ же плутняхъ разныхъ Муравьевыхъ. Довольно корчить либераловъ; наступила пора дѣйствовать. И кто выдумалъ, что правительство сумѣетъ сдѣлать что-нибудь нужное само по себѣ? Съ какой стороны вы ждете еще доказательствъ способности правительства и желанія его сдѣлать что-нибудь полезное для Россіи? Откуда ваши надежды?

Или вамъ мало историческаго прошлаго Россіи? Не питайте въ себѣ пустой надежды, этого предательскаго, усыпляющаго чувства; не переносите своихъ благородныхъ стремленій на ватагу негодяевъ, называемыхъ русскими министрами и русскимъ правительствомъ. Или вы не видите, что власть и скудоумна, и смѣется надъ вами? Вы зовете Муравьева въ тихомолку трехпрогоннымъ, называете его казнокрадомъ; заграничныя изданія публикуютъ его продѣлки, а онъ въ то же время прибираетъ къ себѣ 22 тысячи десятинъ лучшей земли Россіи. Нѣтъ, съ такими господами нечего церемониться; пора съ ними кончить, пора приступить къ дѣлу теперь же, не теряя ни минуты. Говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть: насъ милліоны, а злодѣевъ сотни. Стащите съ пьедестала, въ мнѣніи народа, всѣхъ этихъ сильныхъ земли, недостойныхъ править нами, объясните народу всю незаконность и развратъ власти, пріучите солдатъ и народъ понять ту простую вещь, — что изъ разбитаго генеральскаго носа течетъ такая же кровь, какъ и изъ носа мужицкаго. Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, наше дѣло и въ одинъ годъ подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами къ той роли, какую вамъ придется играть; зрѣйте въ этой мысли, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, и на славную смерть за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14 декабря! Вѣдь, въ комнатѣ или на войнѣ, право, умирать не легче!

Отрывки изъ записокъ М. Л. Михайлова.

I.

Въ запискахъ поэта Михаила Ларіоновича Михайлова разсказывается довольно подробно исторія его ареста, заключенія въ Петропавловскую крѣпость и ссылки въ Сибирь. Первый домашній обыскъ былъ произведенъ у Михайлова вскорѣ же по возвращеніи его изъ заграницы, утромъ 1 сентября 1861 г. Обыскъ производили полиціймейстеръ Золотницкій, жандармскій полковникъ Ракѣевъ и мѣстный квартальный, — при чемъ были взяты портретъ Герцена съ автографомъ и нѣсколько брошюръ заграничнаго изданія, не имѣвшихъ серьезнаго значенія. Когда почти вслѣдъ за удаленіемъ неожиданныхъ гостей Михайловъ поѣхалъ въ III Отдѣленіе, чтобъ узнать о причинѣ обыска, завѣдывавшій отдѣленіемъ графъ П. А. Шуваловъ сказалъ ему, что на него есть сильное подозрѣніе по дѣлу московскихъ студентовъ, у которыхъ была открыта тайная типографія, но что, такъ какъ дѣло это передано изъ III отдѣленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то онъ — Михайловъ — оттуда именно и получитъ своевременно вопросные пункты. Только на слѣдующій день, за-

шедши къ Н. С. Курочкину, Михайловъ узналъ объ арестѣ Всеволода Костомарова, о распространеніи по Петербургу извѣстнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и о томъ, что у Михайлова искали именно экземпляры этого воззванія. Михайлову еще „не приходило и въ голову“, какъ онъ пишетъ, что главнымъ виновникомъ постигшей его непріятности былъ никто другой какъ Вс. Костомаровъ. Хотя онъ и принялъ кое-какія мѣры предосторожности, въ виду возможности новаго обыска, но въ общемъ его „мало тревожили“ распространившіеся по городу слухи о томъ, что его могутъ арестовать. Новый обыскъ, болѣе тщательный, былъ у него произведенъ 14 сентября; на этотъ разъ онъ касался и половины Шелгуновыхъ, жившихъ въ одной съ нимъ квартирѣ. Чтобы судить объ обстановкѣ, въ какой производился этотъ второй обыскъ, достаточно сказать, что кромѣ двухъ жандармскихъ полковниковъ (Щербацкаго и Житкова) и пристава Путилина. въ немъ участвовало десять человѣкъ жандармскихъ и полицейскихъ солдатъ, „баба Аграфена“ и четыре сыщика съ двумя понятыми. Обыскъ производился съ 5 час. утра чуть не до 1 часу дня. Несмотря на то, что — какъ и въ первый разъ — ничего особеннаго не было найдено, полковникъ Житковъ объявилъ Михайлову послѣ обыска, что „принужденъ пригласить его съ собой“. „Я былъ сильно встревоженъ, когда мнѣ пришлось прощаться со всѣми.... У меня точно было предчувствіе, что дѣло разыграется именно такъ глупо, какъ разыгралось,“ разсказываетъ Михайловъ въ своихъ запискахъ, написанныхъ уже въ ссылкѣ — въ Нерчинскомъ округѣ. Первоначально онъ былъ помѣщенъ въ одинъ изъ казематовъ при III отдѣленіи у Цѣпного моста. Это была его первая тюрьма, изъ оконъ которой видны были только крыши да трубы сосѣднихъ домовъ.... Въ тотъ же день, въ сумерки, вновь арестованный былъ приглашенъ въ экспедицію (2-ую) для допроса. Когда Михайловъ спросилъ, въ чемъ же именно его подозрѣваютъ, встрѣтившій его въ экспедиціи чиновникъ (Горянскій) отвѣчалъ: „На васъ падаетъ сильное подозрѣніе, во-первыхъ, въ сочиненіи прокламаціи „Къ крѣпостнымъ людямъ“. во-вторыхъ, въ провозѣ изъ заграницы другого печатнаго произведенія „Къ молодому поколѣнію“ и въ распространеніи его. . . .“ Въ отвѣтъ на вопросъ, на чемъ основывается подобное подозрѣніе, Михайлову было показано письмо Всев. Костомарова къ Ростовцеву, въ которомъ говорилось, что „на него — Вс. Костомарова — сдѣланъ доносъ его собственнымъ братомъ и при этомъ украдены рукописи, изъ коихъ одна писана рукою М. Михайлова и можетъ его сильно компрометировать.“ Для Михайлова не подлежало теперь сомнѣнію, что онъ сдѣлался жертвой доноса со стороны Вс. Костомарова, который уже давно не пользовался его симпатіями и довѣріемъ. Чтобъ не впутывать въ дѣло другихъ, Михайловъ призналъ, что онъ дѣйствительно привезъ изъ заграницы десять экземпляровъ воззванія „Къ молодому поколѣнію“, но не распространялъ ихъ, а — опасаясь отвѣтственности — уничтожилъ всѣ, кромѣ одного экземпляра, который и видѣлъ у него Всев. Костомаровъ. Изъ экспедиціи Михайловъ былъ позванъ въ ка-

бинетъ гр. Шувалова, который повторилъ ему почти тѣ же вопросы, что и Горянскій, прибавивъ при этомъ: „Вы привезли съ собой не десять экземпляровъ, какъ говорите, это что — пустяки! Изъ-за этого васъ бы нечего и преслѣдовать.... Вы привезли воззваніе въ большомъ количествѣ и распространяли со своими пріятелями. У меня есть очень вѣрныя данныя. Одному Костомарову вы предлагали для Москвы 100 экземпляровъ. Вѣдь предлагали?“... Когда Михайловъ отвѣтилъ отрицательно, былъ приглашенъ въ ту же комнату и Костомаровъ. Михайловъ и въ его присутствіи повторилъ, что онъ не могъ предложить ему 100 экземпляровъ, потому что у него самого ихъ было всего десять, да и ихъ Костомаровъ не видѣлъ у Михайлова, а видѣлъ всего одинъ экземпляръ, что подтвердилъ и самъ Костомаровъ въ присутствіи Шувалова. То же, что и на словахъ, отвѣтилъ Михайловъ и письменно на предложенные ему вопросные пункты. Первая ночь, проведенная Михайловымъ въ заключеніи, прошла почти безъ сна; до того онъ былъ взволнованъ и потрясенъ всѣмъ происшедшимъ въ теченіе этого памятнаго для него дня — 14 сентября. Потянулись однообразные скучные дни, похожіе — какъ двѣ капли воды — одинъ на другой. День проходилъ слѣдующимъ образомъ: Михайловъ вставалъ утромъ около 7—8 часовъ и пилъ чай, къ которому полагалась 3 коп. булка. До обѣда, подававшагося сперва въ 12—1 ч., а потомъ, по просьбѣ заключеннаго, позже — въ 4—5 час., къ нему почти ежедневно заходилъ кто-нибудь изъ начальства. Интереснѣе всѣхъ были, повидимому, визиты смотрителя тюрьмы — кап. Зарубина. Онъ былъ большой театралъ, бывалъ на каждой новой пьесѣ и охотно разсказывалъ Михайлову о театральныхъ новостяхъ. Иногда онъ вдавался и въ политику, жалуясь на бездну хлопотъ по III отдѣленію и стараясь блеснуть передъ молодымъ писателемъ своимъ либерализмомъ. „Все такъ было хорошо, говорилъ онъ: сколько времени всѣ №№ стояли пустыми, а теперь не знаешь, куда дѣвать всѣхъ, кого арестуютъ. Правительство идетъ по немножку впередъ, разсуждалъ капитанъ, но нельзя же все вдругъ. А вы, господа-прогрессисты, очень ужъ торопитесь. Все бы вамъ сразу“.... Прислуживавшій Михайлову сторожъ былъ добрый малый и часто утѣшалъ тоскующаго арестанта, замѣчая, что тотъ почти ничего не ѣлъ въ первые дни своего заключенія. „Вы не огорчайтесь, ваше выс—діе, говорилъ онъ: что ни Богъ, что ни Богъ, ваше выс—діе! У насъ иные и по десяти мѣсяцевъ сидѣли, да на волю выходили, что ни Богъ, ваше выс—діе!...“ „Не было почти дня, пишетъ Михайловъ въ своихъ запискахъ, чтобъ у меня не болѣла голова и не билось сердце до тошноты.“ Продолжалъ онъ мучиться и безсонницей. Такъ какъ заключеннымъ разрѣшалось имѣть бумагу и перья, то Михайловъ пробовалъ иногда писать, но писать оказывалось еще труднѣе, чѣмъ читать: только сильнѣе разбаливалась и тяжелѣла голова. Тогда онъ по цѣлымъ часамъ ходилъ по своему каземату изъ угла въ уголъ и считалъ сдѣланные концы, которыхъ иногда набиралось до полутора тысячъ въ день.... Въ такомъ томительно-неопредѣленномъ положеніи дѣла прошло около двухъ недѣль. До

какой степени далеки отъ истины были тѣ „вѣрныя данныя", какими располагала тайная канцелярія, на основаніи показаній Костомарова, относительно Михайлова, можно видѣть хотя бы изъ того, что его обвинили, между прочимъ, въ томъ, что онъ читалъ приписываемую ему прокламацію Н. А. Серно-Соловьевичу еще въ рукописи, до отъѣзда своего въ Лондонъ, тогда какъ въ дѣйствительности Михайловъ познакомился съ Серно-Соловьевичемъ только по возвращеніи изъ своей заграничной поѣздки. Судя по словамъ чиновника Горянскаго, „нравственное убѣжденіе" III отдѣленія въ виновности Михайлова было такъ сильно, что отдѣленіе употребляло всѣ средства, чтобъ добраться до конца въ своихъ открытіяхъ. Въ отвѣтахъ на вопросные пункты, предложенные Костомарову, послѣдній говорилъ о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію", какъ о брошюрѣ Михайлова, и утверждалъ, что ни у кого и быть ея не могло въ Петербургѣ, кромѣ Михайлова; о числѣ привезенныхъ экземпляровъ онъ не упоминалъ, но въ то же время на вопросъ, зачѣмъ Михайловъ привезъ ихъ въ Россію, отвѣчалъ (вѣроятно, по его мнѣнію остроумно), что „конечно не съ тою цѣлью, чтобы оклеить экземплярами воззванія стѣны своего кабинета вмѣсто обоевъ..." Все это Костомаровъ подтвердилъ и при новой очной ставкѣ съ Михайловымъ. Такъ какъ продолженіе этой ставки грозило принять такой оборотъ, что могли быть скомпрометированы другія, близкія Михайлову лица, то послѣдній во избѣжаніе этого — нѣсколько измѣнилъ свое первоначальное показаніе и заявилъ, что онъ привезъ изъ заграницы не десять, а 150 экземпляровъ. То же самое онъ подтвердилъ потомъ и въ своихъ письменныхъ показаніяхъ, хотя впослѣдствіи, когда ему прочли эти показанія передъ судомъ, и сожалѣлъ о томъ, что слишкомъ поддался минутному настроенію, принявъ на себя много лишняго. „Только послѣ этого показанія, пишетъ онъ, я сталъ немного покойнѣе и по ночамъ пересталъ метаться безъ сна. . . . Признавъ за собою всю вину, я ужъ пересталъ тревожиться за спокойствіе другихъ. Другая тревога за себя была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тою. . . ." Кромѣ показаній въ III отдѣленіи, Михайлову пришлось давать свои показанія еще въ особой, слѣдственной комиссіи по дѣлу печатанія и распространенія московскими студентами запрещенныхъ сочиненій, — собиравшейся въ Петербургѣ, въ зданіи 1 адмиралтейской части на Большой Морской. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ д. ст. сов. Собѣщанскій, членами — Стороженко (съ которымъ Михайловъ встрѣчался раньше у Дружинина), фонъ-Визинъ и Любимовъ. На вопросъ по поводу взятыхъ у Вс. Костомарова рукописей, приписываемыхъ Михайлову, послѣдній отвѣтилъ въ комиссіи, что одна изъ рукописей дѣйствительно была переписана имъ, Михайловымъ, съ дурного списка, гдѣ былъ пропускъ, а другая случайно попала къ нему, какъ интересная новинка, ходившая въ то время въ Петербургѣ по рукамъ и переданная имъ — въ качествѣ таковой — Костомарову для прочтенія, и только. Во время своихъ визитовъ (ихъ было два) въ слѣдственную комиссію, Михайловъ узналъ, между прочимъ, что аре-

стованные по дѣлу типографіи московскіе студенты содержались при полиціи, а не въ III отдѣленіи, что нѣкоторые изъ нихъ были уже отпущены по домамъ, и что слѣдственная комиссія собиралась въ полномъ своемъ составѣ въ Москву для полученія нужныхъ свѣдѣній на мѣстѣ. Для того, чтобъ дѣло могло быть рѣшено въ административномъ а не судебномъ порядкѣ, Михайлову необходимо было, по совѣту вышеупомянутаго Горянскаго, написать прошеніе на Высочайшее имя, при чемъ Горянскій совѣтовалъ изложить дѣло какъ можно короче, въ формѣ письма къ Государю, говоря, что резолюція на такомъ письмѣ и рѣшитъ дѣло окончательно. „Безъ этого письма, утверждалъ Горянскій, вамъ нельзя будетъ избѣжать суда, который можетъ окончиться для васъ плохо, а — главное — что судъ не ограничится одними вами, а постарается притянуть и всѣхъ, кто только былъ съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ....“ Тотъ же совѣтъ о необходимости письма къ Государю повторилъ и ген. Кранцъ, навѣщавшій Михайлова въ его заключеніи нѣсколько разъ. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ ареста, т. е. 14 октября, Кранцъ пришелъ къ Михайлову утромъ и предложилъ ему написать это письмо немедленно же, говоря, что они ждутъ пріѣзда Государя въ III отдѣленіи съ часу на часъ. Судъ страшилъ Михайлова главнымъ образомъ тѣмъ, что къ нему будетъ призванъ и Костомаровъ, отвѣты котораго запутаютъ дѣло и бросятъ тѣнь на кого-либо изъ друзей Михайлова. Въ три часа дня, когда письмо было уже написано, Кранцъ еще разъ заѣхалъ къ Михайлову, сказалъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ къ гр. Шувалову, взялъ письмо въ карманъ и тотчасъ же ушелъ. Не прошло и получаса, разсказываетъ Михайловъ, какъ въ камеру явился Горянскій и объявилъ заключенному о преданіи его по Высочайшему повелѣнію суду и о переводѣ его изъ III отдѣленія въ Петропавловскую крѣпость. Тутъ только Михайловъ догадался, что ему предложено было написать указанное письмо, въ которомъ онъ подтверждалъ свое первоначальное показаніе, для того только, чтобъ онъ не могъ отказаться впослѣдствіи передъ судомъ отъ своего показанія. „Письмо считалось актомъ полнаго сознанія и отречься послѣ него отъ показанія — значило бы удвоить свою виновность.“ „Мы употребляли всѣ старанія, прибавилъ Горянскій, какъ бы оправдываясь, — чтобъ дѣло обошлось тише и не такъ ужасно для васъ, какъ оно — вѣроятно — кончится. Но въ городѣ было слишкомъ много толковъ и неудовольствія... Литераторы подавали адресъ объ освобожденіи васъ изъ-подъ ареста. На насъ идутъ такія нареканія. Выдумываютъ про III-е отдѣленіе Богъ знаетъ что, а вотъ — вы сами видѣли, есть ли на что жаловаться?...“ Часовъ въ семь вечера, когда уже совершенно стемнѣло, была подана карета, и Михайловъ, въ сопровожденіи кап. Зарубина, былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость. Переѣзжая мостъ, Михайловъ спросилъ, между прочимъ, у своего спутника, открытъ ли университетъ и выпущены ли арестованные студенты.—Гдѣ же такъ скоро ихъ разобрать! отвѣтилъ капитанъ.—Да ихъ сколько же взято? полюбопытствовалъ писатель.—Легко сказать, вѣдь больше 300 человѣкъ... было ему отвѣтомъ.

II.

Въ крѣпости Михайловъ былъ помѣщенъ въ такъ называемой „невской куртинѣ“. Всю дорогу отъ комендантской квартиры до куртины сопровождавшій его дѣлопроизводитель крѣпостной канцеляріи разговаривалъ съ нимъ: извинялся, что теперь у нихъ нѣтъ помѣщенія лучше — „все биткомъ набито“; говорилъ, что въ содержаніи заключенныхъ сдѣланы кое-какія „улучшенія“, что даютъ теперь утромъ и вечеромъ чай, чего прежде не было, что съ 1-го ноября и въ ночникахъ будетъ горѣть деревянное масло. „Нельзя же въ наше время, объяснялъ онъ, держаться старыхъ порядковъ.“... Помѣщеніе оказалось дѣйствительно не изъ важныхъ. Михайлова помѣстили въ камерѣ, гдѣ ранѣе — помѣщалось больничное отдѣленіе, — съ шестю кроватями. Стѣны были закоптѣлыя, съ примѣтами сырости; со свода висѣла бахромой паутина.... Два полукруглыхъ, довольно большихъ окна съ мелкимъ переплетомъ, закрашенныя снаружи, бѣлѣли въ глубокихъ темныхъ амбразурахъ, будто занесенныя снѣгомъ. Въ довольно широкомъ простѣнкѣ между окнами, изголовьемъ къ стѣнѣ стояла деревянная койка. На ней лежалъ парусинный мѣшокъ, скудно набитый соломой и прикрытый сверху грязной простыней. Наволочка подушки была такой же сомнительной чистоты. Около изголовья койки стоялъ небольшой столъ съ оловянной кружкой для воды и стулъ съ глухимъ деревяннымъ сидѣньемъ. Всѣ вещи, бывшія при Михайловѣ, были переписаны и отобраны, но книги почему-то оставлены. При воспоминаніи о крѣпостномъ заключеніи Михайлову всего живѣе представлялись впослѣдствіи тамошнія ночи. Ночь длилась особенно долго, потому что разсвѣтъ подъ низкими сводами каземата начинался поздно, — такъ въ исходѣ 10-го часа, а въ три и даже въ половинѣ третьяго нельзя уже было читать даже близко къ окну. Да и эти четыре-пять часовъ свѣтлаго промежутка нельзя было назвать днемъ, потому что сквозь закрашенныя стекла проникало только самое незначительное количество свѣта. Порядокъ дня былъ заведенъ слѣдующій. Поднимался съ постели заключенный довольно рано, обыкновенно часа за два до свѣта, и взамѣнъ ночника, обязательно горѣвшаго въ теченіе всей ночи, зажигалъ свѣчу, которая покупалась, разумѣется, на собственныя деньги. Часовъ около девяти, а иногда и позже, отворялась дверь каземата и арестанту приносили воду для умыванья и чай. Между чаемъ и обѣдомъ иногда заходилъ къ Михайлову комендантъ крѣпости или плацъ-адъютантъ. Первый былъ сухой и мало интересный формалистъ; заходя къ Михайлову, онъ ограничивался только краткими вопросами о его здоровье и о томъ, всѣмъ ли онъ доволенъ. Посѣщенія же добраго и любезнаго плацъадъютанта доставляли заключенному, повидимому, большое удовольствіе. Часовъ около двухъ подавался обѣдъ, состоявшій обыкновенно изъ двухъ блюдъ. Такъ какъ на содержаніе каждаго арестанта ассигновалось всего 11 коп. въ сутки, то само собой разумѣется, что крѣпостной столъ не отличался особенной роскошью. Вечеромъ подавался почти такой же, какъ и обѣдъ,

ужинъ. Такъ какъ кромѣ собственныхъ книгъ, бывшихъ съ нимъ, Михайлову давались для чтенія и журналы, то почти цѣлый день и часть ночи онъ проводилъ за чтеніемъ. Писать же по-прежнему у него не было охоты, да и бумаги комендантъ выдалъ молодому писателю всего одинъ листъ. . . . Настроеніе заключеннаго въ общемъ было, конечно, не изъ радужныхъ, но особенную тоску почувствовалъ онъ въ тотъ день, когда выпалъ первый снѣгъ. „Я отворилъ крохотную форточку, пишетъ онъ, и увидалъ, что комендантскій дворъ съ его голыми деревьями (только этотъ дворъ да окружавшій его сѣрый заборъ и видны были въ эту форточку) побѣлѣли. Помню, мнѣ живо представилась печальная и дальняя дорога, которой я и дѣйствительно не миновалъ. . . .“ Въ одну изъ прогулокъ Михайловъ вышелъ вмѣстѣ съ плацъ-адъютантомъ за ворота крѣпости и долго смотрѣлъ на угрюмый и сѣрый Петербургъ, виднѣвшійся на другомъ берегу Невы, прямо противъ крѣпости. . . . Не прошло и пяти дней со дня заключенія въ крѣпости, какъ обвиняемаго вызвали для допроса въ сенатъ. Когда Михайловъ вошелъ въ указанную ему комнату, то увидѣлъ сенаторовъ, сидѣвшихъ за длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и украшеннымъ зерцаломъ. Это были: знаменитый Бутурлинъ, Митусовъ, Карніолинъ-Пинскій, Карнѣевъ и Венцель. Двое изъ нихъ (Бутурлинъ и Венцель) были въ военныхъ мундирахъ, остальные — въ гражданскихъ. Сперва было прочтено отношеніе шефа жандармовъ, заключавшее въ себѣ Высочайшее повелѣніе о преданіи Михайлова, какъ государственнаго преступника, суду сената; затѣмъ показаніе Михайлова, препровожденное изъ тайной канцеляріи вмѣстѣ съ экземплярами листка „Къ молодому поколѣнію“. Судъ выразилъ свою снисходительность къ обвиняемому тѣмъ, что оберъ-секретарь прочелъ Михайлову вопросные пункты сперва всѣ сразу, а потомъ сталъ читать каждый пунктъ отдѣльно. Отвѣты давались сперва устно, а затѣмъ Михайловъ подходилъ къ стоявшему въ сторонѣ письменному столу и здѣсь записывалъ свои показанія. Ни одинъ изъ судей не спросилъ обвиняемаго ни о чемъ не находившемся въ „вопросныхъ пунктахъ“, которые большей частью начинались словами: „корнетъ Всев. Костомаровъ показываетъ, что . . .“ Для Михайлова было ясно, что такими показаніями Костомарова вся вина сваливается на него, Михайлова, и на московскихъ студентовъ. Стараясь въ своихъ отвѣтахъ оградить по возможности послѣднихъ, Михайловъ не выгораживалъ себя. Только на послѣднемъ „пунктѣ“ сен. Митусовъ спросилъ обвиняемаго, не ходилъ ли онъ въ казармы для возбужденію солдатъ къ неповиновенію и не ѣздилъ ли по деревнямъ, чтобъ подстрекать крестьянъ къ возстанію, на что Михайловъ отвѣтилъ отрицательно. Въ первыхъ числахъ декабря пріѣхала за Михайловымъ карета, чтобъ свезти его въ послѣдній разъ въ сенатъ для выслушанія приговора. Въ ожиданіи прочтенія послѣдняго, Михайловъ разговорился съ окружавшими его сенатскими чиновниками. Они сообщили ему, между прочимъ, что „съ его легкой руки“ начинается въ сенатѣ еще дѣло такого же рода, какъ и его. Новое дѣло было дѣло Вл. Обручева и его

товарищей, преданныхъ суду за распространеніе „Великоросса". Чтеніе приговора заняло довольно много времени. На мнѣніи Государственнаго Совѣта относительно наказанія Михайлова была положена Высочайшая резолюція: „ограничить каторгу шестью годами, а въ прочемъ — быть по сему". Михайловъ зналъ уже объ этой резолюціи раньше и, слѣдовательно, содержаніе ея не было для него неожиданнымъ. Когда, послѣ прочтенія приговора, онъ одѣвалъ въ передней пальто и калоши, его окружила толпа людей, въ числѣ которыхъ были и его друзья. Нѣкоторые изъ нихъ, когда Михайловъ проходилъ мимо, протиснулись впередъ и пожали ему руку. Прямо изъ сената его снова отвезли въ крѣпость. Еще послѣ третьяго допроса, около 20-го ноября, Михайлова перевели изъ невской куртины на главную гауптвахту. Плацъ-маіоръ говорилъ Михайлову, что это дѣлается для большаго его спокойствія; плацъ-адъютантъ — что его хотятъ удалить отъ студентовъ, которыхъ перевели въ это время въ невскую куртину. Новое помѣщеніе было гораздо лучше прежняго. Комната была меньше, но вмѣсто каменнаго свода былъ потолокъ, а въ стѣнѣ было большое свѣтлое окно, правда, забѣленное снаружи, какъ и въ куртинѣ, но въ окнѣ была форточка, въ которую видны были крѣпостныя ворота. Въ комнатѣ была печь, которая топилась изнутри и топка которой доставляла заключенному большое удовольствіе. Главное же достоинство новаго помѣщенія заключалось въ томъ, что номеръ отдѣлялся отъ кордегардіи караулкой. Все, что тутъ говорилось солдатами, было прекрасно слышно и въ помѣщеніи Михайлова. Прислушиваясь къ солдатскимъ разговорамъ, къ тому, что они читали, Михайловъ пришелъ, между прочимъ, къ убѣжденію, какъ нелѣпо сочинять какую-то особую литературу для солдатъ, для народа и т. д. Однажды дежурный ефрейторъ читалъ солдатамъ какой-то разсказъ о Петрѣ Великомъ, спеціально написанный для солдатъ. Тонъ разсказа, съ поддѣлкой подъ народный говоръ, не понравился слушателямъ, да и самое содержаніе казалось невѣроятнымъ. „Это такъ только для насъ написано", замѣчали нѣкоторые: а ничего этого и быть не могло". Зато всѣхъ приводило въ восторгъ чтеніе пушкинскихъ „Повѣстей Бѣлкина". Эти повѣсти читались въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ подърядъ, при чемъ особенно понравились слушателямъ „Барышня-крестьянка" и „Станціонный смотритель". Изъ своей форточки Михайловъ часто видѣлъ арестованныхъ студентовъ, такъ какъ крыльцо невской куртины приходилось какъ разъ противъ его окна. А разъ онъ даже явственно разслышалъ, какъ они говорили, указывая на него: „это, Михайловъ, кажется"... Послѣ окончанія дѣла въ сенатѣ, приговоръ долженъ былъ быть выслушанъ еще на площади, при особой церемоніи, составлявшей такъ называемую „публичную казнь". Дня за четыре до этого обряда Михайловъ простоялъ все утро у форточки и смотрѣлъ, какъ распускали студентовъ по домамъ. За студентами наѣхало множество саней во дворъ крѣпости. Молодежь сновала по крыльцу и подбѣгала къ подъѣзжавшимъ въ саняхъ родственникамъ и знакомымъ. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ проходили на

крыльцо, вѣроятно, затѣмъ, чтобы поглядѣть, какъ содержатся люди въ крѣпости. „Признаюсь, я позавпдовалъ этимъ юношамъ, выпархивающимъ па волю изъ тюремной западни“, замѣчаетъ по этому случаю Михайловъ въ своихъ запискахъ. Передъ „казнью“ обвиняемымъ предлагалось исповѣдаться и причаститься. Явившійся къ Михайлову для этой цѣли молодой священникъ (Мих. Архангельскій), бесѣдуя съ заключеннымъ на разныя душеспасительныя темы, разсказывалъ, между прочимъ, и о тѣхъ „ужасахъ“, которые ожидаютъ его, Михайлова, если онъ рѣшится на побѣгъ съ каторги или съ дороги туда. Такое предупрежденіе Михайловъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что, вѣроятно, въ городѣ циркулировали слухи о томъ, что его хотятъ освободить силою, отбивъ по дорогѣ у провожатыхъ. На исповѣди, совершенной въ крѣпостной церкви, о. Архангельскій также спрашивалъ у Михайлова, не сговаривался ли онъ съ кѣмъ о побѣгѣ. По окончаніи отслуженной затѣмъ обѣдни, комендантъ крѣпости пригласилъ Михайлова и священника къ себѣ въ кабинетъ и угостилъ ихъ горячимъ чаемъ съ ромомъ, что для Михайлова (да, вѣроятно, и для о. Архангельскаго) было весьма кстати, такъ какъ онъ сильно продрогъ въ нетопленой и потому холодной церкви. Въ тотъ же день, передъ сумерками, пріѣхалъ въ крѣпость къ Михайлову ген. Суворовъ, не задолго передъ тѣмъ назначенный петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ сообщилъ Михайлову, что въ скоромъ времени ему позволено будетъ видѣться съ его друзьями, которыхъ генералъ назвалъ всѣхъ поименно. Пообѣщавъ осужденному всевозможныя удобства въ предстоявшей ему далекой дорогѣ, Суворовъ выразилъ при этомъ свое сожалѣніе, что онъ не можетъ спасти Михайлова отъ кандаловъ, въ которыхъ тотъ и былъ отправленъ въ Сибирь. Между прочимъ, Суворовъ, разспрашивая Михайлова о Герценѣ и Долгоруковъ, замѣтилъ, что „Герценъ совсѣмъ не то, что издатель „Будущности“, потому что все, что ни пишетъ Герценъ все — такъ gentelmanlike (разговоръ происходилъ по-англійски), тогда какъ Долгорукій и бездаренъ, и мало видно въ немъ честности“... Покидая арестанта, ген. Суворовъ обѣщалъ ему заѣхать еще разъ — проститься, но изъ записокъ Михайлова не видно, было ли исполнено это обѣщаніе. 14-го декабря было произнесеніе приговора на площади, а на другой день Михайлову пришлось разстаться съ крѣпостью и двинуться въ далекій путь, который, какъ извѣстно, оказался для него безъ возврата. „Два мѣсяца, проведенные мною въ крѣпости, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, слились у меня въ памяти въ однообразный рядъ длинныхъ и скучныхъ дней, и только ярко свѣтится въ этихъ тюремныхъ потемкахъ нѣсколько отрадныхъ минутъ, о которыхъ пока я не въ правѣ говорить“...

Стихотвореніе, посланное Михайлову заключенными въ крѣпость студентами, и отвѣтъ на него Михайлова.

УЗНИКУ.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!
Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.
Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.
Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ.
Вѣрь, — плодъ взойдетъ, и наше время
Отмститъ сторицею врагамъ.
И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

ОТВѢТЪ МИХАЙЛОВА СТУДЕНТАМЪ.

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды, и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.
Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.
Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.
Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:
Будь борьба успѣшнѣй ваша
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ! . . .

Приписка Михайлова въ прозѣ: „Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ и не суждено воротиться.“

* * *

Кромѣ процесса Михайлова въ 1861 г. было еще два политическихъ дѣла: 1. дѣло о первыхъ тайныхъ типографіяхъ въ Россіи, по которому обвинялись Всеволодъ Костомаровъ (племянникъ извѣстнаго историка), Гольцъ-Миллеръ, Ильенко-Петровскій и др. и 2. дѣло П. Г. Зайчневскаго, обвинявшагося въ публичномъ произнесеніи революціонной рѣчи и за то сосланномъ въ каторжныя работы. Объ обоихъ этихъ дѣлахъ правительство не опубликовало рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Лишь изъ сенатской записки по дѣлу Н. Г. Чернышевскаго и обвинительнаго акта по дѣлу Андрущенко (которые мы помѣщаемъ ниже) можно извлечь кое-что — весьма немногое, — о дѣлѣ Гольцъ-Миллера и др. Кружку Зайчневскаго приписывается составленіе прокламаціи „Молодая Россія“, которую мы также воспроизводимъ ниже. **Редакція.**

1862 годъ.

Листокъ „Великоруссъ“.

Кромѣ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ въ 1861 году въ Россіи были распространены №№ 1, 2 и 3 листка „Великоруссъ“. За распространеніе именно этого листка осужденъ въ каторжныя работы на три года сотрудникъ „Современника“, поручикъ гвардіи В. И. Обручевъ.[1] Объ этомъ же изданіи упоминается въ приговорѣ по дѣлу офицера Аргнгольдта и др.[2] и дѣлу офицера Григорьева[3].

Мы воспроизводимъ здѣсь полностью всѣ три №№ „Великорусса“, съ приложеніемъ составленнаго редакціей этого изданія проекта адреса государю о созывѣ народныхъ представителей для составленія русской конституціи.[4] **Редакція.**

---

[1] См. „Государственныя преступленія въ Россіи“, т. I, стр. 201.
[2] См. ту же книгу, стр. 206.
[3] См. ниже.
[4] Всѣ три номера „Великорусса“ и проектъ адреса государю были перепечатаны въ „Колоколѣ“ за 1861 годъ (№№ 105, 107 и 108), а также въ вышеупомянутомъ гейдельбергскомъ „Летучемъ Листкѣ“. Мы заимствуемъ ихъ изъ послѣдняго источ-

Великоруссъ.

1.

Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно; оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій. Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Спачала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупаго и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя. Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. И такъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи. Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью — и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо? Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія, а опредѣливъ способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать.

Великоруссъ.

II.

Выслушавъ отчеты своихъ членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ въ публикѣ по поводу вопросовъ, предложенныхъ въ Великорусѣ, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

ника, прибавивши еще изъ № 107 „Колокола“ статью „Отвѣтъ Великоруссу“, которая, имѣя историческое значеніе сама по себѣ, замѣчательна еще и тѣмъ, что принадлежитъ перу М. Л. Михайлова и потому можетъ служить однимъ изъ матеріаловъ для его біографіи. Въ книгѣ г. Бурцева приведена значительная часть № 3 „Великорусса“ и проектъ адреса; въ книгѣ г. Куклина также часть № 3 и полностью № 2. Ред.

По первому вопросу.

Водвореніе законнаго порядка — общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція.

Помѣщичьи крестьяне, по своему понятію объ ожидаемой ими къ веснѣ 1863 волѣ, раздѣляются на двѣ партіи. Одна думаетъ, что вся земля помѣстья должна перейти въ собственность крестьянъ, т. е. и земля, бывшая въ пользованіи помѣщика; никакого выкупа за землю платить крестьяне не должны; помѣщики, потерявъ рѣшительно всю землю, удалятся изъ селъ въ города; вознагражденіе получатъ они отъ государства (по выраженію крестьянъ, царь возьметъ помѣщиковъ на свое жалованье). Партія, непремѣнно ждущая такого рѣшенія, очень многочисленна между крѣпостными крестьянами; она неизбѣжно возьметъ верхъ, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продолжится. Другая, такъ сказать, умѣренная партія, полагаетъ, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, со всѣми угодьями, въ пользованіи которыхъ они участвовали, т. е. съ рыбными ловлями и частью лѣса; но земля, которою пользовался самъ помѣщикъ, можетъ по ихъ мнѣнію остаться за нимъ. О выкупѣ и эта партія думаетъ точно также, какъ и первая, т. е. совершенно его отвергаетъ. Теперь эта умѣренная партія слабѣе первой, но можно надѣяться, что она привлечетъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, если вопросъ будетъ разрѣшенъ чисто въ ея духѣ. Эта надежда основывается на томъ, что крестьяне еще не организовались для общаго возстанія, эпохою котораго будетъ лѣто 1863 года, если весна его обманетъ ихъ. Но должно помнить, что выкупъ отвергаютъ единодушно всѣ крестьяне. О требованіи съ нихъ выкупа нечего и думать людямъ, желающимъ, чтобы они остались довольны рѣшеніемъ вопроса. Если же крестьяне останутся недовольны, законный порядокъ не можетъ водвориться путемъ мирныхъ реформъ, потому что удерживать крестьянъ въ спокойствіи надобно будетъ, какъ теперь, военными мѣрами. А власть, дѣйствующая такими мѣрами противъ массы населенія, не будетъ соблюдать законности ни въ чемъ. Въ такомъ случаѣ законность будетъ введена только вслѣдствіе революціи.

Итакъ, для мирнаго водворенія законности, необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи.

По той же самой причинѣ русскіе, приверженцы законности, должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой

системы и въ остальныхъ частяхъ государства. Вспомнимъ слова Чатама при началѣ возстанія американскихъ колоній: „если англійское правительство подчинитъ деспотизму Америку, сама Англія подвергнется деспотизму“. Потому онъ, вмѣстѣ со всѣми друзьями свободы въ Англіи, требевалъ, чтобы англійскія войска были выведены изъ недовольныхъ колоній. Точно также интересъ русской свободы требуетъ освобожденія Польши.

Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуютъ того же. Наша власть надъ Польшей основана только на томъ, что мы нарушили всѣ условія, подъ которыми царство польское было соединено съ Россіей на вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управленія и свою отдѣльную чисто-національную армію. Мы измѣнили этому своему слову. Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками.

Чтобы сохранить господство надъ Польшей, мы должны имѣть лишнихъ двѣсти тысячъ войска, тратить ежегодно по сорока милліоновъ нашихъ собственныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя беремъ съ Польши. Наши финансы не придутъ въ порядокъ, пока мы будемъ дѣлать такую трату. Сотни тысячъ женщинъ, стариковъ и дѣтей остаются у насъ безъ средствъ къ жизни, потому что работники ихъ семействъ отведены на западъ — удерживать Польшу въ рабствѣ, столь раззорительномъ для насъ.

Это разореніе мы будемъ терпѣть, пока не откажемся отъ Польши совершенно. Поляки не удовольствуются ничѣмъ, кромѣ полной отдѣльности отъ насъ. Мы должны вовсе уйти изъ Польши, чтобы избавиться отъ разоренія. Если мы сдѣлаемъ это добровольно, поляки станутъ уважать насъ, какъ людей умныхъ, полюбятъ насъ, какъ людей честныхъ. Если мы не сдѣлаемъ этого сами, поляки всетаки скоро освободятся: они ждутъ только перваго случая, чтобы возстать поголовно. И намъ не удастся подавить ихъ теперь, какъ при Паскевичѣ, потому что нѣтъ теперь въ Польшѣ внутренняго раздора, которому тогда мы были обязаны гибельнымъ для насъ торжествомъ. Польскіе патріоты рѣшили отдать крестьянамъ землю даромъ, несмотря на усилія нашего правительства раздувать вражду между сословіями въ Польшѣ; польскіе крестьяне знаютъ объ этомъ и одушевляются патріотизмомъ, и потому намъ теперь невозможно будетъ побѣдить польскаго возстанія.

Итакъ вопросъ о Польшѣ для насъ русскихъ состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется тогда враждебна намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, раззорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ.

Та же самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію южной Руси полная свобода располагать своею судьбою по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До

какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого — мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшилъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. Но вопросъ о южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно: выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязана къ прежней уніатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ.

Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ; нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли — упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крепостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціонистовъ.

Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привиллегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа; тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ; потому подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. И такъ, требовать надобно, не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить

изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики.

Слѣдующій нумеръ Великорусса, изложивъ выводы изъ мнѣній, высказываемыхъ по вопросу о династіи, представитъ на разсмотрѣніе публики способъ дѣйствій, наиболѣе сообразный съ нынѣшнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія.

Великоруссъ.

III.

Выслушавъ отчеты членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ публикою, Комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ по второму изъ вопросовъ, предложенныхъ въ первомъ номерѣ „Великорусса".

О династіи.

Мнѣнія о томъ, способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Они основываются на неопредѣленныхъ, но многочисленныхъ анекдотахъ, о произнесенныхъ будто-бы имъ разныхъ словахъ въ этомъ смыслѣ; основываются также на его личномъ характерѣ, который называютъ они добрымъ, мягкимъ, наклоннымъ къ спокойному пользованію почетностію и матеріальными выгодами своего положенія. Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. Не отвергая добрыхъ качествъ его характера, эти лица убѣждены, что быть приверженцемъ конституціоннаго правленія онъ не можетъ; что это было бы противно и воспитанію, полученному имъ въ духѣ безусловнаго самодержавія, и пріобрѣтенной имъ привычкѣ пользоваться неограниченною властью, и всѣмъ фамильнымъ его преданіямъ, и всѣмъ свойствамъ придворной среды, изъ которой онъ не хочетъ и не можетъ выйти; что это ихъ убѣжденіе подтверждается всѣми дѣйствіями его царствованія, которыя часто были слѣдствіемъ хорошихъ намѣреній, но всѣ были проникнуты боязнью политической свободы и безусловнымъ ея отрицаніемъ (почему и остались совершенно безплодны).

Въ примѣръ эти лица указываютъ на положеніе литературы, по прежнему подчиненной произволу, на враждебность государя къ университетамъ, на стѣсненіе воскресныхъ школъ, на веденіе крестьянскаго дѣла бюрократическимъ порядкомъ, съ устраненіемъ литературы отъ участія въ этомъ вопросѣ, на одобреніе кровопролитій, совершенныхъ посланными его въ Казанской и другихъ губерніяхъ, на его несогласіе хотя бы только ослабить стѣсненія, которымъ подвергнута Польша, на его симпатіи къ Франциску неаполитанскому. Изъ этихъ и всѣхъ другихъ дѣйствій его царствованія видно, что онъ считаетъ политическую

свободу вещью вредною, никогда не откажется отъ самовластія добровольно и, если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его возстановленіи. Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя по отношенію къ конституціи. Но будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи — дѣло легкое при настоящемъ раздраженіи простого народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что, при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому уже такъ близокъ народъ.

Видя такое разногласіе между друзьями свободы, Комитетъ думаетъ, что для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ. Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается Комитета, онъ вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія — вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе, онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ. не будетъ потеряно для политическаго воспитанія массы. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно. Для этого передовые прогрессисты должны подождать (ждать придется не долго), пока отставшіе отъ нихъ въ своемъ политическомъ развитіи конституціоналисты будутъ приведены событіями къ принятію истины, которую теперь они еще не замѣчаютъ. Быть снисходительными и терпѣливыми — дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда.

Сообразно этому слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адресъ. Проектъ адреса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю. Сначала пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти; руководители ихъ — сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адресѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ въ числѣ другихъ предметовъ разговора, будетъ идти рѣчь и объ адресѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ

себѣ ничего опаснаго; полиція не можетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ съ своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется, дѣйствовать надобно спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли бы ихъ бѣдамъ безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденія.

На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность, — организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили бы партіями. Главныя правила тутъ: 1. не должно ничего ввѣрять бумагѣ; не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ. Всѣ дѣла должно вести изустно: 2. никто изъ членовъ партіи не долженъ предпринимать ничего важнаго иначе, какъ сообщивъ свое намѣреніе комитету своего города, и не долженъ ни въ чемъ переступать инструкцій этого комитета. Эти правила должно соблюдать неуклонно. Человѣкъ, нарушающій ихъ, вреденъ для дѣла, и партія должна прекратить всякія сношенія съ нимъ.

Держась этихъ правилъ, комитеты могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ открытія, ихъ нельзя будетъ даже назвать тайными обществами: это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикою, и предотвращающихъ напрасныя столкновенія. Разумѣется, они позаботятся заслужить довѣріе молодежи. Давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды, они будутъ удерживать ее отъ преждевременныхъ демонстрацій, иначе неизбѣжныхъ, и спасутъ многихъ наилучшихъ юношей отъ бѣдъ, которымъ подверглись бы они, не имѣя, какъ теперь, осторожныхъ руководителей въ наступающія смутныя времена.

Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ Комитетъ вступитъ въ сношенія съ ними. Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому будетъ нужно знать ихъ, для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ номерѣ „Великорусса“ мы съ разсчетомъ только ставили вопросы, и при томъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставляемъ програму, которую потребовала она сама. И такъ, на первое время должно ограничиться пропагандою мысли объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка.

Рѣшительныя дѣйствія: собираніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю — надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее

къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несовмѣстимости нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будемъ потомъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь.

Этимъ нумеромъ и проектомъ адреса наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать — намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію — народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ.

Адресъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Положеніе нашей русской родины тяжко и опасно.

Дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права рѣшено въ смыслѣ, противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19-го февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана этимъ постановленіемъ. Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому, кто крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года и весною 1863 года будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову: т. е. что, получивъ весь прежній надѣлъ безъ уменьшенія, они будутъ освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей помѣщикамъ, которыхъ вознаградитъ государство. Никакого другого рѣшенія они не примутъ, и Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положенія 19 февраля не будутъ измѣнены соотвѣтственно этому всеобщему чувству крѣпостныхъ крестьянъ. Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша

власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ — то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ. Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее ваше подчиненіе — чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы. Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ. Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи.

Отвѣтъ Великоруссу.[1]

(„Колоколъ“ № 107.)

Какимъ бы чувствомъ ни внушена мысль Великорусса, мы привѣтствуемъ ее горячимъ сочувствіемъ. Дѣло ли это юношескаго пыла, возмущающаго чистыя, не испорченныя еще житейскою ложью натуры и увлекающаго на бой несоразмѣрный силамъ, или же сознательно непримиримой ненависти къ позорному порядку, растлѣвающему Россію, ненависти, разсчитавшей шансы, рѣшившейся на смертельную борьбу, — во всякомъ случаѣ оно должно радовать каждаго, сохранившаго хотя одну живую струну, не порванную подавленнымъ существованіемъ. Вольное печатное слово, сказанное съ Петербургѣ, въ главномъ центрѣ тайныхъ и явныхъ полицій, подъ носомъ у Долгорукова и Шувалова, Игнатьева и Паткуля, открытый вызовъ самодержавію въ самомъ пеклѣ его, это лучшій признакъ, что рабство начинаетъ насъ тяготить, что самодержавіе со всѣми окружающими и охраняющими его учрежденіями безсильно, что для энергической смѣлости у насъ нѣтъ невозможнаго. Это первый шагъ къ обузданію самовластія, первый шагъ къ нашей волѣ. Всякое дѣйствіе, всякое распоряженіе самодержавія свидѣтельствуетъ о его несосто-

[1] Статью эту мы получили изъ Россіи, съ настоятельной просьбой помѣстить ее. Если мы и не совершенно согласны въ частностяхъ и формѣ, то все же отъ души привѣтствуемъ этотъ живой призывъ на живое дѣло. Мы давно думали о необходимости органическаго сосредоточенія силъ, но считали, что не отъ насъ должна выйти инціатива, не изъ заграницы, а изъ самой Россіи.

Ред. „Колокола“.

ятельности. Лучшія мысли, пройдя черезъ сточныя канавы его вѣдомствъ, порождаютъ самыя черныя дѣла. Оно само разрушаетъ порядокъ, обусловливавшій его существованіе, не имѣя силы замѣнить его чѣмъ-нибудь разумнымъ. Не имѣя въ самомъ себѣ прочныхъ условій существованія, оно сильно отрицательно, апатіей, бездѣйствіемъ, инерціей управляемыхъ имъ, и при такой обстановкѣ можетъ продержаться еще долго. Элементы, враждебные бездарному правительству, накопляются съ каждымъ днемъ; но они ему не опасны, пока у нихъ нѣтъ ни связи, ни единства, ни довѣрія къ себѣ. Соединить ихъ и возбудить къ совокупному дѣйствію — вотъ предстоящее намъ дѣло, безъ котораго невозможны ни благосостояніе, ни свобода, ни правда. Время надеждъ и ожиданій прошло. Они оказались столь же несостоятельны, какъ и правительство, въ пользу котораго возбудились. Послѣ уродливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, выгоднаго только для чиновничества, а для всего государства гибельнаго, о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Теперь наступила пора борьбы непрерывной, безпощадной, до послѣдняго издыханія враждебной силы. „Великоруссъ" сознаетъ неизбѣжность борьбы; онъ хочетъ подвинуть на нее „общество". Но если онъ серьезно взялся за дѣло и хочетъ положительныхъ результатовъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать нѣсколько иначе. Надо обращаться не къ „обществу", а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправиться отъ положительнаго начала: что жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно, а лучшаго быть не можетъ, пока власть въ царскихъ рукахъ. Шевелить одержимое спячкой общество, конечно, не вредно — но вѣдь этимъ дѣла не сдѣлаешь, а сентиментальничать да мямлить теперь некогда. „Общество" никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, чего тому нужно. Общество — это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ, общность преступленій, стало серьезной вражды быть не можетъ; могутъ быть только размолвки о томъ, чтобы поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить и грабить народъ. Да къ тому же это общество точно такъ же дрябло и безсильно, какъ правительство, которому оно постоянно служило дворней. Оно, въ массѣ, пропитано до мельчайшихъ клѣточекъ организма черствымъ докринерствомъ, лакейскимъ раболѣпіемъ, или развратно-эгоистическими инстинктами; ему не обновить не только Россіи, но и самого себя. Въ его средѣ живое начало представляется незначительнымъ меньшинствомъ, ему враждебнымъ. Меньшинство, по чувствамъ, принадлежитъ къ народу, но на дѣлѣ не имѣетъ съ нимъ никакой связи. Въ этомъ все несчастье. Добрыя желанія меньшинства безполезны при его безсиліи и народу не достаетъ духа начинанія, иниціативы. Его мощь въ отрицаніи; онъ знаетъ, чего не хочетъ, но не формулируетъ чего надо. Онъ не подчинился петровской ломкѣ, но полтора вѣка сопротивлялся ей чисто отрицательно; онъ не требовалъ водки хорошей и дешевой, но билъ кабаки съ дорогою и дурною; онъ не возставалъ, чтобы добыть себѣ волю, но по всей Россіи отказывался повиноваться

положенію, узаконившему новое крѣпостное право. Надо, чтобы меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило правую ненависть. Еслибы такой союзъ существовалъ раньше, не текла бы теперь понапрасно неповинная кровь народная и не прошло бы правительству даромъ его преступное лжеосвобожденіе. Но еще не все потеряно. Тупость самодержавія послужила впрокъ, обративъ противъ него силу, которая могла бы поддержать его всѣмъ своимъ могуществомъ. Настоящее освобожденіе упрочило бы его на сотни лѣтъ, позволивъ ему пренебречь всевозможными противниками. Лжеосвобожденіе погубитъ его. Съ ребяческимъ довѣріемъ ждетъ обманутый народъ черезъ два года полной воли и найдетъ — новое крѣпостное право. Въ этотъ промежутокъ меньшинство должно сдѣлать дѣло. Но какъ за него приняться? Какъ соединиться съ народомъ — людямъ, не имѣющимъ прочной связи даже промежъ себя. Отвѣтъ въ самомъ вопросѣ. Всѣ эти личности, родныя по убѣжденіямъ, по стремленіямъ, по враждѣ къ существующему порядку, но разъединенныя, разбросанныя одиноко по всей Россіи, а потому безсильныя, должны дружно сплотиться въ одинъ союзъ, идущій къ одной цѣли, дѣйствующій, какъ одинъ человѣкъ. Достигнувъ этого, уже не трудно будетъ сойтись съ народомъ. Въ союзѣ непремѣнно найдутся люди, близкіе ему, можетъ быть люди изъ его среды. Одного энергическаго человѣка, знающаго народъ и имѣющаго его довѣріе, достаточно, чтобы связать съ нимъ сплоченное меньшинство. Для образованія союза нѣтъ другого пути, какъ составленіе тайныхъ центровъ, обществъ, братствъ. Противъ нихъ многіе возстаютъ, называя ихъ средствами устарѣвшими, отжившими.... То малодушные трусы, или равнодушные эгоисты. Для страны, находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другого средства сбросить иго, какъ тайные союзы. Они образуютъ борцовъ, соединяютъ силы, подготовляютъ движеніе; безъ нихъ малые или не поднимутся, или, поднявшись неподготовленные, не выдержатъ борьбы съ организованнымъ врагомъ. Назовите изъ цѣлой исторіи хотя одно удавшееся народное движеніе, совершенное безъ нихъ, или одно, безъ нихъ удавшееся? Такихъ примѣровъ не найдется. У насъ обыкновенно ссылаются на неудачи 25 и 48 годовъ. Тутъ неудачи произошли не оттого, что тайные союзы вообще средства негодныя, а потому что начала этихъ союзовъ были невѣрны. Для насъ они служатъ предостереженіемъ отъ двухъ важныхъ ошибокъ: отъ попытокъ достичь чего-либо силами одного общества, безъ содѣйствія народа, и отъ отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ. Такія пріобрѣтенія положительныя пріобрѣтенія въ нашемъ дѣлѣ. Польза и сила союзовъ такъ очевидны, что на этомъ нечего и настаивать. Тысяча самыхъ рѣшительныхъ человѣкъ, взятыхъ каждый отдѣльно, разбросанныхъ по городамъ и селамъ Россіи, не знающихъ другъ друга, считающихъ себя одинокими, безплодно мельчаютъ и гибнутъ въ массѣ мерзостей, даже не пытаясь противиться имъ: соединенные въ одинъ союзъ, они проповѣдуютъ,

дѣйствуютъ, распространяютъ свои убѣжденія, они — сила. Имѣя каждый сто рублей, ни одинъ изъ нихъ даже не подумаетъ повредить ими правительству; соединяясь, они разомъ становятся во главѣ сто тысячъ, которыми можно кое-что сдѣлать. Составлять союзы у насъ легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Громадность разстояній, пространство границъ, просторъ населенія, затрудняютъ надзоръ, облегчаютъ возможность дѣйствовать и укрываться отъ преслѣдованія. Кромѣ того, шпіонство не въ нашей натурѣ, само подлежащее чиновничество занимается имъ нехотя и спустя рукава. Все это драгоцѣнныя условія для дѣла. Говорятъ, что мы не умѣемъ молчать, и оттого существованіе тайныхъ союзовъ у насъ невозможно. Но на чемъ основанъ такой приговоръ? Гдѣ были у насъ случаи заявить умѣнье молчать? А взгляните-ка на раскольниковъ или на мужиковъ при слѣдствіяхъ и допросахъ, вышибите-ка изъ нихъ компрометирующее словцо! Нѣтъ, болтовни бояться нечего; тамъ, гдѣ длинный языкъ ведетъ въ опасность собственную шкуру, всякій прикуситъ его. Къ тому же, вѣдь намъ не въ лѣсу пролагать дорогу. Стоитъ устроиться такъ, чтобы открытіе одного или нѣсколькихъ центровъ не подвергло опасности всѣхъ, — вотъ и гарантія противъ болтливости. Малочисленностью тоже смущаться нечего. Мы не знаемъ своихъ силъ, потому что не было случая проявить имъ себя. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не явилось людей, когда представится возможность дѣйствовать, война родитъ героя. Да хотя бы сразу явилось и мало, бѣды въ томъ нѣтъ. Надо только, чтобы образовалось зерно, правительственныя сумасшествія, чиновничьи грабежи, помѣщичьи звѣрства не замедлятъ превратить его въ глыбу. Перелистуйте на удачу „Колоколъ“: 115 офицеровъ, исключенныхъ изъ инженерной академіи, расправа губернатора Смирнова въ Ямбургскомъ уѣздѣ, варшавскія убійства, бездnинская рѣзня, истязаніе на Пластунѣ; предсмертныя злодѣйства крѣпостнаго права, тѣсненіе университетовъ, казацкія переселенія, палачество Дрепякина, распятіе казацкихъ бородъ, истребленія крестьянъ . . . вѣдь каждое изъ подобныхъ преступленій (а они непремѣнно будутъ повторяться до безконечности) соединитъ противъ правительства десятки, сотни людей, если только будутъ центры, къ которымъ можно прилѣпляться, и люди, сторожащіе такіе случаи, чтобы пользоваться неостывшими чувствами отвращенія, ненависти, жажды мести. Разъ начатую работу правительству не остановить. Что оно можетъ сдѣлать? Удесятерить строгости, усилить цензурныя бѣснованія, прижать университеты, водворить терроръ, осадное положеніе? Но вѣдь все это ни мало не разрушаетъ союзовъ, а, напротивъ, способствуетъ усиленію ихъ, ожесточая всѣхъ. Къ тому же, такія мѣры имѣютъ значеніе только, веденныя систематически, а для этого нужны извѣстный законъ и сила; правительство же дрябло и безсильно во всемъ и для всего. Начнетъ ли оно преслѣдовать исключительно членовъ союза? Но опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что всякое преслѣдованіе усиливаетъ преслѣдуюмую партію. Пострадавшіе станутъ мучениками, святыми, ихъ страданія сдѣлаютъ для дѣла въ сто разъ

болѣе ихъ личныхъ дѣйствій. Заключатъ ихъ — они въ заточеніи явятся гигантами въ умахъ единомышленниковъ; сошлютъ — въ мѣстахъ ссылки найдутся люди для проповѣди, найдутся средства для бѣгства; казнятъ — каждая капля крови родитъ мстителей. Если найдется нѣсколько человѣкъ, которые отдадутся дѣлу всецѣло, съ полнымъ самоотверженіемъ — самовластію не устоять. А они найдутся; конечно, не въ „обществѣ", гдѣ за убѣжденіе не рискуютъ и парою рысаковъ, но въ ограбленномъ, обманутомъ, доведенномъ до остервененія народѣ. Тѣмъ, которые на всякую смѣлую рѣчь имѣютъ на готовѣ отвѣтъ: „У насъ не на что опереться", мы въ свою очередь отвѣтимъ: наша опора тѣ несчетныя массы, которыя, благодаря полутору вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора, представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его. На эти массы мы и обопремся. Кругъ дѣйствій союза долженъ быть такъ широкъ, чтобы всякій нашелъ себѣ работу. Надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ, заводить братства въ полкахъ, сближать солдатъ съ народомъ, войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничныя изданія, привлечь къ себѣ какъ можно больше военныхъ, извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія, завести торговыя и промышленныя заведенія и заготовить денежныя и всякія средства. Остается послѣдній и главный вопросъ. Къ чему стремиться союзу: къ конституціи или къ чему иному? За конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь. Пусть они идутъ своей дорогой, мы своей. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собранія и свободу печати. Мы не знаемъ, вызоветъ ли сила обстоятельствъ конституцію, но мы знаемъ, что не она цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль — полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей. Вашъ

Одинъ изъ многихъ (М. Л. Михайловъ).

Къ дѣлу поручика Арнгольдта и его товарищей.

По дѣлу Арнгольдта, Сливицкаго и Ростковскаго, разстрѣлянныхъ 16 іюня 1861 г., кромѣ приговора, никакихъ свѣдѣній правительство не опубликовало.[1] Мы приводимъ, поэтому, лишь тѣ

[1] Приговоръ см. „Госуд. прест. въ Россіи", т. I, стр. 205—207.

немногія строки, которыя были напечатаны по дѣлу Арнгольдта и его товарищей въ № 143 „Колокола“ подъ заглавіемъ „Русскіе мученики и мучители въ Польшѣ“. О казни Арнгольдта, Сливицкаго и Ростковскаго въ Россіи была выпущена въ 1862 г. особая прокламація, но ея, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ. Очень просимъ постараться ее разыскать и прислать намъ.[1]

Редакція.

Русскіе мученики и мучители въ Польшѣ.

Выписываемъ изъ чрезвычайно замѣчательнаго письма, полученнаго нами изъ Польши, слѣдующія строки: „До васъ, вѣроятно, дошло извѣстіе о первыхъ жертвахъ со стороны русскаго войска, объ Арнгольдтѣ, Сливицкомъ и Ростковскомъ. Передъ арестомъ человѣкъ шестьдесятъ солдатъ съ оружіемъ готово было защищать ихъ и только приказаніе Сливицкаго удержало ихъ. Всѣ держали себя, особенно Арнгольдтъ, передъ судомъ съ геройской твердостью. Они съ первыхъ словъ объявили, что говорили съ солдатами и распространяли между ними либеральныя идеи по убѣжденію, и не откажутся отъ своихъ убѣжденій, хотя и знали очень хорошо, что противъ нихъ нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ; арестованы они были по рапорту Т. К. Томландера и Кроха (финны). Ни одинъ солдатъ, несмотря на всѣ мордобитія и розги полковника Мясковскаго (нѣмца съ польской фамиліей, родомъ изъ Кіева!), командира ладожскаго пѣхотнаго полка, слѣдователя по этому дѣлу, не сдѣлалъ ни одного показанія во вредъ Арнгольдту и Сливицкому; отъ унтеръ офицеровъ Ростковскаго и Щура, арестованныхъ вмѣстѣ съ ними, не могли добиться ни слова; за что первый разстрѣлянъ, а второй сосланъ въ каторгу. Главнымъ обвиненіемъ противъ Арнгольдта было анонимное письмо его къ Лидергу; Мясковскій показалъ это письмо передъ судной комиссіей Арнгольдту, и спросилъ, не онъ ли писалъ его? Арнгольдтъ отвѣчалъ, что писалъ онъ, но еще не окончилъ, — взялъ перо и подписалъ подъ письмомъ свою фамилію. Такая твердость больше всего разъярила правительство. Было еще нѣсколько арестовъ, и начальство не знаетъ, куда дѣться съ ними: всѣ русскіе и всѣхъ перестрѣлять неловко. Приговора надъ Арнгольдтомъ, Сливицкимъ и Ростковскимъ долго не рѣшались исполнить въ Варшавѣ. Наконецъ, исполнили въ Модлинѣ 16-го іюня, на другой день послѣ выстрѣла по Лидергу; въ Варшавѣ не рѣшались исполнить его, потому что боялись встрѣтить въ войскахъ открытое сопротивленіе. Экзекуція была выполнена скромно однимъ батальономъ солдатъ, выбранныхъ изъ Эстляндскаго полка. Батальономъ командовалъ дежурный генералъ 1-й арміи Ганъ. По свидѣтельству очевидцевъ у солдатъ, стрѣлявшихъ, ходили руки. Сливицкій послѣ двѣнадцати

[1] О прокламаціи этой упоминается въ издаваемыхъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати (разумѣется, лишь для полицейскихъ надобностей, и потому никогда не публикуемыхъ) спискахъ изданій, запрещенныхъ къ обращенію въ Россіи. Ред.

обычныхъ выстрѣловъ былъ живъ, и фельдфебель выстрѣломъ изъ пистолета въ ухо добилъ его. Мы жалѣемъ ихъ, какъ мучениковъ за святое дѣло, но эта жертва была необходима; она произвела наилучшее впечатлѣніе на поляковъ и войско. Офицеры отправили по разстрѣляннымъ торжественную панихиду въ Новопсковскомъ лагерѣ; начальство было предупреждено объ этой демонстраціи, но ни одинъ изъ генераловъ не показался въ лагерь, и только потомъ арестовали офицера, собиравшаго деньги для попа, отъ офицеровъ потребовали росписки, что не будутъ имѣть портретовъ разстрѣлянныхъ.“

Къ дѣлу подполковника Красовскаго.

О замѣчательномъ дѣлѣ подполковника Красовскаго[1] въ № 162 „Колокола“ напечатано слѣдующее „опредѣленіе генералъ-аудиторіата“:

Подполковникъ Красовскій.

Опредѣленіе генералъ-аудиторіата.

На Всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала собственноручная Е. И. В. конфирмація: „Подполковнику Красовскому замѣнить смертную казнь политическою смертью, съ исполненіемъ надъ нимъ обряда, въ семъ случаѣ въ законахъ установленнаго и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ, на 12 лѣтъ.“

Гатчина, 11 октября 1862 г.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о подполковникѣ александрійскаго гусарскаго Е. И. В. вел. кн. Николая Николаевича старшаго полка, Красовскомъ, находитъ, что подсудимый Красовскій, сужденный по полевымъ уголовнымъ законамъ, за возбужденіе солдатъ къ неповиновенію, первоначально навлекъ на себя подозрѣніе въ намѣреніи сблизиться съ крестьянами для внушенія имъ вредныхъ мыслей, потому что лѣтомъ настоящаго года выѣхалъ изъ Кіева, гдѣ онъ состоялъ прикомандированнымъ къ кадетскому корпусу въ м. Корсунь, Кіевской губ., Каневскаго уѣзда, одѣвался въ крестьянскую одежду и, ходя въ ней, входилъ въ близкое сношеніе съ крестьянами. Вслѣдствіе сего, онъ былъ востребованъ въ Кіевъ и подвергнутъ секретному полицейскому надзору. Послѣ того, оставаясь въ Кіевѣ и узнавъ, что находившійся тогда въ лагерѣ близъ Кіева, 4 резервный батальонъ Житомірскаго пѣхотнаго полка, назначенъ къ выступленію въ м. Богуславъ, Каневскаго уѣзда для усмиренія крестьянъ, рѣшился возбудить нижнихъ чиновъ этого батальона къ неповиновенію, для чего сочинилъ воззваніе къ нимъ, въ которомъ, превратно толкуя объ обязанности солдатъ и осуждая дѣйствія правительства, внушалъ солдатамъ, что ихъ посылаютъ быть палачами

[1] Приговоръ надъ Красовскимъ см. „Госуд. прест. въ Россіи“, т. I, стр. 210—211.

того народа, къ которому сами они принадлежатъ и между которыми находятся ихъ отцы, матери, братья и сестры, что имъ прикажутъ сѣчь и разстрѣливать ихъ начальники, въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и раззоряютъ несчастнаго мужика, и солдаты будутъ угождать тѣмъ людямъ, которыхъ сами терпѣть не могутъ; что не пойти одному, двумъ, тремъ — мудрено, а не пойти всѣмъ — очень легко; со всѣхъ взыскать не посмѣютъ; что приказъ сѣчь и стрѣлять крестьянъ за то, что хотятъ земли и воли, хотя бы былъ и царя — есть приказъ окаянный, и его исполнять не слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ, грозилъ имъ наказаніемъ Божіемъ, проклятіемъ отцовъ, матерей и всего народа, какъ проклинаются воины, побивавшіе по приказанію царя Ирода младенцевъ, и воины, распинавшіе Спасителя по приказанію Пилата. Это воззваніе за нѣсколько дней передъ выступленіемъ батальона изъ лагеря, 17-го іюня, Красовскій разбросалъ во многихъ экземплярахъ около лагеря, ходя въ малороссійской одеждѣ. Но одинъ изъ офицеровъ сего баталіона, квартирмейстеръ Карагадовъ, знавшій лично Красовскаго, замѣтилъ его и видѣлъ, какъ имъ былъ брошенъ одинъ экземпляръ воззванія, о чемъ тогда же и объявилъ дежурному по батальону офицеру, а Красовскій, между тѣмъ, успѣлъ скрыться. Въ то же время сдѣлано было розысканіе въ лагерѣ и найдено еще пять экземпляровъ воззванія. Вслѣдствіе донесенія объ этомъ командира батальона, по распоряженію исправлявшаго тогда должность Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Гессе, сдѣланъ былъ обыскъ въ квартирѣ подполковника Красовскаго, и у него оказалась малороссійская одежда, въ которой онъ проходилъ близъ лагеря, подбрасывая воззваніе. Въ то же время Красовскій самъ сознался въ этомъ преступленіи, что подтвердилъ при слѣдствіи, и въ судѣ объяснилъ, что самъ сочинилъ это воззваніе, переписалъ оное въ шести экземплярахъ и самъ подбросилъ къ солдатамъ въ лагерѣ, не имѣя никакого сообщника. Въ доказательство того, что найденные экземпляры воззванія были переписаны самимъ имъ, онъ написалъ нѣсколько образцовъ въ присутствіи слѣдственной комиссіи, съ которыми, по сличенію, совершенно оказались сходными въ почеркѣ подброшенные экземпляры воззванія. Но цѣли возбужденія солдатъ къ неповиновенію Красовскій при слѣдствіи не открылъ, отзываясь, что можетъ объявить объ этомъ только лично Е. И. В., а въ военномъ судѣ утверждалъ, что причины, побудившія его написать воззваніе, составляютъ его тайну, выразилъ, однакожъ, что дѣло это, которое правительство считаетъ преступнымъ, онъ почитаетъ честнымъ и благороднымъ и что причиною, побудившею его къ тому, было негодованіе его на унизительную роль, какую въ глазахъ его играетъ то войско, принадлежностью къ которому онъ нѣкогда гордился; съ того времени, какъ офицеры и солдаты, будучи вмѣшаны въ дѣло освобожденія крестьянъ, служатъ правительству противъ народа живою понудительною мѣрою, и потому онъ съ людьми, играющими эту роль, не желалъ имѣть никакой солидарности и рѣшился лучше пострадать, не-

жели показать, что онъ принадлежитъ къ нимъ. Въ отобранныхъ у Красовскаго при обыскѣ бумагахъ ничего, относящагося прямо къ этому его преступленію не найдено, но оказалось много запрещенныхъ, возмутительныхъ и пасквильныхъ стиховъ и другихъ сочиненій, которыя, по объясненію его, были списаны имъ или съ брошюръ заграничнаго изданія, или съ рукописей лицъ неизвѣстныхъ, или же умершихъ, безъ всякой цѣли, а нѣкоторыя и самимъ имъ были сочинены. Этихъ сочиненій онъ, какъ отозвался, никому не передавалъ, но нѣкоторыя изъ нихъ намѣревался передать своему сыну, когда бы онъ былъ въ состояніи понимать, считая это священнѣйшею обязанностью какъ гражданина, такъ и отца. По окончаніи дѣла въ военномъ судѣ, когда подсудимому уже былъ объявленъ приговоръ, онъ на другой день, 12 августа, при осмотрѣ помѣщенія его, вторымъ кіевскимъ комендантомъ генералъ-маіоромъ Левковичемъ, представилъ ему вынутую тогда же изъ-подъ подкладки бывшаго у него пальто записку отъ имени солдатъ 4 резервнаго батальона Житомірскаго пѣхотнаго полка, въ которой выражено сочувствіе ихъ къ нему какъ къ честному и благородному страдальцу, притомъ сказано, что у нихъ осталось 4 экземпляра его воззванія, которое они выучили наизусть и передали кому слѣдуетъ, и что между ними еще мало такихъ, которые его понимаютъ, но скоро будетъ больше и, наконецъ, всѣ. По объясненію Красовскаго, означенная записка съ привязаннымъ къ ней небольшимъ камешкомъ, была брошена къ нему неизвѣстно кѣмъ въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ іюля въ растворенную форточку окна; но онъ не рѣшился ее представить тогда, потому что не считалъ честнымъ и благороднымъ обнаружить такихъ людей, признательность которыхъ цѣнитъ выше всѣхъ самыхъ близкихъ ему и онъ не перестанетъ гордиться во всю жизнь свою, и записку намѣревался передать въ семейство свое. Впрочемъ, Красовскій отозвался незнаніемъ, кто эти его приверженцы, объяснивъ, что изъ солдатъ упомянутаго батальона никого не знаетъ, но подтвердилъ, что имъ дѣйствительно подброшено было къ солдатамъ въ лагерь не 6, а 10 экземпляровъ воззванія, и что онъ прежде скрывалъ это съ цѣлью, чтобы тѣмъ отклонить слѣдственную комиссію отъ розысканія остальныхъ неотысканныхъ экземпляровъ до выступленія батальона изъ лагеря. По произведенному изслѣдованію не обнаружено, кѣмъ была писана подброшенная къ Красовскому означенная записка, по удостовѣренію же начальника штаба резервовъ армейской пѣхоты (Ковалевскаго) въ 4-мъ резервномъ батальонѣ Житомірскаго полка духъ весьма хорошій и предводитель дворянства очень доволенъ поведеніемъ нижнихъ чиновъ. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ находитъ подполковника Красовскаго виновнымъ въ имѣніи запрещенныхъ, возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій, въ распространеніи которыхъ онъ хотя не уличенъ, но самъ объяснилъ, что намѣревался нѣкоторыя изъ нихъ передать своему сыну по достиженіи имъ надлежащаго возраста; въ охужденіи правительственныхъ мѣръ въ отношеніи усмиренія неповинующихся кре-

стьянъ военною силою и въ покушеніи возбудить нижнихъ чиновъ 4-го резервнаго батальона Житомірскаго пѣхотнаго полка къ неповиновенію при назначеніи ихъ для усмиренія крестьянъ чрезъ подбрасываніе къ нимъ возмутительнаго воззванія, въ чемъ не только не изъявилъ во время слѣдствія и суда никакого раскаянія, но считалъ такія преступныя свои дѣйствія честными и благородными, скрывая и дѣйствительное число подброшенныхъ имъ экземпляровъ того воззванія, съ цѣлью, какъ онъ самъ впослѣдствіи объяснилъ, отклонить слѣдственную комиссію отъ разысканія неотысканныхъ экземпляровъ. Поэтому генералъ-аудиторіатъ полагаетъ подсудимаго подполковника Андрея Красовскаго за означенныя преступленія на основаніи 600 и 601 ст., 1 кн. Воен. Угол. Уст., лишивъ чиновъ, медали въ память войны 1853—1856 гг. и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертью разстрѣляніемъ.[1]

Вотъ текстъ воззванія Красовскаго и отвѣтъ на него солдатъ, помѣщенные въ томъ же № „Колокола“.

Житомірцы!

Полкъ вашъ молодецки дрался во всѣхъ кампаніяхъ, но еще ни разу не поднималъ руки на своихъ, не отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ безоружныхъ крестьянъ, своихъ же русскихъ. Для этого теперь же выводятъ васъ изъ Кіева раньше времени.

Помните же, друзья, что русскій солдатъ — защитникъ своей родины, а не цѣпной „барбосъ“, котораго спускаютъ безъ разбора на звѣрей и на человѣка, — не бѣшеная собака, одинаково кусающая какъ своего, такъ и чужого. Послѣ войны, народъ встрѣтилъ, какъ друзей и избавителей, тѣхъ изъ васъ, которые остались въ живыхъ, а по убитымъ молится въ церквахъ и понынѣ.

Теперь же велятъ вамъ быть не друзьями, не спасителями, а палачами того народа, къ которому вы сами принадлежите, между которымъ находятся ваши отцы и братья, сестры и матери. Вамъ прикажутъ сѣчь и разстрѣливать ихъ ваши начальники, въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и разоряютъ несчастнаго мужика, и вы будете угождать тѣмъ людямъ, которыхъ и сами вы терпѣть не можете. Гдѣ же тутъ правда?

Отцы и матери молились за васъ и благословляли васъ во время войны, — теперь же васъ можетъ ожидать ихъ проклятіе, и постыдное названіе палачей своего народа можетъ вамъ остаться на всю жизнь.

Не пойти одному, двумъ, тремъ противъ своихъ по приказу командира — мудрено, съ немногихъ легко взыщутъ; а не пойти всѣмъ очень легко; со всѣхъ-то и взыскать не посмѣютъ. Приказъ сѣчь своихъ и стрѣлять по нимъ, за то, что они хотятъ земли и воли, будь онъ и самого царя приказъ — все же онъ

---

[1] Конфирмація государя послѣдовала 11 октября (1862 г.). Исполнена высочайшая конфирмація передъ войсками кіевскаго гарнизона 26 октября (1862 г.).
Прим. „Колокола“.

приказъ окаянный. Исполнять его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. За это и богъ накажетъ, и свои близкіе люди проклянутъ.

Сто разъ умереть такъ, какъ ваши товарищи въ Крыму, чѣмъ жить палачомъ отца и матери, сестры и брата, палачами родной земли русской!

Воины, избивавшіе младенцевъ по приказу царя Ирода, воины, распинавшіе и мучившіе Христа по приказу Пилата, они и начальству своему угодили, и присягу соблюли; но народъ и сама церковь святая имъ этого и до сихъ поръ не прощаютъ. То же будетъ и съ вами, если исполните окаянный приказъ.

Поведутъ васъ — идите, но помните — до народа и пальцемъ не дотрогивайся. Кровь его (говоритъ слово божіе) падетъ на васъ и на дѣтей вашихъ. Аминь.

17 іюня 1862 года.

Отвѣтное письмо солдатъ.

„Солдаты Житомірскаго Резервнаго Батальона
Господину Подполковнику и Кавалеру Красовскому.

Ваше высокоблагородіе! Мерзавцы и подлецы, недостойные благороднаго названія, выдали васъ, но у насъ не все такіе, чтобы васъ не разумѣли; по крайности, сами вы изволите видѣть, что четырехъ изъ вашихъ писемъ не доискались, они у насъ, мы ихъ на память заучили и въ другіе полки, кому слѣдуетъ передали. Спасибо вамъ, честный, благородный страдалецъ, за вашу любовь къ бѣдному солдату и его брату, бѣдному мужику. Такіе офицеры, особливо полковники — рѣдкость. Эхъ! ваше высокоблагородіе, кабы вы изволили быть нашимъ начальникомъ, куды мы за вами не пошли бы! Кабы солдатомъ у насъ въ батальонѣ очутились, не то бы вашу аммуницію, — самихъ бы васъ на рукахъ носили. Честь и слава честному и славному страдальцу, подполковнику малороссійскому!

Насъ, изволите сами видѣть, ваше высокоблагородіе, нынче мало такихъ, что васъ настояще разумѣютъ; завтра будетъ больше половины, а тамъ и всѣ. Наши малороссіянцы вами гордятся и насъ, россійскихъ, дрязнятъ: „такихъ, каже, у васъ, кацаповъ, нема". Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе; мы за васъ будемъ Бога молить, чтобы господь милосердный помогъ дѣло кончить.

Покорно благодаримъ, ваше высокоблагородіе, что и насъ крестьянъ разумнымъ словомъ не оставили.

Житомірцы."

* * *

Какова дальнѣйшая судьба Красовскаго? Извѣстно, что онъ былъ въ каторгѣ. А потомъ? Гдѣ окончилъ свои дни этотъ замѣчательный человѣкъ? Кто изъ „живыхъ" людей знаетъ это, пусть отзовется!

Къ дѣлу подпоручика Григорьева.

Приказъ о преданіи суду подпоручика Григорьева и приговоръ надъ нимъ были перепечатаны изъ оффиціальныхъ источниковъ въ первомъ томѣ сборниковъ „Государственныхъ преступленій въ Россіи“.[1] Здѣсь мы заимствуемъ изъ № 174 „Колокола“ оффиціальный докладъ царю по этому дѣлу. Ред.

Заключеніе генералъ-аудиторіата по дѣлу о подпоручикѣ Григорьевѣ.

Писано генералъ-аудиторомъ Философовымъ.

(Примѣчанія основаны на изложеніи дѣла въ высочайшемъ докладѣ).

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, генералъ-аудиторіатъ находитъ, что подпоручикъ Григорьевъ, по обвиненію въ распространеніи между нижними чинами возмутительныхъ идей, преданъ былъ военному суду, съ тѣмъ, чтобы, согласно высочайшему повелѣнію, приговоръ о немъ постановленъ былъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ. Изъ дѣла видно, что обвиненіе въ семъ преступленіи возникло на подпоручика Григорьева вслѣдствіе дошедшихъ до командира лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка генералъ-маіора Дрентельна, 26-го мая сего года, свѣдѣній о сообщеніи Григорьевымъ возмутительныхъ мыслей унтеръ-офицеру Бродничуку, бывшему съ Григорьевымъ на дежурствѣ, 24 апрѣля сего года, въ 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Бродничукъ, бывъ допрошенъ командиромъ полка, показалъ: что 24 апрѣля Григорьевъ, отлучившись съ дежурства, возвратился въ госпиталь въ 8 час. вечера и въ 9 час. увелъ его, Бродничука, въ дежурную комнату, гдѣ поилъ чаемъ и разговаривалъ съ нимъ до 12 часовъ о разныхъ предметахъ, касающихся солдатской и крестьянской жизни; между прочимъ, объяснялъ, что разносчикамъ запрещено носить въ казармы книги, чтобы солдаты меньше знали, что дѣлается; осуждалъ существующій будто бы въ Россіи произволъ какъ въ порядкѣ судопроизводства, такъ и во власти начальниковъ и самого государя; выставлялъ лучшее, по его мнѣніе, положеніе иностранныхъ государствъ, гдѣ власть монарховъ ограничена; удостовѣрялъ, что дворяне и крестьяне пойдутъ за одно, остается только привлечь войско, и что офицеры будто бы всѣ подписали согласіе, остается одинъ генералъ, да и тотъ согласится, ежели увидитъ, что солдаты на ихъ сторонѣ, а если солдаты будутъ согласны, то предлагалъ[2] итти ко дворцу и насильно заставить государя подписать, чтобы онъ такой воли не имѣлъ, а подписалъ бы только то, что судъ присудитъ, а не то, что самъ пожелаетъ; при чемъ Григорьевъ предлагалъ ему, Бродничуку, заходить къ нему на квартиру, обѣщаясь показать печатный листокъ и прося его

---

[1] Сборникъ Базилевскаго стр. 207 и 210.

[2] Изъ дѣла видно, что не предлагалъ, а предполагалъ возможнымъ.

какъ о разговорѣ, такъ и о томъ, что прочитаетъ, сообщать товарищамъ и передавать знакомымъ въ другихъ полкахъ. Къ сему Бродничукъ присовокупилъ, что онъ по возвращеніи въ казарму, въ тотъ же день объявилъ о разговорѣ Григорьева фельдфебелю — Александу Иванову, который означенную ссылку па него Бродничука подтвердилъ, но о причинѣ недонесенія о томъ своевременно начальству остался по дѣлу не спрошеннымъ.[1] При производствѣ формальнаго слѣдствія, кромѣ означеннаго показапія унтеръ-офицера Бродничука,[2] повтореннаго имъ при передопросѣ и на очныхъ ставкахъ съ Григорьевымъ, въ подтвержденіе возникшаго на него обвиненія, обнаружены слѣдующія обстоятельства: 1. Находившійся въ госпиталѣ, по болѣзни, арестантъ Ивановъ, бывшій писарь с.-петербургскаго арсенала, состоявшій подъ судомъ за подлоги и побѣгъ, и впослѣдствіи по конфирмаціи начальства сослапный въ арестантскія роты, между прочимъ, показалъ, что Григорьевъ въ бытность на дежурствѣ въ госпиталѣ, 24 апрѣля и 22 мая, весьма долго разговаривалъ какъ съ нимъ, такъ и съ другими арестантами,[3] порицая начальство и государя и говоря, что государя, если не убьютъ, то ядомъ напоятъ; при чемъ разсказывалъ[4] въ подробности случаи, бывшіе въ послѣднее время въ войскахъ, какъ-то: о фельдшерѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, который былъ сужденъ за грубость предъ офицеромъ;[5] о горнистѣ того же полка, жестоко осужденномъ за подачу государю жалобы: о конногвардейскомъ солдатѣ, который ударилъ офицера лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и былъ жестоко наказанъ, потому что одинъ начальникъ дивизіи ѣхалъ по одной сторонѣ, а другой — по другой,

---

[1] Изъ этого видно, что свѣдѣніе о разговорѣ Григорьева дошло до генералъ-маіора Дрентельна не по командѣ. Но онъ, какъ сказано въ дѣлѣ, убѣдился въ справедливости свѣдѣнія личнымъ дознаніемъ, и того же 26 мая, около полуночи донесъ о случившемся начальнику дивизіи генералъ-адъютанту Гильденштуббе, а 27 мая, въ 7 час. утра начальнику корпуснаго штаба генералъ-адъютанту гр. Баранову. Въ 11 час. Григорьевъ арестованъ, въ квартирѣ его сдѣланъ обыскъ и бумаги опечатаны.

[2] Свидѣтелей при разговорѣ Григорьева съ Бродничукомъ не было.

[3] Сущность разговора Григорьева съ арестантами Ивановъ при первомъ допросѣ не показывалъ, а объявилъ на очной ставкѣ.

[4] Другія показанія Иванова подобны этому. Такъ онъ привелъ слова Григорьева: „Государь насъ обидѣлъ, отобралъ крестьянъ, уменьшилъ содержаніе студентамъ и кадетскимъ корпусамъ и вообще всѣмъ дворянамъ худо стало. Насъ (отъ которыхъ государь не спасетъ себя) много: здѣсь, въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ".*) Ивановъ говорилъ, что какъ онъ ни защищалъ государя, Григорьевъ все опровергалъ его. Во время слѣдованія въ херсонскія арестантскія роты Ивановъ объявилъ въ Москвѣ и въ Тулѣ жандармскимъ штабъ-офицерамъ и помощнику окружнаго генерала 6 округа внутренней стражи, что имѣетъ объявить случаи, подобные случаю Григорьева и касающіеся правительства и государя, но открыть ихъ не можетъ, пока не будетъ возвращенъ въ Петербургъ и потому проситъ о вытребованіи его въ С.-Петербургъ для объявленія извѣстныхъ ему замысловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ивановъ жаловался, что онъ отправленъ въ арестантскія роты закованнымъ въ кандалы, будто вслѣдствіе того, что открылъ при слѣдствіи о замыслахъ Григорьева, тогда какъ члены слѣдственной комиссіи увѣряли его, что онъ за подробное показаніе о дѣйствіяхъ Григорьева получитъ награду.

*) Какъ же согласовать это показаніе съ цѣлымъ смысломъ всѣхъ остальныхъ показаній? Тутъ уже начинается принятая правительствомъ система клеветать на всѣхъ людей, народу преданныхъ, выставляя ихъ дворянниками и врагами народными; между тѣмъ, какъ, наоборотъ, узко-дворянскій интересъ представленъ только правительствомъ и его чиновничествомъ. (Прим. ред. „Колокола".)

[5] Васильковскимъ

и приказывали бить крѣпче; о случаѣ, бывшемъ въ саперномъ батальонѣ,[1] гдѣ будто бы на вопросъ его высочества великаго князя Николая Николаевича у дежурнаго офицера — почему арестованный студентъ, возмущавшій солдатъ, не посаженъ подъ караулъ, а взятъ въ дежурную комнату, одинъ изъ офицеровъ сказалъ: „если бы я былъ на его мѣстѣ, то такъ же бы поступилъ, какъ и дежурный офицеръ"; при чемъ Григорьевъ присовокупилъ, что и онъ бы на мѣстѣ этого офицера сказалъ бы то же самое. Далѣе, по словамъ арестанта Иванова, подсудимый Григорьевъ, разсказывая о рядовомъ с.-Петербургскаго арсенала Прохоровѣ, который сорвалъ съ офицера эполеты, сказалъ, что лучше бы Прохоровъ убилъ офицера, „все равно было отвѣчать".[2] Наконецъ, арестантъ Ивановъ показалъ, что, когда онъ, вслѣдствіе вопроса Григорьева о томъ, жестоко ли его наказали, отвѣчалъ, что нынѣ легко наказываютъ, то Григорьевъ сказалъ: который добрый начальникъ, тотъ легко наказываетъ, а который не имѣетъ креста, тотъ наказываетъ жестоко, и приводилъ въ примѣръ наказаніе конногвардейскаго солдата, упоминая, что такихъ посрамленій заграницей нѣтъ, потому что тамъ устроено, и что со временемъ въ Россіи все перемѣнится и солдатамъ будетъ такъ: если на службѣ, то солдатъ, а если на гуляньи, то такой же господинъ. 2. Прочіе арестанты, бывшіе въ госпиталѣ во время двукратнаго дежурства Григорьева, подтвердивъ, что онъ разговаривалъ съ ними и спрашивалъ каждаго о причинѣ преданія суду, объяснили, что онъ вредныхъ мыслей имъ не внушалъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Тратина, Аникіева и Фризе, изъ коихъ первый показалъ, что Григорьевъ разсказывалъ имъ случаи, бывшіе въ саперномъ батальонѣ и кавалергардскомъ полку, при чемъ рядоваго этого полка, который донесъ на художника, покушавшагося возмущать солдатъ,[3] назвалъ дуракомъ и скотиною;[4] второй[5] объяснилъ, что Григорьевъ говорилъ имъ, что государь хотѣлъ уничтожить арестантскія роты, но господа на это не согласились; наконецъ, арестантъ Фризе показалъ, что подсудимый Григорьевъ говорилъ ему, что служба теперь легкая и будетъ еще легче, на казачьихъ правахъ, три или шесть лѣтъ.[6] 3. Изъ госпитальныхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеръ Кулешовъ подъ присягою показалъ, что подсудимый Григорьевъ спрашивалъ его, сколько онъ получаетъ жалованья, и на отвѣтъ его, улыбнувшись, сравнивалъ его положеніе съ гвардейскими солдатами, которые получаютъ гораздо болѣе и служба ихъ легче.

---

[1] При арестованіи студента Яковлева по доносу фельдфебеля Минха.

[2] Замѣчаніе вызвано разсказомъ Иванова, что Прохоровъ прогнанъ черезъ 100 человѣкъ 8 разъ.

[3] Солдатъ, встрѣтивъ въ трактирѣ художника, угощалъ его и когда тотъ сталъ дурно говорить о правительствѣ, предложилъ ему сходить въ погребокъ, напоилъ пьянымъ и отвелъ въ полкъ, за что и былъ награжденъ.

[4] Прибавивъ, если брать всякаго пьянаго и слушать его, то можетъ всякій оговорить изъ-за награды.

[5] Аникіевъ, онъ же и Алексѣевъ.

[6] Спрошенные арестанты показали, что Григорьевъ, разговаривая съ ними преимущественно о причинѣ ихъ содержанія подъ арестомъ, приписывалъ государю вполнѣ благія намѣренія сократить срокъ службы, уничтожить тѣлесныя наказанія и арестантскія роты.

Тотъ же Кулешовъ объяснилъ, что во время разговора Григорьева съ арестантами, онъ слышалъ, что Григорьевъ говорилъ имъ о сокращеніи срока службы на казачьемъ положеніи до 6 лѣтъ, и на замѣчаніе арестантовъ, что въ столь краткій срокъ солдатъ не можетъ быть обученъ, сказалъ, что все устроится и будетъ хорошо. 4. Той же команды унтеръ-офицеръ Бажановъ также подъ присягою показалъ, что Григорьевъ съ нимъ говорилъ, что въ гвардіи служить легче и жалованья даютъ больше. 5. Унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Михайлюкъ подъ присягой объяснилъ, что въ бытность его дежурнымъ въ госпиталѣ вмѣстѣ съ подпоручикомъ Григорьевымъ 22 мая, сей послѣдній, позвавъ его вечеромъ въ дежурную комнату, предложилъ ему пить съ нимъ чай; но когда Михайлюкъ, послѣ двукратнаго приглашенія, на это не согласился, то Григорьевъ, продолжая съ нимъ разговоръ, разсказывалъ ему, что онъ хотѣлъ завести воскресную школу, въ которую бы ходили офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые, и гдѣ бы никто не могъ называть другъ друга „ты“, но что полковой командиръ на это не согласился; и что въ чужихъ земляхъ есть парламенты, гдѣ судятъ по голосамъ.[1] Сверхъ того Михайлюкъ показалъ, что Григорьевъ въ то же время разсказывалъ ему случай, бывшій въ саперномъ баталліонѣ о дерзкомъ отзывѣ, сдѣланномъ однимъ офицеромъ его высочеству великому князю Николаю Николаевичу, въ тѣхъ же словахъ, какъ объяснено выше въ показаніи арестанта Иванова, хотя притомъ и не упоминаетъ, что если бы онъ былъ на мѣстѣ этого офицера, то поступилъ бы точно также. 6. С.-петербургскій плацъ-адъютантъ капитанъ Роштейнъ донесъ, что подсудимый Григорьевъ былъ доставленъ для арестованія къ коменданту и, находясь въ плацъ-адъютантской комнатѣ, говорилъ ему, что онъ, вѣроятно, арестованъ по доносу солдатъ,[2] но что онъ не виноватъ, если читалъ и знаетъ наизусть всѣ прокламаціи, и такъ какъ это его убѣжденіе,[3] то пусть съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ. На замѣчаніе же Роштейна, что онъ удивляется, какъ Григорьевъ можетъ выражаться такимъ образомъ передъ лицомъ оффиціальнымъ и ему незнакомымъ, подсудимый отвѣчалъ, что онъ надѣется, что Роштейнъ, какъ человѣкъ благородный, не донесетъ на него. 7. Бывшій въ этой комнатѣ секретарь комендантскаго управленія, титулярный совѣтникъ Савельевъ, подъ присягою показалъ, что онъ изъ разговора Роштейна съ Григорьевымъ слышалъ только послѣднія, приведенныя Роштейномъ слова, т. е. что Григорьевъ на выраженное Роштейномъ удивленіе, изъявилъ увѣренность, что Роштейнъ, какъ человѣкъ благородный на него не донесетъ. 8. Содержавшійся на

---

[1] На вопросъ военно-судной коммиссіи, съ какою цѣлью Григорьевъ говорилъ Михайлюку о парламентахъ, онъ отозвался, что упомянулъ о нихъ, разсказывая въ продолженіе 6 час. объ иностранныхъ государствахъ. Михайлюкъ также показалъ, что Григорьевъ, ходя съ нимъ съ 9½ час. вечера до 2 час. ночи по коридору, ведущему въ арестантскія палаты, разсказывалъ ему: въ какой губерніи чѣмъ занимаются, въ какихъ государствахъ какія рѣки, моря и города, но ничего противнаго порядку службы не говорилъ.

[2] Григорьевъ считалъ эту причину лишь возможною.

[3] Слѣдствіе не разъяснило, что подразумѣвалъ Григорьевъ подъ словомъ: это

гауптвахтѣ государственнаго банка артиллеріи подполковникъ Зубковъ донесъ, что Григорьевъ, бывшій во то время въ караулѣ па той гауптвахтѣ, въ разговорѣ съ нимъ изъявилъ сочувствіе къ нижнимъ чинамъ, подвергавшимся взысканіямъ за преступленія при настоящемъ несовершенномъ порядкѣ судопроизводства и развивалъ пелѣпыя идеи о равенствѣ всѣхъ сословій, допущеніи женщинъ ко всѣмъ должностямъ, облегченіи развода и предоставленіи всѣмъ полной свободы словами и дѣйствіями обнаруживать свои убѣжденія. 9. Подсудимый Григорьевъ, получивъ въ іюлѣ минувшаго года неизвѣстно откуда пять экземпляровъ возмутительной прокламаціи, „Великоруссъ“, не донесъ о томъ начальству и представилъ тѣ экземпляры полковому командиру только вслѣдствіе его требованія,[1] а въ апрѣлѣ сего года раздавалъ[2] нижнимъ чинамъ, безъ разрѣшенія начальства объявленіе о читальнѣ Серно-Соловьевича, но за оба эти поступка ему же было въ то же время сдѣлано полковымъ командиромъ надлежащее внушеніе. 10. Сверхъ того по дѣлу видно, что вскорѣ послѣ второго дежурства Григорьева во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ между арестантами произошелъ шумъ и крикъ, поводомъ къ которому были возникшіе у нихъ споры о политическихъ вопросахъ, при чемъ арестантъ Фризе, какъ и самъ сознался, осмѣлился произнести нелѣпыя укорительныя слова противъ священной особы вашего императорскаго величества, и арестантъ Алексѣевъ обвиняется въ томъ же преступленіи по показаніямъ своихъ товарищей. Подсудимый Григорьевъ въ отвѣтахъ, данныхъ имъ во время производства слѣдствія и въ военносудной комиссіи, и на очныхъ ставкахъ съ обвиняющими его лицами, отвергая взводимыя на него какъ унтеръ-офицеромъ Бродничукомъ и арестантомъ Ивановымъ, такъ и прочими лицами, обвиненія, сознался въ самовольной отлучкѣ съ дежурства 24-го апрѣля и въ томъ, что неоднократно приглашалъ унтеръ-офицеровъ пить съ собой чай и разговаривалъ какъ съ ними, такъ и съ арестантами о разныхъ предметахъ, касающихся ихъ жизни и службы; если же притомъ упоминалъ о существующихъ заграницей законодательствахъ и судебныхъ учрежденіяхъ и о нѣкоторыхъ политическихъ событіяхъ, бывшихъ въ послѣднее время, то отвѣчалъ на ихъ разспросы и имѣлъ цѣлью предотвратить ложное съ ихъ стороны по сему предмету толкованіе и убѣдить ихъ въ невозможности примѣнить къ Россіи политическія учрежденія другихъ государствъ, по неразвитости и необразованности народа. Между прочимъ, Григорьевъ сознался:

---

[1] При чемъ генералъ-маіоръ Дрентельнъ, по показанію Григорьева, впрочемъ, отвергнутому Дрентельномъ, спрашивалъ Григорьева, раздѣляетъ ли онъ убѣжденія „Великорусса“.

[2] Генералъ-маіоръ Дрентельнъ увѣдомилъ, что объявленіе объ открытіи читальни принесено было Григорьевымъ въ числѣ 10 или 15 экземпляровъ въ полковую канцелярію. Получившій ихъ старшій писарь представилъ ихъ полковому адъютанту, а послѣдній — Дрентельну, который сдѣлалъ Григорьеву строгій выговоръ за то, что онъ объявленіе это, хотя и съ разрѣшенія правительства (с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера) напечатанное, хотѣлъ распространить въ полку, не спросивъ разрѣшенія. (Объявленіе было объ открытіи книжнаго магазина и читальни, съ платою за день со взрослаго по трм копейки, а съ малолѣтнихъ по одной копейкѣ.)

1. что арестанты при разговорахъ съ нимъ въ корридорѣ отзывались дурно о своихъ начальникахъ и онъ имъ не противорѣчилъ, не потому, чтобы соглашался съ ними, а потому, что хотѣлъ узнать ихъ мнѣнія.

2. На разспросы арестантовъ о случаяхъ, бывшихъ въ кавалергардскомъ полку и въ саперномъ батальонѣ, онъ разсказывалъ имъ такъ, какъ самъ слышалъ, что въ кавалергвардскомъ полку солдатъ, встрѣтивъ въ трактирѣ художника, который дурно отзывался о правительствѣ, напоилъ его пьянымъ и потомъ привелъ въ дежурную комнату; а въ саперномъ батальонѣ какой-то студентъ, также дурно отзывавшійся о правительствѣ, былъ представленъ фельдфебелемъ батальонному командиру, и когда былъ посаженъ дежурнымъ офицеромъ, вопреки приказанію батальоннаго командира, вмѣсто гауптвахты, въ дежурную комнату, то на вопросъ его имп. выс. в. к. Николая Николаевича о причинѣ подобнаго распоряженія, другой офицеръ вышелъ и сказалъ: „я бы то же самое сдѣлалъ.“

3. Что онъ опровергалъ мнѣніе арестантовъ о томъ, будто бы фельдшеръ лейбъ-гвар. Измайловскаго полка былъ осужденъ несправедливо.

4. Желая примирить ихъ съ настоящимъ положеніемъ, старался внушить арестантамъ, что государь желаетъ всѣмъ добра, что даже было предположено сократить службу до 6 лѣтъ и что арестантскія роты гражданскаго вѣдомства уничтожены.

5. Что онъ разсказывалъ унтеръ-офицеру Михайлюку о предположеніи открыть въ полку воскресную школу, присовокупляя, что полковой командиръ на это вѣроятно не согласился бы, потому что по правиламъ воскресныхъ школъ нужно всѣмъ говорить „вы“.

6. Что онъ, разговаривая съ солдатами, старался ихъ развивать и нападалъ на тѣлесныя наказанія.

7. Въ разговорѣ съ подполковникомъ Зубковымъ, хотя изъявлялъ участіе къ преступникамъ, но не потому, что ихъ строго наказывали, а потому, что ему жалко всякаго человѣка; равнымъ образомъ говорилъ и о предстоящихъ реформахъ въ государствѣ, уже оффиціально объявленныхъ, и излагалъ мнѣнія свои о необходимости распространить на всѣ сословіи обязанность уплаты податей и несенія военной службы, а также о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій и объ облегченіи развода. Наконецъ Григорьевъ, хотя и не сознавался въ разговорѣ съ унтеръ-офицеромъ Кулешовымъ относительно сравненія положенія его со службою гвардейскихъ солдатъ, но противъ обвиненія унтеръ-офицера Бажанова, который подъ присягою утверждалъ, что подсудимый имѣлъ и съ нимъ подобный же разговоръ, Григорьевъ отозвался, что онъ разговора съ Бажановымъ не упомнитъ.

Изъ вышеприведеннаго усматривается, что на подсудимаго Григорьева возникло обвиненіе: 1. въ произнесеніи предъ нижними чинами преступныхъ словъ противъ священной особы вашего импер. величества и въ склоненіи ихъ къ возмущенію. 2. въ покушеніи поселить между нижними чинами и арестан-

тами неудовольствіе къ существующему порядку и недовѣріе къ начальству.

Первое изъ означенныхъ обвиненій основано на показаніяхъ арестанта Иванова и унтеръ-офицера Бродничука, спрошенныхъ безъ присяги, а потому не имѣющихъ полной достовѣрности, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ обвинителей, арестантъ Ивановъ, самъ оказался изобличеннымъ въ подлогахъ. Но принимая во вниманіе совокупность означенныхъ показаній, своевременное заявленіе о томъ, сдѣланное Бродничукомъ фельдфебелю Иванову, что подтвердилъ и сей послѣдній, и въ особенности вредный образъ мыслей Григорьева, обнаруженный какъ собственными его показаніями, такъ и другими обстоятельствами дѣла, генералъ-аудиторіатъ находитъ, что подпоручикъ Григорьевъ навлекаетъ въ томъ на себя сильное подозрѣніе. Что же касается до второго изъ упомянутыхъ обвиненій, то изъ собственныхъ показаній подсудимаго видно, что неумѣстно фамильярно обращался съ нижними чинами[1] и арестантами и входилъ съ ними въ продолжительные разговоры о такихъ предметахъ, которые выходятъ изъ круга ихъ понятій, выслушивалъ безъ противорѣчія укорительные отзывы арестантовъ о своихъ начальникахъ и тѣмъ самымъ какъ бы подтверждалъ справедливость ихъ жалобъ; разсказывалъ имъ и нижнимъ чинамъ о событіяхъ, бывшихъ въ кавалергардскомъ полку и въ саперномъ батальонѣ, совершенно въ превратномъ видѣ, съ очевидною цѣлью выставить дѣйствія начальства съ неблагопріятной стороны и даже осмѣливался разсказывать о дерзкомъ отзывѣ, будто бы сдѣланномъ однимъ офицеромъ его имп. выс. вел. кн. Николаю Николаевичу, тогда какъ, не участвуя по обязанностямъ службы въ изслѣдованіи означенныхъ дѣлъ, если и зналъ о нихъ по народному слуху, то ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ говорить о томъ съ арестантами и распространять между ними дошедшія до него въ превратномъ видѣ или имъ самимъ вымышленныя свѣдѣнія; распускалъ между арестантами и нижними чинами ложный слухъ о предстоящемъ сокращеніи срока службы до 6 лѣтъ и о совершенномъ будто бы упраздненіи арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; объяснялъ унтеръ-офицеру Михайлюку о затрудненіи, встрѣченномъ къ открытію въ полку воскресной школы по случаю несогласія полковаго командира, потому только, что въ школѣ всѣ должны говорить другъ другу „вы“; нападалъ на тѣлесныя наказанія, сообщалъ свѣдѣнія о существующемъ заграницею устройствѣ судебнаго и законодательнаго управленій, по мнѣнію его болѣе совершенномъ, нежели устройство подобныхъ учрежденій въ Россіи, причемъ хотя и объяснялъ, что говорилъ имъ объ этомъ съ цѣлью доказать невозможность введенія подобнаго порядка въ Россіи по случаю неразвитости и необразованности народа, но тѣмъ не менѣе могъ

[1] Съ нѣкоторыми изъ нихъ Григорьевъ уже за три года до того занимался на дому математикою. Они подъ присягою показали, что Григорьевъ съ ними никакихъ разговоровъ, постороннихъ наукѣ, не имѣлъ. Бывшіе съ нимъ въ караулѣ съ марта мѣсяца 5 унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ 3 пили у Григорьева на дежурствѣ чай, были также спрошены подъ присягою, но въ ихъ показаніяхъ ничего обвиняющаго не оказалось.

и долженъ былъ вселить въ слушателяхъ, по образованію своему неприготовленныхъ къ обсужденію подобнаго рода вопросовъ, чувство неудовольствія къ существующему порядку. Независимо отъ сего, по показанію двухъ госпитальныхъ нижнихъ чиновъ, отобранныхъ подъ присягою и составляющихъ полное по закону доказательство, Григорьевъ оказывается виновнымъ въ изъявленіи имъ сожалѣнія при сравненіи участи ихъ со службою гвардейскихъ солдатъ. Совокупность означенныхъ обстоятельствъ вполнѣ доказываетъ, что Григорьевъ въ разговорѣ съ нижними чинами и арестантами имѣлъ цѣлью возбудить между ними чувство недовѣрія къ начальству и правительству и недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, что подтверждается и обнаруженнымъ имъ въ высшей степени вреднымъ образомъ мыслей, который засвидѣтельствованъ плацъ-адъютантомъ Роштейномъ и подполковникомъ Зубковымъ. И хотя Григорьевъ отвергаетъ справедливость ихъ показаній, но первое изъ нихъ отчасти подтверждается отобраннымъ подъ присягою показаніемъ секретаря комендантскаго управленія, который слышалъ послѣднія слова разговора Роштейна съ Григорьевымъ, когда послѣдній изъявлялъ увѣренность, что Роштейнъ на него не донесетъ, чего бы не имѣлъ надобности говорить, еслибы не сообщалъ Роштейну чего-либо противозаконнаго.

По симъ соображеніямъ признавая подсудимаго подпоручика Григорьева вполнѣ изобличеннымъ въ распространеніи между нижними чинами — посредствомъ разговоровъ и сообщенія ложныхъ слуховъ, превратныхъ понятій о ихъ обязанностяхъ относительно начальства и правительства и въ покушеніи поселить между ними чувство неудовольствія къ существующему порядку и имѣя въ виду, что означенный видъ преступленія не предусмотрѣнъ полевыми законами и общими военно-уголовными законами, генералъ-аудиторіатъ на основаніи 83 ст. кн. I Воен. Угол. къ уложенію о наказ. Угол. и Исправит., согласно 308 ст. сего уложенія полагаетъ:

1. Подпоручика Николая Григорьева, за означенныя преступленія, по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства, бронзовой медали въ память войны 1855—1856 г. и всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а въ произнесеніи преступныхъ словъ противъ священной особы вашего императорскаго величества и въ склоненіи нижнихъ чиновъ къ возмущенію, оставить въ сильномъ подозрѣніи.

2. Какъ относительно лицъ, виновныхъ въ произнесеніи нелѣпыхъ укорительныхъ выраженій противъ священной особы вашего императ. велич., высочайшимъ повелѣніемъ 4-го декабря 1852 г. установленъ особый порядокъ, на основаніи котораго военные начальники, предварительно предоставленія подобнаго рода дѣламъ дальнѣйшаго хода въ установленномъ законномъ порядкѣ должны предоставлять военному министру для испрошенія на каждый отдѣльный случай высочайшаго разрѣшенія, то предоставить тому начальству, въ вѣдѣніи котораго находятся арестанты Алексѣевъ и Фризе, обвиняемые въ означенномъ преступленіи, поступить согласно указанному выше порядку.

3. Поступокъ фельдфебеля лейб.-гвард. Измайловскаго полка Александра Иванова, который, получивъ 25 апрѣля свѣдѣнія о преступныхъ внушеніяхъ, сдѣланныхъ подсудимымъ Григорьевымъ унтеръ-офицеру Бродничуку, не донесъ о томъ начальству, которое извѣстилось о томъ только въ концѣ мая, сообщить по принадлежности на разсмотрѣніе его начальства.

Сіе заключеніе генералъ-аудиторіатъ представляетъ на высочайшее вашего импер. величества благоусмотрѣніе.

Къ дѣламъ Хмѣленскаго, Карзона, Дьяконова и другихъ.

Кромѣ помѣщенныхъ въ I томѣ сборника „Государственныя преступленія въ Россіи" въ 1862 году были еще слѣдующія политическія дѣла:

1. О поручикѣ Хмѣленскомъ. Въ № 146 „Колокола" напечатано:

„Утверждена конфирмація е. и. в. Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ надъ исключеннымъ изъ службы, изъ 4-й артиллерійской бригады, поручикѣ Хмѣленскомъ I, который, за побѣгъ за-границу, объявляется измѣнникомъ, лишеннымъ чиновъ, дворянства, медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и присуждается, въ случаѣ возвращенія изъ-за границы, къ ссылкѣ въ каторжную работу въ одну изъ сибирскихъ крѣпостей на десять лѣтъ."

2. О студентахъ Карзонѣ и Овсяномъ. Въ № 143 „Колокола" напечатано:

„Преданы военному суду въ Ковенской губерніи студенты московскаго университета Карзонъ и Овсяный. У перваго была найдена статья объ уничтоженіи крѣпостного состоянія съ критическимъ замѣчаніемъ на счетъ Николая I и Александра II и письмо объ устройствѣ политическаго общества, писанное къ другимъ студентамъ. У Овсянаго нашли 400 экземпляровъ польскаго гимна."

3. О морякахъ Дьяконовѣ, Труведлерѣ и др. Въ № 152 „Колокола" напечатано:

Дѣло Дьяконова, Труведлера и пр.

№ 470, 3 ноября 1862 года. Морской генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о гардемаринѣ 8-го флотскаго экипажа Владимірѣ Дьяконовѣ, преданномъ суду по обвиненію въ распространеніи возмутительныхъ сочиненій, нашелъ его виновнымъ въ томъ, что онъ имѣлъ у себя сочиненія русской печати въ Лондонѣ, враждебныя по цѣли ихъ общественному порядку въ Россіи и не представилъ ихъ начальству. За преступленіе это генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь 299, 312 ст. II кн., 78, 80 и 81 ст. I кн. св. мор. угол. пост. и по силѣ 279, 285, 286 и 62 ст. I кн., XV т. св. зак. полагалъ: гардемарина Дьяко-

нова выдержать подъ арестомъ въ крѣпости три мѣсяца; затѣмъ оставить подъ строгимъ надзоромъ ближайшаго начальства, и обойти одинъ разъ производствомъ въ офицеры. Изъ прикосновенныхъ къ дѣлу сему лицъ оказались виновными: 1. Командиръ фрегата „Олегъ", капитанъ 2 ранга Андреевъ 2-й въ слабомъ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей по надзору за гардемаринами; въ непринятіи всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣръ противъ дѣйствій юнкера Трувеллера, послѣ изобличенія его въ раздачѣ нижнимъ чинамъ книжекъ возмутительнаго содержанія, такъ какъ онъ, Трувеллеръ, хотя и былъ за это арестованъ, запрещеніемъ ему съѣзда съ фрегата, но оставался на немъ свободнымъ, кромѣ того, въ дозволеніи ему съѣхать на берегъ по прибытіи фрегата въ Кронштадтъ, и въ томъ, что не поспѣшилъ немедленно донести начальству о преступленіи Трувеллера. 2. Старшій офицеръ фрегата „Олегъ", лейтенантъ Ермолаевъ I-й, въ недостаточномъ исполненіи обязанностей, по званію его, относительно надзора за гардемаринами, что особенно лежало на немъ по силѣ 323 ст. мор. уст.; въ допущеніи по сему безпорядковъ, чтенія запрещенныхъ сочиненій и неумѣстныхъ разсужденій по нимъ, которыя происходили между гардемаринами въ каюткомпаніи, чего не могло бы быть при болѣе строгомъ пониманіи своихъ обязанностей со стороны лейтенанта Ермолаева I, какъ опредѣлены онѣ въ морскомъ уставѣ. 3. Служившіе на фрегатѣ „Громобой", лейтенантъ Яновъ, капитанъ корпуса штурмановъ Дьяконовъ, лекарь Георгіевскій и гардемарины (нынѣ мичманы) Киринъ и Давыдовъ обвиняются въ томъ, что имѣли у себя недозволенныя у насъ сочиненія, въ числѣ коихъ не было, впрочемъ, возмутительныхъ воззваній. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ: капитану 2-го ранга Андрееву 2 сдѣлать строгій выговоръ, а лейтенанту Ермолаеву I сдѣлать выговоръ и устранить его на двѣ кампаніи отъ должности старшаго офицера со внесеніемъ обоимъ штрафовъ въ формулярные списки. Лицъ же поименованныхъ прикосновенными въ 3-мъ пунктѣ, на которыхъ, по дѣлу, не представляется никакихъ данныхъ къ подозрѣнію въ преступныхъ намѣреніяхъ, полагалъ, слѣдуя 1371 ст. I кн., XV т., предоставить начальству, за привозъ запрещенныхъ сочиненій, арестовать въ административномъ порядкѣ на одну недѣлю съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Положеніе это на основаніи 397 ст., II кн. св. мор. угол. пост., я повергалъ на высочайшее благоусмотрѣніе государя императора и на всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдовала 22-го минувшаго октября, собственноручная его императорскаго величества конфирмація. „Быть по сему."

Въ № 190 „Колокола" напечатанъ слѣдующій приговоръ надъ Трувеллеромъ:

„Юнкеръ Владиміръ Трувеллеръ, 21 года, за распространеніе напечатанныхъ заграницей возмутительныхъ воззваній между нижними чинами фрегата „Олегъ", морской генеріалъ-аудиторіатъ приговорилъ лишить воинскаго званія, правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ."

„Трувеллеръ, — добавляетъ „Колоколъ", — велъ себя съ необыкновенною твердостью и благородствомъ."

Къ біографіи Н. П. Огарева.

Въ № 122—123 „Колокола“ напечатано:

„О считаніи отставнаго коллежскаго регистратора изъ дворянъ Николая Платонова Огарева вѣчнымъ изгнанникомъ изъ предѣловъ отечества. Высочайше конфирмованнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отставной коллежскій регистраторъ изъ дворянъ, Николай Платоновъ Огаревъ, 46 лѣтъ, за неисполненіе объявленнаго ему высочайшаго повелѣнія о возвращеніи изъ Англіи въ отечество, на основаніи 24 и 358 ст. XV т. Зак. Угол., I кн., лишенъ всѣхъ правъ состоянія и подвергнутъ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, о чемъ и объявлено ему въ Лондонѣ черезъ русское посольство.“

„Молодая Россія“ и другія прокламаціи 1862 г.

Въ 1862 году въ Россіи появилось нѣсколько новыхъ прокламацій, напечатанныхъ въ тайныхъ типографіяхъ. Среди нихъ особенно много шума надѣлала прокламація „Молодая Россія“; такъ какъ она написана въ крайне рѣзкомъ (и, въ сущности, крайне утопическомъ) духѣ, то появленіемъ ея воспользовались всѣ реакціонные элементы общества, дабы указать, куда, молъ, „мы идемъ“. Это, конечно, въ порядкѣ вещей, но дѣло въ томъ, что появленіе этого листка, особенно въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что оно совпало съ извѣстными петербургскими пожарами, испугались и тогдашніе либералы. Даже нѣкоторые изъ эмигрантовъ, напримѣръ, Блюммеръ, не могли себѣ объяснить появленіе „Молодой Россіи“ иначе, какъ полицейской провокаціей. Наконецъ, съ осужденіемъ этой прокламаціи выступилъ и М. А. Бакунинъ.[1] Словомъ, „смута“ вышла большая. Замѣчательное слово по этому поводу сказалъ лишь въ статьѣ „Молодая и старая Россія“, въ № 139 „Колокола“ А. И. Герценъ. Поэтому рядомъ съ прокламаціей „Молодая Россія“, которую мы перепечатываемъ полностью,[2] мы воспроизводимъ также и относящуюся къ ней статью Герцена „Молодая и старая Россія“.

Также полностью воспроизводимъ мы здѣсь появившіяся въ 1862 году прокламаціи „Къ образованнымъ классамъ“, „Офицерамъ“, „Земская Дума“ и „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти“.[3] **Редакція.**

---

[1] См. брошюру Бакунина: „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“. Лондонъ 1862 г. стр. 32 и слѣдующія. Ред.

[2] Прокламація „Молодая Россія“ была перепечатана полностью съ подлинника въ № 4 журнала „Свободное Слово“ за 1862 г. (стр. 312—327), откуда мы ее и заимствуемъ. Уже изъ „Свободнаго Слова“ эта же прокламація была перепечатана въ книгѣ Драгоманова „Письма Бакунина къ Герцену и Огареву“ (стр. 549—552), но въ ней опущенъ эпиграфъ къ прокламаціи изъ статьи Герцена „Робертъ Оуэнъ“. Въ книгѣ г. Бурцева прокламація приведена лишь въ отрывкахъ. Въ книгѣ г. Куклина приведены опять-таки только тѣ же отрывки изъ прокламаціи, которая находится и въ книгѣ г. Бурцева. Полный комплектъ „Свободнаго Слова“ интересующіеся могутъ найти въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Ред.

[3] Прокламаціи „Къ образованнымъ классамъ“, „Земская Дума“ и „Офицерамъ“ были напечатаны въ „Колоколѣ“ (№№ 133, 139 и 148), послѣднія двѣ перепечатаны

МОЛОДАЯ РОССІЯ.

„Крайности ни въ комъ нѣтъ, но всякій можетъ быть незамѣнимой дѣйствительностью; предъ каждымъ открытыя двери. Есть что сказать человѣку — пусть говоритъ, слушать его будутъ; мучитъ его душу убѣжденіе — пусть проповѣдуетъ. Люди не такъ покорны, какъ стихіи, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной массой; ни она несамобытна, ни мы независимы отъ общаго фона картины, отъ одинакихъ предшествовавшихъ вліяній, связь общаго есть. Теперь вы понимаете отъ кого и кого зависитъ будущность людей и народовъ? — „Отъ кого?" — Какъ отъ кого?... да отъ насъ съ вами, напримѣръ. Какъ же послѣ этого сложить намъ руки."

А. Герценъ. Робертъ Оуэнъ.

Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія. Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части, интересы которыхъ діаметрально противоположны, и которыя, слѣдовательно, стоятъ враждебно одна къ другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа, угнетаемаго и оскорбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти, народа, который грабятъ чиновники и помѣщики, продающіе ему его же собственность — землю, грабитъ и царь, увеличивающій болѣе чѣмъ вдвое прямыя и косвенныя подати и употребляющій полученныя деньги не на пользу государства, а на увеличеніе распутства двора, на приданное фрейлинамъ-любовницамъ, на награду холоповъ, прислуживающихъ ему, да на войско, которымъ хочетъ оградиться отъ народа.

Опираясь на сотни тысячъ штыковъ, царь отрѣзываетъ у большей части народа (у казенныхъ крестьянъ) землю, полученную ими у своихъ отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ это въ видахъ государственной необходимости и въ то же время, какъ бы въ насмѣшку надъ бѣднымъ, ограбляемымъ крестьяниномъ, даруетъ по нѣскольку тысячъ десятинъ генераламъ, покрывшимъ русское оружіе неувядаемою славою побѣдъ вадъ безоружными толпами крестьянъ, чиновникамъ, вся заслуга которыхъ — немилосердный грабежъ народа, тѣмъ, которые умѣютъ ловчѣе подать тарелку, налить вино, красивѣе танцовать, лучше льстить.

Это всѣми притѣсняемая, всѣми оскорбляемая партія, партія — народъ.

Сверху надъ нею стоитъ небольшая кучка людей, довольныхъ, счастливыхъ. Это помѣщики, предки которыхъ, или они сами,

---

также въ „Свободномъ Словѣ" (№ 2, стр. 311—312 и № 3, стр. 212—214). Изъ этихъ источниковъ мы ихъ и заимствуемъ. Всѣ эти три прокламаціи были недавно перепечатаны также въ № 6 журнала „Былое". О прокламаціи „Земская Дума" упоминается въ приговорѣ надъ Н. А. Серно-Соловьевичемъ и др. (См. „Государственныя преступленія въ Россіи" т. I, стр. 234). Что касается прокламаціи „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти", то это именно и есть та прокламація, которую написалъ Д. И. Писаревъ и за что онъ такъ долго сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Прокламація эта перепечатана въ № 4 „Свободнаго Слова", (стр. 310—311), откуда мы ее и заимствуемъ. Съ небольшимъ пропускомъ прокламація эта напечатана также въ книгѣ г. Бурцева „За сто лѣтъ". Ред.

были награждены населенными имѣніями за свою службу. Это — потомки бывшихъ любовниковъ императрицъ, щедро одаренные при отставкѣ. Это — купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежемъ и обманомъ, это — чиновники, накравшіе себѣ состоянія. Однимъ словомъ, всѣ имущіе, всѣ, у кого есть собственность родовая или благопріобрѣтенная. Во главѣ ея царь. Ни онъ безъ нея, ни она безъ него существовать не могутъ. Падетъ одинъ, — уничтожится и другая. Въ настоящее время партія либеральничаетъ, обиженная отнятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, ругаетъ государя, требуетъ конституціи, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою и звено соединенія — собственность. Она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности, и потому въ минуту возстанія окружитъ своего естественнаго представителя — царя. Это — партія императорская.

Между этими двумя партіями издавна идетъ споръ, — споръ, почти всегда кончавшійся не въ пользу народа. Но едва проходило нѣсколько времени послѣ пораженія, народная партія снова выступала. Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ — за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровымъ — и противъ всей императорской партіи.

Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій, антагонизму, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ, присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка. Въ современномъ общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно, все нелѣпо отъ религіи, заставляющей вѣровать въ несуществующее, въ мечту разгоряченнаго воображенія — Бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики, отъ узаконенія торговли, этого организованнаго воровства, и до признанія за разумное положеніе работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными.

Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшіа силы, одинъ — революція, революція кровавая и неумолимая, — революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.

Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это, и всетаки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!

Понимаетъ необходимость революціи инстинктивно и масса народа, понимаетъ и небольшой кружокъ нашихъ дѣйствительно передовыхъ людей . . . и вотъ изъ среды ихъ выходятъ одинъ за другимъ эти предтечи революціи и призываютъ народъ на святое дѣло возстанія, на расправу съ своими притѣснителями, на судъ съ императорской партіей. Разстрѣливаніе за непониманіе дурацкихъ положеній 19 февраля, работа въ рудникахъ за указаніе безнадежности настоящаго положенія, ссылка въ отдаленныя губерніи, ссылка гуртомъ въ каторжныя работы за публичное заявленіе своего мнѣнія, за молитву въ церквахъ по убитымъ, — вотъ чѣмъ отвѣчаетъ императорская партія имъ! — Императорская партія! думаете ли вы остановить этимъ революцію, думаете ли запугать революціонную партію? или до сихъ поръ вы не поняли, что всѣ эти ссылки, аресты, разстрѣливанія, засѣченія на смерть мужиковъ ведутъ къ собственному же вашему вреду, усиливаютъ ненависть къ вамъ и заставляютъ тѣснѣе и тѣснѣе смыкаться революціонную партію, что за всякаго члена, выхваченнаго вами изъ ея среды, отвѣтите вы своими головами? Мы предупреждаемъ и ставимъ на видъ это только вамъ, члены императорской партіи, и ни слова не говоримъ о вашихъ начальникахъ, около которыхъ вы группируетесь, о Романовыхъ — съ тѣми разсчетъ другой! Своею кровью они заплатятъ за бѣдствія народа, за долгій деспотизмъ, за непониманіе современныхъ потребностей. Какъ очистительная жертва сложитъ головы весь домъ Романовыхъ! Больше же ссылокъ, больше казней! Раздражайте, усиливайте негодованіе общественнаго мнѣнія, заставляйте революціонную партію опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всѣмъ этимъ ускорите революцію, и что, чѣмъ сильнѣе гнетъ теперь, тѣмъ безпощаднѣе будетъ месть! Революціи все способствуетъ въ настоящее время: волненіе Польши и Литвы, финансовый кризисъ, увеличеніе налоговъ, окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса весною 1863 г., когда крестьяне увидятъ, что они кругомъ обмануты царемъ и дворянами; а тутъ еще носятся слухи о новой войнѣ, поговариваютъ, что государь поздравилъ уже съ нею гвардію. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россія дойдетъ до банкротства. Тутъ-то и вспыхнетъ возстаніе, для котораго достаточно будетъ незначительнаго повода! Но можетъ случиться, что крестьяне возстанутъ не сразу въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а отдѣльными деревнями, что войско не успѣетъ пристать къ нимъ, что революціонная партія не успѣетъ сговориться, не достаточно централизуется, и заявитъ свое существованіе не общими, а частными вспышками, императорская партія подавитъ ихъ — и дѣло революціи снова остановится на нѣсколько лѣтъ. Для избѣжанія этого Центральный Революціонный Комитетъ въ полномъ своемъ собраніи 7 апрѣля рѣшилъ: Начать изданіе журнала, который выяснилъ бы публикѣ принципы, за которые онъ борется, и въ то же время служилъ бы органомъ революціонной партіи въ Россіи. Въ немъ будутъ помѣщаться отчеты о засѣданіяхъ комитета, будутъ предлагаться вопросы на обсужденіе провинціаль-

нымъ комитетамъ, будутъ заявляться публикѣ мнѣнія революціонной партіи о каждомъ важномъ событіи. Комитетъ вынужденъ былъ приступить къ изданію своего органа и тѣмъ, что еще ни одинъ изъ издаваемыхъ журналовъ не выяснилъ обществу революціонной пропаганды. Для доказательства этого мы обратимся къ двумъ органамъ: „Колоколу“ и „Великоруссу“. Несмотря на все наше глубокое уваженіе къ А. И. Герцену, какъ публицисту, имѣвшему на развитіе общества большое вліяніе, какъ человѣку, принесшему Россіи громадную пользу, мы должны сознаться, что „Колоколъ“ не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ. Съ 1849 г. у Герцена начинается реакція: испуганный неудачною революціею 48 года, онъ теряетъ всякую вѣру въ насильственные перевороты. Два, три неудавшихся возстанія въ Миланѣ, ссылка и смерть на его глазахъ французскихъ республиканцевъ, наконецъ, казнь Орсини, окончательно тушатъ его революціонный задоръ и онъ принимается за изданіе журнала съ либеральною (не болѣе) программою. „Колоколъ“, встрѣченный живымъ привѣтомъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ, вскорѣ становится загадкою для людей дѣйствительно революціонныхъ. Гдѣ же разборъ современнаго политическаго и общественнаго быта Россіи, гдѣ проведеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ должно построиться новое общестоо? Проходитъ еще годъ, и „Колоколъ“, оказывая вліяніе на правительство, уже совсѣмъ становится конституціоннымъ. Увлеченіе имъ молодежи уменьшается, революціонная партія ищетъ другого органа, и, если онъ читается, то этому способствуетъ еще прежняя слава Герцена, Герцена, привѣтствовавшаго революцію, Герцена, упрекавшаго Ледрю-Роллена и Луи-Блана въ непослѣдовательности, въ томъ, что они, имѣя возможность, не захватили диктатуры въ свои руки и не повели Францію по пути кровавыхъ реформъ для доставленія торжества рабочимъ. Наконецъ, его надежды на возможность принесенія добра Александромъ или кѣмъ-нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо человѣка, говорившаго, что пора начать бить въ набатъ и призвать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи; надежда на мирный переворотъ; его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что-нибудь сдѣлать, — окончательно уронили журналъ въ глазахъ революціонной партіи. Но намъ могутъ возразить, что ошибаемся мы, а не Герценъ, что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ проистекло изъ знакомства съ исторіею Запада, отъ его увѣренности, что каждая революція создаетъ своего Наполеона. Мы отвѣтимъ на это, что и самъ Герценъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, да и революціи кончались худо отъ непослѣдовательности людей, поставленныхъ во главѣ ея. Мы изучили исторію Запада, и это изученіе не прошло для насъ даромъ: мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ террористовъ 92 года, мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современ-

наго порядка приходится пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито якобинцами въ 90-хъ годахъ! Въ іюлѣ прошлаго года появился въ Россіи „Великоруссъ“. Несмотря на всю ошибочность и отсталость его мнѣній, несмотря на радикальную противоположность ихъ съ нами, мы всетаки должны заявить свое уваженіе къ редакціи его, издавшей въ Россіи же протестъ противъ существующаго порядка. Успѣхъ „Великорусса“ былъ громадный, что и надо было предвидѣть въ началѣ. Удовлетворяя и, какъ нельзя лучше, совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества, т. е. массы помѣщиковъ, стремящихся хоть чѣмъ-нибудь нагадить правительству и опасающихся въ то же время даже тѣни революціи, грозящей поглотить ихъ самихъ, кучку бездарныхъ литераторовъ, сданныхъ за ветхостью въ архивъ, а во время Николая считавшихся за прогрессистовъ, онъ всетаки не могъ составить около себя партіи. Его читали, объ немъ говорили, да и только. Онъ вызывалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побоится отдать приказъ стрѣлять въ собравшійся народъ, своими невинными адресами, которыми думаетъ спасти Россію. Объ остальныхъ заграничныхъ журналахъ даже и упоминать не стоитъ. Не понимаемъ, зачѣмъ это уѣзжаютъ изъ Россіи господа вродѣ Блюммера и кн. Долгорукова: шли бы себѣ они рука объ руку съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Сѣверной Почтой“, да вызывали бы всѣми своими принципами презрѣніе всѣхъ честныхъ людей. О прокламаціяхъ (на всякой брошюрѣ, изданной нами, будетъ стоять: „Изд. Центр. Рев. Ком.“), выходившихъ въ послѣднее время въ такомъ изобиліи, тоже распространяться не стоитъ: неимѣніе опредѣленныхъ принциповъ, пустое, ничего не значущее и ни къ чему не ведущее либеральничанье — вотъ отличительныя черты ихъ. Не находя ни въ одномъ органѣ полнаго выраженія революціонной программы, мы помѣщаемъ теперь главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество, а въ слѣдующихъ номерахъ постараемся развить подробнѣе каждое изъ этихъ положеній.

Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякій человѣкъ долженъ непремѣнно приписаться къ той или другой изъ общинъ; на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ, впрочемъ, можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не въ пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество лѣтъ

по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, но по смерти дѣлается достояніемъ общины.

Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались самимъ народомъ; требуемъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

Мы требуемъ, чтобы, кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія Областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней.

Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде поставленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ; желаемъ, чтобы они падали всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобы Національное Собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже Областныя Собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ составѣ собранія рѣшаютъ, какую подать долженъ платить какой членъ ея, при чемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго, однимъ словомъ, вводится налогъ прогрессивный.

Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ насчетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія насчетъ общества больныхъ и стариковъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія.

Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины: требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а, слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства.

Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата — монастырей, мужскихъ и женскихъ — тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концовъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди, ничего

не дѣлающіе, которымъ пріятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ то же время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отобраны въ пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы. Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

Мы требуемъ полной независимости Польши и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіею.

Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшенія по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной республики русской.

Безъ сомнѣнія мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы, какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы — доказываетъ прошлое французское Собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, къ намъ обратятся съ вопросомъ: на кого же мы надѣемся, гдѣ тѣ элементы, сгруппировать которые мы хотимъ, кто на нашей сторонѣ?

Мы надѣемся на народъ; онъ будетъ съ нами, въ особенности старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Забитый и ограбленный крестьянинъ станетъ вмѣстѣ съ нами за свои права, онъ рѣшитъ дѣло, но не ему будетъ принадлежать иниціатива его, а — войску и нашей молодежи.

Мы надѣемся на войско, надѣемся на офицеровъ, возмущенныхъ деспотизмомъ двора, той презрѣнной ролью, которую они играли и теперь еще играютъ, убивая своихъ братьевъ поляковъ и крестьянъ, повинуясь безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ государя. Они вспомнятъ сентябрскій приказъ, разберутъ хорошенько, въ какое положеніе поставятъ себя, если станутъ исполнять его, да кстати вспомнятъ и свои славныя дѣйствія въ 1825 г., вспомнятъ безсмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззваніемъ къ ней мы оканчиваемъ нынѣшній нумеръ журнала, потому что она заключаетъ въ себѣ все лучшее Россіи, все живое, все, что станетъ

на сторонѣ движенія, все, что готово пожертвовать собою для блага народа.

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стоять во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной дѣятельности, смотри, чтобъ тебя не застали врасплохъ! Готовься, а для того сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми Центральный Революціонный Комитетъ самъ постарается войти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей дѣйствительно революціонныхъ и на которыхъ вы можете вполнѣ положиться.

Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская! — Двинемся на Зимній дворецъ истребить живущихъ тамъ. Можетъ случиться, что все дѣло кончится однимъ истребленіемъ императорской фамиліи, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но можетъ случиться, — и это послѣднее вѣрнѣе, что вся императорская партія, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за государя, потому что здѣсь будетъ итти вопросъ о томъ, существовать ей самой или нѣтъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ полною вѣрою въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славное будущее Россіи, которой выпало на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ крикъ: „въ топоры“, и — тогда . . . тогда бей императорскую партію, не жалѣя, какъ не жалѣетъ она насъ теперь, бей на площадяхъ, если эта подлая сволочь осмѣлится выйти на нихъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ!

Помни, что тогда кто будетъ не съ нами, тотъ будетъ противъ; кто противъ — тотъ нашъ врагъ; а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми способами.

Но не забывайте при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя повторять: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!

А если возстаніе не удастся, если придется намъ поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ нетрепетно, безстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!“

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССІЯ.

„. . . Наконецъ-то этотъ листъ, ужаснувшій правительство и литературу, прогрессистовъ и реаковъ, цивилизованныхъ парламентаристовъ и цивилизующихъ бюрократовъ, дошелъ и до насъ. Мы прочли его разъ, два, три раза . . . . . съ многимъ очень не

согласны (и въ другой статьѣ поговоримъ объ этомъ), но по совѣсти признаемся, не понимаемъ ни бѣлую горячку правительства, ни хныканіе добросовѣстныхъ журналовъ, ни душесмятеніе платоническихъ любовниковъ прогресса... Маловѣрные, слабые люди! Какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобы испугаться, бѣжать назадъ, схватиться за фалду квартальнаго; какъ мало, чтобы и вы туда же пустили свой камень въ преслѣдуемыхъ. И никому изъ васъ не пришло въ голову того, что сказали и „Daily News“ и „Star“ — неурядица въ Россіи и лихорадочное волненіе идетъ отъ того, что правительство хватается за все и ничего не выполняетъ, что оно дразнитъ всѣ святыя стремленія человѣка и не удовлетворяетъ ни одному, что оно будитъ — и бьетъ по головѣ проснувшихся. Нѣтъ, господа, не попадете вы ни въ адъ, ни въ рай, Харонъ васъ отгонитъ весломъ на прѣсной берегъ. Дѣло другое — открытое, энергичное положеніе, оно понятно. Для насъ во всей этой оргіи страха совершенно ясно и рельефно, ясно какъ на блюдечкѣ, положеніе Липранди и литературныхъ (здѣсь и вездѣ дальше курсивъ Герцена) товарищей его въ Москвѣ. Липранди какъ-то нашелъ средство, въ самыхъ доносахъ, перейти рубиконъ и свернулся; Николай не во время умеръ, Липранди поторопился съ своей академіей шпіонства, какъ бы предупреждая по ясновидѣнію семейную переписку московскаго академическаго сената съ флотскимъ начальникомъ своимъ, словомъ, Липранди попалъ не въ тонъ и, какъ тараканъ, упавшій на спину, долго не могъ оправиться и, само собою разумѣется, съ восторгомъ ухватился за „Молодую Россію“, чтобы стать опять на свои шесть ногъ. Для него „Молодая Россія“ — точка опоры — и онъ поплелся устраивать свою карьеру, да поправлять свои дѣла. Карьеру онъ составитъ, дѣла поправитъ, Филаретъ даетъ ему небо, которое нужно для души, государь даетъ ему землю, которая нужна для крестьянъ, все это понятно, тутъ есть логика. Литераторы, идущіе на пристяжкѣ III Отдѣленія, тоже понятны; они имѣютъ очень реальные виды, они пишутъ изъ денегъ, изъ мести, изъ зависти, изъ самосохраненія и пр., они готовы своей доктринерской риторикой натягивать круговую поруку (знаменитое complicité morale!) между неосторожными словами юноши и зажженнымъ углемъ, подброшеннымъ въ сарай, между заревомъ революціонныхъ идей и заревомъ Щукина двора; изъ-за этого можетъ кого-нибудь и повѣсятъ, но гражданская доблесть выше всего! Столь же понятна и третья категорія, разрабатывающая пожары въ свою пользу, — категорія мошенниковъ и воровъ, которые, пользуясь передрягой и общей бѣдой, обкрадывали погорѣлыхъ. Эта отрасль практическихъ эксплуататоровъ имѣетъ, впрочемъ, передъ своими товарищами одну огромную нравственную выгоду, и наименѣе огромную практическую невыгоду, въ рискѣ и опасности, сопровождающихъ воровство и нисколько не угрожающихъ доносамъ и намекамъ. Оставляя въ сторону смирительную литературу и будущихъ жильцовъ смирительнаго дома, мы обращаемся къ дѣйствительно честнымъ, но слабымъ людямъ и спрашиваемъ ихъ: они-то чего испугались „Молодой

Россiи“? Добро бы они вѣрили, что русскiй народъ такъ и схватится за топоръ по первому крику: „да здравствуетъ соцiальная и демократическая республика русская!“ Нѣтъ, они всѣ хоромъ говорятъ, что это невозможно, что народъ этихъ словъ не понимаетъ, и, напротивъ, озлобленный за пожаръ, готовъ растерзать тѣхъ, которые ихъ произносятъ. И всетаки каждый честный человѣкъ считаетъ себя обязаннымъ ругнуть молодыхъ людей, осыпать упреками и проклятiями — считаетъ себя обязаннымъ ужасаться, возводить глаза горѣ. Разберите-ка, господа, построже ваше чувство и вы со стыдомъ увидите, что васъ поразила не опасность, не ложь, не вредъ, а продерзность вольнаго слова: чувство iерархической дисциплины обижено, не по лѣтамъ и не по чину говорятъ... Если молодые люди (а для насъ не подлежитъ сомнѣнiю, что летучiй листъ этотъ писанъ очень молодыми людьми), въ своей запосчивости наговорили пустяковъ — остановите ихъ, вступите съ ними въ споръ, отвѣчайте имъ, но не кричите о помощи, не подталкивайте ихъ въ казематы, III-е Отдѣленiе fara da se; а шпiоновъ не хватитъ — у него есть вспомогательная литература, которая только ждетъ конца русскаго, секретнаго, застѣночнаго слѣдствiя, чтобы обвинить ихъ въ зажигательствѣ. И такъ все это странное дѣло, поставившее Россiйскую Имперiю и Невскiй проспектъ на край соцiальнаго катаклизма, разорвавшее послѣднюю связь между хроническимъ и острымъ прогрессомъ, сводится на динамитскiй порывъ, неосторожный, несдержанный, но который не сдѣлалъ никакого вреда и не могъ сдѣлать. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацiю, но винить ихъ мы не станемъ. Ну, что упрекать молодости ея молодость, сама пройдетъ, какъ поживутъ... Горячая кровь, il troppo juvenil bollore, тоска ожиданiя, растущая не по днямъ, а о часамъ, съ приближенiемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ, а тутъ святое нетерпѣнiе, двѣ-три неудачи — и страшныя слова крови, и страшныя фразы срываются съ языка. Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь — юношей фанатиковъ. Въ чемъ же уголовщина? Если бы правительство умѣло понимать и не хранило бы важную серьезность швейцара съ булавой, какъ бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испугъ мужественныхъ либераловъ, гранитныхъ прогрессистовъ, отважныхъ защитниковъ правъ и свободы книгопечатанiя, неустрашимыхъ обличителей становыхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, глядя, какъ они, голубчики, побѣжали подъ крылышко той же полицiи, того же правительства, требуя даже мощнымъ органомъ рижской газеты примѣрнаго наказанiя. А вы знаете, что такое примѣрное наказанiе по образцовому своду нашему? Посмотрите-ка на уголовные законы, съ особенной любовью отработанные кроткимъ и добрымъ царемъ Николаемъ, съ еще болѣе добрымъ и кроткимъ рабомъ его и легистомъ Губе... Стыдно вамъ! Вы всю жизнь молчали отъ страха передъ дикой властью, помолчите же сколько-нибудь отъ страха будущихъ угрызенiй совѣсти.

„Молодая Россія“ намъ кажется двойной ошибкой. Во-первыхъ, она вовсе не русская; это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя dèsiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка ея — неумѣстность, случайность совпаденія съ пожарами усугубила ее. Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковина, мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь ихъ такою и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или строй организванной партіи. Но сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ, одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго генія, отрѣшеннаго отъ народа. Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ уважаемыхъ почтенностей, которыя мѣшаютъ западному человѣку, но которыя ему дороги, за рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать, намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе — въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности, и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, крайнія слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и будто становилось легче — въ ожиданіи бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять. Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбріогеніи. Въ помощь нашему дѣлу, нужна мысль запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ — это непониманіе ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы русскій народъ возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны? Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, — а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора[1] и Гракха Бабефа на русской площади, не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить Римской латиклавой и языкомъ Сенеки-

[1] Дѣйствительно въ „Молодой Россіи“ столько же Шиллора, сколько Бабефа. Благородные и нѣсколько восторженные и метафизическіе порывы Шиллера, облекались очень часто въ кровавыя сентенціи Мора, Позы, Фердинанда, за которыми билось его любящее, вѣчно юное сердце. За одинъ эпиграфъ въ его „Разбойникахъ“ московскіе сенаторы подвели бы его подъ первые два пункта, какъ уличеннаго зажигателя. „Quae medicamentae non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat.“ Прим. Герцена

ныхъ героевъ; у насъ... народъ требовалъ головы несчастнаго Обручева.... И вотъ опять слышится хоръ — не подземный, а бельэтажный хоръ трусовъ, разслабленныхъ, чающихъ легкаго движенія прогресса. — Да, да, кричатъ они, посмотрите, что дѣлаетъ хваленый народъ, это дикій звѣрь, вотъ что насъ ждетъ. Подите, объясните имъ, что мы теперь не помѣщики, а землевладѣльцы, что мы хотимъ не барщину, а думу, не оброка, а правъ гражданина. Тугонекъ народъ на пониманіе и не можетъ такъ быстро сообразить, что вѣковой, кровный врагъ его, который его грабилъ, позорилъ его семью, морилъ его съ голоду, унижалъ, вдругъ впалъ въ такое раскаяніе — „братъ, говоритъ, родной!" да и только. Бываютъ страшныя историческія несчастія, черные плоды черныхъ дѣлъ; передъ ними, какъ передъ грозой, смолкаетъ человѣческая мудрость и покрываетъ своими руками свои глаза, полные горькихъ слезъ. Наши жертвы искупленія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны вынести двойное мученичество; они не станутъ народной легендой, какъ братья Бандыры и Пизакане, народъ ихъ не знаетъ, нѣтъ хуже, онъ знаетъ ихъ за дворянъ, за враговъ. Онъ не жалѣетъ ихъ, онъ не хочетъ ихъ жертвы. Вотъ куда привелъ разрывъ. Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить камнями тѣхъ, которые за него отдаютъ жизнь. Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье. Не за себя несутъ наши мученики тяжкую кару народной ненависти, а за другихъ. Эти другіе слишкомъ торопятся получить амнистію; съ своей стороны они, кажется, не были такъ великодушны, и что же они сдѣлали такого—потерявши устрицу, рѣшаются бросить раковину! Развѣ шляхетная Магдалина своимъ собственнымъ сердцемъ дошла до раскаянія? Развѣ слово освобожденія было сказано ею, развѣ она не упиралась, когда думала, что можно упираться? Такъ легко и съ такой недовольной миной не дѣлаются искупленія и не прощаются вѣковые рубцы. Очень печально, безгранично печально явленіе на петербургской площади, но вы бѣдные страдальцы, не предавайтесь отчаянію. Довершите вашъ подвигъ преданности, исполните великую жертву любви и, съ высоты вашей Голгоѳы и изъ подземелій вашихъ рудниковъ, отпустите народу невольную обиду его и скажите тѣмъ строгимъ то, что онъ имѣетъ право на это заблужденіе, что вы благословляете его!

Искандеръ.

ЗЕМСКАЯ ДУМА.

Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, раззоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія — земская дума. Цѣль ея:

Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и

Созваніе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для возстановленія новаго „Уложенія" и опредѣленія размѣровъ

и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

Надняхъ бывшее Общее Собраніе Думы изъ депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ кружковъ, дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствій и выступить какъ организованная партія.

Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій, мы назначаемъ день „Тысячелѣтія“ Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству — въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены — свои требованія въ такой формѣ, передъ которой оно должно будетъ уступить.

Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньшихъ жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы то ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбою и совѣтомъ идти заодно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ, полагающихся на свои силы.

Типографія Земской Думы. Апрѣль 1862 г.

КЪ ОФИЦЕРАМЪ.

Офицеры! Настало время каждому честному офицеру спросить у своей совѣсти, чего ему держаться въ виду совершающихся событій.

Жизнь Россіи невозможна безъ коренныхъ реформъ. Правительство само это сознало; оно даже приступило къ нимъ и — струсило. Эгоистическое, нелюбящее Россіи, оно втягиваетъ государство съ пути реформъ въ путь революціонный. Оно само нарушаетъ мирный ходъ реформъ беззаконными поступками, безпрерывно являясь вооруженнымъ бунтовщикомъ противъ мирной Россіи: то стрѣляетъ безъ нужды по народу, то сѣчетъ его и ссылаетъ въ каторгу, то наполняетъ казематы студентами, то хватаетъ мирныхъ посредниковъ. Реформа, сопровождающаяся заточеніями, ссылкой, каторгой и обагряемая кровью, есть уже настоящая революція. Правительство первое стало прибѣгать къ оружію, оно само начало революцію и разовьетъ ее дальнѣйшими своими дѣйствіями. Отечеству нашему предстоитъ пора великихъ бѣдствій. Столкновеніе между правительствомъ, упорствующимъ остановить жизнь Россіи, и силою этой жизни — неизбѣжно. Изъ какихъ элементовъ составятся противныя стороны? Положительно можно сказать, что партіи сложатся не по сословіямъ, а по убѣжденіямъ. Въ этомъ столкновеніи сословія перемѣшаются. И потому ваши задачи — не искать, къ какому пристать сословію, а къ какимъ пристать убѣжденіямъ. И обдумать это, провѣрить свои и чужія убѣжденія надобно теперь же. Въ минуту столкновенія разсуждать будетъ поздно —

можно надѣлать горькихъ ошибокъ, въ которыхъ вѣчно придется раскаиваться.

На каждомъ человѣкѣ прежде всего лежитъ служба истинѣ и отечеству. Каждый русскій знаетъ, что для блага его родины необходимо: освободить крестьянъ съ землей, выдавъ помѣщикамъ вознагражденіе; освободить народъ отъ чиновниковъ, отъ плетей и розогъ; дать всѣмъ сословіямъ одинаковыя права на развитіе своего благосостоянія; дать обществу свободу самому распоряжаться своими дѣлами, устроить судъ гласный, и дать право каждому свободно высказывать свои мысли. Само правительство не можетъ отвергнуть честности этихъ убѣжденій. А между тѣмъ, оно поведетъ васъ противъ нихъ. Васъ, русскихъ, заставитъ убивать русскихъ, давить жизнь Россіи. Дастъ вамъ роль безчестную, для того только, чтобы безотчетно распоряжаться достояніемъ Россіи, чтобы вашими штыками поддерживать насиліе, произволъ и развратъ, для того, наконецъ, чтобы васъ самихъ держать въ униженіи.

И чѣмъ отблагодаритъ, оно васъ за позорную роль палачей? Новою благодарностью въ царскомъ завѣщаніи, подобно Незабвенному, который въ припадкѣ самодержавнаго безумія заклеймилъ свои войска передъ лицомъ Россіи. Но кто же изъ васъ не краснѣетъ отъ такой благодарности? Офицеры, подумайте о времени, которое мы переживаемъ, подумайте о б ѣ д н о м ъ, у г н е т е н н о м ъ н а р о д ѣ и нашей жалкой р о д и н ѣ.

Мартъ. Село.

КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ КЛАССАМЪ.

Семь лѣтъ прошло съ того времени, когда Россія привѣтствовала новаго правителя съ радостными надеждами. Въ то время многіе готовы были забыть о кровавыхъ ранахъ — слѣдахъ николаевскихъ оковъ. Тернистый рядъ реакціонныхъ мѣръ, въ послѣднее время, слишкомъ горько свидѣтельствуетъ о томъ, какъ оскорбительно надругалось надъ всѣми законными требованіями и надеждами нынѣшнее правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта бѣшеная реакція правительства быстро подвинула его на пути своего паденія: исторія положительно доказываетъ, что дряхлѣющія правительства всегда стараются поддержать свое существованіе однимъ гоненіемъ всего честнаго, обманами, подкупами, но тѣмъ самымъ только ускоряютъ свою гибель. Теперь, значитъ, главный вопросъ для всѣхъ классовъ состоитъ въ томъ, — сколько невинныхъ жертвъ поглотитъ еще это правительство, обезумѣвшее отъ предчувствія своего паденія.

Желаніе напомнить образованнымъ классамъ, что пока еще отъ нихъ зависитъ способствовать болѣе или менѣе лучшему исходу этого вопроса, и заставляетъ насъ снова взяться за станокъ. И на такое напоминаніе мы имѣемъ полное право; его дало намъ изумительное, ничѣмъ неоправдываемое легкомысліе ваше, гг. образованные классы. Мы достаточно долго молчали для того, чтобы насъ не смѣли заподозрить въ желаніи насильно навязывать свои воззрѣнія; теперь очередь за нами.

Появленіе „Молодой Россіи“, случайно столкнувшееся съ появленіемъ пожаровъ, — вызвало всеобщее смятеніе, при которомъ правительство нашло возможность воспользоваться вашимъ пагубнымъ легковѣріемъ. Подкупные литературные органы правительства поспѣшили обвинить въ гнусныхъ поджигательствахъ образованную молодежь для того, чтобы вызвать противъ нея ненависть во всѣхъ сословіяхъ. И вы способны были повѣрить безобразной клеветѣ, вы готовы были даже просить защиты у петербургскаго правительства отъ призраковъ, созданныхъ воображеніемъ? И правительство поспѣшило высказать свое отеческое попеченіе о русскихъ гражданахъ объявленіемъ военнаго суда, разстрѣливанія, вѣшанія... даже за одно подозрѣніе. Такое безотрадное положеніе вызываетъ одинъ изъ двухъ вопросовъ образованнымъ классамъ: или вы безчувственны къ интересамъ своей родины, къ своей собственной безопасности? Или вы забыли, что такое петербургское правительство? Вся Россія объявлена на военномъ положеніи. Для правительственныхъ реакціонныхъ мѣръ воскресаютъ злодѣи, подобные Лауницу, кровожадная натура котораго поражала даже Николая, и получаютъ право вѣшать и разстрѣливать.... Ваши отцы, сыновья, братья томятся въ казематахъ, ни одинъ честный человѣкъ не можетъ быть увѣренъ, что его не схватятъ и не загубятъ въ каторгѣ.... Разстрѣляніе въ Варшавѣ офицеровъ и солдатъ (за № „Великорусса“, которому сочувствовала вся Россія) служатъ, повидимому, только предлогомъ къ кровавой драмѣ, которую намѣрено разыграть петербургское правительство.... Возможность народнаго образованія уничтожена закрытіемъ всѣхъ школъ, вслѣдствіе самимъ же правительствомъ изобрѣтенной клеветы; лучшіе органы общественнаго мнѣнія запрещены, а по новымъ варварскимъ правиламъ о печати въ литературѣ могутъ свободно царить только презрѣнные спекуляторы. (Краевскій, П. Павловъ, Усовъ, П. Мельниковъ, Кушнеровъ).

Въ недавнопрошедшемъ тотъ же гнетущій произволъ, обманъ всѣхъ сословій со стороны правительства мнимымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, пролитіе неповинной крови крестьянъ, побіеніе прикладами и штыками вашихъ братьевъ, сыновей-студентовъ, заключеніе ихъ въ казематы, гоненіе просвѣщенія. Въ близкомъ будущемъ тотъ же губительный мракъ — обманъ, подкупы, преслѣдованіе всего честнаго.... Честные люди не должны и не могутъ оставаться равнодушными зрителями такого неестественнаго положенія!

— Опомнитесь! Поймите, что правительство, дѣйствующее такимъ образомъ, само ведетъ себя къ бездпѣ паденія; но пусть же погибнетъ оно одно, не увлекая за собой всѣ образованные классы. Мы, ваши братья, не можемъ быть противъ васъ, но если вы будете на сторонѣ правительства, то народъ, грозное возстаніе котораго близится, будетъ противъ васъ и насъ — не имѣющихъ права и ни малѣйшаго желанія отстать отъ народа въ минуту роковой борьбы. Правительство губитъ сотни людей въ казематахъ, а нашъ станокъ стоитъ безвредно и будетъ стоять. Правительству пора было бы понять, что никакія угрозы

не могутъ заставить людей отказаться отъ того, что составляетъ вопросъ ихъ жизни, и что каждое преступное дѣйствіе его только усилитъ энергію людей, посвятившихъ жизнь свою великому дѣлу освобожденія. Чѣмъ же искупитъ правительство гибель невинныхъ жертвъ? Чѣмъ же искупите вы, своимъ потворствомъ допускающіе правительство къ злодѣйствамъ и преступленіямъ?..

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО... ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ.

Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытыя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки, при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами, и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно — убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль — она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ „Колоколѣ“ какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

Интересно бы знать, во сколько обходится это правительству?

Печатано въ Петербургѣ.

Къ дѣлу профессора Павлова и тверскихъ мировыхъ посредниковъ.

Прежде чѣмъ перейти къ 1863 году, мы помѣстимъ еще два, относящіеся къ 1862 году, документа. Въ сборникѣ „Государственныя преступленія въ Россіи“ были помѣщены оффиціальныя

свѣдѣнія о высылкѣ профессора Павлова за его рѣчь по поводу тысячелѣтія Россіи „подъ надзоръ полиціи въ отдаленный уѣздный городъ“ [1] и о дѣлѣ тверскихъ мировыхъ посредниковъ.[2] Въ № 3 издававшагося въ 1862 году кн. П. В. Долгоруковымъ журнала „Правдивый“ (стр. 18—19) помѣщена рѣчь проф. Павлова, откуда мы ее и воспроизводимъ.[3] Равнымъ образомъ мы воспроизводимъ здѣсь же интересное письмо Г. В. Берви, которое онъ напечаталъ за своею подписью въ журналѣ „Свободное Слово“ по поводу инцидента съ тверскими мировыми посредниками.[4]

Редакція.

Рѣчь профессора Павлова
объ истинномъ, современномъ значеніи тысячелѣтія Россіи.

Милостивыя Государыни и Господа.

Россія пережила тысячелѣтіе. По прошествіи этого длиннаго періода на нашихъ глазахъ совершается событіе огромной важности. Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 года открываетъ собой печальную историческую процессію похоронъ стараго, рабовладѣльческаго порядка вещей. У ногъ нашихъ разверзается великая могила, готовая принять трупъ отжившей старины; за плечами нашими пора рабства; передъ нами неизвѣстное будущее! Въ виду скорбнаго траурнаго зрѣлища естественно рождается два вопроса. Во-первыхъ: чѣмъ была старина наша? Во-вторыхъ: какимъ образомъ, похоронивъ старину, мы въ состояніи, черезъ ея историческую могилу, выйти на широкую, столбовую дорогу успѣха и благосостоянія, избѣгнувъ опасностей? Исполняя долгъ гражданина, попытаюсь, по крайнему разумѣнію, отвѣтить на оба вопроса. Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія Россія была рабовладѣльческой страной. Несправедливо видѣть въ союзной, удѣльно-вѣчевой Руси общество вполнѣ свободное. Княжескіе съѣзды, служильныя думы, общинныя вѣча и церковные соборы, существовали только для свободныхъ людей, охраняя до нѣкоторой степени вольность владѣтельныхъ князей, людей служилыхъ, городовъ и селъ, наконецъ, духовенства. Княжескіе съѣзды, служильныя думы, общинныя вѣча и церковные соборы были только щитомъ воли однихъ людей вольныхъ. Благодѣяніями присяжнаго суда, высшею защитою, плодами полуобразованія, преимуществами федеративнаго устройства, всѣмъ этимъ наслаждались люди привиллегированные: князья, родовое чиновничество, общинники и духовенство. Что же касается до холоповъ, людей несвободныхъ, то у нихъ не было никакихъ правъ. Подъ вліяніемъ монгольскаго ига Русь окончательно раздѣлилась на двѣ половины, на два государства: Литовское и Московское. Въ половинѣ XVI вѣка Литовское государство соединилось съ аристократическо-конституціоннымъ, католическо-польскимъ королевствомъ. Черезъ унію, въ XVII вѣкѣ, оно стало готовиться перейти въ католичество. Сѣверная, бѣло-

[1] Сборникъ Базилевскаго, т. 1 стр. 201.
[2] Ibid. стр. 200 и 208.
[3] Полный комплектъ журнала „Правдивый“ находится въ Британскомъ музеѣ.
[4] „Свобод. Слово“ 1862 г. № 3, стр 209—211.

русская часть Литовской Руси, какъ вамъ извѣстно, сохранила унію, успѣла значительно ополячиться; зато южная малороссійская часть Литовской Руси, сперва (при Богданѣ Хмѣльницкомъ и при Дорошенкѣ) силилась содѣлаться самостоятельною державой, а потомъ соединилась, по необходимости, съ Россіей. Въ Литвѣ Бѣлорусской, какъ и въ Польшѣ, постоянно существовали холопы; въ Малороссіи крѣпостное состояніе, упраздненное во времена Хмѣльницкаго, было возстановлено Екатериною II. И такъ въ западной, Литовской Руси, рабство преобладало постоянно. Государственная московская централизація, какъ вы знаете, вслѣдствіе вліянія деспотизма монголовъ и отсталаго византійства, постепенно и постепенно вытѣсняла древнія вольности, зародившіяся въ союзной удѣльно-вѣчевой Руси, областныя вольности владѣтельныхъ князей и вѣчевыхъ городовъ Новогорода и Пскова въ XIV и XV вѣкахъ, и въ первой половинѣ XVI вѣка; вольности служилыхъ людей съ боярами въ челѣ (при Іоаннѣ Грозномъ); наконецъ, вольности сельскихъ общинъ (при Борисѣ Годуновѣ). Съ конца XVI вѣка крѣпостное состояніе, подобно губительной заразѣ, охватило всю русскую землю. Въ началѣ XVII в., въ эпоху самозванцевъ и междуцарствія, бывшіе вольные люди Московскаго царства пытались было возстановить прежній, болѣе желанный для нихъ порядокъ вещей. Но попытка ихъ осталась безуспѣшною вслѣдствіе того, что, заботясь о своихъ вольностяхъ, они совершенно забыли о низшемъ земскомъ сословіи, поверженномъ въ позорныя цѣпи крѣпостного состоянія. Вотъ причина политической несостоятельности земскихъ соборовъ въ XVII столѣтіи; вотъ причина утвержденія въ Россіи безусловной петербургской централизаціи, вооружившейся при Петрѣ I и его преемникахъ всѣми средствами западно-европейскаго просвѣщенія. Въ послѣдней половинѣ XVIII и въ XIX столѣтіи русская земля наказалась за страданія и позоръ низшаго земскаго сословія. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизаціи этой скорбной эпохи: никогда Россія не испытывала болѣе тягостнаго состоянія! Настоятельная необходимость современныхъ правительственныхъ реформъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость нашего мнѣнія. Во времена нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича чаша нашихъ бѣдствій переполнилась! Подъ вліяніемъ современныхъ западно-европейскихъ политическихъ и общественныхъ событій нашему многострадальному отечеству предстояло пройти черезъ страшный историческій переворотъ. Правительство, повидимому, уразумѣло это и приступило къ рѣшенію второго вопроса, который мы предлагали выше, къ вопросу о томъ, какимъ образомъ вступить въ колею успѣха и благосостоянія, какимъ образомъ избѣгнуть опасности? Правительство рѣшилось рядомъ благоразумныхъ коренныхъ реформъ предотвратить всеобщія бѣдствія. Пусть же наши администраторы знаютъ, что вступивъ однажды на этотъ путь, они не могутъ идти назадъ; что каждый ихъ попятный шагъ есть новая ступень къ общей гибели: пусть наши администраторы это знаютъ, если только они знаютъ Россію!

Правительство дало спасительный толчекъ самому обществу: упраздненіе крѣпостного права потрясло всю русскую землю до основанія. Если не ошибаемся, образованный, достаточный классъ въ Россіи понялъ, что въ виду возможнаго историческаго переворота, благоразуміе повелѣваетъ ему сблизиться съ невѣжественнымъ, недостаточнымъ классомъ въ городахъ и въ селахъ, какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ послѣднихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣщенные, достаточные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества. Въ какой мѣрѣ правильное, добровольное сліяніе интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ можетъ удасться въ Россіи, намъ, разумѣется, неизвѣстно. Скажу только, что на роковомъ рубежѣ прожитаго нашимъ отечествомъ тысячелѣтія, въ переходную эпоху большого общественнаго переворота, одно это сліяніе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россію отъ великой гибели, спасти отъ бѣдствій, угрожающихъ ей. Положеніе 19-го февраля вырыло бездонную пропасть между прошедшимъ и будущимъ нашей жизни. На краю этой пропасти стоятъ наши достаточные классы; они стремглавъ въ нее полетятъ, если не прибѣгнутъ къ единственному средству ихъ спасенія: къ общенію съ народомъ!!! Имѣющіе уши слышати, да слышатъ!“ . . .

* * *

По поводу высылки профессора Павлова была также издана въ 1862 г. особая прокламація, но въ нашей коллекціи ея не имѣется. Просимъ ее разыскать. Эта прокламація также значится въ отпечатанныхъ Гл. Упр. по дѣл. печати спискахъ изданій, запрещенныхъ къ обращенію въ Россіи.

Письмо В. В. Берви къ предводителямъ дворянства.

Милостивый Государь!

Въ газетахъ прошедшихъ дней было напечатано, что 13 человѣкъ дворянъ и помѣщиковъ, принадлежащихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, объявили губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что они имѣютъ нѣкоторыя убѣжденія, несогласныя съ Положеніемъ 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ; что они могутъ дѣйствовать только согласно съ своими убѣжденіями, а всякій другой образъ дѣйствій признаютъ несогласнымъ съ общественнымъ благомъ. Къ сему было присовокуплено въ газетахъ, что за такой поступокъ они были взяты подъ арестъ и преданы суду Правительствующаго Сената. По закону, дворянинъ можетъ быть взятъ подъ арестъ только въ такомъ случаѣ, когда онъ совершилъ преступленіе,

подвергающее его лишенію всѣхъ правъ состоянія; а въ сенатѣ, какъ въ 1 степени, судятся лишь важные государственные преступники. Кромѣ того, мнѣ достовѣрно извѣстно, что поступокъ тверскихъ дворянъ подводится подъ статью 371 Уложенія о наказаніяхъ, въ которой сказано: „когда должностное лицо не исполнитъ высочайшаго указа или повелѣнія съ намѣреніемъ, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, то оное подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ 10 до 12 лѣтъ." Если примѣнять такимъ образомъ законы, то ни одинъ изъ насъ, дворянъ, ни въ одну минуту своей жизни не можетъ быть увѣренъ, что онъ не будетъ подъ арестомъ, лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ въ Сибирь. Я закурилъ сигару въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ, а по высочайшему повелѣнію въ вагонахъ курить запрещено: я долженъ быть лишенъ правъ и сосланъ въ Сибирь. Со стороны тверскихъ дворянъ никакого неисполненія высочайшаго повелѣнія не было: они не только не дѣлали ничего противозаконнаго, но исполнили прямую свою обязанность — они заявили благородно и откровенно, въ качествѣ должностныхъ лицъ, правительству о своихъ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ, которыя они имѣютъ о примѣняемыхъ ими законахъ; они сдѣлали это не прежде, какъ удостовѣрившись въ томъ, что значительное число дворянъ раздѣляетъ ихъ взгляды. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ должностное лицо не считается рабомъ своего начальства, а благороднымъ и самодѣятельнымъ человѣкомъ (русскаго дворянина невозможно и неприлично считать чѣмъ-нибудь другимъ); во всѣхъ подобныхъ цивилизованныхъ государствахъ, говорю я, должностное лицо не только можетъ, но даже обязано объявлять правительству о своихъ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ о примѣняемыхъ имъ законахъ. Если правительство находитъ его убѣжденія правильными, то иногда измѣняетъ, согласно имъ, самый законъ; если же нѣтъ, — то увольняетъ должностное лицо. Въ настоящее время вполнѣ признано это существованіе самодѣятельнаго и благороднаго высшаго сословія. Мы имѣемъ всѣ основанія желать, чтобы съ нами поступали такимъ же образомъ, а не подвергали рабскому униженію и притѣсненіямъ. Посему я, въ качествѣ русскаго дворянина и помѣщика, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, объявить сословію, которое избрало васъ своимъ представителемъ, мое письмо, и пригласить дворянство ходатайствовать передъ государемъ императоромъ объ избавленіи насъ на будущее время отъ такого произвола, который подвергаетъ самостоятельность и честь нашего сословія опасности. Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что независимо отъ всеподданнѣйшаго прошенія, поданнаго по сему предмету, мною сдѣлано подобное же заявленіе и приглашеніе дворянству той губерніи, къ которому я имѣю честь принадлежать, равно какъ и прочихъ губерній Россійской имперіи.

Примите и пр.　　　　　　　　　　　　　　　　В. Берви.

В. В. Берви — онъ же извѣстный писатель Флеровскій (авторъ книгъ „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, „Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати“ и др.) — былъ за составленіе, разсылку и помѣщеніе этого письма въ нелегальномъ журналѣ признанъ сначала сумасшедшимъ (чисто по-николаевски, ибо, какъ извѣстно, Николай поступилъ именно такимъ образомъ съ П. Я. Чаадаевымъ за напечатаніе имъ въ „Телескопѣ“ знаменитаго „философскаго письма“), а затѣмъ сосланъ въ Астрахань. Съ тѣхъ поръ и начались злоключенія В. В. Берви, которымъ онъ постоянно подвергался. **Редакція.**

1863 годъ.

Къ дѣлу П. А. Мартьянова.

Между многочисленными политическими дѣлами 1863 г. обращаютъ на себя особенное вниманіе дѣла мѣщанина П. А. Мартьянова. Ни въ одномъ эпизодѣ царствованія Александра II не проявилось, можетъ быть, такъ рѣзко полное отсутстіе благородства въ характерѣ этого императора, какъ именно въ дѣлѣ П. А. Мартьянова. Въ книгѣ „Государственныя преступленія въ Россіи“ перепечатанъ изъ № 96 „Сенатскихъ Вѣдомостей“ за 1863 годъ высочайше утвержденный приговоръ надъ Мартьяновымъ.[1] За напечатаніе за своею полною подписью въ „Колоколѣ“ письма къ императору Александру, — письма, содержаніе котораго читатель сейчасъ увидитъ, потому что мы перепечатываемъ его полностью, Мартьяновъ былъ осужденъ въ каторжныя работы на пять лѣтъ, съ поселеніемъ затѣмъ въ Сибири навсегда, и императоръ Александръ II не соизволилъ даже смягчить приговора тому, все преступленіе котораго состояло въ глубокой вѣрѣ въ „земскаго царя“! . . .

Но прежде, чѣмъ воспроизводить письмо Мартьянова, заимствуемъ изъ № 176 „Колокола“ слѣдующія строки, знакомящія насъ съ личностью самого автора письма къ „земскому царю“.

Редакція.

Вотъ эти строки, помѣщенныя въ статьѣ, называющейся „П. А. Мартьяновъ и земскій царь“:

„Мы знали П. А. Мартьянова. Исторія его коротка, чисто русская исторія. Мартьяновъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ графа Гурьева. Съ молодыхъ лѣтъ онъ показалъ необыкновенную

[1] Сборникъ Базилевскаго. Т. I, стр. 216—217.

способность къ торговымъ дѣламъ, и велъ большой хлѣбный промыселъ. Графъ Гурьевъ оторвалъ его отъ дѣла, разорилъ, т. е. взялъ съ него большую сумму денегъ, почти наканунѣ освобожденія. Мартьяновъ, получивъ отпускную, попытался поправить свои дѣла. ему не удалось, и онъ, года два тому назадъ, уѣхалъ въ чужіе края. Человѣкъ, испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартьяновъ сосредоточился весь на вопросѣ о судьбахъ русскаго народа; тутъ была его поэзія, его религія, любовь и ненависть. Строгій по жизни, безъ уступокъ себѣ и другимъ, безъ слабыхъ непослѣдовательностей — въ немъ элементъ негодующаго Спартака какъ-то сочетался съ угрюмымъ типомъ нашего сектатора. Много читая, Мартьяновъ нисколько не утратилъ ни своей собственной оригинальности, ни чисто русскаго народнаго склада ума. Въ одну бесѣду съ нимъ можно было глубже заглянуть въ духъ русскаго народа, чѣмъ изучая ворохи анатомико-патріотическихъ препаратовъ, приготовляемыхъ нашими славянофилами. Въ мнѣніяхъ Мартьянова была та оконченность, которую мы встрѣчаемъ въ глубоко религіозныхъ людяхъ, которой мы не разъ дивились въ Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній. Мартьяновъ ненавидѣлъ крѣпостное право и крѣпостниковъ — ненавидѣлъ, какъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, какъ Шевченко; но у него это была страсть и между тѣмъ она шла рядомъ съ восторженной благодарностью къ царю, снявшему цѣпи съ народа. Для него петербургскій императоръ, сынъ Николая, лейбъ-гвардіи офицеръ, терялся въ какой-то миѳически-великой фигурѣ *земскаго царя* (курсивъ Герцена). Словомъ освобожденія — царь искупилъ въ глазахъ Мартьянова всѣ прошлые и будущіе грѣхи свои. И мы убѣждены, что Мартьяновъ, идущій въ цѣпяхъ въ Сибирь, давно простилъ *несчастнаго* (курсивъ здѣсь и далѣе Герцена), утвердившаго приговоръ десятка Гурьевыхъ, обрадовавшихся случаю въ немъ отомстить за освобожденіе. Вина Мартьянова состояла въ его письмѣ (мы его перепечатаемъ въ слѣдующемъ листѣ, пусть забывшіе его провѣрятъ, читая наши слова) къ своему земскому царю. Онъ писалъ къ нему съ любовью, съ довѣріемъ, онъ хотѣлъ, чтобы оно появилось въ „Колоколѣ“ съ его подписью. Онъ не думалъ скрываться, потому что не вѣрилъ, что царь можетъ его наказать за открытое слово, за любовь. Онъ предполагалъ у нихъ обоихъ *одинъ* интересъ; онъ ему говорилъ о скорбяхъ дома, какъ сынъ отцу.... Бѣдный Мартьяновъ! Мартьяновъ скоро усталъ на чужбинѣ и, натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь, столько трогательнаго величія, что дѣйствительно надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца, чтобъ его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартьянова, онъ не послушался. Онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное къ представителю народной правды и народной боли, можетъ быть наказано хуже воровства.... Пять тяжелыхъ лѣтъ научатъ его не смѣшивать *идеальнаго земскаго царя* съ

тѣмъ, который живетъ въ 1-ой Адмиралтейской части. Мы не дѣлили мнѣній Мартьянова, но глубоко уважали и строгую, безбоязненную послѣдовательность, и восторженную вѣру и то что-то, что его дѣлало такимъ русскимъ, близкимъ по крови, несмотря на рознь мысли. Ему мы прощали даже гордый, исключительный націонализмъ, съ которымъ онъ оставлялъ въ прошедшемъ году Англію. А земскій царь не простилъ ему его любовь, его вѣру.... Рабы безсловесные нужны этимъ земскимъ монголамъ, солдаты молчащіе во фрунтѣ нужны этимъ нѣмецкимъ кейзерамъ."

А теперь воспроизведемъ самое письмо Мартьянова. Оно было помѣщено въ № 132 „Колокола", а затѣмъ послѣ осужденія Мартьянова въ каторгу, снова напечатано Герценомъ въ № 178 того же журнала.

Письмо къ Александру II П. Мартьянова.[1]

Государь, мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи, мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія

---

[1] Письмо это совершившійся фактъ, оно было послано, и врядъ оно не первое ли письмо, писанное человѣкомъ, испытавшимъ на себѣ всю тягость крѣпостнаго состоянія. Если Александръ Николаевичъ прочелъ это письмо и сравнилъ народный идеалъ земскаго царя съ царемъ зимняго дворца, то онъ провелъ печальную минуту — угрызеній и боли. Возможность такого идеала свидѣтельствуетъ о юности просыпающагося народа. Мы слишкомъ стары, чтобы имѣть его. Но охотно передаемъ нашимъ читателямъ это письмо; „Колоколъ" никогда не хотѣлъ быть одной нотой роговой музыки. Мы получили его при слѣдующемъ письмѣ: „Мѣсяцъ тому назадъ я написалъ, полмѣсяца послалъ письмо къ Александру Николаевичу. Цѣль письма ясна: кто пойметъ, для того разсказывать не нужно; кто не пойметъ, для того — напрасно. Прочитайте и если не мѣшаетъ, напечатайте его въ „Колоколѣ". А то, кто знаетъ, дойдетъ ли съ почтой по назначенію; да и то хорошо, что въ Звонѣ Колоколовъ, для повѣрки, по народу разойдется.... Я не врагъ Александру Николаевичу. Наши страданія, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свѣту бѣлому мы относимъ къ императорскому безправію, а не къ личности. Варвары-помѣщики, разорившіе насъ, сбившіе насъ съ ногъ, погубившіе, сокрушившіе жизнь нашу, прикрываются и осѣняются императорскимъ самодержавіемъ, по милости его недоступны законамъ правды, не признаютъ ихъ и въ виду страданій нашихъ живутъ внѣ страха отвѣтственности за грабежъ и насилія, и всетаки мы ждемъ и Александру Николаевичу не враги. Народъ не врагъ ему даже за кровь мученика, ходатая и перваго по чистотѣ своихъ намѣреній и убѣжденій, по искренности чувствъ, — подвижника всего крестьянства, Антона казанскаго, и всѣхъ убитыхъ съ нимъ. Пусть кровь ихъ, ихъ смерть вопіетъ къ престолу Бога вышняго и проситъ объ отмщеніи — кому отомстить, кого простить — Богъ знаетъ Не мести просимъ мы, — правды! Кровавое пятно бездинскаго убійства и пензенскихъ побоищъ — дѣло страшное. Ни одинъ изъ насъ не подумаетъ, что Александръ II хотѣлъ крови, зато всѣ мы думаемъ, раздумываемъ и знать хотимъ, отчего, зачѣмъ, кто допустилъ, кто разрѣшилъ пролить ее? Развѣ убитые не видали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя земскаго?... Царь земскій не велитъ за вопросъ стрѣлять въ земство, онъ сердцемъ пойметъ его, любовью обниметъ, не съ штыками пойдетъ къ нему на встрѣчу!... Въ народъ стрѣляло государство — опричники, наслѣдники монгольскаго самоуправства, враги и ненавистники народа русскаго на смерть и жизнь! Кто далъ право стрѣлять этому государству? Мы подождемъ, букву пропустимъ. Самъ Александръ II отвѣтитъ на этотъ вопросъ, — народъ повѣритъ безусловно, отвѣтъ будетъ ясенъ.... Александръ не создалъ государственный строй; онъ наслѣдовалъ его. Мы думали, что, отмѣняя крѣпостное право, онъ хотѣлъ бы отмѣнить и дворянство, да не можетъ, не въ силахъ, ждетъ времени; теперь ждать нечего, дворянство само себя отмѣнило; оно не существуетъ. Государство держалось дворянствомъ; дворянство уничтожило само себя; государство влилось въ земство, фактъ совершился.

недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота внѣшней политики Вашего правительства съ позорной колеи священнаго союза 1815 года. Исторія неумолима, Государь, исторія безпристрастна. Цари въ Россіи не завоеватели и самодержавны они не по праву оружія, народъ же имъ самодержавія не подносилъ, стало — сами взяли. У Васъ завидная возможность искупить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ, отдать народу долгъ за нихъ и не быть самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-землевладѣльческой тоже, мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, выражающей земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте, Государь, что народъ русскій не готовъ еще къ принятію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не пойметъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорошихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ моихъ, по праву знанія пріобрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій. Но слово безъ доказательствъ ничего не значитъ, на слово вѣрить никому не обязаны. Вотъ они доказательства:

Пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ, святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ передъ Богомъ — это нашъ парламентъ, наши выборные за неимѣніемъ выхода въ дѣйствительности. Пусть укажутъ, гдѣ было бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдѣльно, въ деревнѣ свой человѣкъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ человѣкъ народный извѣстенъ всему уѣзду, въ губернскомъ — всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые заживо дѣлаются миѳами, кумирами, идолами для народа. Не будь Никоновской реформы церковной и Петра Великаго гражданской, и теперь народъ признавалъ бы вновь усопшихъ заступниковъ и угодниковъ, и прославлялъ бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ ли быть ими по своимъ знаніямъ, своему пониманію обязанностей представителей, — вопросъ излишній. Народъ знаетъ кого знаетъ и они знаютъ, за что народъ ихъ знаетъ. Это главное. Остальное же знаніе внѣшнихъ условій,

---

Вотъ и отвѣтъ: если царь не возобновитъ государства, не захочетъ создать новаго дворянства, не будетъ величать трупъ его живымъ человѣкомъ, онъ не виноватъ въ убійствѣ Антона, — народъ оправдаетъ его и исторія ему отпуститъ. Если не такъ, если съ государствомъ онъ не разстанется, изъ дворянства создастъ мумію (воскресить, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ, время чудесъ прошло), и велитъ чтить какъ мощи, выдавая за святыню, — если, слѣдовательно, признаетъ себя государемъ государства, онъ приметъ кровь Антона-мученика на себя. Мы этого не хотимъ, это народу было бы горько...“ Прим. Ред. „Колокола“.

знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и заграницей пріобрѣтутся очень скоро опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и отвѣтственности. Да, объ этомъ и говорить нечего. Отрицать такую разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ-будто предъизбранныхъ, значило бы ложно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и въ сущности указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнанія и взаимнаго непониманія отдѣлитъ отъ народа самого такого отрицателя, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ нашелся. Неужели въ настоящее время умомъ своимъ русскій народъ не равняется предкамъ, представители которыхъ собирались при Іоаннѣ Грозномъ на одной изъ земскихъ Думъ разсуждать о томъ, продолжать ли войну съ врагами или нѣтъ; — и, обсудивъ выгоды и невыгоды ея, возможность и необходимость, рѣшили продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спросилъ бы такого отрицателя, неужели народъ русскій выродился, измельчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ, сознавъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина, пригласилъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами внѣшними, порѣшилъ дѣла домашнія всѣмъ міромъ. Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ — до христіанскаго отрицанія личнаго блага въ пользу общую, и терпѣливъ, — и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-богатыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

Теперь процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости и потомъ, съѣзжаясь въ мѣстный областный городъ, избираютъ кандидатовъ въ тройномъ количествѣ противъ представителей; возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ, народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но, чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности, происковъ были устранены, нужно, чтобы между тѣми первыми выборами кандидатовъ, которые были произведены старшинами-избирателями и окончательнымъ избраніемъ самимъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ, послѣ объявленія ему именъ послѣднихъ, было дано время и устроена была возможность областной сходки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ кандидатовъ другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиной для старшинъ непремѣнно руководиться въ выборѣ кандидатовъ заранѣе извѣстной имъ волей народа. Процессъ простъ а, между тѣмъ, тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь подобнаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ,

которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ, онъ соотвѣтствуетъ духу народа, какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, состоянія, общественнаго положенія (кромѣ, разумѣется, осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе: кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія земскому дѣлу отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей и, вообще, для отданія отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ничего не говорю о правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще, здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Относительное число представителей соображается съ общими правилами, принятыми исключительно по этому предмету въ другихъ парламентскихъ странахъ.

Изложивъ соображенія по вопросу о новыхъ выборахъ, второстепенные — обхожу; духъ ихъ одинъ, и они похожи на первые, только съ уменьшеніемъ обширности, проще. „Лучше всѣхъ другихъ сословій", я сказалъ выше. Да и сословій-то другихъ, розни въ самомъ себѣ народъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ и привилегій своихъ, выраженное тверскими членами его въ постановленіи дворянскаго собранія и поднесенномъ Вашему Величеству адресѣ — мы признаемъ совершившимся фактомъ, съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, предпринятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой же мѣрѣ мы враждебно относились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ неравноправія, сословности и привилегій. Но съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило свою сословность, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго, по распоряженію государственной власти, принадлежавшихъ ему, и привлечетъ къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно также, какъ привлекли ихъ Вы началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каимся, мы винимся, мы признаемся всенародно, — мы не ожидали, что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ искреннѣе, тѣмъ болѣе отъ всѣхъ чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засвидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ. Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой

странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ.

По законамъ соціальнымъ и политико-экономическимъ интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ, сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ столкнуться между собою не могутъ, а, напротивъ, интересы и потребности одного обусловливаются, дополняются и сохраняются, и удовлетворяются интересами и потребностями другого. Не то бываетъ съ государствами. Интересы государствъ, вслѣдствіе ненормальнаго ихъ отношенія къ народамъ, сталкиваются между собою, борятся, возникаютъ государственныя войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе по страшной необходимости ложащіяся на народъ и гнетущія его всею своею тяжестью. Наконецъ, одно государство слабѣетъ, уступаетъ и, если почему-нибудь невозможна мировая сдѣлка, подпадаетъ господству другого взявшаго верхъ государства, причемъ послѣднее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государствованіе надъ страной, т. е. право высшаго сословія эксплуатировать и вообще угнетать сословія низшія, присвоивая преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновеніе произошло между государствами русскимъ и польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго. Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насиліе противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняетъ чувство непримиримой вражды къ русскому и, только покоряясь силѣ, терпитъ его преобладаніе. А народу, непричастному враждѣ государствъ, грозитъ постоянная опасность принимать въ чужомъ пиру похмѣлье, своею кровью и головами, принимая главное участіе въ борьбѣ, успѣхъ и неудача которой равно для него вредны, въ борьбѣ незаконной, противоестественной, противородственной, противородовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства, народъ несетъ тяготу излишней поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, трудится, выбивается, забивается. Народъ порабощеннаго государства польскаго несетъ всѣ тягости въ такой же степени съ усиленной только горечью, что сыны его идутъ подъ знамена чуждыя, что своими кровными деньгами, съ язвами и пòтомъ зарабатываемыми по копѣйкамъ, онъ удовлетворяетъ не только пановъ польскихъ, но и чиновниковъ-москалей и казну государства московскаго.

Итакъ отношенія запутаны, натянуты, неестественны. Гдѣ же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ соплеменникахъ, мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому нераздѣльному, свободному славянскому народу — сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ славянъ, чтобы сомнѣваться, что польскіе благородные паны, шляхта и вся аристократія ни на минуту не задумаются надъ великимъ актомъ самоуничтоженія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа,

и хлоповъ собственниками земли. Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ больше славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣй, чѣмъ блестящей исторія и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которыя не изгладятся, но укрѣпятся и глубже втиснутся въ памяти народной чрезъ сословную жертву ихъ ходу судебъ человѣчества, справедливости, ихъ собственному пониманію правъ народныхъ и логически слѣдующему изъ того воззрѣнію на права человѣка. Мы думаемъ, мы надѣемся, что благородное дворянство польское само произнесетъ рѣшеніе и сольется съ народомъ своимъ, со всѣмъ хлопствомъ безразлично; мы увѣрены, что оно убѣдится, что изъ вражды государственной нѣтъ выхода, кромѣ взаимнаго самоуничтоженія государствъ русскаго и польскаго и признанія на мѣсто ихъ единаго безсословнаго народнаго царства славянскаго съ равенствомъ, федераціей и самоуправленіемъ областей. Неужели же освободитель крестьянства явится защитникомъ сословной розни вопреки волѣ даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослаго человѣчества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, не хотимъ вѣрить; это противно чувству, оскорбляетъ разумъ, мы думаемъ, мы увѣрены, убѣждены, что Александръ II видитъ перстъ божій, призывающій его; что не противодѣйствовать, а содѣйствовать станетъ онъ мирному слiянію, насильственно или случайно и во всякомъ случаѣ противоестественно, разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное. Вѣка пройдутъ и на землѣ другого случая не будетъ сдѣлать столько добра ближнимъ, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни, сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да, мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны передъ лицомъ Бога и человѣчества, если не хотите отвѣчать передъ нимъ и передъ потомствомъ. Да снидетъ же на Васъ благодать Бога вышняго, да благословитъ Онъ Васъ за все доброе и поможетъ въ силахъ на благо народное! Мы Васъ любимъ, Государь, очень любимъ, подумайте же, каково намъ было бы вырвать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды. Обстановка Ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ прошло безвозвратно, взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ Вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперіи любовницами ихъ — оскорбляетъ общество. Откупъ съ таксой и безъ таксы, съ торгами и съ переторжками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей отъ 50 до 100—500—1000, 2—3—4—5 тысячъ и т. д., и т. д., откупъ должностей съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, все это приводитъ народъ въ ужасъ и изумленіе и заставляетъ его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и служителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни, и въ будущей и на самомъ правительствѣ (царь отдѣленъ, понятіе о немъ отвлеченно) печать антихриста и сатаны. Всѣ эти люди, окружающіе Васъ, неужели выведутъ они, наконецъ, народъ изъ терпѣнія, сдѣлаютъ его неблагодарнымъ и подернутъ личность Вашу грустнымъ флеромъ для исторіи? Неужели си-

стема государственнаго управленія, допускающая возможность такихъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами дольше и дольше терпима и сохраняема. Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ взрывы. Въ чьемъ умѣ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ, возмутительнымъ требованіемъ денегъ за науку и съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копѣйки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обезпеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую корку хлѣба, которой они сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть, наконецъ, сына, кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую-нибудь возможность улучшить сколько-нибудь горькій бытъ ихъ подъ старость, и вдругъ Ваши старцы, владѣющіе маіоратами, утопившіе душу и сердце въ чернильницѣ, гонятъ дѣтей съ приговоромъ смерти — отъ горя для матери, отъ нищеты и загубленной, разорванной жизни для сына за то, что отцы ихъ, ихъ мужья не грабили народа русскаго, не запасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пенсіи, ни протекціи. Боже мой, Боже мой! Чернѣе пятна не можетъ быть на всемъ царствованіи Вашемъ. Наказаны ли скареды ума и духа, опозорившіе васъ, вооружившіе противъ васъ все образованное общество, или Вы ждете, Государь, когда народъ потребуетъ ихъ у васъ, какъ у царя Алексья тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіями и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ московскихъ? Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ питейномъ откупѣ, считаютъ выручку. Да, гдѣ Вы, Государь? Куда Вы зашли? Оглянитесь ради Бога и, и святыхъ силъ его!

Правительство, говорятъ, хочетъ принять проектъ выкупа земли въ собственность государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель можетъ быть очень хороша, но мы знаемъ, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открываетъ и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли ненаселенныя или оставляемыя туземцами; правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изстари, съ незапамятныхъ временъ, онъ занялъ и населилъ ее задолго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ и въ сущности, и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую, неимѣющую въ отношеніи къ общинамъ, владѣющимъ ею селеніямъ и деревнямъ, поселеннымъ на ней, никакой продажной цѣнности, наслѣдственную собственность. Такъ какъ же правительство-то будетъ продавать народу его же народную, непродажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, такъ очень плохой, это будетъ похоже на того господина въ „Венеціанскомъ купцѣ“, который добивался вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла живого человѣка, только здѣсь не за долги будетъ вырѣзано мясо, а просто съ цѣлью взять деньги за операцію вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ больному мѣсту. Народъ представитъ себѣ дѣло проще: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытащить у человѣка

рукавицы изъ за пазухи и отдать ихъ за деньги тому же, кому принадлежатъ. Если слухъ о продажѣ земли государственнымъ крестьянамъ справедливъ, то, если бы я не боялся быть невѣжливымъ, не зная притомъ, къ кому лично относятся мои слова, я сказалъ бы, что можно подумать, что составители проекта чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ, запомнившіе по разсказамъ наставника-француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія. Вотъ отъ того же, отъ ложнаго воззрѣнія правительства на отношенія его къ землѣ и народу, — нейдетъ, и если не измѣнится воззрѣніе это, то не пойдетъ и крестьянско-помѣщичье дѣло. Призовите „землю“ и сравняйте ее въ совѣтѣ съ государствомъ, иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами земскимъ государемъ, тогда въ одинъ годъ вопросъ крестьянскій разрѣшится, денегъ будетъ много, и всѣ финансовыя операціи обезпечены прочно. За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работы въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человѣкъ, изъ-за сотней верстъ, разные взяточники въ образѣ полицейскихъ и поповъ, къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? къ чему народъ озлобляется безтолковыми, обезсмысленными — осмысленными съ одной точки зрѣнія всякаго обиранія, — разорительными мѣрами, прижимками и истязаніями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ, въ Турціи въ дѣлахъ вѣры ничего подобнаго не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ-то развѣ легче отъ того? развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь земли русской, а императоръ и самодержецъ? развѣ любой блюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой исправникъ, стакнувшись съ попомъ и не стакнувшись, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свои мирныя богомолья съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ, заговоровъ, съ возмутительными намѣреніями противъ правительства, съ цѣлью распространенія вреднаго ученія о неповиновеніи властямъ. Ну, вотъ власти-то, какъ шайка разбойниковъ, и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ, что попало подъ руку, и книги, и иконы въ дорогихъ окладахъ и безъ дорогихъ, и молитвенники, и лестовки, и свѣчи, и ладонъ, и масло, все въ квартиру станового да благочинному въ сундукъ. Мелочи: да ими жизнь народа отравляется. Нѣтъ, не мелочи, а крупныя и наглыя злодѣйства мелкой власти. Подъ чьимъ же, подъ какимъ высокимъ принципомъ та власть совершаетъ ихъ? На комъ лежитъ позоръ ея насилій? гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, наглой власти?[1] Власти, власти, не людямъ. Люди представи-

[1] Я на себѣ испыталъ сладость самодержавнаго безправія и воззрѣнія государства на человѣка: я былъ крестьяниномъ дѣйств. тайн. сов. графа Александра Гурьева; графъ, находя, что лимонъ достаточно созрѣлъ и подвигнутый рескриптомъ объ улучшеніи быта крестьянъ, ограбилъ и до тла разорилъ меня іезуитски-насильственными мѣрами. Да объ этомъ послѣ, — я не хотѣлъ говорить, къ

тели ея, эти жалкіе становые, исправники сами жертвы системы, несчастные мученики и невольники преступленій, втиснутые силой нужды и необходимостью дарить въ восходящихъ линіяхъ чиноначанія, въ душную, растлѣвающую атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, недопускающая другой дѣятельности, кромѣ службы. Мы людей не винимъ, система виновата, а не люди. Потому допросы, допросы на мѣстѣ, допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ, — насмѣшки, оскорбленія, истязанія, грабительства, побои.... Боже мой, Боже мой! Да гдѣ мы? что мы? сонъ это, бредимъ или живемъ!!! Государь, правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ прекратить гоненій, заставлявшихъ народъ изстари бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свободна, — въ Швецію и Англію, съ одной стороны, въ Персію, съ другой. Неужели старообрядцы изверги какіе-нибудь, или просто гадины, отверженные Богомъ и человѣчествомъ? Неужели они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ и другихъ, что не позволяютъ имъ жить, по крайней мѣрѣ, такъ же неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ послѣднимъ? Отъ чего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь, не отъ того же только, что тамъ нѣтъ Филаретовъ, защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссылокъ, каторжной работы, клеймленія, рванья носовъ и пр. и пр., и тѣлеснаго наказанія всякаго свойства для христолюбиваго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ Филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первый слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ на скорбь и горе всего народа русскаго? Вѣдь есть же кто-нибудь. Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ денегъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Всѣ предтечи революціи на лицо! Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣетъ въ воздухѣ, гроза сбирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода. Связанъ ли онъ проводниками съ почвой, мы не видимъ, не видимъ!! Противоестественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ такимъ проводникомъ быть не можетъ. Вспомните, Государь, что рекрутчина — жертвоприношеніе народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ страшной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты — погибъ человѣкъ, выходу какъ отъ кровожаднаго божества, для обреченной на всесожженіе жертвы нѣтъ, да и сожженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-медленнымъ, томительнымъ огнемъ. Охотно ли народъ приноситъ эту жертву и насколько она полезна для него самого, от-

---

слову пришлось. Я поговорю объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ, — а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого-нибудь памятника, да и то по мелочи — съ безмѣномъ. Грабитель засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, и „въ судахъ да царствуетъ Правда“!...

Прим. Мартьянова.

вѣтомъ служитъ вопль и плачъ, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы? Кто же поддерживаетъ, что обусловливаетъ разъѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окружающая Васъ, чиноначаліе, канцелярское управленіе Россіей, заключающееся въ накопленіи и очисткѣ безчисленнаго количества №№ текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выправокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаимномъ непониманіи одного другимъ. Вотъ она, чѣмъ заглушается, вотъ она кѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь народная, вотъ она, хроническая проказа, поражающая организмъ общества во всѣхъ составахъ его . . . плохой проводникъ! Тѣлесное наказаніе, розги (женщинъ сѣкутъ!), къ стыду Вашего царствованія, неотмѣненныя еще въ Россіи, и которыми всякая чиновная сволочь орудуетъ, сколько душѣ угодно, проводникъ не лучшій. Вотъ крестьянскія цѣпи на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что цѣпи эти не есть цѣпи, что они непремѣнное условіе его жизни, пока не... умереть. И эти цѣпи-не-цѣпи приказано носить по прежнему; проводникъ ненадежный, испорченъ. — Губернаторы? . . . — Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію, такое положеніе дѣлъ должно прекратиться. Какъ?! Государь! я говорю голосомъ народа . . . моя обязанность — свобода, мое право, кровь и страданія . . . Мнѣ повѣрка народъ и его люди, — мы ждемъ отъ Васъ собранія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, вокругъ Васъ Тысячелѣтіе. . . .

Съ глубокимъ уваженіемъ и великой преданностью, честь имѣю быть Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга

Лондонъ, 2 апрѣля 1862 г. П. Мартьяновъ.

* * *

И вотъ за это-то письмо Александръ II и послалъ Мартьянова въ каторгу. . . . Тамъ, въ Сибири, онъ и умеръ. . . .[1] Всѣмъ извѣстно, что Александръ II былъ человѣкъ очень жестокій, но нѣкоторыя лица склонны до сихъ поръ видѣть въ характерѣ этого царя черты благородства. Это безусловно невѣрно, и дѣло Мартьянова тому лучшее свидѣтельство. О жестокости Александра имѣется много историческихъ доказательствъ, но къ нимъ мы хотимъ прибавить еще одно, кажется, весьма мало извѣстное. Фактъ этотъ разсказывалъ намъ недавно умершій, весьма извѣстный въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества, какъ огненный проповѣдникъ ученія о непротивленіи злу насиліемъ за много лѣтъ до того, какъ на эту точку зрѣнія сталъ гр. Л. Н. Толстой, — А. К. Маликовъ. Этотъ Маликовъ привлекался въ 1866 г. къ дѣлу о покушеніи Каракозова на жизнь Александра II, но по суду былъ оправданъ. Когда Каракозовъ

[1] Некрологъ Мартьянова помѣщенъ въ № 224 „Колокола".

былъ приговоренъ къ повѣшенію, то онъ, — разсказывалъ намъ Маликовъ, какъ очевидецъ, — подалъ прошеніе Александру II о помилованіи. Маликовъ находился на допросѣ, когда услышалъ, какъ въ сосѣднюю комнату прибылъ предсѣдатель Верховнаго Суда князь Гагаринъ и потребовалъ привести къ себѣ Каракозова. Черезъ нѣсколько времени до слуха Маликова ясно долетѣли такія слова Гагарина: „я докладывалъ ваше прошеніе государю императору. Я прямо отъ него. Онъ приказалъ мнѣ передать вамъ, что, какъ человѣкъ, онъ вамъ прощаетъ, но, какъ государь, даровать вамъ жизнь не можетъ. Приготовьтесь, несчастный!“

Какая такая „государственная“ точка зрѣнія обязывала Александра непремѣнно казнить Каракозова, даже послѣ того, какъ онъ подалъ прошеніе о помилованіи? И что это за раздѣленіе въ данномъ случаѣ „человѣка“ отъ „государя“? За безсмысленную теорію „устрашенія“ держатся обыкновенно всѣ жестокіе люди, держался за нее и Александръ II. Къ чему же это привело, кого онъ ею „устрашилъ“ и чѣмъ кончилъ самъ? . . .

Но въ дѣлѣ Мартьянова проявилась, повторяемъ, не только жестокость, но и полное отсутствіе благородства въ характерѣ „земскаго царя“. **Редакція.**

Прокламаціи 1863 года.

Въ 1863 году въ Россіи дѣйствовало тайное общество „Земля и Воля“, которое выпустило нѣсколько листковъ и, между прочимъ, №№ 1 и 2 листка „Свобода“. Первый № этого листка былъ перепечатанъ въ № 164 „Колокола“. Въ Британскомъ Музеѣ хранится въ двухъ экземплярахъ подлинникъ № 1 „Свободы“, откуда мы и сняли нижеслѣдующую копію.[1]

№ 2 „Свободы“ у насъ нѣтъ, но онъ несомнѣнно существовалъ. О выходѣ его прямо говорится въ „Колоколѣ“. О немъ же упоминается въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко (см. ниже). Мы очень просимъ достать намъ этотъ № „Свободы“, равно какъ и другія изданія Общества „Земля и Воля“, у насъ не имѣющіяся.

Затѣмъ мы помѣщаемъ прокламацію Общества „Земля и Воля“ — „Офицерамъ русскихъ войскъ“. Эта прокламація нигдѣ перепечатана не была и воспроизводится нами впервые съ печатнаго подлинника. Ее передалъ намъ одинъ старый эмигрантъ.

Объ Обществѣ „Земля и Воля“ шестидесятыхъ годовъ въ нашей литературѣ существуютъ вообще весьма скудныя свѣдѣнія, и хорошее дѣло сдѣлалъ бы тотъ изъ живущихъ еще нынѣ „землевольцевъ“ того времени, кто далъ бы намъ очеркъ исторіи этого Общества.

Не преступно ли погружать въ мракъ забвенія такую, напр., личность, какъ Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, о которомъ Герценъ писалъ:

---

[1] Въ книгѣ г. Бурцева № 1 „Свободы“ приведенъ въ отрывкахъ. Въ такихъ же отрывкахъ приведенъ онъ и въ книгѣ г. Куклина. Редакція.

„Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ ... Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ дѣвственнымъ сердцемъ, что ихъ можно вразумить, онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ и... умеръ въ Иркутскѣ, изможденный истязаніями трехлѣтнихъ казематовъ.... Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта были поражены доблестью, простотой, геройствомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того чистъ, что „Московскія Вѣдомости" не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ поджигатель или воръ.... Это былъ одинъ изъ лучшихъ весеннихъ провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи. ... И онъ убитъ.... (Колоколъ № 219.)

Что же знаемъ мы о процессѣ Серно-Соловьевича? Только тѣ нѣсколько строкъ, которыя были напечатаны въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ" о приговорѣ, да „Вѣдомостяхъ Городской Полиціи" объ объявленіи этого приговора Серно-Соловьевичу „у позорнаго столба" (то и другое перепечатано въ Сборникѣ Базилевскаго, т. I, стр. 232—235). Не стыдъ ли это передъ потомствомъ, передъ исторіей?...

Съ исторіей Общества „Земля и Воля" связано также имя А. А. Потебни. Многіе ли русскіе люди знаютъ даже это имя? А знать бы его слѣдовало. Почему? Прочтите въ № 162 „Колокола" статью Огарева, называющуюся „Надгробное слово". Мы видѣли портретъ Потебни въ польскомъ музеѣ въ Рапперсвилѣ. Хранится ли потретъ Потебни и у кого-либо изъ русскихъ?

Редакція.

СВОБОДА № 1.

Единственнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію, есть самодержавный деспотизмъ; подъ вліяніемъ его сложился весь настоящій гибельный порядокъ вещей, давящій насъ и губящій всякое развитіе. Самый поверхностный взглядъ на всѣ отрасли русской жизни подтверждаетъ эту очевидную истину и убѣждаетъ, что всѣ онѣ парализованы и убиты безсмысленнымъ самодержавіемъ, составляющимъ непрерывную іерархическую цѣпь, начинающуюся самодержавнымъ императоромъ и оканчивающуюся самымъ послѣднимъ чиновникомъ, такимъ же самодержцемъ въ сферѣ ему подчиненной. Уродливыя попытки разныхъ реформъ еще нагляднѣе выставляютъ всю несостоятельность самодержавія. Мнимое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, лишеніе народа его собственности — земли, и избіеніе крестьянъ; судебная реформа, сохраняющая прежній административный произволъ подъ именемъ „предупредительныхъ мѣръ" и, естественно, не могущая ввести правильнаго суда при существованіи деспотизма; лицемѣрныя заботы о „благѣ народа" и новые обременительные налоги и поборы, раззоряющіе преимущественно бѣднѣйшіе классы народа; пошлое либеральничанье и закрытіе воскресныхъ школъ — единственнаго источника народнаго образованія, закрытіе университетовъ съ безчеловѣчнымъ преслѣдо-

ваніемъ лучшей учащейся молодежи; нелѣпыя разглагольствованія объ уничтоженіи цензуры и свободѣ печати (вещь немыслимая при самодержавіи) и окончательная передача литературы въ полное распоряженіе III-го отдѣленія и Валуева съ комп.; шутовскіе гимны благодушію монарха и, съ одной стороны, казематы, ссылки въ каторгу, съ другой — кровожадная жестокость въ упорномъ отстаиваніи беззаконнаго господства надъ польскимъ народомъ, господства тѣмъ болѣе гибельнаго для нашего отечества, что, раззоряя и губя нашъ народъ, оно еще вызываетъ неизбѣжное столкновеніе съ европейскими державами, могущее окончиться еще болѣе печальными послѣдствіями, чѣмъ какія мы видѣли у стѣнъ разрушеннаго Севастополя.

Въ этихъ строкахъ вся исторія нынѣшняго пр—ва, обидная и позорная для людей, терпящихъ такое пр—во.... Но терпѣнію людей есть конецъ. Даже рабы, доведенныя до безнадежнаго отчаянія, возстаютъ за свои похищенныя права и возстаніе ихъ тѣмъ грознѣе, чѣмъ ужаснѣе были оскорбленія и истязанія. Измученные и лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ, всѣ классы русскаго общества почувствовали, наконецъ, потребность новой свободной жизни. Императорское самодержавіе, по самому принципу, не способно удовлетворить этой потребности и никогда добровольно не можетъ отказаться отъ вооруженнаго господства надъ жизнью людей и ихъ свободою, — и потому должно быть разрушено; цѣпи императорскаго деспотизма, глубоко врѣзавшіяся въ народный организмъ, должны быть разорваны. Стремленіе разорвать эти цѣпи обнаружилось въ разныхъ концахъ обширной нашей родины и запечатлѣлось кровью поборниковъ русской свободы. Напрасно пр—во думаетъ обмануть русскую и заграничную публику, увѣряя ее въ мнимомъ сочувствіи къ себѣ народа: мученическая кровь крестьянъ, кровь, пролитіемъ которой почти повсемѣстно прославляла себя „царская воля", еще не застыла. Не застыла и та кровь, которую высасываютъ у нашихъ сыновей и братьевъ въ казематахъ петропавловской крѣпости достойные намѣстники царской власти — Голицынъ, Потаповъ и комп.

Кровь пролита, — этой кровью протестъ противъ самодержавія признанъ имъ же самимъ. Отступленія теперь быть не можетъ. Для людей, отдавшихся со всею энергіею служенію дѣлу народнаго освобожденія, исходъ одинъ только — въ неуклонной борьбѣ съ врагомъ русскаго народа — съ императорскимъ пр—вомъ, всегда обманывавшимъ насъ, всегда попиравшимъ завѣтныя права наши, проливавшимъ нашу кровь, губившимъ братьевъ и сыновей, уничтожавшимъ покой, разрушавшимъ трудъ, разорявшимъ богатство нашей страны. Для этой борьбы и составилось общество „Земля и Воля". Говорить о силѣ этого Общества — неумѣстно; мы можемъ замѣтить только, что это Общество успѣло соединить въ себѣ членовъ тѣхъ отдѣльныхъ кружковъ, которые не разъ уже заявляли себя и вмѣсто которыхъ пр—во преслѣдовало непричастныхъ къ дѣлу лицъ. Русскій центральный народный комитетъ является только представителемъ антиправительственной организаціи. Организація Общества

не образовалась изъ людей, увлекаемыхъ на борьбу съ пр—вомъ однѣми возбужденными страстями или безотчетнымъ фанатизмомъ. Образованіе нашей организаціи вызвано потребностью самого общества, въ которомъ пробудилось сознаніе необходимости и неизбѣжности борьбы съ самодержавнымъ деспотизмомъ. Лучшее выраженіе себѣ сознаніе это нашло въ многочисленныхъ жертвахъ изъ всѣхъ классовъ народа. Время завѣщанной борьбы пришло, и мы не уклоняемся и идемъ на нее, сильные желаніемъ лучшей доли нашей родинѣ, крѣпкіе всегдашнею готовностью заплатить жизнью за исполненіе своего желанія. Такъ организація наша составилась изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ, и по слишкомъ очевиднымъ даннымъ, что при неспособности пр—ва, революція въ Россіи неизбѣжна, что она неминуемо разразится въ возстаніи ограбленнаго и подавленнаго народа и что, при жестокости и тупоуміи пр—ва, она можетъ получить исполинскіе размѣры кровавой драмы, если все или, по крайней мѣрѣ, большинство способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго до возстанія народа и не обезсилитъ тѣмъ самымъ окончательно пр—ва, лишивъ его какой бы то ни было пользы въ дикомъ упорствѣ. Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ пр—вомъ за права народныя, Народный Комитетъ въ настоящее время ставитъ себѣ одною изъ задачъ — привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, ихъ собственныхъ. Въ этой задачѣ ясно стремленіе такъ называемыхъ революціонеровъ, — предотвратить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить то кровопролитіе, которое пр—во вызоветъ своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ. Въ силу всего сказаннаго Народный Комитетъ призываетъ теперь открыто всѣхъ русскихъ гражданъ на служеніе великому дѣлу народнаго освобожденія. Никто изъ честныхъ, здравомыслящихъ людей не можетъ, оставясь правымъ предъ своею совѣстью, уклоняться отъ служенія этому дѣлу. Пусть всѣ тѣ, которые могутъ и готовы вмѣстѣ съ нами энергически и непрестанно, не щадя себя ни въ какихъ трудахъ и опасностяхъ, служить народному дѣлу, — присоединяются къ намъ; доступъ къ намъ такіе люди найдутъ всегда и вездѣ при посредствѣ нашихъ столичныхъ, провинціальныхъ и заграничныхъ агентовъ, снабженныхъ отъ Комитета извѣстными установленными уполномочіями и довѣренностями. Агенты Комитета сообщаютъ вновь вступающимъ въ организацію и уже достаточно испытаннымъ лицамъ особую, за печатью Комитета, инструкцію, знакомящую подробно съ задачами Общества и съ тѣмъ, какъ вести дѣло организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не призываемъ людей къ сверхъестественнымъ самопожертвованіямъ: люди, жизнь которыхъ тѣсно связана семейными узами, или которые не способны по своему положенію къ дѣятельному участію въ общенародномъ дѣлѣ, — тѣ люди тѣмъ не менѣе, могутъ оказывать посильную пользу съ своей стороны доставленіемъ разныхъ средствъ, необходимыхъ для обширной дѣятельности организаціи, между прочимъ, доставленіемъ денежныхъ пожертвованій. Для этихъ пожертвованій наша открытая касса находится въ Лондонѣ, при редакціи „Ко-

локола“. Въ самой же Россіи денежные взносы доходятъ до Комитета чрезъ выше упомянутыхъ столичныхъ и провинціальныхъ агентовъ, выдающихъ нумерованныя, съ приложеніемъ особой печати Общества, квитанціи. Нумера, выданныхъ квитанцій печатаются въ ближайшихъ нумерахъ „Свободы“ или „Колокола“. Призывая въ настоящую минуту открыто всѣхъ и каждаго къ содѣйствію въ народномъ освобожденіи, Народный Комитетъ, естественнымъ теченіемъ обстоятельствъ, поставленный во главѣ русскаго революціоннаго движенія, отвѣтствуетъ предъ каждымъ изъ членовъ Общества „Земля и Воля“ въ томъ, что онъ будетъ неуклонно и постоянно вести дѣло къ предположенной цѣли — къ разрушенію императорскаго самодержавія и къ торжеству народныхъ интересовъ, которое должно выразиться прежде всего въ созваніи Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа. Собраніе это само опредѣлитъ новый общественный строй нашего свободнаго отечества и послѣднимъ моментомъ дѣятельности Общества „Земля и Воля“ будетъ гарантія свободныхъ выборовъ въ Народное Собраніе и огражденіе собранія отъ всякихъ насильственныхъ вліяній и отъ притязаній имущественныхъ и сословныхъ привилегій. Затѣмъ, Комитетъ считаетъ нужнымъ сообщить членамъ организаціи, что сообразуясь съ желаніямъ большинства членовъ — Комитетъ будетъ отъ времени до времени выпускать свои печатныя изданія, подъ настоящимъ названіемъ. Въ этихъ изданіяхъ будетъ или разъясняться общее положеніе дѣлъ въ Россіи, или же будутъ дѣлаться обществу предостереженія и указанія на разныя гнусныя дѣйствія правительства, которыя оно всегда старается скрыть. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, сообразно съ ходомъ дѣла будутъ постепенно выясняться цѣли Общества и тѣ средства, которыми оно идетъ къ ихъ осуществленію.

Типографія Общ. „З. и В.“

* * *

Вверху приложена печать Общества со словами „Земля и Воля“ по срединѣ и „Русскій Центральный Народный Комитетъ“ по окружности.

ОФИЦЕРАМЪ ВСѢХЪ ВОЙСКЪ

отъ Общества „Земли и Воли“.

Товарищи!

Наше Общество не погибло, Напротивъ того, оно увеличилось и упрочилось. Учредился Совѣтъ Общества.[1] Тѣ изъ насъ, которые въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ, пусть не теряютъ надежды, несмотря ни на что. Звѣрскія страсти поустанутъ, и мы еще снова соединимъ дѣло польской свободы съ дѣломъ свободы русскаго народа. Не унывайте, не разсѣевайтесь. Держитесь крѣпко въ союзѣ другъ съ другомъ и съ нами. Тѣ изъ

[1] Въ Россіи, а не заграницей, хотя мы и заграницей имѣемъ друзей, преданныхъ нашему общему народному дѣлу. Прим. авт. прокл.

васъ, которые внѣ Польши, гдѣ бы вы не были, на Югѣ ли, на Сѣверѣ, на Востокѣ или внутри Россіи — примыкайте къ нашему русскому народному дѣлу. Мы не оставляемъ нашего прежняго убѣжденія: войско, которое такъ долго служило петербургскимъ царямъ — палачамъ народа русскаго, войско обязано начать и его освобожденіе. На насъ лежитъ долгъ искупленія Россіи, — исполните его свято и непоколебимо. Мы не оставляемъ нашей прежней мысли: вы должны готовиться и готовить солдатъ — на Востокѣ и Югѣ, на Западѣ и Сѣверѣ. Дружно со всѣхъ окраинъ двинемтесь внутрь Россіи, подымая народъ на созваніе безсословнаго Земскаго Собора. Только онъ можетъ осуществить право народа на землю и волю, областное и союзное самоуправленіе. Романовы никогда не созовутъ его. Если со страху и попытаются сострить какую-нибудь бояро-нѣмецкую думу, — это будетъ такъ ничтожно, такъ чиновно, что Россія такого законодательнаго собранія признать не должна и не можетъ. Настоящій Земскій Соборъ нашъ надо себѣ завоевать. Съ этой цѣлью составляйте офицерскіе кружки и примыкайте къ нашему обществу, чтобы составить одинъ строй и одну дисциплину. Приготовляйте солдатъ. Чѣмъ сильнѣе будетъ подготовка, тѣмъ безкровнѣе будетъ русское возстаніе, потому что оно найдетъ не сопротивленіе, а соединеніе всѣхъ для единой цѣли народнаго самоустройства. Слабые, своекорыстные, чиновники петербургскіе, управлявшіе и грабившіе, — всѣ, отъ станового до императора, или покорятся, или уйдутъ. Съ нами поднимется весь народъ. Противъ насъ и народа никто не устоитъ, да никто и не явится. Вслѣдъ за каждымъ нашимъ шагомъ должно учреждаться мѣстное самоуправленіе. Когда силы наши будутъ несомнѣнны, нашъ Совѣтъ повѣститъ васъ. Тогда начинайте походы.

До свиданія, товарищи! До торжественнаго свиданія тамъ, гдѣ мы съ разныхъ концовъ всѣ сойдемся и гдѣ Земскій Соборъ утвердитъ за народомъ землю и волю. Выше этого торжества, выше этой славы — ни одно войско въ мірѣ не досягало.

1864 годъ.

Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго.

Приговоръ по дѣлу Н. Г. Чернышевскаго и полицейское увѣдомленіе о публичномъ объявленіи Николаю Гавриловичу этого приговора напечатаны въ сборникѣ „Государственныя преступле-

нія въ Россіи",[1] но здѣсь мы дополнимъ это дѣло двумя документами: во-1хъ, такъ называемой „сенатской запиской" по дѣлу Чернышевскаго, напечатанной въ № 193 „Колокола" и, во-2-хъ: никогда еще не бывшимъ въ печати, касающимся Чернышевскаго, секретнымъ циркуляромъ, который переданъ намъ однимъ извѣстнымъ русскимъ ученымъ.

Сенатская записка отличается крайней безграмотностью и чисто подьячимъ стилемъ, но это-то и доказываетъ ея подлинность.

Въ ней отчетливо выступаетъ, между прочимъ, гнусная роль, которую игралъ въ дѣлѣ Чернышевскаго, какъ впрочемъ, и въ нѣсколькихъ другихъ, Всеволодъ Костомаровъ. Большую услугу дѣлу познанія историческаго прошлаго соціально-политическаго движенія въ Россіи оказалъ бы тотъ, кто досталъ бы намъ оффиціальный отчетъ о томъ дѣлѣ (Гольцъ-Миллера и другихъ), въ которомъ Всеволодъ Костомаровъ самъ фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго.

Редакція.

Сенатская записка о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго.

Титулярный совѣтникъ Чернышевскій, занимавшись литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала „Современникъ". Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу матеріалистическія и соціалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на нѣкоторое время изданіе сего журнала, и одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которыя указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сіи состояли въ слѣдующемъ.

Управляющій III отд. собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получилъ безымяпное письмо, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго соціалиста"; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ. Его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого вреднаго человѣка. Всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные, отдалились отъ него. „Если не удалите Чернышевскаго," пишетъ авторъ письма, „быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы, эта „Молодая Россія" высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія наклонности. Можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется за нихъ. Въ Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ — вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но поскорѣй отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія".[2]

[1] Сборникъ Базилевскаго, т. I, стр. 222.

[2] „По доносамъ въ безымянныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не производить слѣдствія" (ст. 52, кн. II закон. уголов., т. XV св. закон., изд. 1857 г.). Прим. ред. „Колокола".

Въ концѣ іюня 1862 года получено было въ III отдѣленіе увѣдомленіе, что изъ Лондона ѣдетъ Вѣтошкинъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ, и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и др. и вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденціи отъ пропагандистовъ. При арестованіи Вѣтошкина, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ распространять пропаганду въ Россіи, и въ концѣ письма приписка: „Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены съ Чернышевскимъ издавать „Современникъ“.[1]

По поводу письма сего Чернышевскій 7-го іюля 1862 г. былъ арестованъ, и у него былъ сдѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія относящіяся къ дѣлу бумаги:

1. Анонимная записка съ увѣдомленіемъ, что дѣло о манифестаціи въ думѣ,[2] по высочайшему повелѣнію, оставлено безъ разсмотрѣнія — и безпокоить по этому дѣлу никого не будутъ; 2. переписка Чернышевскаго съ Андреевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій; 3. письмо, по почерку Бартюкова (?), въ которомъ замѣчательны слова: „Москва занята теперь тверскими происшествіями, говорятъ, революція будетъ“; 4. письмо Герцена безъ надписи, а потому неизвѣстно кому адресованное, съ многими выскобленными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго, не увлекать юношество въ литературный союзъ, ибо изъ этого ничего не выйдетъ, и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую нибудь изъ Днѣпровскихъ и Ирбитскій или иной Урало-сибирскій трактъ; 5. анонимное письмо къ Чернышевскому, желающему ниспровергнуть существующій порядокъ, учредить демократію и затѣмъ угрожаетъ (?) ему самому гибелью; 6. алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и, накопецъ, двѣ тетради, писанныя съ сокращеніями словъ, слоговъ и буквъ. Тетради эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся еще къ тому періоду времени, когда онъ еще не состоялъ въ брачномъ союзѣ, а былъ еще женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: „Меня каждый день могутъ взять, какая будетъ тутъ моя роль. У меня ничего не пайдутъ, но враги у меня сильные. Что могу

---

[1] „Я никогда не находился въ перепискѣ съ Чернышевскимъ. Я не могъ писать, что мы намѣрены издавать „Современникъ“ съ нимъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, хочетъ онъ, или нѣтъ издавать „Современникъ“ внѣ Россіи. Тутъ явная перестановка словъ для того, чтобы предложенію дать видъ соглашенія и оконченнаго дѣла. Даже сенатъ остановился передъ этой продѣлкой. Когда запрещеніе „Современника“ было объявлено въ газетахъ, мы тотчасъ предложили громко и открыто издателямъ „Современника“ печатать его на нашъ счетъ заграницей („Колоколъ“ Л. 139 1862). На наше предложеніе никогда не было ни малѣйшаго отзыва. Какъ же я могъ писать объ этомъ положительно и къ тому же въ Россію? Ужъ не служу ли послѣ этого и я въ тайной полиціи?“ Прим. Герцена.

[2] На лекціи профессора Н. Костомарова въ мартѣ 1862 г. — послѣ закрытія петербургскаго университета.

я другое дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго — это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко, и тогда едва ли уже выйдемъ изъ крѣпости. Видите — я не могу жениться, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей".

Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5-го октября 1862 года, написалъ женѣ своей письмо, въ коемъ говорилъ, между прочимъ: „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ всѣхъ, кто жилъ съ нами. „Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять „Энциклопедію знанія и жизни", онъ пишетъ: „Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель."

Между тѣмъ во время производства изысканія по дѣлу Чернышевскаго, Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій, по высочайшему повелѣнію разжалованъ въ рядовые на Кавказъ. При препровожденіи его къ мѣсту назначенія, съ жандармскимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Тулѣ заболѣлъ, а 5-го марта 1863 года написалъ письмо нѣкоему Соколову въ Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III отдѣленія. Письмо это заключаетъ подробный разсказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ, какимъ образомъ Чернышевскій съ Михайловымъ сочинили воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ", а полковникъ Шелгуновъ воззваніе „Къ солдатамъ", и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороку, съ коимъ онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Открывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который совратилъ съ пути истиннаго нѣсколько юношей, онъ такъ характеризуетъ его: сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ, „что израильтянинъ былъ такъ не практиченъ, что, расшатавъ столбы зданія, втемяшился въ самую средину его и повалилъ обломки на себя." Нашъ Самсонъ, т. е. Чернышевскій, разсуждаетъ иначе; онъ полагаетъ: „чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ: коли развалятъ — хорошо, я займусь тогда постройкой новаго, а не развалятъ — надорвутся, такъ мнѣ-то что? Я то всячески цѣлъ останусь."

Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что напрасно онъ будетъ укорять его, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства усадить Чернышевскаго на свое мѣсто, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ сентенціи за составленіе воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ" относился не къ нему, а къ Чернышевскому. Тогда онъ долженъ былъ молчать, но теперь, когда уже совершилось, говоритъ въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предалъ себя, онъ виноватъ въ этомъ передъ обществомъ, для котораго

дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чернышевскаго, приноситъ такіе горькіе отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ, какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетѣ читали сочиненіе Чернышевскаго, воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ", и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Чернышевскій не смягчитъ выраженій этого воззванія, взывающаго къ рѣзнѣ. Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ измѣнилъ нѣсколько. Потомъ идетъ описаніе, какъ Шелгуновъ сочинилъ воззваніе къ солдатамъ, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ, какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, воззваніе „Къ раскольникамъ", которое онъ впослѣдствіи уничтожилъ.[1]

По распоряженію III отдѣленія Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тулы въ Петербургъ и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашемъ слѣдующаго содержанія: „В. Р. Вмѣсто ‚срочно-обязанныхъ' (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня) — наберите вездѣ ‚временно-обязанныхъ', какъ это называется въ положеніяхъ. Вашъ Чер."

Костомаровъ объяснилъ, что записку эту написалъ Чернышевскій, бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для напечатанія воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ". Но по предъявленіи этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею.

По сличеніи почерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретари сената нашли, что, хотя въ общемъ характерѣ нѣтъ сходства съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ 25-ти, составляющихъ записку, имѣютъ сходство. Присутствіе же сената нашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго.

Въ сочиненіи воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ" Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго, экземпляръ котораго, переписанный неизвѣстно кѣмъ, находится въ дѣлѣ Костомарова.

Воззваніе это, будучи написано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратныя толкованія Положенія 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи „Положенія" они будутъ еще въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разорятся; затѣмъ объясняетъ крестьянамъ, въ чемъ именно состоитъ воля; приводится въ примѣръ Франція, Англія, гдѣ нѣтъ будто ни подушныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ, и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніе авторъ прокламаціи пригла-

[1] Всеволодъ Костомаровъ — былъ уже прежде извѣстенъ доносомъ: умышленно разжаловать въ солдаты агента тайной полиціи и послать его съ жандармскимъ офицеромъ съ тѣмъ, чтобы они сочинили клевету на человѣка, котораго иначе обвинить было не въ чемъ, а обвинить хотѣлось — какъ это хитро! На какомъ законѣ основываясь, правительство начало слѣдствіе подлогомъ? И подлогъ этотъ рѣшенъ высочайшимъ рѣшеніемъ! Что же — государь участвуетъ въ подлогѣ? Или онъ жалкая игрушка въ рукахъ злодѣевъ? Прим. ред. „Колокола".

шаетъ „барскихъ крестьянъ сговориться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію“. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются „срочно-обязанные“, каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій поправить при напечатаніи.

Кромѣ сего жандармскій офицеръ донесъ Потапову, что во время остановки его съ Костомаровымъ, по случаю болѣзни его, прежде пріѣзда въ Тулу, въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, о чемъ онъ предложилъ Яковлеву подтвердить письменно, на что послѣдній согласился.

Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: Лѣтомъ 1861 г. онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него пріѣхавшаго изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя Н. Г. Чернышевскаго. Однажды, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующіе разговоры: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла.“ Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее.

Не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго смысла ихъ, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ, узнавъ, что Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія правительства слышанный имъ разговоръ.[1]

Редакторъ журнала „Современникъ“, Некрасовъ, представилъ генералъ-маіору Потапову, полученное имъ по почтѣ письмо изъ Москвы, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смирительномъ домѣ. На страстной недѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснилъ, что

---

[1] На предложенные Костомарову высочайше утвержденною слѣдственною коммиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Потаповъ препроводилъ въ комиссію полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора докладную записку, содержащагося въ смирительномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку конторы московскаго смирительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для донесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Чернышевскому, но на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за буйство и пьянство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полиціймейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеозначенные проступки въ смирительный домъ на четыре мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороки въ Петербургъ, они на данные имъ вопросы отвѣчали: Сорока, что хотя онъ и пріѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но „воззванія къ барскимъ крестьянамъ“ Костомарову не передавалъ, а передалъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе сіе Сорока подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, несмотря на улики послѣдняго. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго подтвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ.

онъ также содержится за политическое преступленіе, и обратился къ нимъ за совѣтомъ.

„Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на тверской станціи выпилъ и забуянилъ, и за это управленіе Николаевской желѣзной дороги передало его въ руки полиціи, которая посадила его въ рабочій домъ. На вопросъ, по какому дѣлу онъ ѣздилъ къ Потапову, Яковлевъ отвѣтилъ: „Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, на-дняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостиницу Венеція № 18. Явившись туда, я былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научитъ тебя, что дѣлать и если ты послѣдуешь ея постановленіямъ, то будешь хорошо награжденъ". „А Костомаровъ не говорилъ вамъ, что именно придется дѣлать?" спросили они (?). „Говорили, что долженъ дать въ III Отдѣленіи показаніе, будто бы слышалъ, какъ Чернышевскій въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!" Я не знаю, что значатъ эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ ли Потаповъ что-нибудь сдѣлать для меня? Можетъ ли освободить изъ рабочаго дома?" „Ну, это врядъ ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ будетъ скорѣе васъ преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію." „Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе", сказалъ Яковлевъ, „онъ скоро потребуетъ въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!" „Мы сказали ему на это, что лучше сказать правду. Мы не повѣрили Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 марта 1863 года мы удивились, увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами. Намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположенію, что Чернышевскій, дѣйствительно, обвинялся въ какомъ-либо политическомъ преступленіи, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотятъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда". Все это заставило пишущихъ обратиться съ просьбою къ Некрасову представить письмо это куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягою.

Комиссія положила вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безнравственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хъ мѣсячнаго срока заключенія его въ рабочемъ домѣ, на которое отъ присужденъ своимъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее повелѣніе, которое и послѣдовало. Чернышевскій же въ взведенныхъ на него Костомаровымъ обвиненіяхъ не сознался, под-

твердивъ его запирательствомъ и на очной ставкѣ съ Костомаровымъ. Литераторъ Михайловъ, судившійся въ сенатѣ за распространеніе привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и сосланный на каторгу, во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ, показалъ: что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и „Къ барскимъ крестьянамъ“, и „Къ солдатамъ“, изъ коихъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій Сенатъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отд. 5-го департ. сената, т. е. за распространеніе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочиненія воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ и къ солдатамъ“. Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: судить Михайлова за распространеніе прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій.

По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ, полученное въ III отд. письмо Чернышевскаго къ Алексѣю Николаевичу (вѣроятно Плещееву). Письмо это слѣд. содержанія:

„Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть вы справедливо упрекаете меня за слишкомъ большую довѣренность, оказанную людямъ едва мнѣ знакомымъ. Я самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ принятыя мною предосторожности, рискую очень многимъ; но кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя — теперь или никогда! Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, слабостью ничѣмъ не оправдываемою, ошибкою никогда неисправимою. Вы вотъ уже около года водите насъ своимъ станкомъ и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ вы откладывали со дня на день, намъ подвернулись подъ руки люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но всетаки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть вести дѣло свое умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха, самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе вы всетаки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастается знакомствомъ со мною, разсказываетъ, будто я отдалъ ему для напечатанія свое сочиненіе. Старайтесь затушить эти слухи; это будетъ вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, ни Сулинъ, ни Сорока не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ. Что же касается Костомарова, то на него можно положиться, хотя, конечно, и съ нимъ черезчуръ откровенничать

не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и во всякомъ случаѣ весьма благодарю васъ за знакомство съ нимъ. Я ничего не пишу вамъ теперь о литературныхъ дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей, для васъ не безъинтересныхъ. По обыкновенію, спѣшу или, лучше сказать, спѣшитъ Костомаровъ, съ которымъ и отправляю это письмо. Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла. Такъ не годится! Больше энергіи, больше вѣры въ успѣхъ, дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у васъ ничего не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплодномъ раздумьи. Посмотрите, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. со своими офицерами или 23 въ Панщовкѣ (?). Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе. Отчего? Энергіи мало! мало силы, мало воли! Совсѣмъ некогда. Жму вашу руку. Вашъ Ч.

Скоро буду писать черезъ К—ва.“

Письмо сіе предъявлено было Чернышевскому въ присутствіи сената, и по содержанію онаго онъ былъ допрошенъ. Но Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ, о содержаніи онаго отозвался невѣдѣніемъ.

Вслѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената сличеніе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано сіе письмо, и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги, въ дѣлѣ находящіяся, писанныя Чернышевскимъ и имъ не отвергаемыя, писаны однимъ почеркомъ. Присутствіе I-го отдѣленія 5-го департамента, сличивъ съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ. Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребованъ въ присутствіе сената, подтвердилъ прежнія объясненія свои, касательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ его гдѣ-то затерялъ, а послѣ нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, но какъ оно было изломано и разорвано (письмо это дѣйствительно получено въ сенатѣ разорваннымъ и со слѣдами подчистки[1]), то отдать его Плещееву было совѣстно! Подсудимый Чернышескій во всѣхъ вышеизложенныхъ, взведенныхъ на него обвиненіяхъ, ни на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передопросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной ставкѣ съ Костомаровымъ — не сознался, не отвергая, впрочемъ, знакомства своего ни съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ слѣдственной комиссіи онъ сказалъ: „Я посѣдѣю, умру, но не перемѣню своего показанія“. Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснялъ тѣмъ, что покровительствовалъ ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался передъ правитель-

[1] Кто же это дѣлалъ подчистки? Неужели подчистки въ этомъ случаѣ служатъ противъ Чернышевскаго, а не доказываютъ облыжный доносъ Костомарова? Хороша логика! Прим. Кол.

ствующимъ сенатомъ, чтобы сличеніе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. Но правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при сличеніи соблюдены были всѣ требуемые закономъ обряды и формы, въ домогательствѣ его отказалъ.[1] Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго черезъ Костомарова,[2] подъ заглавіемъ: „Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ“.

Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназіи въ Саратовѣ, потомъ причислился къ С.-Петербургскому губернскому правленію и въ 1859 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ двое дѣтей.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что на подсудимаго Чернышевскаго возводятся три слѣдующія обвиненія:

1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. — Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ только приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ „здѣсь“, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно кому адресованное (по словамъ его) и которое получено имъ по городской почтѣ, написанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ.

Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что дѣйствительно Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы.

При такихъ основаніяхъ нѣтъ повода признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему, согласно 304 ст. 2 кн. тома XV св. зак. уг., обвиненіе сіе слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“, переданное Костомарову для напечатанія, съ цѣлью рас-

---

[1] Т. XV св. зак. ст. 286: „Судъ первой степени обязанъ доставить подсудимому всѣ средства къ оправданію“. А сенатъ видно не обязанъ! Ст. 144: „Обвиняемый во все время производства слѣдствія имѣетъ неотъемлемое право представлять все, что можетъ служить къ его оправданію“. Прим. Кол.

[2] Да, вѣдь, даже и Костомаровъ не говорилъ, что онъ отдалъ письмо Плещееву. Прим. Кол.

пространенія. — Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ"; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто „срочно-обязанные" — „временно-обязанные крестьяне", какъ это значится въ Положеніяхъ 19 февраля, что подтверждается рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно, написано „срочно-обязанные" и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова (о его разговорѣ) съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ"; г) показаніе бывшаго подъ судомъ правительствующаго сената политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ" и передалъ его Костомарову. Такимъ образомъ, показаніе это совпадаетъ съ показаніемъ Костомарова, объяснившаго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ". Но Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ.

Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержавшихся въ смирительномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подкупленъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденныхъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смирительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ.

Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ" сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію черезъ напечатаніе онаго.

3. Приготовленіе къ возмущенію. — Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2, ст. 326 и т. X, ч. 2, ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкоему Алексѣю Николаевичу. Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое.

Тому доказательствомъ (ст. 308, т. XV) служитъ то письмо, въ которомъ онъ, укоряя друга своего въ медленности пріобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенія возмутительнаго воззванія, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ. — напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь идетъ рѣчь о Костомаровѣ, Сулинѣ и Сорокѣ и о воззваніи „Къ барскимъ крестьянамъ“, которое они взялись напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Панщовкѣ).

Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I, т. XV о госуд. преступл. ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противъ правительства. Но принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятенія, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени (21 ст.). Обращаясь за тѣмъ къ опредѣленію степени предѣла надлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ нашелъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала „Современникъ“, своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и соціалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средство къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему признаетъ справедливымъ подвергнуть Чернышевскаго строжайшему изъ наказаній 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его запирательству, несмотря на несомнѣнныя доказательства, противъ него въ дѣлѣ имѣющіяся.

Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи законовъ правительствующій сенатъ положилъ: отставного титулярнаго совѣтника Н. Г. Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“ и передачу онаго для напечатанія въ видахъ распространенія — лишить правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Рѣшеніе это на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV свод. зак. представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: его же, Чер-

нышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ, въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ.

Приказали, по точному и немедленному исполненію высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго на мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу о бывшемъ титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ, осужденномъ за государственныя преступленія, и заключенія правительствующаго сената по предмету обвиненія его же, Чернышевскаго, въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и участіи въ его преступныхъ замыслахъ, г. с.-петербургскому генералъ-губернатору предписать указомъ съ препровожденіемъ копіи съ аттестата Чернышевскаго.

Теперь приведемъ тотъ, касающійся Чернышевскаго секретный циркуляръ, о которомъ мы упоминали выше. Вотъ онъ:

Министерство
Внутреннихъ Дѣлъ
Особенная Канцелярія
23-го ноября 1861 г.
№ 1413.

Совершенно секретно.
Циркулярно.

Господину Начальнику Губерніи.

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго, о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему онаго, а предоставить на разрѣшеніе ввѣреннаго мнѣ министерства.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретарь Валуевъ.

Скрѣпилъ: Правитель Канцеляріей М. Шидловскій.

Вѣрно: Секретарь Перфильевъ.

Такъ какъ этотъ циркуляръ относится еще къ 1861 году, то отсюда видно, какъ задолго еще до осужденія Чернышевскаго правительство уже было „озабочено“ его дѣятельностью...

По полученіи извѣстія объ осужденіи Чернышевскаго Герценъ написалъ въ № 186 „Колокола“ слѣдующія строки подъ заглавіемъ „Н. Г. Чернышевскій“.

Чернышевскій осужденъ на семь лѣтъ каторжной работы и на вѣчное поселеніе. Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она пріучила правительство къ убійствамъ военноплѣнныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди-трава, люди-слизняки, говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами! „Инвалидъ“ недавно спрашивалъ, гдѣ же новая Россія, за которую пилъ Гарибальди. Видно, она не вся „за Днѣпромъ“, когда жертва падаетъ за жертвой... Какъ же согласовать дикія казни, дикія кары правительства и увѣренность въ безмятежномъ покоѣ его писакъ? Или, что же думаетъ редакторъ „Инвалида“ о правительствѣ,

которое безъ всякой опасности, безъ всякой причины разстрѣливаетъ молодыхъ офицеровъ, ссылаетъ Михайлова, Обручева, Мартьянова, Красовскаго, Трувелера, двадцать другихъ, наконецъ, Чернышевскаго въ каторжную работу. И это-то царствованіе мы привѣтствовали лѣтъ десять тому назадъ! И—ръ.

P. S. Строки эти были уже написаны, когда мы прочли слѣдующее въ письмѣ одного очевидца экзекуціи: „Чернышевскій сильно измѣнился, блѣдное лицо его опухло и носитъ слѣды скорбута. Его поставили на колѣни, переломили шпагу и выставили на четверть часа у позорнаго столба. Какая-то дѣвица бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ — ее арестовали. Извѣстный литераторъ П. Якушкинъ крикнулъ ему „прощай!“ и былъ арестованъ. Ссылая Михайлова и Обручева, они дѣлали выставку въ 4 часа утра, теперь бѣлымъ днемъ!“... Поздравляемъ всѣхъ различныхъ Катковыхъ — надъ этимъ врагомъ они восторжествовали! Ну, что легко имъ на душѣ? Чернышевскій былъ вами выставленъ къ столбу на четверть часа,[1] а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему? Проклятье вамъ, проклятье — и если возможно месть!

Приведемъ еще статью, напечатанную въ № 189 „Колокола“, озаглавленную также „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“ и подписанную буквою Z.[2]

Два года инквизиція томила Чернышевскаго въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Два года каждодневно слѣдили мы за ходомъ его участи и знаемъ всю процедуру злодѣйства, умышленно тянувшагося такъ долго. Мы знаемъ, какъ правительство, арестовавъ Чернышевскаго, было поставлено въ безвыходное положеніе полнѣйшаго отсутствія обвинительныхъ пунктовъ, какъ оно не могло представить ни одного обвиненія заключенному, въ отвѣтъ на его требованіе обвиненій. Вслѣдствіе этого цѣлые мѣсяцы тянулись безъ допроса. Ничего не изобрѣтя, вздумали, наконецъ, обвинить Чернышевскаго за духъ его статей. Ильѣ Арсеньеву былъ порученъ обвинительный разборъ сочиненій Чернышевскаго. Разборъ оказался неудобенъ: не говоря уже о томъ, что всѣ статьи были цензурированныя и, значитъ, не подводящія автора подъ отвѣтственность, статьи „наиболѣе вредныя и преступныя“, по мнѣнію наемнаго цѣновщика, были именно тѣ, которыя цензуровались не только простымъ цензоромъ, но всѣмъ главнымъ цензурнымъ комитетомъ (съ предсѣдателемъ Це во главѣ) — пришлось бы осудить только цензурный комитетъ! Тогда-то прибѣгли къ изобрѣтеніямъ небывалымъ даже при Николаѣ съ декабристами. Извѣстный уже доносомъ на Михайлова, Всеволодъ Костомаровъ, вызванъ былъ на сцену. Подъ видомъ политическаго преступника онъ былъ привезенъ въ Петропавловскую крѣпость и здѣсь, сначала въ Невской куртинѣ, а потомъ

---

[1] Неужели никто изъ русскихъ художниковъ не нарисуетъ картины, представляющей Чернышевскаго у позорнаго столба? Этотъ обличительный холстъ будетъ образъ для будущихъ поколѣній и закрѣпитъ шельмованіе тупыхъ злодѣевъ, привязывающихъ мысль человѣческую къ столбу преступниковъ, дѣлая его товарищемъ креста. Прим. Герцена.

[2] Статья эта принадлежитъ, кажется, В. А. Зайцеву.

на гауптвахтѣ, его посѣщали Голицынъ и Потаповъ и изобрѣтали вмѣстѣ какое-либо обвиненіе противъ Чернышевскаго. Вс. Костомаровъ, подъ видомъ ссылки на Кавказъ, былъ отправленъ съ жандармскимъ офицеромъ въ Москву для свиданія съ тверскимъ мѣщаниномъ Весильемъ Яковлевымъ. Мѣщанина этого Вс. Костомаровъ зналъ уже раньше. По общему третье-отдѣленскому рѣшенію, Костомаровъ купилъ Яковлева на то, чтобы Яковлевъ отправился въ Петербургъ и, явившись къ Потапову, донесъ бы, что бывалъ у Чернышевскаго и слышалъ, какъ онъ порицалъ и возбуждалъ противъ правительства, говоря: „Ну, чтожъ? вотъ и дождались воли! хороша ваша воля!“ Отправляясь съ такимъ порученіемъ въ Петербургъ, Яковлевъ напился пьянъ на деньги, данныя Костомаровымъ, сталъ буйствовать на желѣзной дорогѣ и снова попалъ въ Москву въ смирительный домъ. Здѣсь, подпивши, Яковлевъ самъ разскаалъ (а потомъ не разъ повторялъ уже и въ трезвомъ видѣ) содержавшимся вмѣстѣ съ нимъ, про Костомаровское порученіе, говоря, что за это ему обѣщана великая награда отъ самого царя и распрашивалъ: какъ велика должна быть такая награда? При этомъ Вас. Яковлевъ и не думалъ скрывать, что онъ никогда и не видалъ Чернышевскаго и спрашивалъ, что онъ такой за человѣкъ и зачѣмъ это Костомарову нужно обозвать его? Содержавшіеся объяснили ему въ отвѣтъ, что онъ не только не долженъ получить никакой награды, но еще по закону долженъ быть подверженъ строжайшему взысканію за извѣтъ и ложное показаніе и уговаривали его отказаться отъ продажности. Но звонкіе доводы превозмогли, и мѣщанинъ отправился къ Потапову. Вѣсть объ этомъ замыслѣ на гибель Чернышевскаго быстро разнеслась по обѣимъ столицамъ; объ извѣстности таковой продѣлки было доведено формально бывшими соредакторами Чернышевскаго до самого Потапова „для предупрежденія его отъ ложнаго показанія!“

Тогда прибѣгли къ другому способу. При помощи того же Всев. Костомарова въ III Отдѣленіи былъ напечатанъ листокъ „Къ барскимъ крестьянамъ“, конечно, самаго нецензурнаго содержанія; корректура и поправка листка поддѣланы подъ руку Чернышевскаго и, такимъ образомъ, изготовлено новое обвиненіе! Изощряясь въ поддѣлываніи почерка, III Отдѣленіе напало на мысль другого подобнаго же обвиненія: была сочинена и поддѣлана тѣмъ же мастеромъ записка будто бы Чернышевскаго къ литератору Плещееву. Для большаго правдоподобія въ запискѣ не было рѣзкихъ, нецензурныхъ выраженій и только смутно говорилось о томъ, что „теперь нужно не думать, а дѣйствовать“. Это и все. Другихъ обвиненій, дѣйствительнаго, правдиваго обвиненія не было и быть не могло. И этотъ-то процессъ инквизиція тянула два долгихъ года, въ надеждѣ заставить заключеннаго (хотя бы для скорѣйшаго окончанія собственнаго дѣла) признать справедливость того или другого вымышленнаго обвиненія, въ надеждѣ довести заключеннаго до какого-либо случайнаго самообвиненія. . . . Въ это время, въ казематѣ, лишенномъ воздуха, Чернышевскій еще принужденъ былъ морить себя го-

лодомъ, не принимать пищи въ продолженіе нѣсколькихъ дней, для того, чтобы было допущено минутное свиданіе съ больною женою, въ присутствіи соглядатаевъ въ генеральскихъ эполетахъ. Но надежда инквизиторовъ осталась тщетною — Чернышевскій упорно отвергалъ вымышленныя обвиненія и съ омерзеніемъ указывалъ инквизиторамъ на всю гнусность ихъ же собственныхъ продѣлокъ. Изумленный Плещеевъ объявилъ, что никогда не видалъ записки, подобной поддѣланной и что почеркъ очевидно не Чернышевскаго. Тоже самое о поддѣлкѣ должны были признать многіе изъ призывавшихся сенатскихъ секретарей. Дряхлый сенатъ, несмотря на всѣ поддѣлки призналъ Чернышевскаго виновнымъ: во враждебномъ правительству духѣ статей его, въ возмущеніи мѣщанина Яковлева, въ сочиненіи и передачѣ для печатанія другому возмутительнаго воззванія, въ возбужденіи противъ правительства Плещеева запискою, въ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ. И приговоръ за всѣ эти изобрѣтенныя преступленія, въ которыхъ Чернышевскій „оказался виновнымъ по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла“ — четырнадцатилѣтняя каторга и вѣчное поселеніе въ Сибири. Государственный совѣтъ одобрилъ гнусное рѣшеніе и сформировалъ его такъ: „Бывшаго отставнаго титулярнаго совѣтника, Николая Чернышевскаго, виновнаго въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ онаго для тайнаго печатанія съ цѣлью распространенія и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи управленія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на четырнадцать лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“. И благодушная рука подписала приговоръ, удовольствовавшись девятилѣтнимъ взысканіемъ (7 лѣтъ каторги — да не надо забывать и два года заточенія въ равелинѣ).

Четверть часа у позорнаго столба никого не устрашитъ, никого не побѣдитъ: оно только зоветъ людей и будитъ въ нихъ энергію, но уже не четверть часовую, а неусыпную, на долгіе годы борьбы. Наша скорбь о Чернышевскомъ выше минутно-торжествующей насмѣшки его враговъ! Пусть нѣтъ у русскаго юношества лучшаго его учителя, но его ученіе не могло пропасть даромъ! Мы горды дорогимъ правомъ звать себя его учениками, воспитанниками его школы; мы горды этимъ, потому что чувствуемъ, что можемъ служить народу, хотя сотою долею его служенія. и наше служеніе не будетъ безплодно — имъ руководятъ та искренняя любовь и то истинное уваженіе, которымъ онъ училъ и съ которымъ онъ относился къ народу и молодому поколѣнію, платившему ему горячимъ возвратомъ тѣхъ же чувствъ....

Много же понесли вы утраты, братья-юноши! Безвременная смерть, въ удушливой средѣ, сразила вашего неусыпнаго борца противъ темнаго царства! Вслѣдъ за другими славными братьями, у васъ вырвали и доблестнаго учителя!

Сомкнись же, русская молодежь, сомкнись въ тѣсный, дружный строй! Не разрывай своихъ рядовъ и работай. Я повторяю его словами: „...Будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стреми-

тесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести. На столько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, на сколько вы сумѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, перенесите изъ него въ настоящее все, что можно перенести...“

Z.

1865 годъ.

Къ дѣлу Андрущенко и другихъ.

Въ 1865 году разбиралось дѣло Андрущенко, Шатилова, Лебединскаго и другихъ. Это одно изъ немногихъ дѣлъ, о которомъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что это случилось не благодаря русскому правительству. Заслуга здѣсь принадлежитъ А. И. Герцену, который въ рядѣ померовъ „Колокола“ напечаталъ полученныя изъ Россіи свѣдѣнія о дѣлѣ Андрущенко. Дѣло это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на революціонное движеніе шестидесятыхъ годовъ и потому является особенно важнымъ для нашего изданія. Мы перепечатываемъ его полностью изъ „Колокола“ (№№ 208, 209, 210 за 1865 годъ и №№ 211, 212, 213, 214 и 215 за 1866 годъ).

Редакція.

Дѣло И. Андрущенко.

Окончившій въ 1859 г. курсъ наукъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, дворянинъ Иванъ Андрущенко въ 1861 г. былъ командированъ на службу въ Черниговскую Межевую палату, гдѣ и состоялъ до іюня 1862 г. Находясь при палатѣ въ Черниговѣ и при межевыхъ работахъ въ Козелецкомъ и Городницкомъ уѣздахъ, Андрущенко познакомился съ операторомъ черниговской врачебной управы, Степаномъ Носомъ, съ которымъ жилъ въ Черниговѣ на одной квартирѣ. Съ іюня 1862 г. Андрущенко служилъ въ чертежной межевой канцеляріи въ Москвѣ, а въ іюлѣ 1863 г. назначенъ васильковскимъ уѣзднымъ землемѣромъ. Проѣздомъ черезъ Черниговъ, Андрущенко 6-го іюля 1863 г., остановился на квартирѣ Носа и 8-го числа вмѣстѣ съ Носомъ и пріѣхавшимъ изъ Городницкаго уѣзда дворяниномъ Александромъ Тымзинскимъ, который также остановился у Носа, былъ въ гостяхъ у подпоручика тамошняго баталліона внутрен-

ной стражи Александра Бѣлозерскаго. 11-го іюля, баталліонный адъютантъ поручикъ Герасимовъ объявилъ командиру баталліона маіору Вирзеру, что наканунѣ того дня вечеромъ онъ былъ у Бѣлозерскаго, который читалъ ему два возмутительныхъ листка и говорилъ, что листки эти изъ Питера привезъ какой-то студентъ и что у него много есть хорошаго. По такому объявленію, вслѣдствіе указанія Бѣлозерскаго, былъ сдѣланъ въ квартирѣ Носа обыскъ. При этомъ оказалось на столѣ лежали два листка, одинъ съ печатью общества Земля и Воля, начинающійся словами: „Льется польская кровь, льется русская кровь“ и другой написанный стихами, начинающійся словами: „Долго насъ помѣщики душили“. Въ чемоданѣ же съ вещами Андрущенко найдено: а) брошюра: Что нужно народу? 110 экземпл.; б) возмутительное воззваніе подъ заглавіемъ Свобода № 1, съ печатью общества Земля и Воля, 5 экземпл.; в) воззваніе къ крестьянамъ, начинающееся словами: Долго давили васъ братцы, 30 экземпл.; г) газета Колоколъ съ 1858—1861 гг. 214 экземп.; д) Подъ Судъ, 31 экземпл.; е) книга, изданная въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: Съ Того Берега; ж) такая же книга 14 декабря 1825 г.; з) литографированная тетрадь подъ заглавіемъ Западъ; и) рукописныя возмутительныя воззванія Къ молодому поколѣнію и і) номера Великорусса. Независимо отъ сего у Андрущенко и Носа оказалась переписка съ разными лицами, возбуждающая подозрѣнія въ ихъ дѣйствіяхъ, и при обыскѣ Андрущенко, вырвавъ одну бумагу изъ рукъ пристава, проглотилъ ее; Носъ же, когда былъ найденъ въ одномъ изъ чемодановъ свертокъ печатныхъ бумагъ, бросился на полиціймейстера и нанесъ ему побои, такъ что присутствовавшіе должны были связать ему руки. (О проглоченной Андрущенко бумагѣ изложено ниже.) Черниговскій гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Голицынъ, предписалъ произвести формальное слѣдствіе о нанесеніи операторомъ Носомъ оскорбленія полиціймейстеру. О найденныхъ же у Носа и Андрущенко бумагахъ преступнаго содержанія, поручилъ совѣтнику губернскаго правленія Бѣлецкому сдѣлать негласное дознаніе и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, объяснивъ, что подобное направленіе въ производствѣ дѣла, т. е. отдѣленіе уголовнаго преступленія, совершеннаго Носомъ, отъ указаній по участію его въ распространеніи бумагъ противоправительственнаго содержанія онъ считалъ болѣе удобнымъ, потому что принятымъ имъ путемъ надлежащее разсмотрѣніе каждаго изъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ нисколько не будетъ препятствовать разсмотрѣнію другого, ибо съ такимъ же точно удобствомъ могутъ состояться одновременно и два различныя рѣшенія по каждому изъ сказанныхъ двухъ обстоятельствъ, т. е. опредѣленіе судебнымъ мѣстомъ наказанія Носу за совершенное имъ уголовное преступленіе и подчиненіе его и Андрущенко болѣе или менѣе строгому административному взысканію, за противоправительственныя тенденціи. По сообщеніи о выше изложенномъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ, начальникъ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи предста-

вилъ о семъ на благоусмотрѣніе государя императора, и такъ какъ значительное количество воззваній, оказавшихся при обыскѣ Носа и Андрущенко, явно доказывали, что они распространяли оныя, слѣдовательно должны, подобно другимъ обвиняемымъ въ семъ преступленіи, подлежать суду правительствующаго сената, то его императорское величество повелѣть соизволилъ: производимое въ Черниговѣ дознаніе, по окончаніи онаго, предоставить на разсмотрѣніе и для дальнѣйшаго направленія сего дѣла въ учрежденную въ С.-Петербургѣ слѣдственную комиссію, доставивъ сюда, для содержанія въ крѣпости Носа и Андрущенко. Комиссія, разсмотрѣвъ произведенное въ Черниговѣ дознаніе, признала нужнымъ вытребовать дѣло о поступкѣ Носа съ полиціймейстеромъ изъ черниговскаго уѣзднаго суда для совмѣстнаго разсмотрѣнія съ дѣломъ объ оказавшихся у Андрущенко воззваніяхъ, каковое дѣло, съ высочайшаго разрѣшенія и по сношеніи съ управленіемъ министерства юстиціи, доставлено въ комиссію. Андрущенко, при первоначальномъ допросѣ въ Черниговѣ, объяснилъ, что бумага, которую онъ проглотилъ, заключала въ себѣ семейную тайну, которую онъ не хочетъ обнаруживать, газету Колоколъ и рукописныя тетради онъ нашелъ въ шкафу той квартиры, на которой жилъ въ послѣднее время въ Москвѣ. Печатныя воззванія въ двухъ связкахъ принесены къ нему неизвѣстнымъ лицомъ на квартиру при анонимной запискѣ, въ которой было сказано, чтобы передать ихъ въ Кіевъ тому, кто явится и спроситъ изъ Москвы двѣ связки. Увидѣвъ въ Черниговѣ, что одна связка сильно потерлась, онъ распечаталъ ее и, узнавъ содержаніе заключавшихся въ нихъ бумагъ, хотѣлъ все уничтожить, но успѣлъ сжечь только половину тѣхъ, на которыхъ есть печать Земля и Воля. О томъ, какимъ образомъ доставлены къ нему связки, Андрущенко говорилъ лицамъ, находившимся при отъѣздѣ его изъ Москвы, именно: хозяйкѣ квартиры мѣщанкѣ Третьяковой, бывшимъ ученикамъ черниговской гимназіи: Рѣчицкому, Коваленкѣ, купцу Полосатову Моану, Холодовскому-Цибульскому и дѣвицѣ Александрѣ Васильевой. Такіе же отрицательные отвѣты Андрущенко далъ и при первомъ допросѣ его въ комиссіи. Между тѣмъ, въ августѣ 1863 г. черниговскій гражданскій губернаторъ доставилъ комиссіи письма, писанныя Андрущенко во время содержанія его въ черниговскомъ тюремномъ замкѣ и переданныя имъ находившемуся въ тайной тюрьмѣ исключенному изъ духовнаго званія Альфонскому. Отъ Альфонскаго письма эти были отобраны по доставленіи его изъ Чернигова въ г. Борзну. По одному изъ писемъ, адресованныхъ на имя Холодовскаго-Цибульскаго, Андрущенко просилъ его, чтобы онъ самъ показывалъ и научилъ другихъ, бывшихъ при отъѣздѣ его, Андрущенко, показывать, если бы ихъ спросили, что связки были доставлены къ нему на квартиру при анонимной запискѣ. При вторичномъ допросѣ, еще до предъявленія письма къ Холодовскому-Цибульскому, въ Андрущенко были замѣчены признаки раскаянія и готовность къ чистосердечному раскаянію; по предъявленіи же ему означеннаго письма, Андрущенко объявилъ, что онъ проситъ у комиссіи прощенія въ

томъ, что сразу не открылъ всего, при прежнихъ допросахъ онъ готовъ былъ сознаться во всемъ, но ложный стыдъ удерживалъ его и ему было больно убѣдиться, что онъ такъ долго заблуждался. Комиссія видѣла трудное положеніе, въ которомъ онъ измучился. Все, о чемъ только будутъ спрашивать, онъ обязывается искренно открыть, дабы тѣмъ загладить прежнюю неразсудительность и помочь истинѣ выйти наружу. Послѣ сего Андрущенко, какъ на предлагавшіеся ему вопросы, такъ и въ особыхъ объясненіяхъ, по добровольному вызову, изложилъ съ полною откровенностью и въ возможной подробности о всѣхъ своихъ поступкахъ, наименовалъ участниковъ и, согласно обѣщанію своему, помочь истинѣ выйти наружу, заявилъ о такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ лично не участвовалъ, но которыя были почему-либо ему извѣстны, такъ что почти единственнымъ поводомъ къ привлеченію всѣхъ ниже сего поименованныхъ лицъ — были объявленія о нихъ Андрущенки. Обвиняемыхъ, не сознавшихся въ чемъ-нибудь, Андрущенко уличалъ на очныхъ ставкахъ. Во вниманіе искренности показаній Андрущенки, трудности его положенія на очныхъ ставкахъ, а также и того, что отъ содержанія въ крѣпости здоровье его стало приходить въ упадокъ, комиссія испросила высочайшее государя императора соизволеніе, чтобы Андрущенко, впредь до рѣшенія дѣла, содержать не въ крѣпости, а при третьемъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Изъ показаній Андрущенки видно слѣдующее: Въ 1859 году Андрущенко познакомился съ бывшимъ студентомъ, сначала Казанскаго, а потомъ Московскаго университета, Маковѣевымъ и былъ введенъ имъ въ существовавшій тогда въ Москвѣ кружокъ молодыхъ людей подъ названіемъ: „Библіотека казанскихъ студентовъ“, въ которомъ первый разъ встрѣтилъ Юрія Мосолова.

Въ началѣ 1861 г. выдѣлился новый кружокъ, которымъ управлялъ Аргиропуло и отчасти Зайчневскій; послѣдній кружокъ занимался, между прочимъ, литографированіемъ университетскихъ лекцій и недозволенныхъ цензурою сочиненій. Отправясь въ маѣ 1861 г. въ Черниговскую губернію, Андрущенко не знаетъ, какъ прекратился этотъ кружокъ, но изъ писемъ брата своего Евгенія зналъ, что Аргиропуло и Зайчневскій были арестованы, а впослѣдствіи узналъ о преслѣдованіи правительствомъ другихъ лицъ. Но „казенная“ библіотека существовала, и Андрущенко былъ вновь введенъ въ этотъ кружокъ Петромъ Лебединскимъ. Собранія кружка происходили по воскресеньямъ у Мосолова, на которыхъ, кромѣ Лебединскаго, были: Николай Шатиловъ, Иванъ Заіончковскій, Александръ Новиковъ, Александръ Левашевъ, Николай и Андрей Ильинскій, Никандръ Сорокинъ и другія лица. Цѣлью этого кружка было сближать и знакомить между собою студентовъ и другихъ молодыхъ людей; опредѣленнаго устава кружокъ не имѣлъ, но было еще правило для всѣхъ, посѣщавшихъ библіотеку, что каждый желающій пользоваться сочиненіями и журналами, выписываемыми библіотекою, обязанъ былъ вносить 6 р. с. Во время перваго посѣщенія Мосолова, Андрущенко въ разговорѣ съ нимъ вспомнилъ, что они

встрѣчались прежде и что нѣкоторые изъ общихъ ихъ знакомыхъ находились тогда въ ссылкѣ. Вообще на собраніяхъ у Мосолова разсуждали о такихъ предметахъ, которыхъ нельзя назвать противозаконными и одинъ только разъ говорили о воззваніи „Молодая Россія". Но Мосоловъ предупреждалъ Андрущенко, что въ случаѣ, если нужно спросить его о чемъ-либо или сообщить что-либо, то не при всѣхъ это дѣлать, а отзывать Мосолова въ сторону. Судя по этому, Андрущенко полагаетъ, что не всѣ лица, посѣщавшія Мосолова, были посвящены въ его тайны, и онъ, вѣроятно, выбиралъ для того людей, ему извѣстныхъ, которые должны были подъ его руководствомъ вести пропаганду. Библіотека была какъ бы наружнымъ покровомъ. Съ Андрущенко Мосоловъ былъ откровененъ отчасти: такъ въ первое посѣщеніе Мосоловъ сообщилъ ему, что въ С.-Петербургѣ образовалось общество „Земля и Воля" съ цѣлью способствовать мало-по-малу измѣненію существующаго государственнаго строя и что Мосоловъ и Шатиловъ знаютъ кое-кого изъ принадлежащихъ къ обществу. На вопросъ Андрущенко объ обществѣ, Мосоловъ всегда говорилъ ему уклончиво, именно, что общество можетъ быть велико, потому что всякій современный человѣкъ, понимающій необходимость улучшенія отношенія разныхъ сословій, долженъ принадлежать обществу. Что пока образовался комитетъ, который выбираетъ надежныхъ людей и чрезъ нихъ производитъ пропаганду, что въ концѣ 1862 г. членовъ въ обществѣ было до 300 человѣкъ, которые были обязаны въ извѣстное время вносить деньги въ общую кассу, и что распространившіяся въ Москвѣ воззванія были привезены изъ С.-Петербурга, но кѣмъ Мосоловъ не объяснилъ. Съ 23 мая 1863 г. въ квартирѣ у Андрущенко поселился Яковъ Сулинъ и въ первое воскресеніе отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Мосолову. Сулинъ устроилъ въ квартирѣ Андрущенки сходку, на которой былъ Мосоловъ, Шатиловъ, Левашевъ, Заіончковскій, Лебединскій и Новиковъ. На сходкѣ Сулинъ предлагалъ вопросы, которые тутъ же разрѣшались. Вопросы и отвѣты были слѣдующіе. Вопросы: а) такъ какъ нѣкоторые изъ посѣщающихъ казенную библіотеку, въ томъ числѣ и Сулинъ, должны уѣхать изъ Москвы, то какой родъ дѣятельности для нихъ долженъ быть внѣ Москвы? б) въ какихъ отношеніяхъ они остаются къ библіотекѣ? в) составляетъ ли библіотека одно цѣлое съ петербургскимъ комитетомъ? г) будетъ ли она выпускать свои воззванія? д) будетъ ли имѣть свою печать, программу и т. д. и е) къ кому обращаться въ случаѣ надобности? Отвѣты: уѣзжающіе изъ Москвы должны взять съ собою какъ можно больше такихъ сочиненій, въ которыхъ излагаются различныя системы государственнаго устройства и политическаго быта, какъ, напр., сочиненія: Стюарта Милля, Прудона, Шлоссера и др. и знакомить съ ними публику, но въ то же время вести свою пропаганду. Казенная библіотека не составляетъ одного цѣлаго съ петербургскимъ комитетомъ, а должна существовать отдѣльно, не прерывая сношенія съ комитетомъ, своихъ воззваній выпускать не будетъ, а будетъ разсылать ихъ, если получитъ изъ комитета, также не будетъ имѣть своей пе-

чати, т. е. штемпеля; въ случаѣ надобности обращаться къ Мосолову или Шатилову и имъ при отъѣздѣ оставлять свои адресы. Въ заключеніе по вопросу о программѣ, Мосоловъ прочелъ рукопись, говоря: вотъ по его мнѣнію, чего слѣдуетъ держаться, или иначе, какова должна быть будущность Россіи: управленіе областное съ главнымъ сеймомъ въ С.-Петербургѣ или Москвѣ; земля вся должна быть государственная и отдаваться на срокъ въ пользованіе, уничтоженіе частной собственности, женщина должна пользоваться одинаковыми правами съ мужчиной и еще нѣкоторыя другія положенія, которыхъ Андрущенко не помнитъ. Эту рукопись Мосоловъ передалъ Сулину для того, чтобы съ нея списали копіи всѣ бывшіе на сходкѣ; Сулинъ же черезъ три дня передалъ ее Андрущенкѣ, а онъ, имѣя ее въ Черниговѣ, проглотилъ во время обыска. Кромѣ того, Мосоловъ на сходкѣ объявилъ, что тѣ лица, которыя будутъ распространять пропаганду внѣ Москвы, должны выбирать себѣ надежнаго товарища, который долженъ знать о нихъ, т. е. о Мосоловѣ и Шатиловѣ, долженъ знать ихъ адресы для сношенія, а равно и имъ долженъ быть извѣстенъ адресъ избраннаго лица, такъ что въ случаѣ, если арестуютъ одного, другой останется. Наконецъ на сходкѣ было условлено, чтобы переписку вести особымъ способомъ посредствомъ шифра, замѣняя цифрами буквы, которыя брать изъ книги „Фозіологическія письма Фогта". По способу, который Андрущенко изъяснилъ въ своемъ показаніи, присовокупивъ, что шифра для переписки онъ не употреблялъ. Прежде означенной сходки Андрущенко содѣйствовалъ по дѣлу содержавшагося въ Пречистенскомъ частномъ домѣ коллежскаго регистратора Ивана Кельсіева. Въ связи съ этими дѣйствіями находится поѣздка его въ Петербургъ за деньгами для Кельсіева. По неимѣнію средствъ, на которыя бы Кельсіевъ могъ бѣжать заграницу Андрущенко, по совѣту Лебединскаго, обратился къ Мосолову, чтобы достать денегъ отъ общества „Земля и Воля". Вслѣдствіе сего Мосоловъ далъ Андрущенкѣ адресы въ Петербургѣ, Петра Пушторскаго и Михаила Гулевича, снабдивъ при этомъ его сертификатомъ, т. е. запискою, на которой находилась печать общества „Земля и Воля" и сдѣлана была Мосоловымъ надпись, чтобы удовлетворить, если возможно просьбу Андрущенки. Кромѣ того, поручилъ спросить о программѣ комитета, скоро ли она будетъ отпечатана и прислана и, вообще, обо всемъ относительно намѣреній комитета. Андрущенко, въ бытность въ Петербургѣ, отыскалъ квартиру Пушторскаго, по Екатерининскому каналу, между Кокушкинымъ и Вознесенскимъ мостами, въ домѣ Штенбокъ-Фермора, къ Гулевичу же не ходилъ потому, что квартира его „на пескахъ" была далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ остановился въ Петербургѣ, „номера въ пассажѣ". Предъявивъ Пушторскому сертификатъ, Андрущенко получилъ отъ него деньги: 50 рублей серебромъ для Кельсіева и 50 рублей серебромъ для содержавшагося въ Пречистенскомъ частномъ домѣ вмѣстѣ съ нимъ студента Квятковскаго. Эти послѣднія деньги, какъ говорили Андрущенкѣ Мосоловъ и Пушторскій, получены послѣднимъ изъ находящейся въ Петербургѣ „Польской

комиссіи", которая, по словамъ Пушторскаго, хотя не знала Квятковскаго, но отпустила ему деньги съ тѣмъ, что если Квятковскій не успѣетъ бѣжать, то чтобы деньги были возвращены въ комиссію. У Пушторскаго въ квартирѣ Андрущенко былъ два раза, — первый разъ, когда предъявилъ ему сертификатъ и передалъ ему, въ чемъ заключается цѣль его прихода, и второй разъ за полученіемъ денегъ. Въ послѣднее время посѣщенія Андрущенко пробылъ недолго въ квартирѣ Пушторскаго, ибо Пушторскому нужно было куда-то итти и онъ вышелъ изъ квартиры вмѣстѣ съ Андрущенко, въ первый же разъ онъ спрашивалъ Пушторскаго о намѣреніяхъ комитета и о программѣ, но Пушторскій сказалъ, что программа не будетъ печататься, а рукописная съ печатью комитета будетъ доставлена; относительно же намѣренія комитета, Пушторскій не могъ сообщить ничего положительнаго, потому что, сколько извѣстно Пушторскому, въ комитетѣ вышло по какому-то предмету разногласіе. Вообще, какъ замѣтилъ Андрущенко, Пушторскій не былъ съ нимъ откровененъ. Кромѣ того, Пушторскій вмѣстѣ съ деньгами передалъ Андрущенкѣ, для доставленія Мосолову, небольшой конвертикъ съ письмомъ къ нему, но Мосоловъ на вопросъ о томъ, что сообщалъ въ письмѣ Пушторскій, отвѣчалъ уклончиво; вообще, ни Мосоловъ, ни Шатиловъ, съ которымъ онъ былъ особенно друженъ, не давали Андрущенкѣ желательныхъ объясненій, т. е. кто именно составляетъ комитетъ и какими путями думаютъ они достигнуть цѣли, а потому Андрущенко предполагалъ, что они или не во всемъ ему довѣряютъ, или же и са́мимъ имъ въ точности неизвѣстно о составѣ комитета, и они обманываютъ его. Относительно побѣга Кельсіева изъ Пречистенскаго частнаго дома, укрывательства его въ Москвѣ и побѣга за границу, Андрущенко объяснилъ, что при посредствѣ Леонида Лещенки Андрущенко познакомился съ Кельсіевымъ, который въ маѣ 1863 г. объявилъ ему о своемъ намѣреніи бѣжать изъ Россіи, просилъ дать ему средства и сообщить объ этомъ лицамъ, знавшимъ его. Андрущенко передалъ просьбу Кельсіева Левашеву, Мосолову и Сулину. Первый подпилокъ былъ доставленъ Кельсіеву Петромъ Шиповымъ, а за деньгами Андрущенко обратился черезъ Мосолова къ Пушторскому, съ тѣмъ, чтобы у него взять денегъ и для Квятковскаго и, если можно, то и заграничный паспортъ для Кельсіева. Пушторскій, передавая де́ньги для Кельсіева и Квятковскаго по 50 руб. сер. на каждаго, объявилъ, что паспорта заграничнаго нельзя имѣть и сообщилъ трактъ черезъ Бессарабію и Молдавскую границу, при чемъ объяснилъ, что этого тракта и они теперь будутъ держаться, ибо прежній черезъ Персію далекъ и опасенъ, впрочемъ, они одного выпроводили такимъ путемъ, но кого Пушторскій не сказалъ. Нѣсколько времени спустя, по возвращеніи въ Москву, Андрущенко получилъ отъ Кельсіева записку, въ которой онъ увѣдомлялъ его, что Квятковскій внезапно переведенъ изъ Пречистенскато въ Тверской частный домъ и что Кельсіевъ припужденъ былъ передать ему свой подпилокъ и потому просилъ доставить ему другой. Андрущенко купилъ подпилокъ, передалъ его Кельсіеву

черезъ Левашева, а самъ приготовилъ фальшивый паспортъ на имя землемѣра Василія Иванова, который остался у Мосолова безъ употребленія, ибо заграничный паспортъ для Кельсіева досталъ одинъ изъ Ильинскихъ у Павловича. Когда Кельсіевъ приготовился бѣжать изъ части, то увѣдомилъ Левашева, чтобы ждали его ночью на Сѣнномъ бульварѣ, близъ Смоленскаго рынка, куда и отправился Лебединскій, а Сулинъ и Андрущенко проводили его до бульвара. Во время укрывательства въ Москвѣ, Кельсіевъ проживалъ у Ильинскихъ, Мосолова, Ильи Савилова и въ Сокольникахъ у знакомой Сулина, Варвары Зайцевой, которую Сулинъ уговорилъ принять къ себѣ Кельсіева. Всего Кельсіевъ прожилъ въ Москвѣ около двухъ недѣль, такъ какъ сейчасъ по освобожденіи изъ части опасно было ему ѣхать, чтобы не преслѣдовали по дорогѣ. Ильинскій, Лебединскій и, кажется, Левашевъ провожали изъ Москвы Кельсіева, который отправился въ дилижансѣ по Рязанскому тракту, своротилъ на Нижній Новгородъ и черезъ Казань пріѣхалъ въ Новочеркасскъ. Изъ послѣдняго города или изъ Керчи Кельсіевъ писалъ Ильинскому о своемъ пріѣздѣ и о томъ, что въ Казани получилъ деньги болѣе 100 руб. сер. Такъ какъ побѣгъ Квятковскаго не состоялся, то всѣ деньги, полученныя отъ Пушторскаго, переданы Кельсіеву, но деньги эти, до передачи ихъ Андрущенки Кельсіеву, переходили изъ рукъ въ руки принимавшихъ участіе въ побѣгѣ Кельсіева лицъ, которыя по возможности увеличили эту сумму и, такимъ образомъ, было собрано до 130 рублей сер.

Объ оказавшихся при обыскѣ въ Черниговѣ воззваніяхъ и другихъ запрещенныхъ сочиненіяхъ, Андрущенко объяснилъ, что а) экземпляры воззванія: Свобода № 1 получены имъ отъ Шатилова; б) отъ него же получены экземпляры воззванія, начинающагося словами: Долго душили насъ, братцы; в) брошюру подъ заглавіемъ: Что нужно народу? передалъ ему Симеонъ Басовъ; г) стихи, начинающіеся словами: Долго насъ помѣщики душили, онъ получилъ отъ Холодовскаго-Цибульскаго; д) газету „Колоколъ“, съ прибавленіемъ: Подъ судъ, а также другія лондонскія изданія, пріобрѣтены имъ частью отъ умершаго студента Моковѣева, частью въ Московскомъ книжномъ магазинѣ купца Эдмонда Кунта, и, наконецъ, е) рукописныя воззванія оказались у него по слѣдующему случаю: въ февралѣ 1862 г. Андрущенко ѣздилъ съ студентомъ Павломъ Косачемъ изъ Чернигова въ Кіевъ и у Косача познакомился съ приходившимъ къ нему докторомъ Кистяковскимъ, который просилъ Андрущенко передать въ Черниговѣ Ильѣ Дорошенкѣ письмо и запечатанный пакетъ, а такъ какъ Кистяковскій говорилъ, чтобы особенно берегъ пакетъ и передалъ его собственноручно Дорошенкѣ, то это подстрекнуло любопытство Андрущенки, такъ что онъ распечаталъ пакетъ и, увидѣвъ, какія въ немъ хранились бумаги, оставилъ ихъ у себя, рѣшившись сказать Дорошенкѣ, что письмо и посылку отъ Кистяковскаго забылъ въ Кіевѣ.

Всѣ оказавшіяся при обыскѣ въ Черниговѣ воззванія и дру-

гія запрещенныя сочиненія находились у Андрущенки въ Москвѣ, на квартирѣ, но жившій съ нимъ Сулинъ, которому онъ далъ нѣсколько экземпляровъ Свобода № 1, просилъ Андрущенку не имѣть у себя ничего подобнаго, ибо онъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы ожидалъ у себя обыска. Согласно этой просьбѣ, Андрущенко отдалъ запрещенныя сочиненія и воззванія на сохраненіе Регицкому, у коего онъ находился около двухъ недѣль; возвращая же Андрущенкѣ, Регицкій оставилъ у себя, съ согласія Андрущенки нѣсколько экземпляровъ; затѣмъ онъ далъ нѣсколько экземпляровъ воззванія: Долго давили насъ! Владиміру Карачарову и еще далъ ему письмо отъ Шатилова къ знакомому его въ Нижній Новгородъ, по которому Карачаровъ, согласно желанію его, могъ получить большое количество воззваній; въ бытность въ Черниговѣ, Андрущенко передалъ упомянутыя вначалѣ записки и воззванія Бѣлозорскому, а также Тощинскому, который взялъ экземпляровъ по 10 всѣхъ бывшихъ у него воззваній. Кромѣ того, по просьбѣ Лебединскаго, Андрущенко сообщилъ ему адресы своихъ знакомыхъ для разсылки по нимъ возваній Свобода № 1 и въ томъ числѣ Ивана Маслоковна, который, по полученіи имъ одного экземпляра, увѣдомилъ Андрущенку письмомъ, полагая, что воззваніе было послано имъ. Въ тотъ разъ, когда Лебединскій приходилъ за адресами, онъ передалъ находящемуся у Андрущенки Левашеву пачку воззваній Свобода № 1, а Левашевъ передалъ экземпляровъ 15 Константину Козловскому, о чемъ говорилъ Андрущенкѣ самъ Козловскій; другіе же экземпляры, какъ говорилъ Левашевъ, онъ передалъ кому-то изъ знакомыхъ въ домъ Устинова, близъ Собачьей площадки, а остальные — другимъ своимъ знакомымъ. Независимо отъ выше изложеннаго, Андрущенко объяснилъ, что отъ Левашева ему сдѣлалось извѣстнымъ, что въ концѣ маѣ или въ началѣ іюня 1863 г. у Левашева скрывался нѣкто Гижитскій, а Лебединскій говорилъ Андрущенкѣ, что Гижитскій, сосланный въ Оренбургскую губернію, былъ привезенъ оттуда въ Москву однимъ раскольникомъ, у котораго пробылъ нѣсколько времени и потомъ скрывался у Левашева и его знакомыхъ. Лебединскій, при помощи своего знакомаго Зальберовича, досталъ Гижитскому заграничный паспортъ, съ которымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ; но что потомъ съ нимъ сталось, уѣхалъ ли за границу или нѣтъ, никому не было извѣстно. Прежде изложенія обстоятельствъ, обнаруженныхъ комиссіей о каждомъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, представляется необходимымъ объяснить содержаніе оказавшихся у Андрущенки воззваній и нѣкоторыя свѣдѣнія, имѣющіяся въ дѣлахъ комиссіи, относительно лицъ, печатавшихъ эти воззванія, равно другія обстоятельства, находящіяся въ связи съ ними.

Воззваніе, начинающееся словами: Льется польская кровь!.. приглашаетъ русскихъ къ сочувствію польскому возстанію, говоря, что съ освобожденіемъ Польши тѣсно связана свобода нашей страдальческой родины, обращается къ офицерамъ и солдатамъ русской арміи, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „Вмѣсто того, чтобы позорить себя преступнымъ избіеніемъ по-

ляковъ, обратите свой мечъ на общаго нашего врага, выйдите изъ Польши, возвративши ей похищенную свободу и идите къ вамъ, въ свое отечество, освобождать его отъ виновника всѣхъ народныхъ бѣдствій императорскаго правительства", и въ концѣ приводятъ прокламацію польскаго народнаго комитета къ русскому народу, въ которой сначала говорится, что поляки прощаютъ русскимъ прежнее и въ заключеніе помѣщенъ слѣдующій призывъ къ русскому народу: „Если ты въ эту рѣшительную минуту не почувствуешь въ душѣ своей угрызеній за прошедшее, если въ борьбѣ съ нами станешь содѣйствовать тирану, который убиваетъ насъ, а васъ запрягаетъ въ ярмо, то горе тебѣ, потому что ты явишься тогда виновникомъ замедленія побѣды въ послѣдней борьбѣ европейской цивилизаціи съ дикимъ варварствомъ Азіи".

Къ воззванію сверху приложена голубая печать со словами по серединѣ: „Земля и Воля" и кругомъ Русскій Центральный Комитетъ. Послѣ текста воззванія объясняется, что оно напечатано въ типографіи общества „Земля и Воля".

Въ воззваніи Свобода № 1, съ такою же печатью и съ обозначеніемъ, что оно напечатано въ типографіи общества „Земля и Воля", объясняется, что цѣль этого общества — борьба съ правительствомъ, что оно успѣло соединить въ себѣ число членовъ тѣхъ отдѣльныхъ кружковъ, которые не разъ уже заявляли себя и вмѣсто которыхъ правительство преслѣдовало не причастныхъ къ дѣлу лицъ, что никто изъ честныхъ людей и здравомыслящихъ не можетъ оставаться правымъ передъ своею совѣстью, уклоняться отъ служенія дѣлу общества, что доступъ къ членамъ общества такія лица найдутъ всегда и вездѣ, при посредствѣ столичныхъ, провинціальныхъ и заграничныхъ агентовъ, снабженныхъ отъ комитета уполномочіемъ и довѣренностями. Агенты эти сообщатъ вновь вступающему въ организацію и уже достаточно испытаннымъ лицамъ особую за печатью комитета инструкцію, знакомящую подробно съ задачами общества и съ тѣмъ, какъ вести дѣло организаціи и, что, наконецъ, люди, жизнь которыхъ тѣсно связана семейными узами или которые, по своему положенію или другимъ причинамъ, не способны къ дѣятельному участію въ общенародномъ дѣлѣ, могутъ оказывать постоянную пользу доставленіемъ разныхъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для дѣятельности организаціи денежныхъ пожертвованій. Для этихъ пожертвованій открытая касса находится въ Лондонѣ, при редакціи „Колокола". Въ Россіи же денежные взносы доходятъ до комитета чрезъ столичныхъ и провинціальныхъ агентовъ, выдающихъ нумерованныя, съ приложеніемъ особой печати общества, квитанціи.

Въ воззваніи Свобода № 2, съ такою же печатью, какъ и первыя два, и съ объясненіемъ о типографіяхъ, говорится по поводу адресовъ, присланныхъ отъ разныхъ сословій на высочайшее имя, что будто адресы написаны по принужденію, подписавшихъ адресы называютъ измѣнниками родины и въ высшей степени дерзко отзываются о государѣ императорѣ и правитель-

ствѣ, называя ихъ презрѣнными рабами, тиранами народа измѣнниками родины, высасывающими послѣднюю каплю крови. Далѣе въ воззванiи говорится, что члены бывшаго комитета Великорусса соединились съ обществомъ „Земля и Воля“, что комитетъ „Земля и Воля“ доводитъ до общаго свѣдѣнiя, что лица, уполномоченныя имъ, снабжены новыми документами и потому проситъ ни въ какомъ случаѣ не исполнять требованiя лицъ, не имѣющихъ оныхъ и что номера выдаваемыхъ квитанцiй напечатаны въ особомъ прибавленiи, въ которомъ дѣйствительно объяснено, что въ общество получено обратно 34 квитанцiи во взносѣ денегъ.

Номера объявленныхъ въ приложенiи квитанцiй начинаются съ 1001; а номера квитанцiй въ прибавленiи до 1000 выдаются заграницей.[1]

Въ февралѣ 1863 года въ Островскомъ уѣздѣ, Псковской губернiи, задержаны: вольнослушатель здѣшняго университета, Дмитрiй Степановъ и отставной штабсъ-капитанъ Жуковъ, съ принадлежностями для печатанiя и съ началомъ отпечатанной статьи возмутительнаго содержанiя подъ заглавiемъ: „Земля и Воля“ — журналъ, издаваемый обществомъ „Земля и Воля“ отъ русскаго народнаго комитета. Въ этомъ листкѣ было сказано, что въ программу дѣйствiй комитета входитъ, между прочимъ, изданiе особаго журнала, что комиссiя старается заводить дѣятельныхъ агентовъ для того, чтобы соединить съ обществомъ отдѣльные кружки, кромѣ тѣхъ, которые уже удалось соединить, что изъ свѣдѣнiй, полученныхъ обществомъ отъ своего военнаго комитета въ Варшавѣ, извѣстно, что изъ среды войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ, выдѣлились благородныя и энергическiя личности, ясно сознавшiя, что лучше гибнуть самимъ, чѣмъ быть палачами мученическаго народа, и что русская военная организацiя въ Польшѣ, соединилась съ обществомъ, чтобы дѣйствовать единодушно со взаимною помощью насколько то возможно при разныхъ положенiяхъ и обстоятельствахъ. При производствѣ комиссiей дѣла о Жуковѣ и Степановѣ, первый положительно отказался сообщить какiя-либо свѣдѣнiя объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ, относительно означеннаго воззванiя; Степановъ же послѣ долгаго упорства показалъ, что писанный экземпляръ воззванiя онъ получилъ отъ бывшаго студента здѣшняго университета, Николая Утина, который далъ ему принадлежности для печатанiя и въ товарищи рекомендовалъ студента Михаила Вейде, съ нимъ онъ отправился въ имѣнье Маргенгаузенъ Люцюнскаго уѣзда, Витебской губернiи, и тамъ въ проселкѣ Семеновѣ, отпечаталъ 300 экземпляровъ, которые привезъ въ С.-Пе-

[1] Хотя въ приведенныхъ воззванiяхъ „Свобода“ №№ 1 и 2 не сказано, на какой именно предметъ предназначаются пожертвованiя, но въ газетѣ „Колоколъ“ и въ прибавленiи къ ней „Общее Вѣче“ за 1863 г., въ которыхъ также напечатано приглашенiе къ пожертвованiю, объяснены предметы, на которые предназначаются пожертвованiя. Такъ въ № 16 „Общее Вѣче“, говоря, что деньги будутъ употребляемы на расходы на помощь ссылаемымъ въ Сибирь и въ разные губернскiе и уѣздные города, на помощь ушедшимъ отъ преслѣдованiя за границу и, наконецъ, на расходы, прямо относящiеся къ дѣлу общества: посылка людей и печатныхъ листовъ, типографскiе расходы и пр.

тербургъ къ Утину вмѣстѣ съ оригиналомъ и отдалъ ихъ ему; но Утинъ призналъ ихъ дурно отпечатанными и уничтожилъ ихъ. Вейде при допросахъ его въ комиссіи не называлъ Утина, объясняя, что фамилію лица, по порученію коего участвовалъ въ напечатаніи не знаетъ. Утинъ скрылся за границу и при обыскѣ его квартиры ничего подозрительнаго не оказалось.[1] Такъ какъ изъ участвовавшихъ въ печатаніи воззванія Михаилъ Вейде принималъ участіе въ приготовленіи въ имѣніи Маргенгаузенъ къ возстанію и самое печатаніе производилось въ Витебской губерніи, то дѣло о Степановѣ, Вейде и Жуковѣ, по высочайшему повелѣнію, препровождено къ виленскому, гродненскому, ковенскому и минскому военному генералъ-губернатору. Впослѣдствіи Степановъ, Вейде и Жуковъ съ другими лицами преданы въ крѣпости Динабургъ военному суду по полевому уложенію. Въ судѣ Степановъ и Вейде показали, что занимались печатаніемъ по предложенію Утина; на вопросы же комиссіи относительно организаціи общества „Земля и Воля", оба они не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ и только Степановъ объяснилъ, что Утинъ распоряжался печатаніемъ воззваній и былъ хранителемъ печати общества.

Брошюра „Что нужно народу" была издана въ Лондонѣ въ 1861 году, въ видѣ прибавки къ „Колоколу".

Что касается воззванія безъ заглавія, начинающагося словами: „Долго давили васъ, братцы", то цѣль этой прокламаціи поколебать въ народѣ вѣру въ царя, возбудить надежду на собственныя силы и подстрекнуть народъ требовать отъ царя земли и воли, выборнаго начала и самоуправленія. Съ этою цѣлью въ прокламаціи говорится: „царь собиралъ совѣтъ изъ помѣщиковъ, судилъ и рядилъ съ ними и, наконецъ, далъ вамъ волю. Ничего тутъ не поймешь, что это за воля такая? Вольные вы люди стали, только земли не дали вамъ, а выкупайте за свои кровныя денежки. Не повѣрили вы, чтобы царь обѣщалъ вамъ дать и не сдержалъ своего обѣщанія царскаго и подумали, что обманываютъ васъ помѣщики да чиновники, что не царскій указъ они вамъ читаютъ. И послалъ царь вразумлять васъ своихъ генераловъ и стали они вразумлять васъ розгами да солдатскими штыками, да пулями. Нѣтъ, братцы, плоха надежда на царя батюшку". Далѣе прибавлено, что царю некому разсказать про вашу нужду и что ему мѣшаютъ помѣщики. Въ прокламаціи приведенъ текстъ изъ книги царствъ (кн. I гл. 8), гдѣ Самуилъ не совѣтуетъ избирать царя Саула. Далѣе сказано: „надѣйтесь, братцы, на самихъ себя да и добывайте себѣ волю сами". Предостерегаетъ не торопиться, чтобы не испортить дѣла, пообдумать, собраться съ силами, не затѣвать дѣла по кучкамъ. А когда всѣ будутъ готовы, о чемъ прокамація обѣщаетъ извѣстить народъ, тогда можно будетъ потребовать отъ царя все, что нужно

---

[1] Въ обыскѣ, произведенномъ о побѣгѣ Николая Утина, находится письмо его изъ Брюсселя къ отцу, въ коемъ Утинъ говоритъ, что рѣшился бѣжать потому, что предупрежденъ былъ о возникшемъ на него подозрѣніи лицомъ, принадлежащимъ тайному обществу, и что средства къ побѣгу онъ получилъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ этому обществу.

и чего теперь не даютъ, т. е, землю безъ выкупа, назначеніе и расходованіе податей чрезъ выборныхъ, судъ и расправу тоже чрезъ выборныхъ.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ учрежденною въ г. Казани слѣдственною комиссіею по случаю распространенія въ приволжскихъ губерніяхъ возмутительныхъ воззваній и замышлявшагося въ означенномъ городѣ возстанія, видно, что экземпляры послѣдней прокламаціи были отобраны при арестованіи лицъ, обвиняемыхъ въ распространеніи возмутительныхъ воззваній и что, кромѣ того, отъ нихъ отобраны: а) ложный манифестъ, б) Земля и Воля, свобода вѣроисповѣданія и в) Земля и Воля, временное народное правленіе. Изъ откровенныхъ показаній студентовъ Лаврскаго и Орлова, данныхъ въ казанской слѣдственной комиссіи, видно, что лица, привлеченныя къ дѣламъ той комиссіи имѣли сношенія съ обществомъ „Земля и Воля", главнымъ агентомъ коего былъ поручикъ Черныкъ, и что открыть всю сѣть казанскихъ пропагандистовъ положительно невозможно, ибо тамъ существовала особая организація. Каждый участвовавшій обязанъ имѣть у себя только одно лицо и ни подъ какимъ предлогомъ не группировать около себя центра.

Сочиненіе прокламаціи „Долго давили васъ, братцы" приписывается бывшему студенту Казанскаго университета Умнову, уже умершему.[1] По показаніямъ Ивана Андрущенко и по обстоятельствамъ дѣла, нижепоименованныя лица подверглись слѣдующимъ обвиненіямъ:

1. Студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Пушторскій (содержится въ крѣпости съ 29 августа 1863 г.). Андрущенко показалъ, что, встрѣчая надобность въ деньгахъ для Кельсіева, онъ обратился къ Мосолову, и сей послѣдній передъ отъѣздомъ Андрущенки въ Петербургъ далъ ему два адреса, Гулевича и Пушторскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ черезъ кого-нибудь изъ нихъ получилъ деньги изъ общества „Земля и Воля", вмѣстѣ съ тѣмъ Мосоловъ снабдилъ Андрущенку сертификатомъ или запискою съ печатью общества „Земля и Воля" и поручилъ ему спросить Пушторскаго или Гулевича о программѣ общества и вообще о намѣреніяхъ комитета общества. Андрущенко былъ у Пушторскаго, говорилъ съ нимъ объ обществѣ „Земля и Воля", получилъ отъ него 100 р. и письмо для передачи Мосолову.

Но Пушторскій, при допросахъ его въ комиссіи, отвергъ показанія Андрущенки, объясняя сначала, что не помнитъ, чтобы когда-либо встрѣчался съ нимъ, а впослѣдствіи показалъ, что никогда и нигдѣ не видѣлъ его. Мосоловъ, не отвергая того, что Андрущенко съ данными ему адресами и сертификатомъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ деньги и письмо, объяснилъ, что получилъ адресы отъ неизвѣстнаго лица, присланнаго обществомъ „Земля и Воля", который просилъ не читать ихъ, что онъ исполнилъ даже тогда, когда отдавалъ Андрущенкѣ, и что письмо заключало въ себѣ маршрутъ, по которому Кельсіеву слѣдовало бѣжать за границу и никѣмъ подписано не было.

---

[1] О листѣ, исписанномъ стихами, изложено ниже

Хотя Андрущенко утверждалъ, что Мосоловъ при передачѣ ему адресовъ читалъ ихъ и что на вопросъ о содержаніи письма, Мосоловъ отвѣчалъ уклончиво, но не говорилъ о маршрутѣ, который сообщалъ ему Пушторскій на словахъ; однакожъ, Мосоловъ остался при своихъ показаніяхъ и на очной ставкѣ съ Андрущенкою.

Въ отношеніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему объ обществѣ „Земля и Воля", Андрущенко показалъ, что Пушторскій на вопросъ его о программѣ сказалъ, что печатать ее не будутъ, а рукописная съ печатью комитета будетъ доставлена въ Москву, и что о намѣреніяхъ комитета ничего сказать не можетъ, потому что, сколько ему извѣстно, въ комитетѣ по какому-то вопросу вышло недоразумѣніе. Хотя Пушторскій не былъ съ нимъ откровененъ, однакожъ Андрущенко предложилъ ему вопросъ, много ли и гдѣ именно комитетъ имѣетъ агентовъ, на что Пушторскій сказалъ, что въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ есть члены, но сношенія съ ними затруднительны. На вопросъ же Андрущенки, есть ли агенты на югѣ, Пушторскій сказалъ, что постоянныхъ нѣтъ, напр., въ Полтавской губерніи есть, а въ Черниговской нѣтъ, и что хотѣли пріобрѣсть агентовъ въ Кіевѣ, но не удалось, ибо многіе изъ молодыхъ людей, живущихъ въ Кіевѣ, которыхъ комитетъ хотѣлъ привлечь къ себѣ, положительно отказались отъ пропаганды. Когда же Андрущенко спросилъ, кого именно хотѣли завербовать, Пушторскій отвѣчалъ, что Антоновича, какъ всѣми уважаемаго и могущаго привлечь своимъ вліяніемъ другихъ, а когда Андрущенко замѣтилъ, что онъ знакомъ съ Антоновичемъ и знаетъ, что онъ не пойдетъ этимъ путемъ, то Пушторскій сказалъ, что на обязанности Андрущенки лежитъ убѣдить Антоновича. Разговоръ объ Антоновичѣ, прибавляетъ Андрущенко, знаменателенъ въ томъ отношеніи, что и Мосоловъ въ Москвѣ говорилъ объ Антоновичѣ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Далѣе Пушторскій говорилъ Андрущенкѣ, что извѣстныя Пушторскому лица, принадлежавшія къ обществу, занимались переводомъ иностранныхъ сочиненій, которыхъ печатаніе не можетъ быть дозволено цензурою, съ тѣмъ, чтобъ ихъ напечатать заграницею, а потомъ продавать въ Россіи.

Относительно печатанія воззваній, Пушторскій передавалъ, что у нихъ есть 4 станка, но они не умѣютъ печатать, и это воззваніе „Свобода" № 1 печатали 2 мѣсяца и потратили много денегъ; когда же Андрущенко спросилъ, гдѣ печатались воззванія, Пушторскій не назвалъ опредѣленнаго мѣста, т. е. въ Петербургѣ или внѣ города, не назвалъ и фамилій печатавшихъ и вообще выражался въ третьемъ лицѣ объ этихъ, какъ онъ называлъ ихъ, дѣятеляхъ. Наконецъ Пушторскій говоритъ, что комитетъ думаетъ остановить на время печатаніе своихъ воззваній по случаю военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, но когда все утихнетъ и общее вниманіе не будетъ отвлечено, комитетъ опять будетъ продолжать пропаганду, намѣреваясь печатаніемъ заграницей нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій приготовить публику къ перемѣнамъ. Комитетъ, продолжалъ Пушторскій, самъ не

думаетъ начинать, а будетъ ожидать, когда можно будетъ воспользоваться какимъ нибудь coup d'état, удастся — хорошо, а не удастся — продолжать по прежнему свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ общая цѣль комитета. Андрущенко спросилъ Пушторскаго: значитъ волненія, происходящія теперь по Волгѣ, не есть дѣло комитета? А онъ отвѣчалъ: да здѣсь ничего о нихъ неизвѣстно, а вы откуда знаете? Андрущенко сказалъ, что отъ Мосолова и Шатилова у нихъ постоянныя сношенія. Въ заключеніе Пушторскій прибавилъ: не забудьте, что комитетъ существуетъ, можно сказать, только со вчерашняго дня, и что нужно время для того, чтобы правильно установиться.

Кромѣ того Андрущенко показалъ, что передъ отправленіемъ его въ Петербургъ, Мосоловъ передалъ ему, вмѣстѣ съ адресами и сертификатомъ, свидѣтельство, выданное изъ канцеляріи военнаго министерства, или изъ инспекторскаго департамента о томъ, что штабсъ-капитанъ, фамиліи котораго Андрущенко не помнитъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, и при этомъ Мосоловъ сказалъ, передайте мнѣ эту бумагу, скажите только, что она не нужна; Андрущенко отдалъ свидѣтельство Пушторскому, который спросилъ: что оно было употреблено? а когда Андрущенко отвѣчалъ, что не знаетъ, и что Мосоловъ просилъ только сказать, что оно не нужно, то Пушторскій, будто вспомнивъ что-то, сказалъ: „да, вѣдь, времени не много," т. е. что между возвращеніемъ свидѣтельства и отдачею его Молосовымъ, срокъ слишкомъ малъ.

Пушторскій, отвергая совершенно показанія Андрущенки, объяснилъ, что свидѣтельства ему не передавалъ, а Молосовъ сказалъ, что онъ далъ Андрущенкѣ, передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, свидѣтельство, которое самъ получилъ при сертификатѣ отъ неизвѣстнаго лица, для пересылки въ Петербургъ, съ увѣдомленіемъ, что оно болѣе не нужно, но откуда этотъ видъ выданъ и кому принадлежитъ, не помнитъ, знаетъ только, что какому-то военному.

Андрущенко, объясняя о свиданіяхъ своихъ съ Пушторскимъ, съ подробностью означилъ время, въ которое онъ былъ у Пушторскаго, первую съ нимъ встрѣчу и, наконецъ, расположеніе дома и квартиры, гдѣ жилъ Пушторскій, и даже мебель, которая стояла на квартирѣ Пушторскаго.

Относительно встрѣчи съ Пушторскимъ, Андрущенко объяснилъ, что когда онъ назвалъ ему себя по фамиліи, то Пушторскій сказалъ, что фамилія ему эта знакома и съ своей стороны спросилъ Андрущенку, нѣтъ ли у него брата въ городѣ Бѣлозерскѣ (родина Пушторскаго), на что Андрущенко объяснилъ, что братъ его занимается тамъ межевыми работами. При допросахъ Пушторскій и братъ Андрущенки, Евгеній, показали, что они были знакомы между собою, и что послѣдній обмежывалъ земли, принадлежащія матери Пушторскаго, въ то время, когда въ имѣніи находился Пушторскій. Онъ же присовокупилъ, что Иванъ Андрущенко могъ знать о знакомствѣ его съ Евгеніемъ Андрущенкою или по письмамъ брата, или при свисвиданіи съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ Евгеній Андрущенко былъ

зимою 1862 и 1863 г. или, наконецъ, при свиданіи съ . . ., занимавшимся съ Евгеніемъ Андрущенко межевыми работами, который тоже хотѣлъ быть въ Москвѣ. Сдѣланное Иваномъ Андрущенкою описаніе дома и квартиры Пушторскаго, по осмотру членовъ комиссіи оказалось вѣрнымъ, согласно съ показаніемъ самого Пушторскаго, который отзывался, что это описаніе не совсѣмъ вѣрно въ подробностяхъ, такъ, напр., Андрущенко показалъ, что занавѣска на дверяхъ была изъ темной матеріи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была бѣлая, камодикъ стоялъ по лѣвую сторону двери, а не по правую, какъ показалъ Андрущенко. Оконъ противъ входной двери два, а не одно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушторскій объяснилъ, что занавѣска на дверяхъ была повѣшена со времени переѣзда въ квартиру, т. е. съ ноября 1862 г. и съ тѣхъ же поръ не перемѣнялась. Кромѣ того Андрущенко показалъ, что въ первый приходъ его къ Пушторскому, онъ угощалъ его чаемъ, во время котораго къ Пушторскому приходилъ какой-то молодой человѣкъ, судя по наружности и выговору грузинъ и, пробывъ недолго, ушелъ, и что самоваръ подавалъ человѣкъ, котораго Пушторскій посылалъ въ булочную.

Находившійся въ услуженіи у съемщика квартиры, маіора Герштенцвейга, отъ котораго Пушторскій нанималъ комнату, крестьянинъ Никита Семеновъ, подъ присягою показалъ, что не помнитъ, чтобы Андрущенко бывалъ у Пушторскаго.

На очной ставкѣ съ Семеновымъ, Андрущенко объяснилъ, что Пушторскій, приказывая ему приготовить чай, говорилъ: Никита Семеновичъ, приготовьте намъ самоваръ; что самоваръ былъ небольшой, а поставленъ на желѣзномъ подносѣ, довольно потертомъ, что сухари были поданы на тарелкѣ, и что Семеновъ былъ одѣтъ въ темновато-сѣромъ сюртукѣ, застегнутымъ до верху. Противу этихъ уликъ Семеновъ отозвался, что лица Андрущенки не помнитъ, и говоритъ совершенно справедливо, что Пушторскій всегда называлъ его вѣжливо по имени и отчеству, самоваръ былъ той формы, какъ говорилъ Андрущенко, подносъ былъ желѣзный, сухари Семеновъ постоянно подавалъ на тарелкѣ, наконецъ, сюртукъ сѣроватаго цвѣта былъ у Семенова и онъ носилъ его въ маѣ 1863 г.

Пушторскій, по предъявленному о происходившемъ на очной ставкѣ съ Семеновымъ, отозвался, что объясненное Андрущенкою справедливо, кромѣ того, что у Семенова сѣроватаго сюртука не было, по крайней мѣрѣ тогда, когда Пушторскій жилъ у Герштенцвейга, а равно Семеновъ не застегивалъ свой черный браковый сюртукъ какъ по привычкѣ, такъ и по отсутствію пуговицъ; но почему Семеновъ показалъ, что сюртукъ былъ темновато-сѣраго цвѣта, Пушторскій не знаетъ. Сколько Пушторскому извѣстно, у молодыхъ людей нынѣшняго времени, въ особенности студентовъ, по крайней мѣрѣ знакомыхъ его, вошло въ обычай, въ неизмѣнное правило, называть служащихъ людей у нихъ, не иначе какъ по имени и отчеству; а равно маленькій самоваръ и тарелка, вмѣсто подноса, общее правило въ квартирѣ холостого человѣка, да еще вдобавокъ студента.

Никита Семеновъ при допросѣ его, между прочимъ, показалъ, что вмѣстѣ съ Пушторскимъ, у маіора Герштенцвейга, жилъ кандидатъ здѣшняго университета Пантелѣевъ, занимавшій отдѣльную комнату, что Пантелѣевъ и Пушторскій были знакомы съ братьями Евгеніемъ и Николаемъ Утиными, которые бывали у нихъ, а Пантелѣевъ и Пушторскій посылали его къ Утинымъ раза четыре съ записками, и что весною 1862 г. приходилъ къ Пушторскому военный офицеръ въ саблѣ. Кромѣ того маіоръ Герштенцвейгъ объяснилъ, что Пушторскій и Пантелѣевъ, проживая у него на квартирѣ, были дружны между собою, и что Семеновъ говорилъ ему, что къ нимъ ходили Утины. При спросѣ же Пушторскаго объ его знакомыхъ и объ отношеніяхъ къ нимъ, онъ назвалъ Пантелѣева, присовокупивъ, что послѣдній его товарищъ по гимназіи и университету, и если они бывали другъ у друга, то просто какъ товарищи, въ послѣднее время чаще всего за лекціями, ибо готовились къ экзамену по однѣмъ запискамъ.

По показанію Пантелѣева, онъ ничего особеннаго не замѣчалъ и интимныхъ разговоровъ съ нимъ не велъ.

Относительно знакомства съ Утиными, Пушторскій показалъ, что у Евгенія Утина онъ бывалъ въ послѣднее время, потому что готовились съ нимъ къ экзамену по однимъ лекціямъ, и у него встрѣчалъ Николая Утина, равно и у него бывали за лекціями Евгеній и Николай Утины. Офицеръ, который, по словамъ Семенова, бывалъ у Пушторскаго, есть Прѣснухинъ, прикомандированный къ Михайловской артиллерійской академіи; съ нимъ Пушторскій познакомился въ университетѣ. Прѣснухинъ приходилъ къ Пушторскому раза два за книгами, равно и Пушторскій былъ у Прѣснухина одинъ разъ, гдѣ встрѣтилъ незнакомыхъ офицеровъ, товарищей Прѣснухина.

Николай Утинъ, по случаю побѣга, не спрошенъ; а Евгеній Утинъ объяснилъ, что былъ знакомъ съ Пушторскимъ какъ товарищъ по университету и потому еще, что готовился по однѣмъ лекціямъ, поэтому лекціи эти пересылались отъ одного къ другому при запискахъ; брата Николая онъ встрѣчалъ у Пушторскаго въ теченіи зимы 1862—1863 г., а познакомились они потому, что были въ одно время въ университетѣ и, какъ кажется ему, участвовали въ изданіи студенческаго сборника въ 1858 и 59 годахъ.

Прѣснухинъ также комиссіею не спрошенъ за выѣздомъ его изъ Петербурга къ мѣсту служенія въ первый стрѣлковый батальонъ. Но въ дѣлахъ комиссіи, относительно этого офицера, имѣются слѣдующія свѣдѣнія: въ маѣ 1863 г., во время производства обысковъ у лицъ, которыхъ подозрѣвали въ соучастіи съ Николаемъ Утинымъ, былъ произведенъ обыскъ у учителя Введенской гимназіи Дмитрія Войнаровскаго, согласно свѣдѣніямъ, имѣющимся въ полиціи о противузаконной его дѣятельности. Найденная въ бумагахъ Войнаровскаго предосудительнаго содержанія переписка дала поводъ къ допросу его. Войнаровскій объяснилъ, что онъ бывалъ на вечерахъ, устроенныхъ Прѣснухинымъ, на которыхъ встрѣчалъ незнакомыхъ ему лицъ,

толковавшихъ въ непріязненномъ духѣ о правительствѣ; и вслѣдствіе того, что никто изъ нихъ не довѣрялъ новымъ лицамъ Войнаровскій пересталъ посѣщать вечера Прѣснухина. Впослѣдствіи бывшій студентъ Никитскій говорилъ Войнаровскому, что посѣщавшія Прѣснухина лица, должно быть, принадлежали Утинской партіи, къ которой, кажется, принадлежалъ и самъ Прѣснухинъ, а учитель Петрозаводской гимназіи Хрущовъ сообщалъ ему, что все соціальное направленіе литературы ничего не стоитъ въ сравненіи съ Утинистами, т. е. послѣдователями Утина. Это крайне безобразная партія: для нея нѣтъ ничего святого, кромѣ своей идеи. Это послѣдователи Оуена, но послѣдователи превзошли своего отца, потому что топчатъ все: нравы, обычаи народа и, кажется, что всѣ прокламаціи суть произведенія Утинской партіи.

По поводу показаній Войнаровскаго, у Прѣснухина, 21 мая 1863 г., былъ произведенъ обыскъ, но ничего подозрительнаго не оказалось. А Войнаровскій, при передопросѣ его комиссіею, объяснилъ, что Хрущовъ сообщалъ ему означенныя свѣдѣнія потому, что объ Утинѣ носилась такая молва по Петербургу; участниковъ же Утина Хрущовъ не называлъ, потому что, по всей вѣроятности, и самъ не зналъ ихъ.

Одновременно съ обыскомъ у Войнаровскаго и по той же причинѣ произведенъ обыскъ у бывшаго студента Харьковскаго университета, Михаила Гулевича, адресъ котораго, какъ показалъ Андрущенко, далъ ему Мосоловъ вмѣстѣ съ адресомъ Пушторскаго. По обыску у Гулевича никакой предосудительной переписки не оказалось, но у него была найдена, принадлежащая государственному преступнику Обручеву и Евгенію Утину, книга. Объ этомъ обстоятельствѣ Гулевичъ объяснилъ, что книгу Обручева передалъ ему, уѣзжавшій изъ Петербурга товарищъ его Жукъ, для представленія доктору Гоку и что остальныя книги онъ получилъ отъ своего хорошаго знакомаго Евгенія Утина, чтобы готовиться по нимъ къ экзамену. Евгеній Утинъ объяснилъ, что онъ познакомился съ Гулевичемъ у брата своего Николая, и былъ въ отношеніи къ Гулевичу, какъ обыкновенному знакомому; но какія отношенія Гулевичъ имѣлъ къ Николаю Утину и Пушторскому, ему неизвѣстно. По показанію Пушторскаго и онъ былъ знакомъ съ Гулевичемъ, познакомясь съ нимъ во время содержанія въ Кронштадской крѣпости, Гулевичъ былъ у него одинъ разъ за лексикономъ нѣмецкимъ и еще за чѣмъ-то. Самъ Гулевичъ, по случаю его выѣзда въ Крымъ для леченія, не спрошенъ, но по сношенію съ начальствомъ его за поведеніемъ его учрежденъ надзоръ. Гулевичъ состоялъ на службѣ канцелярскимъ служителемъ въ Красносельской удѣльной конторѣ и 31 іюля 1863 г. согласно прошенію по болѣзни уволенъ въ Крымъ, но къ законному сроку не воротился, почему департаментомъ удѣловъ уволенъ въ отставку. О настоящемъ мѣстѣ его нахожденія неизвѣстно.

2. Служившій въ управленіи Московско-Нижегородской дороги, дворянинъ Юрій Мосоловъ (содержится въ крѣпости съ 6-го сентября 1863 года). Несмотря на положительныя указанія Ивана

Андрущенки, Мосоловъ при допросѣ его въ комиссіи первоначально отвергалъ всѣ, возникшія на него обвиненія. Послѣ дачи отрицательныхъ отвѣтовъ на предлагавшіеся ему вопросы, онъ, по просьбѣ его, былъ введенъ въ присутствіе комиссіи для словесныхъ объясненій. При чемъ было объявлено ему, что чистосердечное сознаніе и раскаяніе въ поступкахъ даетъ ему возможность надѣяться на милосердіе государя императора и на уменьшеніе наказанія, опредѣленнаго по закону. Въ Мосоловѣ замѣтно было раскаяніе, такъ что онъ заплакалъ и сказалъ, что относительно себя готовъ объяснить все чистосердечно, но не рѣшается показаніями своими вводить въ отвѣтственность другихъ лицъ, соучастниковъ своихъ и, наконецъ, обѣщалъ написать объясненіе свое въ казематѣ, обдумавши всѣ обстоятельства дѣла, но, въ представленномъ затѣмъ отзывѣ, сознанія не сдѣлалъ, а изложилъ, что, призвавъ Бога на помощь, онъ долго и зрѣло обдумывалъ предложенія комиссіи, и положа руку на сердце, руководствуясь совѣстью, долженъ объявить, что никакихъ измѣненій или дополненій дѣлать не можетъ, тѣмъ болѣе, что жить ему на этомъ свѣтѣ остается не долго, ибо разлука съ близкими сердцу, грызущая тоска, заключеніе и муки раскаянія сдѣлаютъ свое дѣло, судя по тѣмъ успѣхамъ, которые они сдѣлали въ 4 недѣли его заключенія. На повторенные Мосолову вопросы, въ которыхъ представлялось ему, что кромѣ Андрущенки, объ участіи его показываетъ и Шатиловъ, Мосоловъ по прежнему отвергалъ эти показанія и называлъ ихъ ложными.

Наконецъ, на вопросъ комиссіи, какой имѣетъ поводъ сомнѣваться въ неискренности показаній Шатилова, Мосоловъ отозвался, что онъ никакимъ образомъ не можетъ заподозрить въ неискренности Шатилова, кромѣ дать ему возможность сдѣлать показаніе независимо данныхъ имъ отвѣтовъ, добавляя при этомъ, что новое показаніе будетъ служить чистосердечнымъ изложеніемъ дѣла.

Въ началѣ этого показанія Мосоловъ объяснилъ, что онъ боялся, чтобъ Шатиловъ не сталъ упорствовать вопреки всѣмъ показаніямъ Мосолова, тогда бы погибъ Шатиловъ, а у него больная мать, которой онъ составляетъ единственную опору и надежду; нужно было выбирать между семействомъ Шатилова и своимъ собственнымъ. Комиссія видѣла, какихъ тяжкихъ мукъ стоила Мосолову эта борьба, когда же означенная причина не существуетъ, когда Шатиловъ самъ сознался во всемъ, Мосоловъ можетъ чистосердечно и откровенно высказать всѣ свои преступленія и заблужденія, въ которыхъ искренно раскаивается. Засимъ Мосоловъ показалъ слѣдующее: Въ концѣ лѣта или въ началѣ осени 1862 года пришелъ въ управленіе дороги, гдѣ онъ служилъ, хорошій его знакомый Бундасъ (умершій лѣтомъ 1863 г.) и сообщилъ Мосолову, что хорошо извѣстный ему человѣкъ желаетъ познакомиться съ нимъ и что Бундасъ пришлетъ его къ нему. При этомъ Бундасъ разорвалъ кусокъ газеты пополамъ; одну половину далъ Мосолову, а другую взялъ съ собою, чтобы передать тому лицу, которое придетъ къ Мосолову и что если обѣ половинки газеты сойдутся, то Мосоловъ сомнѣваться не

долженъ. Вечеромъ того же дня явился къ Мосолову означенный человѣкъ, принесшій письмо отъ Бундаса, въ которомъ говоритъ, что подателю письма можно довѣриться вполнѣ. Этотъ неизвѣстный въ разговорѣ съ Мосоловымъ объявилъ, что въ Петербургѣ составилось тайное, революціонное общество подъ названіемъ „Земля и Воля", что общество весьма значительно, что къ нему принадлежитъ много лицъ весьма вліятельныхъ въ государствѣ, что вообще оно очень разнообразно и владѣетъ огромными денежными средствами, что оно раскинуто сѣтью по всей Россіи; что уже вездѣ есть агенты, даже и при дворѣ; что неизвѣстный находится въ Москвѣ для того, чтобы предложить нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Мосолову, вступить въ это общество. Мосолову польстило такое приглашеніе и онъ согласился, но на всѣ его распросы неизвѣстный, не объявляя своей фамиліи, сказалъ только, что программа общества будетъ прислана и что къ Мосолову всякій разъ будетъ являться лицо, съ сертификатомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не распрашивалъ его фамиліи и чтобы самъ Мосоловъ опасался посылать куда бы ни было, а особливо въ Петербургъ одно и тоже лице болѣе разу. Разставаясь съ Мосоловымъ, неизвѣстный далъ ему нѣсколько сертификатовъ и адресъ двухъ лицъ, запечатанныхъ въ маленькомъ лоскуткѣ бумаги, которые онъ впослѣдствіи отдалъ Андрущенкѣ, не читая, согласно требованію неизвѣстнаго, сказавши, что адресы годятся только на одинъ разъ и что для другого раза Мосоловъ съ обратнымъ получитъ другіе адресы. Въ серединѣ или въ концѣ зимы, когда уже Мосоловъ былъ женатъ, явилось къ нему неизвѣстное лице и предъявило сертификатъ, передало пачку прокламацій, касавшихся польскаго вопроса и письмо съ 50 р. на расходы при разсылкѣ. О полученіи прокламацій Мосоловъ сообщилъ Шатилову и вмѣстѣ съ нимъ, купивъ адресъ-календари, разсылали по нимъ къ разнымъ лицамъ воззванія, но послали ихъ немного, а остальныя Шатиловъ уничтожилъ. Впослѣдствіи Мосоловъ получилъ прокламацію Свобода № 1, а въ іюлѣ 1863 года — Свобода № 2, въ количествѣ около 200—400 экземпляровъ и маленькую прокламацію къ народу. Свобода № 1 была распространена такимъ же способомъ, какъ и предыдущая, а Свобода № 2 и маленькая прокламація, сколько извѣстно Мосолову, вовсе распространяемы не были и уничтожены Шатиловымъ, по соглашенію съ нимъ — Мосоловымъ. Иногда къ Мосолову являлись личности безъ прокламацій съ одними сертификатами, лица эти большей частью проѣзжали черезъ Москву по своимъ дѣламъ, какъ сами они говорили, а цѣлью посѣщеній ихъ было узнать о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ прокламаціями и о новостяхъ Москвы. Въ послѣднемъ отношеніи Мосоловъ, по своему положенію въ обществѣ, никакихъ свѣдѣній сообщить не могъ о прокламаціяхъ, но говорилъ, что они не могутъ произвести никакого впечатлѣнія и совершенно безполезны.

На вопросы Мосолова объ обществѣ, пріѣзжавшіе къ нему лица не давали удовлетворительнаго отвѣта; недовольный этимъ, Мосоловъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и переговорить пе-

реговорить подробнѣе, но сначала занятія по службѣ не позволяли, а впослѣдствіи не было охоты къ этому, потому что ни самъ Мосоловъ, ни знакомые его не одобряли способа дѣятельности общества, начинали разочаровываться въ немъ и подумывали отстать отъ него. На вечерахъ по воскресеньямъ, на которые собирались къ нему знакомые, ни одна изъ прокламацій не была читана. Желая предохранить своихъ знакомыхъ отъ опасности и траты силъ, если бы они сдѣлались членами общества Земля и Воля, дѣйствія котораго ни онъ, ни они не одобряли, Мосоловъ предложилъ имъ составить общество на новыхъ началахъ. Поэтому Мосоловъ написалъ программу, въ которой подробности не помнитъ, но она была выражена въ формѣ идеала, къ которому должно стремиться. Программа была принята и передъ отъѣздомъ Сулина и другихъ они согласились еще разъ поговорить о ней, для чего и рѣшено было сойтись у Андрущенки. Программу эту Мосоловъ читалъ на сходкѣ, а средствами къ достиженію поставленнаго въ ней идеала выбраны были книги, какъ орудія распространенія свѣдѣній юридическихъ, финансовыхъ и экономическихъ. Поэтому каждому, поселившемуся въ новой мѣстности, вмѣнялось въ обязанность развивать любовь къ чтенію книгъ, означеннаго содержанія, въ его знакомыхъ и для этого имѣть подъ рукою небольшую библіотеку, составленную складчиною. Если бы что нужно было сообщить по секрету, для этого Мосоловъ предлагалъ особый способъ шифра, но ни одного письма, писаннаго шифромъ, Мосоловъ отъ уѣхавшихъ не получилъ. Оригиналъ программы Мосоловъ у себя не сохранилъ, а тотъ листокъ, по которому читалъ, кто-то взялъ и не возвратилъ. На этой же сходкѣ рѣшено было, что ихъ кружокъ встанетъ въ независимое положеніе отъ общества Земля и Воля. Кельсіева Мосоловъ прежде не зналъ, но когда Андрущенко обратился къ нему съ просьбою помочь Кельсіеву въ денежныхъ средствахъ, то Мосоловъ снабдилъ Андрущенку сертификатомъ и далъ ему адресы двухъ лицъ, но чьи они были не знаетъ, потому что не прочелъ ихъ. Андрущенко по возвращеніи изъ Петербурга передалъ ему 100 р.: — 50 для Кельсіева и 50 для Квятковскаго, содержавшагося съ Кельсіевымъ въ частномъ домѣ. Отдавая Андрущенкѣ деньги для употребленія по назначенію, Мосоловъ съ своей стороны пожертвовалъ для Кельсіева 9 р. Затѣмъ, утромъ не помнитъ какого числа, Кельсіевъ явился къ Мосолову на квартиру, и онъ представилъ его своей женѣ. Изъ разсказа Кельсіева объ ощущеніяхъ, которыя онъ испытывалъ во время приготовленія къ побѣгу и самаго побѣга, видно было, что кто-то досталъ подпилокъ и бичевку, но кто именно Кельсіевъ не говорилъ, а Мосоловъ не полюбопытствовалъ спросить. На другой день, такъ какъ это было воскресенье и къ Мосолову могли придти знакомые, которымъ Кельсіева видѣть не слѣдовало, то Мосоловъ отправилъ его къ товарищу своему Савикову, которому онъ не говорилъ, что такое Кельсіевъ, и который, имѣя надобность ѣхать въ Кусково, оставилъ Кельсіева у себя на квартирѣ одного. Впослѣдствіи, когда Мосоловъ разсказалъ о Кельсіевѣ Савикову, послѣдній былъ недоволенъ, что его впутали въ

эту исторію и упрекалъ Мосолова за это. Въ часа 3 или 4 пришелъ къ Мосолову Андрущенко, которому онъ сообщилъ, гдѣ найти Кельсіева, и отъ Савикова Андрущенко увелъ за городъ Кельсіева по дѣлу. Затѣмъ о Кельсіевѣ Мосоловъ ничего не зналъ и какимъ образомъ онъ досталъ себѣ видъ на выѣздъ, ему неизвѣстно, Андрущенко же говорилъ, что Кельсіевъ долженъ ѣхать по Волгѣ. Маршрутъ дѣйствительно Мосоловъ получилъ отъ Андрущенки, привезенный имъ изъ Петербурга, по которому Кельсіевъ долженъ былъ бѣжать черезъ Одессу и бессарабскую границу въ Молдавію; чрезъ Персію же, сколько Мосолову извѣсгно, никто не бѣжалъ, а было это предложеніе, ибо они думали, что на судахъ, плавающихъ по Каспійскому морю, легко проѣхать заграницу безъ паспорта. На требованіе комиссіи разъяснить свое показаніе съ указаніемъ лицъ, Мосоловъ не исполнилъ этого, добавивъ, что свидѣтелей, которые видѣли бы какъ посѣщали его неизвѣстныя лица, онъ указать не можетъ, что изъ разговоровъ посѣщавшихъ его, онъ узналъ, что въ Петербургѣ нѣкоторое число лицъ отдѣлилось отъ общества, вслѣдствіе несогласія во взглядахъ, равно какъ и Москвѣ, а потому посѣтители просили Мосолова наблюдать за ихъ отставшими членами, еслибы случай привелъ познакомиться съ ними или, еслибы они вздумали пригласить Мосолова пристать къ нимъ, и чтобы Мосоловъ сообщалъ тогда о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ ихъ въ Петербургъ, что всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ къ Мосолову, по дѣламъ общества, было 8 или 10 и нѣкоторые изъ нихъ были не проѣзжіе, а вѣроятно московскіе жители, что первый изъ неизвѣстныхъ, пригласивши участвовать его въ обществѣ, объяснилъ ему, что въ штемпелѣ общества нарочно сдѣлапа ошибка въ словѣ центральный, гдѣ у буквы а отломанъ снизу хвостикъ и это сдѣлано изъ предосторожности, чтобы печать не могла быть поддѣлана; что другое, явившееся къ нему лицо, разсказывало ему о томъ, что Утинъ бѣжалъ за границу, потому что его предполагалось взять подъ арестъ, по показанію, кажется Степанова, но какъ бѣжалъ Утинъ, этого передававшій самъ не зналъ и что разговора объ Антоновичѣ съ Андрущенко онъ не имѣлъ, а вѣроятно Андрущенко смѣшалъ Мосолова съ кѣмъ-либо другимъ изъ своихъ знакомыхъ, потому что онъ никакого Антоновича не зналъ и ни отъ кого объ немъ не слыхалъ, что о Квятковскомъ Мосоловъ узналъ отъ Андрущенки, по возвращеніи его изъ Петербурга, что Андрущенко ничего новаго объ обществѣ ему не сообщалъ; на разспросы же о лицахъ, къ которымъ былъ адресованъ, Андрущенко назвалъ ихъ фамиліи, но Мосоловъ забылъ ихъ и это произошло отъ того: во-первыхъ, что означенныя лица были простые члены, мало извѣстные въ обществѣ, какъ онъ заключалъ изъ разсказовъ Андрущенки, во-вторыхъ, что адресы ихъ были даны на одинъ разъ, въ-третьихъ, что у Мосолова въ послѣднее время было много занятій по службѣ, и въ-четвертыхъ, что онъ переставалъ уже особенно интересоваться дѣлами общества; притомъ Мосоловъ добавилъ, что лица, бывшія на сходкѣ у Андрущенки, всѣ болѣе или менѣе знали о сношеніяхъ Мосолова съ обществомъ,

хотя лично объ этомъ онъ передавалъ только Шатилову и Андрущенкѣ.

На вновь предложенные Мосолову вопросы, въ коихъ была указана неосновательность его объясненій и между прочимъ объяснено, что въ отвѣтахъ своихъ, которые онъ называетъ чистосердечными, онъ указалъ только на тѣ обстоятельства и поименовалъ тѣ лица, о которыхъ ему уже было извѣстно изъ вопросовъ комиссіи; другихъ же лицъ и обстоятельствъ, которыя вытекаютъ изъ положенія дѣла, онъ не объяснилъ. Мосоловъ объяснилъ, что если показаніе его возбуждаетъ сомнѣніе или недоразумѣніе, если его нельзя назвать вполнѣ откровеннымъ и чистосердечнымъ, то въ этомъ не его вина; обстоятельства, переданныя имъ съ точностью и истиною, такъ сложились, что навлекаютъ на него подозрѣніе. Въ этомъ некого болѣе винить, кромѣ судьбы и Мосоловъ долженъ сносить безропотно подозрѣнія и сомнѣнія.

Андрущенко на очной стачкѣ съ Мосоловымъ отозвался: что онъ подтверждаетъ всѣ свои показанія, а въ особенности то, что Мосоловъ передавалъ ему адресы Пушторскаго и Гулевича, называлъ ихъ фамиліи, и адресы не были запечатаны и что передъ отъѣздомъ въ Петербургъ Андрущенко говорилъ Мосолову о Квятковскомъ и Мосоловъ указалъ, какъ достать денегъ. Мосоловъ же, утверждая свои объясненія, отозвался, что разнорѣчіе между нимъ и Андрущенкою онъ объясняетъ забывчивостью со стороны Андрущенки и не точнымъ вслѣдствіе того воспроизведеніемъ подробностей фактовъ. При обыскѣ, въ бумагахъ Мосолова, найдена записка написанная шифрами съ подписью А. Столпаковъ.

Объ этой запискѣ излагается ниже.

3. Штабъ-ротмистръ бѣлорусскаго гусарскаго его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полка, Алексѣй Столпаковъ (содержится въ крѣпости съ 10 декабря 1863 г.). Оказавшаяся въ бумагахъ Мосолова записка, подписанная А. Столпаковъ, слѣдующаго содержанія: спѣшу прислать должныя мною деньги за книги, 10 руб. Я продолжаю болѣть и до сихъ поръ никуда не выходилъ. Отъ нечего дѣлать, вотъ вамъ загадка-ребусъ. Затѣмъ слѣдуютъ цифры. Записка писана 21 августа 1863 г. въ Карачѣ, Курской губерніи. Мосоловъ отозвался, что никакого знакомаго по фамиліи Столпаковъ не знаетъ, письмо писано вѣроятно тѣмъ способомъ, которымъ было условлено на сходкѣ у Андрущенки вести переписку, но письма онъ не разбиралъ, потому что получилъ его передъ крестинами своей дочери и теперь разбирать не можетъ. Всего легче можетъ прочитать его Столпаковъ, онъ же вѣроятно объяснилъ, для чего и по какому способу писалъ его и на какой предметъ прислалъ деньги и затѣмъ всѣ свѣдѣнія по объясненіямъ Столпакова онъ, Мосоловъ, дастъ съ полною откровенностью.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Столпаковъ состоялъ на службѣ въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ, е. и. в. в. кн. Михаила Николаевича полку, расположенномъ въ г. Карачѣ. Объ отобраніи отъ него объясненій сообщено было Курскому жан-

дармскому шт.-офицеру. При допросѣ въ Карачѣ въ присутствіи депутата съ военной стороны, Столпаковъ объяснилъ, что познакомился съ Мосоловымъ въ Москвѣ, пріѣхавъ къ нему самъ, что отношенія къ Мосолову были тѣ же, что и къ другимъ хорошо знакомымъ и что въ бытность въ Москвѣ просилъ Мосолова купить и выслать книги, обѣщаясь прислать деньги тотчасъ по пріѣздѣ въ г. Карачу, и хотя не получилъ книгъ, но деньги выслалъ при письмѣ 21 августа. Ключъ къ шифру составленъ имъ, Столпаковымъ, а система ключа состояла изъ сложнаго сочетанія и переложенія и была изложена на листѣ бумаги, которою воспользовавшись нѣсколько разъ, уничтожилъ его, такъ что написаннаго прочитать не въ состояніи. Писалъ же шифромъ, конечно, для того, чтобы письмо, попавъ не по адресу, не могло быть прочитано и что содержаніе шифровки, сколько припомнится Столпакову, заключалось въ пріисканіи средствъ для вспомоществованія ссылаемымъ за политическое преступленіе. Кромѣ того Курскій жандармскій штабъ-офицеръ, полковникъ Герасимовъ, представляя объясненіе Столпакова, донесъ, что сообразивъ неправдоподобные отвѣты Столпакова, онъ призналъ необходимымъ пригласить его къ себѣ; послѣ сильныхъ убѣжденій, Столпаковъ сознался, что шифръ составленъ не имъ, а Мосоловымъ, отъ котораго получилъ въ бытность въ Москвѣ и что Столпаковъ не помѣстилъ этого въ отвѣтѣ, а принялъ на себя, потому что далъ Мосолову честное слово держать въ тайнѣ и не желаетъ подвергать Мосолова отвѣтственности. На предложеніе же помѣстить сознаніе въ отвѣтахъ, Столпаковъ отказался отъ этого, отозвавшись, что довольно и того, что объяснилъ истину на словахъ.

На предложенный послѣ сего Мосолову вопросъ, въ которомъ было объяснено, что Столпаковъ сознался въ знакомствѣ съ нимъ, Мосоловъ по прежнему утверждалъ, что не знаетъ его.

Послѣ сего Столпаковъ былъ доставленъ для содержанія въ С.-Петербургской крѣпости и при допросѣ въ комиссіи показалъ, что для знакомства съ Мосоловымъ онъ приходилъ къ нему на квартиру, что Мосоловъ былъ у него въ гостинницѣ Дрезденъ, что уѣзжая изъ Москвы, Столпаковъ оставилъ свой адресъ, а Мосоловъ далъ свой, что Столпаковъ писалъ нѣсколько разъ Мосолову и что шифръ, которымъ писано послѣднее письмо, извѣстенъ Мосолову.

Но и за симъ Мосоловъ утверждалъ, что письмо, писанное шифромъ есть единственное, полученное имъ отъ Столпакова, другихъ же обстоятельствъ, выставленныхъ Столпаковымъ, Мосоловъ не помнитъ.

На очной ставкѣ Столпаковъ призналъ Мосолова и подтвердилъ свои показанія, Мосоловъ же отозвался, что дѣйствительно, сколько помнитъ, Столпаковъ былъ у него и передалъ для списанія шифръ, составленный Столпаковымъ, который Мосоловъ уничтожилъ, узнавъ объ арестѣ Андрущенки. Поэтому письмо Столпакова Мосоловъ прочесть не можетъ, фамилію Столпакова онъ совершенно позабылъ и вспомнилъ о происходившей встрѣчѣ и знакомствѣ только вслѣдствіе личныхъ напоминаній Столпа-

кова и припоминая его лицо и голосъ. О посѣщеніи Столпакова въ гостинницѣ Мосоловъ не помнитъ, шифръ составленный Столпаковымъ былъ сообщенъ Мосолову для прописокъ въ письмахъ, относительно вспомоществованія ссылаемымъ за политическія преступленія. Въ журналѣ членовъ комиссіи, постановленномъ 14 декабря 1863 г. о происходившемъ на очной ставкѣ, между прочимъ, сказано: что Столпаковъ, всмотрѣвшись въ Мосолова, сразу призналъ его, Мосоловъ же сначала отвергъ показаніе Столпакова и отозвался, что его не знаетъ. Тогда Столпаковъ, по предложенію членовъ комиссіи, припомнилъ Мосолову обстоятельства, при которыхъ они познакомились и разговоры, происходившіе между ними; Столпаковъ между прочимъ сказалъ, что они говорили о сборѣ денегъ для вспоществованія ссылаемымъ въ каторжную работу, о печатаніи и распространеніи дешевыхъ книгъ. Въ это время Мосоловъ объявилъ, что припоминаетъ Столпакова и обратился къ нему съ вопросомъ: гдѣ я вамъ передалъ шифръ? Но Столпаковъ сказалъ, что шифръ составилъ онъ самъ, при посредствѣ какого-то листа и чрезъ сочетаніе цифръ, для того, чтобы вести переписку по предмету сбора денегъ, послѣ чего и Мосоловъ утверждалъ отзывъ Столпакова о полученіи отъ него шифра.

На вопросы, кто рекомендовалъ Мосолова, съ какою цѣлью познакомился съ нимъ и почему родилась мысль о пожертвованіяхъ въ пользу ссылаемыхъ, Столпаковъ объяснилъ, что въ Петербургѣ слышалъ много хорошаго о Мосоловѣ, но отъ кого не помнитъ, а потому интересовался знакомствомъ съ нимъ, чтобы имѣть въ Москвѣ корреспондента для полученія отъ него свѣдѣній о новостяхъ и выписки книгъ, что мысль о сборѣ вспомоществованій родилась у него по поводу Михайлова и кромѣ того онъ думалъ воспользоваться для сбора настроеніемъ городовъ Курской губерніи къ частной благотворительности. Къ этому Столпаковъ присовокупилъ, что курскому жандармскому штабъ-офицеру показалъ, будто шифръ составленъ Мосоловымъ, съ цѣлью выйти изъ непріятнаго положенія, въ которое былъ поставленъ отказомъ вѣрить письменному показанію и сопровождавшихъ этотъ отказъ убѣжденій, а по вопросу о томъ, что Мосоловъ принадлежалъ къ тайному обществу З е м л я и В о л я, отъ котораго было дѣлаемо приглашеніе къ пожертвованію въ пользу ссылаемыхъ, Столпаковъ показалъ, что онъ объ этомъ не зналъ и если, изыскивая средства къ вспомоществованію, дѣйствовалъ согласно мыслямъ общества З е м л я и В о л я, то это было со стороны Столпакова совершенно непроизвольно, такъ какъ самъ онъ къ обществу не принадлежалъ. Кромѣ этого невольнаго участія Столпаковъ никакого другого, въ дѣятельности общества, не принималъ, и если кто-нибудь изъ знакомыхъ его оказался членомъ общества, то это было совершенно неизвѣстно Столпакову.

Равнымъ образомъ и Мосоловъ показалъ, что доставлявшія ему воззванія лица, ничего о способѣ собиранія пожертвованій не говорили, и сколько помнитъ, въ воззваніи С в о б о д а № 1 говорилось, что сборъ поручается особымъ агентамъ общества,

Мосолову подобнаго порученія даваемо не было, а потому онъ никакихъ пожертвованій не собиралъ. Кромѣ того Столпаковъ показалъ, что онъ зналъ и посѣщалъ Пантелѣева, жившаго вмѣстѣ съ Пушторскимъ; но Пантелѣевъ и самъ Столпаковъ показали, что послѣдній не былъ знакомъ съ Пушторскимъ.

Вслѣдствіе отказа Столпакова и Мосолова разобрать написанную шифромъ записку, она по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему на докладъ г. предсѣдателя комиссіи отъ 23 декабря 1863 г. была препровождена для разбора въ министерство иностранныхъ дѣлъ; но вице-канцлеръ князь Горчаковъ увѣдомилъ, что, несмотря на всѣ старанія и особенныя способности спеціалистовъ по этой части, никакого смысла въ шифрѣ, по недостаточности матеріаловъ, добиться невозможно.

4. Служившій въ управленіи Московско-Нижегородской желѣзной дороги, дворянинъ Николай Шатиловъ (содержится въ крѣпости съ 7-го декабря 1863 г.). При первыхъ допросахъ въ комиссіи по поводу показанія Андрущенки, Шатиловъ сознался, что онъ будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ Мосоловымъ, посѣщалъ собранія, бывшія у него по воскресеніямъ; что онъ находился на сходкѣ, которая устроена была въ квартирѣ Сулина и Андрущенки, что получилъ отъ Мосолова присланныя ему изъ Петербурга воззванія и распространялъ ихъ, и что оказавшіяся у Андрущенки воззванія переданы ему имъ, Шатиловымъ.

Относительно собраній, происходившихъ у Мосолова, Шатиловъ показалъ, что Мосоловъ не имѣлъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы соединить въ одинъ вечеръ въ своемъ домѣ родныхъ и знакомыхъ и быть свободнымъ въ остальные вечера. Чтобы не назначать другого вечера, Мосоловъ въ воскресенье просилъ бывать у него и участвовавшихъ въ библіотекѣ для перемѣны и полученія книгъ. Если въ квартирѣ Мосолова и случалось переговорить съ кѣмъ-нибудь по предмету о распространеніи прокламацій, то, конечно, украдкою и случайно. Лица, участвующія въ библіотекѣ, даже менѣе регулярно посѣщали Мосолова, нежели простые знакомые его.

На сходкѣ въ квартирѣ Андрущенки, Шатиловъ находился безъ приглашенія и случайно: онъ зашелъ къ Лебединскому и, узнавъ, что Лебединскій отправляется къ Андрущенко, пошелъ къ нему, не зная даже, что съ нимъ жилъ тогда Сулинъ. Затѣмъ Шатиловъ объяснилъ, что на сходкѣ Сулинъ предлагалъ вопросъ, Мосоловъ читалъ програму и предложилъ для употребленія въ перепискѣ особую азбуку; но по изобрѣтенному способу самъ Шаталовъ никому не писалъ и ни отъ кого писемъ не получалъ; пропаганда же, по условію, должна была вестись распространеніемъ въ обществѣ, посредствомъ бесѣдъ съ встрѣчающимися лицами, мнѣній извлеченныхъ изъ изученія Милля, Прудона, Шлоссера и др. Но велась ли кѣмъ-нибудь такая пропаганда, Шатилову неизвѣстно. Прокламаціи получены были изъ Петербурга Мосоловымъ: а) начинающаяся словами Льется польская кровь, въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ; б) Свобода № 1, въ количествѣ примѣрно 500 экземп.; в) Свобода № 2, въ количествѣ 300 или 350 экземпл.

Первая прокламація была распространяема въ Москвѣ, а изъ числа экземпляровъ Свобода № 1, Шатиловъ передалъ для распространенія въ Москвѣ, экземпляровъ 200 или 150 Заіончковскому; экземпляровъ 100 или 50 взялъ Андрущенко и увезъ съ собою. Остальные же распространялъ Шатиловъ самъ, отдавая ночью встрѣчающимся лицамъ, преимущественно гимназистамъ, кадетамъ и вообще молодымъ людямъ; по городской почтѣ посылались воззванія, фамиліи коихъ брали изъ адресъ-календаря Москвы и немного экземпляровъ было послано по иногородной почтѣ; по адресъ-календарю выбирались лица, служащія въ гимназіяхъ, корпусахъ, также судебные слѣдователи, мировые посредники; лицамъ, имѣющимъ чины выше колежскаго ассессора, прокламаціи не посылались. Экземпляры прокламаціи Свобода № 2, вовсе не распространялись, но были уничтожены Шатиловымъ по соглашенію съ Мосоловымъ. Что касается воззванія, начинающагося словами: Долго давили васъ, то оно было доставлено не Мосолову, а Шатилову изъ Казани, незнакомымъ ему лицомъ, привезшимъ письмо отъ проживавшаго въ Казани И. Н. Умнова съ просьбою распространить между крестьянами, и всѣ экземпляры отданы Андрущенко, который по своимъ землемѣрнымъ занятіямъ долженъ былъ находиться въ сношеніи съ крестьянами, а такъ какъ Андрущенко просилъ снабдить его большимъ количествомъ экземпляровъ послѣдняго воззванія, то Шатиловъ далъ ему письмо къ учителю Нижегородской гимназіи Кониченко, о которомъ привезшіе изъ Казани воззванія говорили, что въ случаѣ надобности ихъ, можно обратиться къ Кониченко, но какимъ образомъ Андрущенко распорядился письмомъ, Шатилову неизвѣстно; равнымъ образомъ, хотя Шатиловъ говорилъ Андрущенкѣ передать вмѣстѣ съ письмомъ словесную просьбу о присылкѣ прокламацій, однакожъ прокламацій прислано не было.

Затѣмъ относительно побѣга Кельсіева, Шатиловъ объяснилъ, что въ доставленіи ему средствъ къ побѣгу никакого участія не принималъ и о поѣздкѣ Андрущенки въ Петербургъ за деньгами, равно къ кому онъ былъ адресованъ, не знаетъ. Что касается сношеній Мосолова съ обществомъ Земля и Воля, Шатиловъ объяснилъ, что по его мнѣнію, всѣ сношенія Мосолова ограничивались полученіемъ воззваній и что слышалъ, какъ Мосоловъ говорилъ Андрущенкѣ: „мы снабдимъ васъ сертификатомъ“; а однажды показывая Шатилову бумажку, описанной Андрущенкою формы, Мосоловъ сказалъ: „вотъ, можетъ быть и къ тебѣ когда-нибудь обратятся съ подобною бумажкою“.

На вопросъ комиссіи, въ которомъ, между прочимъ, объяснялось, что невѣроятно, чтобы Шатиловъ, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ Мосоловымъ и получая отъ него воззванія, не спросилъ, кто и черезъ кого ихъ пересылалъ, Шатиловъ показалъ, что, дѣйствительно, Мосоловъ никогда не говорилъ ему, кто привозилъ прокламаціи и отъ кого онѣ присылались, думаетъ, что Мосоловъ не скрылъ бы отъ него, если бы у него распрашивалъ. Но Шатиловъ не распрашивалъ, потому что положилъ себѣ за правило въ такихъ дѣлахъ не спрашивать, а прини-

мать къ свѣдѣнію, что другіе сами сочтутъ нужнымъ сообщить ему. Другая побудительная причина не спрашивать Мосолова состояла въ томъ, что естественное любопытство Шатилова было удовлетворено тѣмъ, что Мосоловъ показывалъ однажды бумажку съ печатью „Земля и Воля“ и съ просьбой принять и не опасаться подателя ея. Шатиловъ подумалъ тогда, что къ Мосолову являлись лица съ такими бумажками и что, можетъ быть, онъ самъ не знаетъ, кто привозитъ прокламаціи, какъ Шатиловъ не зналъ, кто далъ ему прокламацію: Долго давили васъ. Къ тому же самое дѣло распространенія прокламацій мало занимало Шатилова и полагаетъ, что и другихъ также, и если они были проводниками прокламацій въ обществѣ, то сами-то не очень имъ сочувствовали, доказательствомъ чему можетъ служить то, что поднятъ былъ вопросъ на вечерѣ у Андрущенки, принимать ли для распространенія прокламаціи и, дѣйствительно, вторую прокламацію не распространяли. Если же распространяли первую прокламацію, то только по нелѣпой стыдливости отказать въ помощи, которую у нихъ просили.

Наконецъ, Шатиловъ присовокупилъ, что онъ, принося искреннее раскаяніе въ томъ, что позволилъ себѣ вовлечься въ такое дѣло, проситъ комиссію довести объ этомъ до свѣдѣнія государя императора и исходатайствовать всемилостивѣйшее прощеніе и смягченіе участи его, въ уваженіе молодости и крайне болѣзненнаго состоянія бѣдной, лишенной рукъ и ногъ матери его, которая не перенесетъ кары, заслуженной преступленіемъ его.

5. Лѣкарь Петръ Лебединскій (содержится въ крѣпости съ 11 сентября 1863 года). Первоначальное обвиненіе Лебединскаго, по показаніямъ Андрущенки, заключалось въ томъ, что онъ привелъ Андрущенку къ Мосолову въ февралѣ 1863 г. и что Лебединскій находился на сходкѣ въ квартирѣ Сулина и Андрущенки, содѣйствовалъ побѣгу Кельсіева и Гижитскаго и, наконецъ, передалъ Андрущенкѣ нѣсколько экземпляр. воззваній: Долго васъ душили, братцы. Но Лебединскій вначалѣ отвергъ всѣ эти обвиненія, объяснивъ, что говорилъ Андрущенкѣ о Мосоловѣ и видѣлъ его въ квартирѣ послѣдняго, играющимъ на фортепіано; на сходкѣ не былъ, Кельсіева видѣлъ въ квартирѣ Понятовскаго (это могло быть въ 1861 г.), а Гижитскаго совершенно не знаетъ. На очной ставкѣ съ Сулинымъ, Лебединскій сознался, что былъ на сходкѣ въ квартирѣ его и Андрущенки. Равнымъ образомъ сознался и въ томъ, что участвовалъ въ распространеніи воззваній, бралъ для разсылки ихъ адресы у Николая Ильинскаго и Андрущенки и получилъ чрезъ Заіончковскаго отъ Шатилова воззваніе: Свобода № 1 экземпл. не менѣе ста, которые раздѣлилъ на пачки, нѣсколько бросилъ въ университетѣ, другіе разбросалъ по бульварамъ, а остальные уничтожилъ.

Сдѣлавъ такое сознаніе, Лебединскій призналъ справедливымъ показаніе Андрущенки о томъ, что будто бы онъ, Лебединскій, передалъ воззванія для распространенія Левашеву. Относительно участія въ способствованіи къ побѣгу Кельсіева, Лебединскій объяснилъ, что въ тотъ день, когда бѣжалъ Кельсіевъ изъ ча-

сти, онъ, Лебединскій, былъ въ квартирѣ Сулина и Андрущенки, которые, проводивъ его па сѣнной бульваръ, сами воротились домой; Лебединскій же дождался Кельсіева и далъ ему изъ своихъ денегъ 25 руб., сказавъ ему адресъ квартиры братьевъ Ильинскихъ, изъ коихъ Николая встрѣтивъ накапунѣ, просилъ принять къ себѣ Кельсіева. Гижитскій же приходилъ къ нему на квартиру и просилъ его оказать ему содѣйствіе къ побѣгу, но Лебединскій никакого содѣйствія не оказывалъ и не спрашивалъ Гижитскаго, какъ онъ прибылъ въ Москву и гдѣ проживалъ.

Хотя Лебединскій, какъ выше сказано, сознался въ бытности на сходкѣ, но по требованію комиссіи разъяснить все происходившее, онъ показалъ, что былъ постоянно отвлекаемъ частнымъ разговоромъ съ Новиковымъ и многаго не могъ слышать, такъ онъ не слыхалъ, какіе вопросы Сулинъ предлагалъ Мосолову и что послѣдній отвѣчалъ, не видалъ; чтобы Мосоловъ читалъ что-нибудь, хотя слышалъ разсужденія его о необходимости для нравственнаго рззвитія народа впушать ему необходимость грамоты, важность школъ. Кромѣ того, Мосоловъ разсуждалъ о правахъ женщины въ обществѣ, равноправности ея съ мужчиной. Разговоръ объ азбукѣ былъ, дѣйствительно, по поводу того, что Сулинъ просилъ адреса у Мосолова, но разговоръ этотъ не имѣлъ значенія условиться для секретной переписки. Говорили о возможности составить азбуку изъ цифръ посредствомъ вырѣзки на бумагѣ. Что же касается до совѣта каждому изъ участвовавшихъ на собраніи, выбрать для себя помощника для пропаганды, Лебединскій этого не слыхалъ. Послѣ того, какъ Лебединскій сказалъ, что онъ былъ на сходкѣ въ квартирѣ Сулина, ему былъ предложенъ вопросъ, по показанію Мосолова, о томъ, что всѣ лица, бывшія на сходкѣ знали о сношеніяхъ его съ обществомъ Земля и Воля, на который Лебединскій отвѣчалъ, что онъ зналъ лично отъ Мосолова, что у него по временамъ бывали изъ Петербурга члены общества, но для чего ему, Лебединскому, неизвѣстно; предполагалъ, впрочемъ, что это дѣлалось съ цѣлью возбудить интересъ живого участія въ этомъ обществѣ, а что отъ имени общества, дѣйствительно, печатаются воззванія: Свобода; къ этому Лебединскій присовокупилъ, что о поѣздкѣ Андрущенки въ Петербургъ, съ письмомъ Мосолова, Лебединскому неизвѣсто. Это послѣднее обстоятельство Лебединскій подтвердилъ и на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который также остался при своемъ показаніи.

6. Лѣкарь Иванъ Заіончковскій (содержится въ крѣпости съ 27 сентября 1863 г.). Относительно Заіончковскаго Андрущенко показалъ, что онъ бывалъ по воскресеньямъ у Мосолова и находился на сходкѣ въ квартирѣ Андрущенки и Сулина, а Шатиловъ объяснилъ, что онъ передалъ Заіончковскому 150 и 200 экземпляровъ воззванія: Свобода № 1 для распространенія. Противъ сего Заіончковскій отозвался, что онъ не относитъ къ числу своихъ знакомыхъ Андрущенко, потому что съ нимъ знакомства не поддерживалъ, хотя и былъ случайно на квартирѣ, которая не знаетъ, кому принадлежала — ему или Сулину; идя

однажды съ Новиковымъ, Заіончковскій зашелъ къ нимъ на минуту, потому что не хотѣлъ оставить товарища, но въ это время не засталъ ихъ дома. Болѣе сего онъ не посѣщалъ Андрущенку, не помнитъ, впрочемъ, въ этотъ ли разъ видѣлъ Андрущенку въ его квартирѣ и, вернувшись назадъ по приглашенію, зашелъ къ нимъ, встрѣтивъ у нихъ Лебединскаго, Мосолова и Левашева, или это было при второй прогулкѣ. Въ дальнѣйшихъ отвѣтахъ Заіончковскій отрицалъ участіе въ происходившемъ на сходкѣ, и добавилъ, что въ тотъ вечеръ, какъ онъ зашелъ въ квартиру Сулина и Андрущенки, ничего особеннаго не говорилъ и, если принималъ участіе въ бесѣдѣ, то говорилъ о географіи, потому что ему подъ руки попался новый атласъ, съ которымъ онъ почти все время провозился, не обращая вниманіе на окружавшихъ. Наконецъ, въ представленномъ въ комиссію дополнительномъ объясненіи, Заіончковскій согласился на то, что во время нахожденія на квартирѣ Сулина и Андрущенки былъ пьянъ, а потому ничего не помнитъ.

На очной ставкѣ съ Андрущенкой Заіончковскій подтвердилъ свои показанія, но Андрущенко объяснилъ, что Заіончковскій пришелъ на сходку съ Лебединскимъ и Новиковымъ; сначала вечера онъ сидѣлъ за овальнымъ столомъ, спиною къ окну, возлѣ Новикова и Левашева, разговоровъ съ Заіончковскимъ Андрущенко не припомнитъ и не можетъ также привести обстоятельства, которое бы ясно показывало нетрезвое состояніе Заіончковскаго.

Равнымъ образомъ и Мосоловъ на очной ставкѣ съ Заіончковскимъ показалъ, что въ какомъ видѣ Заіончковскій былъ па сходкѣ не знаетъ, потому что не обратилъ на это вниманія, тѣмъ болѣе, что Заіончковскій къ нему съ вопросами не обращался и особенно замѣтнаго участія въ разговорѣ не принималъ. Заіончковскій же отозвался, что такъ какъ въ собственныхъ воспоминаніяхъ не имѣетъ достаточныхъ фактовъ, чтобы точно утверждать, что въ этотъ самый вечеръ онъ былъ у Сулина, когда у него собирались поименованнныя выше лица, или отрицать это, то долженъ положиться въ этомъ случаѣ на показанія другихъ лицъ.

Наконецъ, Шатиловъ на очной ставкѣ съ Заіончковскимъ, который утвердилъ вышеприведенный отзывъ свой, объяснилъ, что Заіончковскій явился на сходку послѣ Шатилова; особыхъ рѣчей Заіончковскаго Шатиловъ не помнитъ, а также ни одного обстоятельства, которое могло бы указать на ненормальное состояніе Заіончковскаго.

На возобновленный комиссіей вопросъ Заіончковскій объяснилъ: что онъ прямо и откровенно разсказалъ случай посѣщенія Сулина, какъ могъ припомнить его. Не будучи твердо увѣренъ, тамъ ли видѣлъ въ этотъ вечеръ перечисленныхъ имъ въ первомъ показаніи лицъ, или около того времени встрѣтилъ ихъ у Мосолова, Заіончковскій не могъ поручиться за это воспоминаніе; а такъ какъ онъ не помнитъ содержанія бывшихъ разговоровъ, то и сомнѣвался, были ли они во время посѣщенія имъ Сулина; когда же другія лица подтвердили это, то Заіон-

чковскій, не имѣя въ этомъ случаѣ точныхъ данныхъ, положился на показаніе ихъ. Что же касается до сомнѣнія комиссіи въ искренности показанія о бытности въ нетрезвомъ видѣ, то Заіончковскій позволяетъ себѣ опереться на фактъ показаній самыхъ свидѣтелей, именно: несмотря на внимательный распросъ каждаго изъ нихъ, говорилъ ли Заіончковскій съ кѣмъ нибудь о чемъ-нибудь и дѣлалъ ли какіе-нибудь вопросы или отвѣты, показанія ихъ были отрицательныя. Это уже одно, какъ кажется Заіончковскому, подтверждаетъ искренность его показанія.

Заіончковскій отвергъ показаніе Шатилова о передачѣ имъ Заіончковскому для распространенія 150 или 200 экземпляровъ воззванія: Свобода № 1, отзываясь, что Шатиловъ никакихъ воззваній ему не передавалъ. Но на очной ставкѣ съ Шатиловымъ, Заіончковскій объяснилъ, что, дѣйствительно, получилъ отъ Шатилова въ его квартирѣ прокламаціи, для чего по просьбѣ Лебединскаго заѣзжалъ къ Шатилову сперва въ управленіе желѣзной дороги, потомъ по его приглашенію, на квартиру. Хотя онъ не помнитъ хорошо, сказалъ ли ему Лебединскій, что именно передаетъ ему Шатиловъ; но этимъ вовсе не желаетъ отстранить отъ себя вины, потому что все равно онъ узналъ у себя на квартирѣ, что именно привезъ. Шатиловъ же объяснилъ, что, сколько помнитъ, онъ условился съ Заіончковскимъ, чтобы послѣдній взялъ прокламаціи для распространенія; но противъ положительныхъ заявленій Заіончковскаго, что Шатиловъ не съ нимъ условился объ этомъ и что онъ пріѣзжалъ по порученію Лебединскаго, Шатиловъ не можетъ противорѣчить и допускаетъ возможность, что условился въ распространеніи не съ Заіончковскимъ, а съ Лебединскимъ. Причина, почему могъ перемѣшать эти двѣ личности — та, что Шатиловъ считаетъ ихъ столь близкими друзьями, что у нихъ ничего не скрывалось; они и жили тогда вмѣстѣ, но всетаки помнится Шатилову, что онъ условился именно съ Заіончковскимъ.

Противъ сего Заіончковскій возразилъ, что показаніе Шатилова о томъ, что будто онъ съ нимъ условился о воззваніяхъ у Мосолова — несправедливо, такъ какъ иначе Шатиловъ сказалъ бы Заіончковскому свой адресъ, куда пріѣхать, а на дѣлѣ было такъ, что его просилъ заѣхать къ Шатилову Лебединскій и сказалъ, гдѣ можетъ найти его.

На очной же ставкѣ съ Заіончковскимъ, который уличалъ Лебединскаго, что онъ привезъ отъ Шатилова воззванія по просьбѣ Лебединскаго и положилъ ихъ въ квартирѣ на шифоньерку, откуда Лебединскій взялъ ихъ по возвращеніи домой, Лебединскій сознался, что онъ дѣйствительно получилъ отъ Заіончковскаго прокламаціи въ количествѣ не менѣе 100 экземпляровъ.

Наконецъ, Лебединскій показалъ, что обстоятельства, при которыхъ онъ просилъ Шатилова дать воззванія, и просилъ ли его или онъ самъ предложилъ воззванія, не помнитъ.

7. Бывшій студентъ московскаго университета Александръ Новиковъ (содержится въ крѣпости съ 28 сентября 1863 года). Изъ показаній Андрущенки видно, что Новиковъ бывалъ у Мосолова по воскресеньямъ, что онъ находился на сходкѣ въ квар-

тирѣ Сулина и Андрущенки и что кромѣ участія во всемъ происходившемъ на этой сходкѣ, когда стали расходиться, между Сулинымъ и Новиковымъ, стоявшими отдѣльно, происходилъ разговоръ, начало коего Андрущенко не слышалъ, но когда приблизился, Новиковъ говорилъ: „Намъ непремѣнно надобно имѣть свой станокъ“. — „Да, онъ есть“, сказалъ Сулинъ. „А вы же говорили, что уничтожили“. — „Я не хотѣлъ, чтобы Петровскій зналъ.“ — „Такъ гдѣ же онъ?“ — „Ахъ, Боже мой, да есть, закопанъ.“ — „Ну, онъ испортится.“ — „Желѣзный то?“ возразилъ Сулинъ. Тутъ Андрущенко вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „Мнѣ Пушторскій говорилъ, что у нихъ есть четыре станка, да они печатать не умѣютъ.“ — „Такъ зачѣмъ же они держатъ?“ спросилъ Новиковъ. „Ужъ этого я не знаю. Воззваніе Свобода № 1, говорилъ, печатали два мѣсяца.“ На вопросъ Новикова, познакомился ли Андрущенко съ Гулевичемъ, онъ отвѣчалъ, что не познакомился, хотя Мосоловъ и давалъ адресъ или къ нему, или къ Пушторскому; но Андрущенкѣ далеко было идти къ Гулевичу. „Напрасно“, сказалъ Новиковъ, и разговоръ прекратился. Къ сему Андрущенко присовокупилъ, что станокъ, о которомъ говорили Сулинъ съ Новиковымъ, какъ полагаетъ онъ, долженъ быть тотъ, на которомъ они съ Петровскимъ печатали въ концѣ 1860 г. Разборъ книги барона Корфа, соч. Огарева. Книга эта продавалась по 2 рубля за экземпляръ и Андрущенкѣ давалъ Петровскій на продажу 500 экземпляровъ, но какъ продажа не шла, то Петровскій взялъ ихъ обратно.[1]

Новиковъ при допросѣ отвергъ всѣ означенныя показанія Андрущенки, объяснивъ, что на сходкѣ не находился, а у Мосолова бывалъ, какъ гость, чтобы попросить книгу для чтенія; у Андрущенки же бывалъ, но не во время сходки; о станкѣ и о лицахъ, живущихъ въ Петербургѣ, съ нимъ никогда не говорилъ. На очной ставкѣ съ Сулинымъ, Новиковъ сознался, что былъ на сходкѣ. Затѣмъ на особый вопросъ Новиковъ объяснилъ, что на собраніе къ Сулину онъ приглашенъ не былъ и попалъ на него слѣдующимъ образомъ: вечеромъ въ тотъ день Новиковъ вмѣстѣ съ Лебединскимъ отправились, по обыкновенію, гулять на бульваръ, причемъ кто-то изъ нихъ предложилъ зайти къ Сулину, гдѣ они просидѣли вечеръ. Вопросовъ, которые будто бы предлагалъ Сулинъ, Новиковъ не слышалъ, равно и отвѣтовъ на нихъ не давалъ, ибо весь вечеръ разговаривалъ съ Лебединскимъ, и такъ какъ предметъ разговора былъ довольно интересенъ, Новиковъ не обращалъ вниманія на другихъ. Также не видѣлъ, доставалъ ли Мосоловъ какую бумагу и читалъ ли ее; списывать эту бумагу Новикову никто не давалъ, предложеніе Мосолова относительно того, чтобы каждый избралъ себѣ товарища для веденія пропаганды, онъ также не слыхалъ; помнитъ только, что когда кончился разговоръ его съ Лебединскимъ, онъ услыхалъ, что другіе также спорили о чемъ-то, чуть ли даже дѣло не шло о женщинахъ. Потомъ кто-то спросилъ Мосолова,

[1] Петровскій, Сулинъ и Новиковъ за литографированіе сочиненій состояли вмѣстѣ съ другими лицами подъ судомъ правительствующаго сената, и дѣло о нихъ уже окончательно рѣшено.

постоянно ли онъ будетъ жить въ Москвѣ, для того, чтобы обращаться къ нему съ разными порученіями. Потомъ начали разсуждать о способности многихъ лицъ вскрывать и читать чужія письма и предложили избрать шифръ; но вмѣсто шифра взяли физіологію Фогта и рѣшили писать по ней, и такъ какъ Новиковъ никогда не предполагалъ писать Мосолову, то скоро забылъ ключъ. Разговора же съ Андрущенкой о поѣздкѣ его въ Петербургъ и о двухъ лицахъ, къ которымъ онъ имѣлъ адреса, Новиковъ не имѣлъ.

На очной ставкѣ съ Андрущенкой, Новиковъ утвердилъ свои показанія, при чемъ и Андрщенко остался при своемъ показаніи.

8. Бывшій студентъ Московскаго университета Яковъ Сулинъ (содержится въ крѣпости съ 10 сентября 1863 г.).

При первыхъ допросахъ комиссіи Сулинъ отвергалъ всѣ относящіяся до него обстоятельства, именно: что онъ собиралъ у себя въ квартирѣ сходку и предлагалъ вопросы, предлагалъ также печать и квитанціи для выдачи тѣмъ, которые будутъ вносить деньги; что говорилъ Новикову о типографическомъ станкѣ, который закопанъ въ землѣ, что вмѣстѣ съ Андрущенкой провожалъ на Сѣнный бульваръ Лебединскаго, ходившаго туда встрѣчать Кельсіева и что по просьбѣ его, Сулина, дѣвица Зайцева укрывала у себя Кельсіева.

На очной ставкѣ съ Мосоловымъ, Сулинъ сознался, что участвовалъ въ сходкѣ, бывшей въ квартирѣ его и Андрущенки.

Затѣмъ, при дальнѣйшихъ допросахъ, Сулинъ объяснилъ: что по освобожденіи его изъ подъ ареста по дѣлу, производившемуся въ правительствующемъ сенатѣ въ Москвѣ, онъ изъ разговоровъ съ Андрущенкою узналъ о существованіи въ Москвѣ кружка подъ названіемъ Библіотека казанскихъ студентовъ. Желая познакомиться съ убѣжденіями людей, составляющихъ этотъ кружокъ, онъ, Сулинъ, съ Андрущенкою пошелъ къ Мосолову, гдѣ, какъ говорилъ Андрущенко, собирались лица, составлявшія кружокъ. Въ тотъ вечеръ у Мосолова говорили о литературѣ, университетѣ и т. д. и ни одного слова о вопросахъ политическихъ. Желая знать, какое участіе и какимъ образомъ принимаютъ эти лица въ политическихъ вопросахъ, Сулинъ пригласилъ къ себѣ на квартиру Мосолова, Шатилова и Андрущенку; приглашалъ ли и были ли на сходкѣ Лебединскій, Заіончковскій и Новиковъ, этого Сулинъ не помнитъ, Левашевъ же на сходкѣ не былъ. Сулинъ не помнитъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ предлагалъ вопросы и въ какихъ отвѣчали ему, но сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: онъ спросилъ, составляетъ ли кружокъ Библіотека казанскихъ студентовъ цѣлое съ обществомъ Земля и Воля. Отвѣчали: нѣтъ. При этомъ Сулинъ присовокупилъ, что о существованіи въ Петербургѣ общества Земля и Воля онъ узналъ отъ Андрущенки; но о дѣятельности, цѣляхъ и средствахъ этого общества Андрущенко ему не говорилъ. Далѣе Сулинъ спрашивалъ, имѣетъ ли общество казанскихъ студентовъ свою типографію и будетъ ли издавать какія бы то ни было сочиненія. Отвѣчали: типографіи нѣтъ и никакихъ сочиненій издавать не бу-

детъ. Затѣмъ Сулинъ спросилъ: что должны дѣлать члены этого кружка? Отвѣчали: стараться распространять въ публикѣ такія сочиненія, какъ Шлоссеръ, Прудонъ, Милль и имъ подобные. Послѣдній отвѣтъ Сулинъ понялъ такъ: нужно заинтересовать общество политическими вопросами, нужно пропагандировать. Наконецъ, Сулинъ спросилъ: какая цѣль общества, чего оно хочетъ? Тогда Мосоловъ прочиталъ бывшую при немъ программу, сущность которой, сколько помнитъ, заключалась въ слѣдующемъ: нужно желать и помогать государству въ скорѣйшемъ достиженіи того идеала, до котораго рано или поздно должно дожить всякое государство. Затѣмъ Мосоловъ указалъ на демократически-республиканскій строй, какъ на идеалъ, къ которому стремится жизнь каждаго государства. Сулинъ не предлагалъ вопроса, нужно ли обществу имѣть печать и не понимаетъ, зачѣмъ она нужна обществу, а потому не могъ предлагать этого вопроса. Какіе онъ еще предлагалъ вопросы и что ему отвѣчали, Сулинъ не помнитъ; равно не знаетъ, имѣло ли это общество отношеніе къ петербургскому комитету и въ чемъ эти отношенія состояли. Вообще, Сулинъ долженъ сказать, что общество Казанскихъ студентовъ, сколько онъ могъ судить по разговору лицъ, бывшихъ у него на квартирѣ, не рѣшило ему вопроса, какъ должно оно дѣйствовать и гдѣ къ тому средства. Послѣ этой сходки Сулинъ уѣхалъ въ Новочеркаскъ, не взявъ на себя никакихъ обязательствъ, и вообще сношеній съ обществомъ Библіотека казанскихъ студентовъ никакихъ не имѣлъ. О томъ же, что говорилъ Новикову, будто типографическій станокъ закопанъ въ землѣ, Сулинъ отвергъ показанія Андрущенки по этому предмету, равно отозвался, что о поѣздкѣ Андрущенки въ Петербургъ ничего не зналъ, и такое отрицательство утвердилъ на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который также остался при своемъ показаніи.

Наконецъ, Сулинъ далъ отрицательный отвѣтъ по показанію Андрущенки, что провожалъ Лебединскаго на Сѣнной бульваръ и что Зайцева укрывала Кельсіева по просьбѣ его — Сулина. Причемъ показалъ, что, хотя ходилъ вмѣстѣ съ Лебеденскимъ и Андрущенкою на Сѣнной бульваръ, но не зналъ, что Лебединскій шелъ встрѣтить Кельсіева, и что хотя знакомъ съ Зайцевою, но не просилъ ея скрывать у себя Кельсіева. Лебединскій показалъ, что, вѣроятно, Сулинъ зналъ о томъ, что шелъ на бульваръ, чтобы встрѣтить Кельсіева; Зайцева же и мать ея показали, что Кельсіевъ у нихъ никогда не былъ. Кромѣ того Андрущенко объяснилъ, что передалъ Сулину, по просьбѣ его, нѣсколько экземпляровъ воззванія Свобода № 1, но Сулинъ отвергъ это показаніе.

9. Бывшій студентъ Московскаго университета Александръ Левашовъ (содержится въ крѣпости съ 27 сентября 1863 г.).

Андрущенко показалъ: что а) Левашовъ посѣщалъ Мосолова по воскресеньямъ; б) что онъ находился на сходкѣ въ квартирѣ Сулина; в) что Левашовъ получилъ отъ Лебединскаго экземпляры воззванія Свобода № 1 и распространялъ ихъ; г) что онъ способствовалъ побѣгу Кельсіева; и д) что Левашовъ укры-

валъ у себя Гижицкаго. Левашовъ показалъ: что онъ ходилъ къ Мосолову, чтобы получить журналы, которые онъ выписывалъ. На сходкѣ въ квартирѣ Сулина и Андрущенки не былъ, хотя и посѣщалъ Андрущенку въ другое время вмѣстѣ съ Мосоловымъ и Корабьинымъ. На очной ставкѣ съ Андрущенкою Левашовъ утвердилъ свое показаніе; но Андрущенко объяснилъ, что Левашовъ дѣйствительно присутствовалъ на сходкѣ и что упомянутое Левашовымъ посѣщеніе съ Мосоловымъ и Корабьинымъ дѣйствительно было, но только ранѣе сходки — и Андрущенко не смѣшиваетъ его съ другимъ, т. е. съ тѣмъ, когда была сходка. Кромѣ того Андрущенко на вопросы комиссіи, утверждая о бытности Левашова на сходкѣ, объяснилъ, что помнитъ это потому, что на сходкѣ было всего 8 человѣкъ, для которыхъ онъ разливалъ чай. Онъ еще болѣе утверждается въ этомъ, потому что подъ конецъ вечера пришелъ одинъ изъ товарищей Левашова, Мамаевъ, который слышалъ отъ кого-то, что будтобы полиція напала на слѣдъ Кельсіева и разыскиваетъ его въ Петровскомъ паркѣ; но Мамаеву было сказано, что Кельсіевъ въ другомъ, совершенно безопасномъ мѣстѣ. Мамаевъ не долго оставался въ квартирѣ и ушелъ вмѣстѣ съ Левашовымъ; что говорилъ Левашовъ во время сходки, Андрущенко вспомнить не можетъ. Съ своей стороны Левашовъ показалъ, что онъ не могъ быть на сходкѣ, и хотя Андрущенко говоритъ, что посѣщеніе его вмѣстѣ съ Мамаевымъ и Корабьинымъ было прежде упомянутой сходки, но Левашовъ хорошо помнитъ, что послѣ бытности у Андрущенки съ сказанными лицами, онъ пробылъ въ Москвѣ всего одинъ день, что вечеръ этого дня онъ провелъ дома въ чтеніи съ Корабьинымъ романа Взбаломученное море, что онъ выѣхалъ на другой день утромъ вмѣстѣ съ Корабьинымъ, учениками своими Протасовыми и товарищемъ ихъ, ученикомъ 1 Московской гимназіи Минаевымъ; 9 іюня, утромъ, Левашовъ былъ дома (въ селѣ Галинчинѣ, Рязанской губерніи). Слѣдовательно, 8-го утромъ выѣхалъ, 7-го былъ на своей московской квартирѣ, а 6-го вечеромъ у Андрущенки съ упомянутыми лицами. Къ сему Левашовъ присовокупилъ, что о времени пріѣзда его домой сказано въ письмѣ къ нему матери его отъ 18 ноября, хранящемся у коменданта, и могутъ подтвердить всѣ упомянутыя Левашовымъ лица. Противъ этого Андрущенко возражалъ, что въ прежнихъ своихъ показаніяхъ онъ не могъ съ точностью опредѣлить, какого именно числа іюня была сходка; теперь же, вспомнивши нѣкоторыя обстоятельства, онъ убѣжденъ, что сходка происходила 4 іюня. Это Андрущенко основываетъ на слѣдующемъ: Сулинъ, по освобожденіи 23 мая изъ смирительнаго дома въ первое затѣмъ воскресенье, т. е. 26 мая, не былъ у Мосолова, а былъ у него съ Андрущенкою въ слѣдующее воскресенье, 2 іюня, и черезъ день послѣ этого, во вторникъ, пригласилъ на сходку. Во вторникъ было 4 іюня. Такъ послѣ 2 іюня Сулинъ у Мосолова на обыкновенныхъ собраніяхъ не былъ, слѣдовательно, позже 9 іюня (третье воскресенье) сходка быть не могла. Что сходка не могла быть позже 9 іюня, подтверждается еще и тѣмъ, что Кельсіева

въ это время не было въ Москвѣ и, слѣдовательно, Мамаевъ, приходившій во время сходки увѣдомить объ опасности, угрожавшей Кельсіеву, могъ быть у Андрущенки только тогда, когда Кельсіевъ жилъ еще въ Москвѣ, т. е. въ самомъ началѣ іюня. Кромѣ того Андрущенко присовокупилъ, что на сходкѣ онъ спрашивалъ Левашова, возьметъ ли онъ при выѣздѣ изъ Москвы воззванія, на что Левашовъ отвѣчалъ, что возьметъ небольшое количество.

Такъ какъ лица, сознавшіяся въ бытности на сходкѣ, именно: Мосоловъ, Шатиловъ, Лебединскій, Новиковъ и Сулинъ, также показали, что Левашовъ не былъ на сходкѣ и всѣмъ имъ дана была очная ставка съ Андрущенкою, на которой объяснили: Мосоловъ, Сулинъ и Лебединскій, что они не помнятъ присутствія Левашова на сходкѣ, Шатиловъ — что о небытности Левашова на сходкѣ онъ утверждаетъ потому, что въ памяти его оставался разговоръ о взятіи книгъ изъ библіотеки. Шатиловъ говорилъ, что прочтетъ эту книгу, взявши у Левашова, на что получилъ возраженіе, что Левашовъ уѣхалъ; но съ кѣмъ говорилъ объ этомъ, не припомнитъ. О приходѣ Мамаева, котораго Шатиловъ не зналъ, также не помнитъ; такъ что никакъ не можетъ согласовать показаніе Андрущенки съ своимъ, развѣ только одинъ случай можетъ объяснить это, что Шатиловъ перепуталъ, и означенный разговоръ имѣлъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, Шатиловъ остается при своемъ убѣжденіи и полагаетъ, что Андрущенко могъ запамятовать подробности и перепутать ихъ. Новиковъ — что Левашовъ на сходкѣ не участвовалъ, ибо онъ, какъ помнитъ Новиковъ, зашелъ только на нѣсколько минутъ и тотчасъ вышелъ. Объ участіи Левашова въ содѣйствіи къ побѣгу Кельсіева, Андрущенко показалъ, что о просьбѣ Кельсіева помочь ему, Андрущенко въ числѣ другихъ сообщилъ Левашову, который изъявилъ на это согласіе; что черезъ Левашова Андрущенко переслалъ Кельсіеву въ часть подпилокъ, что, приготовившись къ побѣгу изъ части, Кельсіевъ увѣдомилъ Левашова, чтобы ожидали его ночью на Сѣнномъ бульварѣ, близь Смоленскаго рынка, и что Левашовъ, кажется, провожалъ Кельсіева при выѣздѣ его изъ Москвы. Но Левашовъ, отвергая показанія Андрущенки, объяснилъ, что былъ знакомъ съ Кельсіевымъ и посѣщалъ его въ части два раза: одинъ разъ вмѣстѣ съ Андрущенкою, а другой одинъ, и въ этотъ разъ получилъ или передалъ записку Кельсіева, отъ него ли къ Андрущенкѣ, или отъ Андрущенки къ нему — хорошо не помнитъ. Въ запискѣ говорилось о книгахъ, и что, не содѣйствуя по дѣлу Кельсіева, онъ узналъ о дѣлѣ его случайно уже въ Рязани. Такое показаніе Левашовъ подтвердилъ и на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который также остался при своемъ показаніи. О распространеніи Левашовымъ воззваній, Андрущенко объяснилъ, что въ тотъ разъ, когда Лебединскій приходилъ къ нему за адресами для разсылки воззваній, онъ передалъ Левашову, бывшему въ квартирѣ Андрущенки, пачку воззваній, Свобода № 1, изъ которыхъ Левашовъ отдѣлилъ экземпляровъ 15, запечаталъ ихъ въ пакетъ, и пакетъ этотъ

отдалъ въ домъ Сазонова (близь Пречистенскаго бульвара) коридорному слугѣ, для передачи студенту Козловскому; изъ остальныхъ экземпляровъ Левашовъ долженъ былъ передать часть кому-то изъ знакомыхъ въ д. Устинова, близь Собачьей площадки, а часть раздать знакомымъ; но какъ Левашовъ поступилъ съ ними, Андрущенкѣ неизвѣстно. Левашовъ и Лебединскій отвергли означенныя объясненія Андрущенки и утверждали свое показаніе и на очной ставкѣ съ нимъ, причемъ Андрущенко также остался на своемъ показаніи. Козловскій показалъ: что въ концѣ марта 1863 г., когда онъ былъ боленъ, корридорный служитель дома Сазонова передалъ ему пакетъ и сказалъ, что его принесъ неизвѣстный человѣкъ, на которомъ были надѣты пальто и шляпа бѣлыя и велѣлъ передать пакетъ Козловскому; когда онъ распечаталъ пакетъ, то нашелъ въ немъ воззванія, которыя тогда же уничтожилъ. Къ сему Козловскій присовокупилъ, что Левашовъ жилъ въ томъ же домѣ Сазонова, но онъ съ Левашовымъ знакомъ не былъ, такъ что даже при встрѣчѣ не кланялся съ нимъ. По объявленіи Левашова, онъ дѣйствительно жилъ въ домѣ Сазонова и въ мартѣ 1863 г. носилъ пальто гороховаго цвѣта и черную теплую фуражку. Наконецъ относительно Гижицкаго, Андрущенко показалъ, что въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1863 г. скрывался у Левашова Гижицкій, что это очень извѣстно Андрущенкѣ отъ самого Левашова. Лебединскій же говорилъ Андрущенкѣ, что Гижицкій, сосланный кажется, въ Оренбургскую губернію, былъ привезенъ оттуда въ Москву однимъ раскольникомъ, у котораго пробылъ нѣсколько времени, а потомъ скрывался у Левашова и его знакомыхъ, и что Лебединскій при помощи своего знакомаго Зильверовича досталъ Гижицкому заграничный паспортъ, съ которымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, но что потомъ сталось съ Гижицкимъ, уѣхалъ ли онъ за границу или нѣтъ, никому неизвѣстно. Левашовъ показалъ, что онъ съ Гижицкимъ былъ знакомъ и видѣлся съ нимъ до ссылки его въ г. Мензелинскъ за участіе въ дѣлѣ московскихъ студентовъ; по возвращеніи же его оттуда въ Москву, Левашовъ не только не укрывалъ Гижицкаго, вслѣдствіи чего не могъ говорить объ этомъ съ Андрущенкою, но даже не видѣлъ Гижицкаго, слышалъ же о пребываніи Гижицкаго въ Москвѣ отъ матери его, которая говорила, что Гижицкій надѣлалъ много хлопотъ Касаткинымъ, написавъ имъ по городской почтѣ письмо, такъ что Касаткинымъ пришлось имѣть дѣло съ полиціей. Зильверовича же онъ также знаетъ, потому что встрѣчалъ его у Заіончковскаго. Такое показаніе Левашовъ утвердилъ на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который остался при своемъ показаніи. Лебединскій и Заіончковскій показали: первый, что Гижицкій былъ въ означенное время въ Москвѣ и просилъ его содѣйствія къ побѣгу и что Гижицкаго о пріѣздѣ его въ Москву изъ Мензелинска и объ укрывательствѣ въ Москвѣ, не распрашивалъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ немъ нежеланіе разсказывать объ этомъ; а второй показалъ: что онъ былъ знакомъ съ Зильверовичемъ, потому что вмѣстѣ съ нимъ занимался, но что о снабженіи Зильверо-

вичемъ Гижицкаго заграничнымъ паспортомъ имъ ничего неизвѣстно. По собраннымъ комиссiею о Гижицкомъ и Зильверовичѣ свѣдѣнiямъ, оказалось: а) Управляющiй третьимъ отдѣленiемъ собственной его имп. величества канцелярiи 1-го сентября 1863 года увѣдомилъ, что Гижицкiй былъ студентомъ Московскаго университета и согласно высочайше утвержденному рѣшенiю о безпорядкахъ, происходившихъ въ 1861 году въ московскомъ университетѣ, сосланъ былъ на жительство въ городъ Мензелинскъ, откуда въ маѣ 1863 г. скрылся. Въ iюнѣ получено было письмо изъ Берлина, на имя Варвары Яковлевны Зноско, въ которомъ онъ, увѣдомляя о прибытiи своемъ въ Берлинъ, сообщалъ между прочимъ, что въ Москвѣ былъ выданъ полицiи однимъ изъ своихъ родственниковъ; но успѣлъ скрыться отъ преслѣдованiй. б) Вслѣдствiе письма къ г-жѣ Зноско (мать Мензелинскаго окружного начальника государственныхъ имуществъ) а также двухъ писемъ его къ бывшему Мензелинскому городничему Катанскому и доктору Потаренко, по высочайшему повелѣнiю, сообщенному Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору, о побѣгѣ Гижицкаго произведено строжайшее слѣдствiе; но виновныхъ въ содѣйствiи къ побѣгу Гижицкаго не обнаружено и в) Управляющiй третьимъ отдѣленiемъ собственной его имп. величества канцелярiи 3 октября 1863 г. сообщилъ, что Зильверовичъ, 30 августа того же года, отправленъ на жительство въ Уфу, по подозрѣнiю въ принадлежности къ польскому революцiонному обществу, и въ сношенiи съ пересылавшимися черезъ Москву преступниками изъ поляковъ.

10. Коломенскiй 2-ой гильдiи купецъ Семенъ Басовъ (содержится въ крѣпости съ 24-го сентября 1863 года). Андрущенко показалъ: что оказавшiяся у него воззванiя: „Что нужно народу“ передалъ ему въ первыхъ числахъ мая 1863 г. Басовъ, съ которымъ онъ былъ давно знакомъ въ Москвѣ, и что въ одномъ изъ разговоровъ Басовъ объявилъ ему, что есть у него нѣсколько экземпляровъ еще прошлогоднихъ. На просьбу Андрущенки принести одинъ экземпляръ, Басовъ обѣщалъ исполнить это и черезъ нѣсколько дней принесъ ему всѣ экземпляры, чтобы сбросить съ себя, какъ онъ говорилъ, обузу. Хотя Басовъ не объяснилъ, отъ кого онъ получилъ эту брошюру, но Андрущенко полагаетъ, что отъ Ященки, съ которымъ Басовъ былъ знакомъ, а это предположенiе Андрущенко основываетъ на томъ, что Ященко въ 1862 г. судился за печатанiе запрещенныхъ сочиненiй. Къ сему Андрущенко присовокупилъ, что Басовъ принесъ къ нему означенныя воззванiя въ чертежную межевой канцелярiи, и вызвавъ его черезъ сторожа изъ присутствiя, передалъ ихъ въ корридорѣ. Возвратившись со связкою, Андрущенко показывалъ экземпляры товарищу своему прапорщику Пасхалову, говорилъ ему, что ихъ только что принесли и по просьбѣ его далъ ему одинъ экземпляръ. На другой день Пасхаловъ объявилъ, что брошюра такъ плохо отпечатана, что мѣстами съ трудомъ можно читать, а въ другихъ мѣстахъ и вовсе нельзя разобрать. Наконецъ Пасхаловъ спрашивалъ, гдѣ печаталась она, но Андрущенко не могъ объяснить, потому что самъ не зналъ этого.

Купецъ Басовъ показалъ: что былъ знакомъ съ Андрущенкою и Ященко, но никакихъ возмутительныхъ воззваній у него не было и таковыхъ ни отъ кого не получалъ, слѣдовательно и распространять не могъ, равно ничего не знаетъ о лицахъ, печатавшихъ оныя. Если же отрицательность его не принимается въ уваженіе, то и показаніе Андрущенки не имѣетъ никакой достовѣрности, какъ безъ доказательства, а что касается до другихъ показаній Андрущенки, оправданныхъ сознаніемъ оговоренныхъ имъ лицъ, то это также не можетъ прибавлять достовѣрности показанію Андрущенки относительно его, Басова. Обвиняя его, онъ можетъ скрывать другое лице, которымъ болѣе дорожитъ, а можетъ быть облегчаетъ и собственную вину, если самъ приготовлялъ воззванія. Басовъ обязанъ сказать въ свое оправданіе, что никакому дѣлу возмущенія не только содѣйствовать, но и сочувствовать не можетъ, такъ какъ общественное потрясеніе нарушаетъ и уничтожаетъ правильный ходъ торговли, отъ которой зависитъ источникъ его существованія. Наконецъ отсутствіе всякой побудительной причины для Басова и ничтожность значенія такого человѣка, какъ Андрущенко, все это не можетъ допустить справедливости къ обвиненію его въ передачѣ Андрущенкѣ воззваній. Такое дѣло въ глазахъ Басова сколько преступно по намѣренію, столько безплодно по послѣдствіямъ и никто, имѣющій сколько-нибудь здраваго смысла, не посягнетъ на него. На очной ставкѣ Басова съ Андрущенкою оба остались при своихъ показаніяхъ.

Послѣ очной ставки Андрущенко въ поданномъ въ комиссіи показаніи объяснилъ, что Басова въ корридорѣ чертежной, кажется, видѣлъ прапорщикъ Пасхаловъ, который выходилъ курить въ то время, когда Андрущенко стоялъ съ Басовымъ въ корридорѣ, которому онъ, возвратясь въ канцелярію, далъ одинъ экземпляръ брошюры, сказавъ, что ихъ ему только-что принесли; навѣрно не утверждаетъ этого, но приводитъ какъ весьма возможный случай, вслѣдствіе котораго Пасхаловъ могъ даже предположить, что Басовъ передалъ ему, Андрущенкѣ, экземпляры брошюры, ибо отдавая одинъ изъ нихъ Пасхалову, онъ сказалъ, что это ему, Андрущенкѣ, только что принесли, не говоря кто именно. Спрошенный по ссылкѣ Андрущенки прапорщикъ Пасхаловъ подтвердилъ показаніе Андрущенки о полученіи отъ него одного экземпляра брошюры и сперва объяснилъ, что не помнитъ, кто принесъ Андрущенкѣ воззваніе; но если Андрущенко припомнитъ ему хорошенько всѣ обстоятельства этой передачи, которой онъ могъ быть невольный или нечаянный свидѣтель, то быть можетъ Пасхаловъ узнаетъ личность купца Басова; но долженъ прибавить: врядъ ли? На очной ставкѣ съ Андрущенкою, на которой онъ объяснилъ, что Пасхаловъ могъ видѣть то лицо, съ которымъ онъ стоялъ въ корридорѣ чертежной межевой канцеляріи въ первыхъ числахъ мая 1863 г., Пасхаловъ отозвался, что можетъ быть онъ и видѣлъ названное Андрущенкою лицо и готовъ сказать, онъ ли это или нѣтъ, если ему его предъявятъ. На концѣ очной ставки съ Басовымъ, Пасхаловъ показалъ, что по предъявленіи ему Басова, онъ признаетъ, что Ба-

совъ дѣйствительно напоминаетъ личность, разговаривавшую съ Андрущенкою въ коридорѣ чертежной межевой канцеляріи.

11. Дворянинъ Павелъ Холодовскій-Цибульскій (содержался въ крѣпости первый разъ съ 5 сентября по 14 октября и второй разъ съ 4 декабря 1863 г. по 19 января 1864 г., затѣмъ отданъ на поруки). Распоряженіе объ арестованіи Холодовскаго-Цибульскаго сдѣлано было въ то время, когда Андрущенко не сознавался, какимъ образомъ пріобрѣлъ оказавшіяся у него воззванія и другія запрещенныя сочиненія; поводомъ же къ арестованію послужило упомянутое въ началѣ записки письмо, которое Андрущенко написалъ, содержась въ Черниговскомъ острогѣ и передалъ для отправленія Альфонскому. Въ письмѣ этомъ между прочимъ говорилось, чтобъ Холодовскій-Цибульскій передалъ бывшей хозяйкѣ квартиры Андрущенки, мѣщанкѣ Третьяковой и всѣмъ лицамъ, провожавшимъ Андрущенко изъ Москвы, что если ихъ будутъ спрашивать, то чтобы они показали, что связки доставлены Андрущенкѣ передъ его выѣздомъ изъ Москвы, неизвѣстнымъ человѣкомъ, а книги и бумаги могли находиться въ шкафу. При допросѣ въ комиссіи Холодовскій-Цибульскій показалъ, что онъ былъ знакомъ съ Андрущенкою, находился у него въ числѣ другихъ лицъ передъ выѣздомъ его изъ Москвы и послѣ того получилъ отъ него со станціи желѣзной дороги письмо, въ которомъ Андрущенко увѣдомлялъ объ арестованіи его и писалъ, что это можетъ случиться со всѣми, кто былъ при отъѣздѣ его, что если спросятъ о какихъ-нибудь пакетахъ, то говорить, что ихъ принесъ, въ отсутствіе Андрущенки, неизвѣстный человѣкъ при письмѣ, въ которомъ говорилось, чтобы Андрущенко передалъ первому явившемуся и потребовавшему ихъ въ Кіевѣ, а Третьякова, чтобы показала, если ее будутъ спрашивать о бумагахъ на шкафѣ, что ихъ оставили постояльцы. Но Холодовскій-Цибульскій, не принимавшій никакого участія въ дѣйствіяхъ Андрущенки, никакихъ распоряженій по письму не дѣлалъ, кромѣ того, что сказалъ о немъ Третьяковой, объявившей, что она не возьметъ никакой отвѣтственности на себя, да еще сообщилъ, согласно просьбѣ Андрущенки, въ Петербургѣ Смирнову съ тѣмъ, чтобы онъ не увѣдомлялъ родныхъ Андрущенки объ его арестѣ; самое же письмо уничтожилъ. Такъ какъ при обыскѣ Холодовскаго-Цибульскаго у него ничего подозрительнаго не оказалось, то по распоряженію комиссіи Холодовскій-Цибульскій 14 октября 1863 г. былъ освобожденъ изъ подъ ареста. Между тѣмъ Андрущенко, при дальнѣйшихъ допросахъ его 5 ноября 1863 г., показалъ, что стихи, начинающіеся словами: „Долго насъ помѣщики душили“, получены имъ отъ Холодовскаго-Цибульскаго въ количествѣ, кажется, 3 экземпл. Изъ нихъ одинъ экземпляръ Андрущенко далъ Бѣлозерскому, другой оставался у Андрущенки, а третій вѣроятно взялъ себѣ Рѣчицкій, когда у него находились воззванія и запрещенныя сочиненія, принадлежащія Андрущенкѣ. Кѣмъ сочинены и напечатаны эти стихи, Андрущенкѣ неизвѣстно; равно онъ не помнитъ подробностей передачи ихъ ему Холодовскимъ-Цибульскимъ, но, кажется, онъ принесъ ихъ въ квартиру Андрущенки; а также

не знаетъ, откуда взялъ ихъ Холодовскій и оставилъ ли у себя сколько-нибудь экземпляровъ.

По такому показанію Андрущенки, Холодовскій былъ спрошенъ чрезъ московскаго жандарм. штабъ-офицера и при допросѣ показалъ, что стиховъ Андрущенкѣ не передавалъ, а потому онъ, Холодовскій, 4 декабря 1863 года былъ доставленъ въ крѣпость для очной ставки съ Андрущенкою. На очной ставкѣ Холодовскій остался при своемъ показаніи, что не передавалъ стиховъ Андрущенкѣ, который также утвердилъ свое показаніе.

Изъ показаній Шатилова и Тыщинскаго видно, что означенные стихи есть пѣсня, которая поется на студенческихъ пирушкахъ въ Казани и многимъ изъ нихъ извѣстна на память.

Содержаніе стиховъ слѣдующее:

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодѣю
Подставлять мы шею.
Въ страхѣ насъ квартальные держали,
Нѣмцы муштровали.
Что тутъ дѣлать, долго-ль до напасти,
Покоримся власти.
Міроѣды тѣмъ и пробавлялись,
Надъ нами ломались,
Мы де глупы, какъ овечье стадо,
Стричь да брить насъ надо.
Про царей попы твердили міру,
Съ пьяна или жиру —
Самъ де Богъ помазалъ ихъ елеемъ,
Какъ же пикнуть смѣемъ.
Судъ Шемякинъ — до Бога высоко
До царя далеко,
Царь сидитъ тамъ въ Питерѣ не слышитъ,
Знай указы пишетъ.
А указъ какъ бисеромъ нанизанъ,
Не про насъ лишь писанъ;
Такъ и этакъ ты его читаешь —
Все не понимаешь.
Каждый бутырь звалъ себя съ нахальствомъ
Малымъ начальствомъ.
Знать и этихъ, Господи ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже.
Кто слыхалъ о 25-мъ годѣ
Въ крещенномъ народѣ?
Когда-бъ мы тогда не глупы были,
Давно-бъ не тужили.
Поднялись въ то время на злодѣевъ
Кондратій Рылѣевъ,
Да полковникъ Пестель, да иные
Бояре честные.

Не сумѣли въ тѣ поры мы смѣло
Отстоять ихъ дѣло,
И сложили головы за братій
Пестель, да Кондратій.
Не найдется чтоль у насъ инова
Друга Пугачева,
Чтобы крѣпкой грудью всталъ онъ смѣло
За святое дѣло.

12. Бывшій студентъ московскаго университета Павелъ Шиповъ (содержался въ крѣпости съ 18 сентября 1863 г. до 16-го января 1864 г., отданъ на поруки). Павелъ Шиповъ въ 1862 г. былъ привлеченъ къ дѣламъ комиссіи и содержался въ крѣпости съ 11 іюня по 21 ноября 1862 года, когда по требованію 1-го отдѣленія 6 департ. правительств. сената былъ вытребованъ въ Москву, по случаю преданія его, вмѣстѣ съ коллежскимъ регистраторомъ Иваномъ Кельсіевымъ, суду въ означенномъ департ. сената, а 8 декабря того же года Шиповъ освобожденъ на поруки матери его, дѣйствительной статской совѣтницы Шиповой.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта Шиповъ признанъ виновнымъ: а) въ недонесеніи правительству о передачѣ ему, Шипову, неизвѣстнымъ лицомъ пяти экземпляровъ печатныхъ возмутительнаго воззванія „Молодая Россія“ и оставленіи бумагъ сихъ у себя; б) въ имѣніи у себя возмутительной рукописной статьи: „Третья кровь“ и в) въ составленіи во время безпорядковъ, бывшихъ между студентами московскаго университета и другими лицами, къ студентамъ рѣчи, призывавшей ихъ къ противодѣйствію и сопротивленію властямъ, отъ правительства установленнымъ. За эти поступки опредѣлено: заключить Шипова подъ арестъ на 3 мѣсяца, а потомъ отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года, причемъ внушить ему всю неумѣстность допущенныхъ имъ въ письмѣ къ матерѣ дерзкихъ выраженій о дѣйствіяхъ верховной власти; за имѣніе же отрывковъ изъ записокъ Якушкина, статьи „Философія революціи и соціализмъ“, брошюры К. С. Аксакова и возмутительной статьи Кельсіева, а также за оскорбительныя выраженія въ письмѣ Кельсіеву, Шипова наказанію не подвергать и отъ суда освободить.

Во исполненіе этого рѣшенія, Шиповъ, для выдержанія подъ арестомъ 3 мѣсяцевъ, былъ помѣщенъ въ московскій губернскій тюремный замокъ; но 18 сентября 1863 г. переведенъ въ здѣшнюю крѣпость, по прикосновенности его къ производимому комиссіею дѣлу. Поводомъ къ новому арестованію Шипова въ крѣпости было показаніе Андрущенки объ участіи Шипова въ содѣйствіи побѣгу Ивана Кельсіева изъ Пречистенскаго частнаго дома.

Въ первоначальномъ показаніи своемъ о лицахъ, содѣйствовавшихъ побѣгу Кельсіева, Андрущенко объяснилъ, что первый подпилокъ для распиленія желѣзной рѣшетки доставилъ Кельсіеву Шиповъ; но Кельсіевъ передалъ этотъ подпилокъ, содержавшемуся вмѣстѣ съ нимъ студенту Квятковскому, а потому

Андрущенко купилъ въ магазинѣ Кирюфа другой подпилокъ для Кельсіева и передалъ ему оный чрезъ Левашева.

При допросѣ въ комиссіи Шиповъ показалъ, что познакомился съ Иваномъ Андрущенко чрезъ брата его Евгенія, который находился въ университетѣ, что Кельсіева посѣщалъ въ Пречистенскомъ частномъ домѣ, по освобожденіи своемъ на поруки, чрезъ каждые полторы недѣли, на что получалъ разрѣшенія, при чемъ или передавалъ ему книги и журналы, или говорилъ объ общемъ ихъ дѣлѣ, которое производилось въ сенатѣ, а въ январѣ или февралѣ 1863 г. далъ Кельсіеву заимообразно 10 р. с. и что содѣйствовать побѣгу Кельсіева, онъ, Шиповъ, не могъ, по той причинѣ, что уѣхалъ изъ Москвы въ имѣніе отца 8 мая 1863 г. и жилъ тамъ безвыѣздно до послѣднихъ чиселъ іюля.

Послѣ сего, по случаю отрицательства Шипова, Андрущенко показалъ, что въ началѣ мая 1863 г., до поѣздки его въ Петербургъ[1], въ одномъ изъ разговоровъ съ Шиповымъ о Кельсіевѣ Андрущенко сказалъ, что въ случаѣ если нужно будетъ покупать подпилокъ для Кельсіева, то лучше всего въ магазинѣ Кирюфа, при чемъ Шиповъ сказалъ, что знаетъ этотъ магазинъ. Послѣ того, дня черезъ 2 или 3, Андрущенко видѣлся съ Шиповымъ въ своей квартирѣ, куда заходилъ онъ. Въ бѣгломъ разговорѣ, котораго въ точности не помнитъ, Шиповъ сказалъ, что дѣло насчетъ подпилка улажено, изъ этого Андрущенко заключилъ, что подпилокъ доставленъ уже Кельсіеву; другихъ же доказательствъ Андрущенко не имѣетъ и не знаетъ, было ли кому извѣстно о доставленіи Шиповымъ подпилка Кельсіеву. Къ этому Андрущенко присовокупилъ, что за все время знакомства съ Шиповымъ, онъ приходилъ къ Андрущенкѣ разъ 5 или 6 и притомъ обыкновенно утромъ, оставаясь не болѣе четверти часа. Всѣ эти посѣщенія Андрущенко перемѣшалъ между собою, такъ что не можетъ припомнить, зачѣмъ приходилъ Шиповъ и какой происходилъ у нихъ разговоръ, кромѣ пріобрѣтенія для Кельсіева подпилка.

На вновь предложенный Шипову вопросъ, въ которомъ было объяснено, что показаніе его о выѣздѣ его изъ Москвы 8 мая не исключаетъ возможности къ участію въ побѣгѣ Кельсіева, такъ какъ приготовленія къ нему могли начаться гораздо ранѣе, онъ, Шиповъ, показалъ, что не доставлялъ Кельсіеву ни подпилка, ни денегъ и никакими другими средствами не содѣйствовалъ его побѣгу, да это было бы безразсудно съ его стороны, такъ какъ онъ могъ впередъ знать, что при возбужденіи вопроса о побѣгѣ Кельсіева, вслѣдствіе частыхъ и открытыхъ посѣщеній его, подозрѣніе бы пало на него всею тяжестью. Далѣе Шиповъ объяснилъ, что передъ отъѣздомъ изъ Москвы, онъ былъ у Андрущенки и просилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ навѣстить въ смирительномъ домѣ Ященку, но Андрущенко отказался за нездоровьемъ; о пріобрѣтеніи же тогда для Кельсіева подпилка и разговора не было, равнымъ образомъ Шиповъ дня за два или за три предъ отъѣздомъ изъ Москвы былъ у Кельсіева.

[1] Андрущенко былъ въ Петербургѣ 9—12 мая 1863 г.

На очной ставкѣ Шиповъ утвердилъ свои показанія, при чемъ и Андрущенко остался при своихъ показаніяхъ.

Спрошенный по ссылкѣ Андрущенки, студентъ Квятковскій, показалъ, что во время содержанія его въ Пречистенскомъ частномъ домѣ съ 7 апрѣля до 14 мая 1863 г., онъ никакого знакомства съ Кельсіевымъ, и вообще ни съ кѣмъ сношенія не имѣлъ, отъ Кельсіева подпилокъ не получалъ, о намѣреніи его бѣжать не зналъ и самъ подобнаго намѣренія не имѣлъ.

Кромѣ того, по сношенію, комиссіею поручено было московскому жандармскому штабъ-офицеру дознать въ магазинѣ Кирюфа, покупали ли тамъ подпилки Шиповъ и Андрущенко. Но полковникъ Воейковъ донесъ, что изъ разспросовъ братьевъ Василья и Александра Кирюфъ дознано, что продавцы эти Шипова и Андрущенки не знаютъ.

Отецъ Павла Шипова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Шиповъ, нѣсколькими прошеніями ходатайствовалъ объ освобожденіи его сына изъ подъ ареста. Въ прошеніяхъ этихъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шиповъ объяснилъ, что сынъ его не могъ участвовать ни въ какихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, что онъ съ 10 мая по 29 іюля безвыѣздно находился въ деревнѣ за 400 верстъ отъ Москвы и что дальнѣйшее преслѣдованіе его сына можетъ вредно дѣйствовать на его умственныя способности, ибо въ послѣднее время въ немъ замѣтно было глубокое отчаяніе. При просьбѣ отъ 14 ноября 1863 г. дѣйств. статскій совѣтникъ Шиповъ представилъ черновую кассовую книгу конторы своего имѣнія въ доказательство того, что въ книгѣ этой всѣ расходы съ 16 мая по 27 іюля писаны рукою сына его, находившагося въ это время въ имѣніи.

13. Канцелярскій служитель Андрей Ильинскій,

14. Вольнослушатель московскаго университета Николай Ильинскій и

15. Бывшій студентъ того же университета Никандръ Сорокинъ (первый и второй содержатся въ крѣпости съ 25 сентября 1863 г., а третій содержался съ 11 ноября 1861 г. и 10 февраля 1863 г. освобожденъ подъ надзоръ полиціи). Иванъ Андрущенко показалъ, что братья Ильинскіе и Сорокинъ посѣщали Мосолова по воскресеньямъ и что содѣйствіе ихъ въ укрывательствѣ Кельсіева въ Москвѣ и въ доставленіи средствъ скрыться ему за границу заключалось въ томъ, что Кельсіевъ, освободившись изъ Пречистенскаго частнаго дома, прибылъ къ Ильинскимъ, которые ушли вмѣстѣ съ Сорокинымъ во время нахожденія Кельсіева у нихъ на квартирѣ. Андрей Ильинскій досталъ отъ Павловича заграничный паспортъ и передалъ его Кельсіеву, о чемъ самъ Ильинскій говорилъ Андрущенкѣ; въ числѣ лицъ, провожавшихъ Кельсіева изъ Москвы по Рязанскому тракту, находился Ильинскій (какой именно не объяснено). Изъ Новочеркасска или изъ Керчи Кельсіевъ писалъ о своемъ пріѣздѣ Ильинскому и о томъ, что въ Казани получилъ деньги, болѣе ста руб.

При допросѣ въ комиссіи Андрей и Николай Ильинскіе и Сорокинъ показали, что они бывали по воскресеньямъ у Мосолова въ качествѣ гостей безъ всякихъ другихъ цѣлей.

Далѣе Андрей Ильинскій сознался, что не былъ знакомъ съ Кельсіевымъ во время содержанія его подъ арестомъ. Ильинскій за недѣлю или двѣ до побѣга Кельсіева, встрѣтясь на улицѣ съ Лебединскимъ, далъ ему обѣщаніе принять у себя Кельсіева.[1]

Изъ квартиры своей Ильинскій проводилъ Кельсіева къ Мосолову, потомъ, когда Кельсіевъ пришелъ къ нимъ въ другой разъ, онъ взамѣнъ платья, принадлежащаго Андрущенкѣ, которое носилъ Кельсіевъ, купилъ ему дорожное на толкучемъ рынкѣ на деньги, полученныя отъ Кельсіева и, наконецъ, провожалъ Кельсіева до дилижанса, при чемъ никого другого не было. Относительно же свѣдѣній, полученныхъ отъ Кельсіева съ дороги, Андрей Ильинскій объяснилъ, что отъ Кельсіева получены были двѣ телеграммы, одна на имя Ильинскаго, а другая на имя Сорокина, но кому онѣ предназначались, Ильинскій не знаетъ, потому что не просилъ Кельсіева писать къ нему. Кромѣ того, получено было письмо, кажется, изъ Нижняго-Новгорода, въ которомъ говорилось о преслѣдованіи полиціею; но вообще письмо было написано такъ темно и загадочно, что понять его было трудно. Къ сему Андрей Ильинскій присовокупилъ, что братъ его, Николай, въ укрывательствѣ Кельсіева участія не принималъ, ибо почти постоянно находился въ университетѣ; если же бывалъ дома, то рѣдко показывался въ ихъ общей комнатѣ, большей же частью сидѣлъ въ комнатѣ хозяйской. О снабженіи же Кельсіева заграничнымъ паспортомъ, Андрей Ильинскій объяснилъ, что обвиненіе въ этомъ совершенно несправедливо, такъ какъ паспорта Кельсіеву онъ не передавалъ.

Сорокинъ также сознался, что Кельсіевъ проживалъ въ общей ихъ квартирѣ, что былъ впущенъ рано утромъ кѣмъ-то изъ Ильинскихъ; прежде того онъ Кельсіева не зналъ и почему онъ пришелъ въ его квартиру, а не къ кому другому, также не знаетъ. Затѣмъ Сорокинъ объяснилъ, что получалъ ли кто телеграфическую депешу и письмо отъ Кельсіева, ему неизвѣстно. Николай Ильинскій показалъ, что вовсе не знаетъ Кельсіева и никогда не зналъ о томъ, что онъ былъ въ ихъ квартирѣ, Сорокинъ ему не говорилъ. На вопросъ о томъ, что на него падаетъ обвиненіе въ передачѣ Кельсіеву паспорта, полученнаго отъ Павловича, Николай Ильинскій, отвѣчалъ слѣдующее: „На подобный вопросъ я, право, затрудняюсь отвѣчать, — до того все сказанное въ немъ несправедливо. Я же сказалъ, кажется, что Павловича не знаю и не видалъ никогда, точно такъ же, какъ и Кельсіева. Какимъ образомъ, не зная ихъ, я могъ отъ перваго получить паспортъ и передать послѣднему, да еще въ моей квартирѣ? Это, какъ мнѣ кажется, болѣе чѣмъ неправдоподобно.“ Когда же Ильинскому было предъявлено, что о бытности Кельсіева въ квартирѣ его показываетъ Сорокинъ, то онъ отвѣчалъ, что это кажется для него весьма страннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на вопросъ, въ которомъ говорилось, что на имя Николая Ильинскаго были получены отъ Кельсіева депеши, Ильинскій объ-

[1] Лебединскій показалъ, что, сколько припомнитъ, посылалъ Кельсіеву, по просьбѣ его, съ Ильинскимъ деньги 1 рубль или 1 рубль 50 коп. Показаніе же о просьбѣ принять къ себѣ Кельсіева Лебединскій вполнѣ подтвердилъ.

яснилъ, что дѣйствительно депеша была получена на имя Сорокина, и, кажется, изъ Керчи, но что въ ней говорилось и кѣмъ она была прислана, Ильинскій не помнитъ, но только не отъ Кельсіева, по крайней мѣрѣ, была написана другая какая-то фамилія, кажется, Воронова, или что-то въ этомъ родѣ. Депеша эта сильно удивила Сорокина тѣмъ болѣе, какъ онъ говорилъ, что у него нѣтъ знакомыхъ съ подобной фамиліею; знакомые, которымъ они говорили объ этомъ, ничего объяснить не могли. Потомъ черезъ нѣсколько времени прислана была другая депеша, изъ города, котораго Ильинскій не нашелъ на картѣ Россіи. Эта депеша была на французскомъ языкѣ и адресована, кажется, на имя брата и подписана другою фамиліею. Она еще больше удивила ихъ, и они, наконецъ, придумали, что это ни больше, ни меньше, какъ хитрость господина, пославшаго депешу къ нимъ, съ тою цѣлью, чтобы сказанное въ ней дошло не прямымъ путемъ, а путемъ переходящаго извѣстія. Въ первой депешѣ говорилось, сколько помнитъ Ильинскій: „я въ Керчи и чрезъ недѣлю отправлюсь далѣе. Увѣдомьте о происходящемъ.“

На очной ставкѣ съ Сорокинымъ, Николай Ильинскій объяснилъ, что нѣкоторое время въ ихъ квартирѣ проживалъ межеваго корпуса чиновникъ Петровъ, какъ знакомый Сорокина, ѣдущій на Кавказъ. На очной же ставкѣ онъ не зналъ, что подъ именемъ Петрова былъ Кельсіевъ, и никакъ не могъ предполагать, чтобы Сорокинъ могъ скрыть настоящую фамилію Кельсіева. Ильинскій дѣйствительно впустилъ въ квартиру Кельсіева, который спросилъ Сорокина и назвалъ себя Петровымъ. Черезъ нѣсколько времени Ильинскій ушелъ въ университетъ и оставилъ Сорокина спавшимъ, а потому не знаетъ, что безъ него происходило.

На эти улики Сорокинъ, въ отмѣну прежняго своего показанія, объяснилъ, что Ильинскій зналъ о нахожденіи въ ихъ квартирѣ Кельсіева, но, припомнивъ хорошо, онъ можетъ сказать, что Ильинскій не зналъ объ этомъ, ибо Кельсіевъ былъ названъ ему Петровымъ, межевымъ чиновникомъ, ѣдущимъ на Кавказъ.

Съ своей стороны Николай Ильинскій уличалъ Сорокина, что были получены двѣ депеши, хотя Ильинскому неизвѣстно, кто именно прислалъ ихъ; на это Сорокинъ отозвался, что онъ дѣйствительно получилъ депешу отъ Кельсіева, но что настоящее имя его не было извѣстно Ильинскому. Содержаніемъ полученной депеши было извѣстіе о благополучномъ прибытіи въ Керчь и объ отъѣздѣ его дальше. Второй же депеши Сорокинъ не получалъ и ничего о ней не знаетъ, равно не помнитъ, говорилъ ли онъ кому-нибудь о полученіи депеши. Напротивъ, Андрей Ильинскій на очной ставкѣ съ братомъ объяснилъ: что онъ не знаетъ, чтобы Кельсіевъ, проживая на ихъ квартирѣ назывался Петровымъ, что его звали Иваномъ Ивановичемъ, а не по фамиліи и что письмо, полученное изъ Нижняго-Новгорода, по его предположенію, было писано Кельсіевымъ. Николай же Ильинскій, подтверждая прежнее свое показаніе, что Кельсіевъ назывался Петровымъ, относительно анонимнаго письма, полученнаго изъ Нижняго-Новгорода, отозвался, что оно, можетъ быть, и по-

лучено было братомъ его или Сорокинымъ, но такъ какъ оно незначительное и не требовало особаго вниманія, то очень можетъ быть, что они не сказали Ильинскому объ этомъ письмѣ.

По показанію Андрущенки, что Андрей Ильинскій досталъ заграничный паспортъ для Кельсіева отъ Павловича, по собраннымъ комиссіею свѣдѣніямъ оказалось, что помѣщикъ Виленской губерніи Людвигъ Павловичъ 5-го іюля 1863 г. по прошенію, поданному московскому военному генералъ-губернатору, съ представленіемъ документовъ, получилъ заграничный паспортъ за № 1296 и о потерѣ его никому не объявлялъ, и что Павловичъ, по подозрѣнію въ дѣйствіяхъ противъ правительства и въ сношеніяхъ съ польскими преступниками, въ августѣ того же года высланъ изъ Москвы на жительство въ г. Устюгъ, Вологодской губерніи.

По сношенію съ начальникомъ Вологодской губерніи у Павловича былъ обыскъ, но ничего подозрительнаго не оказалось и отобрано отъ него показаніе, въ которомъ онъ изъяснилъ, что заграничный паспортъ дѣйствительно получилъ, имѣя намѣреніе ѣхать заграницу, но не поѣхалъ отъ недостатка денежныхъ средствъ. Самое же намѣреніе къ отъѣзду заграницу родилось въ немъ изъ опасенія подвергнуться за преданность правительству преслѣдованію со стороны агентовъ такъ называемаго центральнаго комитета, ибо въ Москвѣ разнеслись слухи, что комитетъ требовалъ въ Царство Польское уроженцевъ онаго и западныхъ губерній, а Павловичъ нисколько не сочувствовалъ безпорядкамъ и противузаконнымъ дѣйствіямъ. Не поѣхавъ заграницу, Павловичъ хранилъ паспортъ у себя, но такъ какъ онъ не имѣлъ ни одного ящика, который бы запирался на замокъ, то передалъ паспортъ на сохраненіе кончившему курсъ въ московскомъ университетѣ Александру Новомейскому, у котораго онъ долженъ находиться въ настоящее время. Къ сему Павловичъ присовокупилъ, что Ильинскихъ зналъ немного, но паспорта имъ не передавалъ. Кельсіева не знаетъ и никогда его не видалъ. Лекарь Новомейскій отозвался, что показанія Павловича о передачѣ ему на сохраненіе паспорта, не справедливо, ибо онъ паспорта отъ него не бралъ ни для себя, ни для сохраненія, хотя и видѣлъ его у Павловича, который, отправляясь гулять и опасаясь потерять паспортъ, оставлялъ его у него и потомъ снова бралъ. Къ сему Новомейскій добавилъ, что онъ готовъ подтвердить справедливость своего показанія, даннаго по совѣсти и долгу присяги, на очной ставкѣ съ Павловичемъ. Затѣмъ Павловичу были снова предложены вопросы, но онъ остался при прежнемъ своемъ показаніи.

Кромѣ вышеизложеннаго, Андрей Ильинскій, въ поданномъ въ комиссію добровольномъ показаніи объяснилъ, что страхъ предъ грозящей бѣдой не допустилъ его дать точнаго отвѣта на вопросъ комиссіи о дѣятельности кружка, какъ названъ онъ въ вопросахъ „Библіотека казанскихъ студентовъ“, но сознавая важность опущеннаго факта, касающагося и Ильинскаго, онъ просилъ принять слѣдующее его показаніе: Весной 1863 года братъ его, Николай, передалъ ему, что въ его отсутствіе прихо-

дилъ Лебединскій и желалъ видѣть его и что братъ его, по просьбѣ Лебединскаго, далъ ему адресы нѣкоторыхъ лицъ, по коимъ онъ разошлетъ просьбы о помощи сосланнымъ студентамъ. Узнавъ отъ брата, что Лебединскій отправился къ Мосолову, онъ пришелъ туда и увидѣлъ на столѣ письменный приборъ и нѣсколько конвертовъ, изъ коихъ нѣкоторые были адресованы; у Мосолова тогда находились: Лебединскій, Шатиловъ и, кажется, Шестаковичъ. Обратясь къ Лебединскому, Ильинскій сказалъ, что адресы, данные его братомъ, не могутъ принести пользы и лучше ихъ уничтожить; затѣмъ, читая адресы, онъ зачеркивалъ ихъ одинъ за другимъ, имѣя намѣреніе уничтожить, такимъ образомъ, всѣ; но, по просьбѣ Лебединскаго, оставилъ два или три. Послѣ чего, по предложенію Лебединскаго, онъ написалъ два адреса на конвертѣ, но кому, не знаетъ, равно не знаетъ, что̀ въ конвертѣ было писано. Видя, что Мосоловъ былъ тогда не въ духѣ, Ильинскій вскорѣ ушелъ отъ него. Въ заключеніе всего Ильинскій добавилъ, что все объясненное не служитъ прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, что знаетъ о дѣятельности кружка, потому что оно касается лицъ, въ немъ поименованныхъ и Ильинскій не знаетъ, чтобы кружокъ имѣлъ какую-нибудь дѣятельность, хотя и слышалъ какъ Мосоловъ въ видѣ предположенія говорилъ, чтобы завести школы, въ которыхъ бы преподавались естественныя науки, собирать для этого пожертвованія, переводить хорошія книги и т. д.

Николай Ильинскій подтвердилъ показанія брата относительно передачи имъ Лебединскому адресовъ, объяснилъ, что Лебединскій, прося у него адресы, говорилъ, что по нимъ пошлются просьбы о пособіи бѣднымъ студентамъ. Лебединскій показалъ, что онъ не говорилъ этого Николаю Ильинскому, когда просилъ у него адресы, что Андрей Ильинскій приходилъ къ Мосолову, гдѣ нашелъ и Шатилова, но не помнитъ, былъ ли тамъ Шестаковичъ. Фамилія эта ему неизвѣстна, что Андрей Ильинскій вычеркивалъ адресы, но не помнитъ, просилъ ли его оставить нѣкоторые изъ нихъ, и что по адресамъ, которые собиралъ Лебединскій, посланы были воззванія Свобода № 1. На очной ставкѣ съ Николаемъ Ильинскимъ, Лебединскій утвердилъ, что не объявлялъ ему для чего бралъ у него адресы; Ильинскій же остался при своемъ показаніи.

Мосоловъ объяснилъ, что онъ не помнитъ, чтобы Андрей Ильинскій заставалъ его, Шатилова и Лебединскаго за надписываніемъ адресовъ и что участіе въ разсылкѣ прокламацій Шестаковича, Мосоловъ не можетъ допустить потому, что по молодости его лѣтъ не сообщалъ ему ничего подобнаго и просилъ о томъ Шатилова.

Такое показаніе Мосоловъ утвердилъ на очной ставкѣ съ Андреемъ Ильинскимъ, а на очной ставкѣ съ Лебединскимъ, Мосоловъ объяснилъ, что онъ былъ при надписываніи адресовъ, ибо иначе и быть не могло, но объясняемыхъ Лебединскимъ обстоятельствъ могъ не видѣть, отлучась въ другую комнату по обязанности хозяина; при разсылкѣ же ими, т. е. Мосоловымъ и Шатиловымъ, воззваній, никого посторонняго не было. Ша-

тиловъ же показалъ, что не помнитъ, чтобы когда-нибудь занимался у Мосолова въ присутствіи Андрея Ильинскаго и Шестаковича; что очень можетъ быть, что Ильинскій былъ у Мосолова и писалъ адресы, но въ такомъ случаѣ, это было безъ участія Шатилова и что объ участіи Шестаковича въ надписываніи и разсылкѣ адресовъ, Шатилову неизвѣстно.

На очной ставкѣ съ Лебединскимъ, Шатиловъ объяснилъ, что при надписываніи конвертовъ были онъ, Мосоловъ и Лебединскій, и что присутствія Ильинскаго и Шестаковича не помнитъ. При этомъ Лебединскій утвердилъ свое показаніе, отзываясь, что онъ не видалъ Шестаковича.

Но на очной ставкѣ съ Андреемъ Ильинскимъ, который остался при своихъ показаніяхъ съ присовокупленіемъ, что и онъ не утверждаетъ о бытности Шестаковича, Шатиловъ показалъ, что онъ ничего не помнитъ о присутствіи Ильинскаго и Шестаковича при надписаніи адресовъ, что такъ какъ Андрей Ильинскій говоритъ о себѣ, что былъ, то Шатиловъ допускаетъ возможность, что онъ могъ забыть о его присутствіи.

16. Служившій въ управленіи Московско-Нижегородской желѣзной дороги, пензенскій мѣщанинъ Илья Савиновъ (содержался въ крѣпости съ 24 сентября 1863 по 27 января 1864 г., освобожденъ на поруки). По показаніямъ Андрущенки и Мосолова видно, что у Савинова нѣкоторое время, вслѣдствіе просьбы Мосолова, скрывался Кельсіевъ; Савиновъ при первомъ допросѣ сознался, что Кельсіевъ, дѣйствительно, былъ приведенъ къ нему Мосоловымъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ Савиновымъ, разсказывалъ ему о томъ, какимъ образомъ онъ бѣжалъ и вечеромъ уѣхалъ отъ него вмѣстѣ съ Андрущенкою, но куда, Савиновъ не знаетъ. Кромѣ того, Савиновъ показалъ что по предложенію Мосолова онъ пожертвовалъ въ пользу Кельсіева 1 рубль и убѣдилъ дать 2 рубля служащаго на Нижегородской желѣзной дорогѣ Верешко, каковыя деньги передалъ Мосолову на Окуловской станціи; когда ѣхалъ въ С.-Петербургъ, встрѣтилъ неизвѣстнаго человѣка, объявившаго ему, что Кельсіевъ былъ тогда уже въ Берлинѣ, и что далъ согласіе Мосолову принять къ себѣ Кельсіева по глупости.[1]

17. Дочь коллежскаго совѣтника, дѣвица Варвара Зайцева (находится на свободѣ). Андрущенко показалъ, что послѣ побѣга Кельсіева изъ Пречистенскаго частнаго дома онъ имѣлъ разговоръ съ Сулинымъ о томъ, какъ луше скрывать Кельсіева до отъѣзда его изъ Москвы. Подробностей всего разговора Андрущенко не помнитъ, но смыслъ его былъ тотъ, что Кельсіеву невозможно оставаться долго въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, у Ильинскихъ, у которыхъ онъ тогда находился, а потому они перебирали нѣкоторыхъ лицъ, гдѣ бы могъ Кельсіевъ скрываться, тогда Сулинъ сказалъ Андрущенкѣ, что поѣдетъ въ Сокольники къ Зайцевой просить ее объ этомъ и надѣется, что она не откажетъ, и Кельсіевъ будетъ въ совершенной безопасности. Дѣй-

[1] Савиновъ объяснилъ объ укрывательствѣ у себя Кельсіева, на вопросъ, въ коемъ говорилось, былъ ли онъ знакомъ съ Кельсіевымъ до предъявленія ему показаній по сему предмету Мосолова и Андрущенко.

ствительно, послѣ этого Сулинъ былъ въ Сокольникахъ и устроилъ это дѣло, о чемъ говорилъ Андрущенкѣ. Когда послѣ этого Андрущенко былъ у Савинова и видѣлся съ Кельсіевымъ, то послѣдній уже зналъ, что отъ Савинова ему слѣдовало отправиться къ Зайцевой на другой день, однако же, Кельсіевъ не хотѣлъ дожидаться и вечеромъ того же дня вмѣстѣ съ Андрущенкою, выйдя изъ квартиры Савинова, поѣхалъ въ Сокольники. Андрущенко довелъ Кельсіева до извозчика, нанялъ его, и они разстались. Отъ кого Кельсіевъ зналъ, что ему слѣдовало скрываться у Зайцевой, Андрущенкѣ неизвѣстно; можетъ быть, Кельсіевъ и говорилъ это, но Андрущенко не помнитъ. Сулинъ, отвергая показаніе Андрущенки, что по просьбѣ его Кельсіевъ укрывался у Зайцевой, объяснилъ сначала, что онъ, Сулинъ, съ Зайцевой былъ знакомъ, и что сколько извѣстно Сулину, Зайцева была знакома съ Кельсіевымъ и посѣщала его, когда онъ содержался подъ арестомъ, а потомъ, что онъ не можетъ положительно утвердить о томъ, что Зайцева бывала у Кельсіева, а о томъ, что она была знакома съ Кельсіевымъ. Сулинъ слышалъ отъ кого-то изъ своихъ знакомыхъ, но отъ кого именно, онъ не помнитъ и вѣрно ли это, не знаетъ. Сама Зайцева показала, что Кельсіевъ въ ихъ домѣ не былъ, въ Пречистенской части его не посѣщала, Кельсіева вовсе не знаетъ и о побѣгѣ его ничего не слыхала. Относительно же Сулина Зайцева объяснила, что онъ былъ хорошій ея знакомый и чрезъ него она познакомилась съ Ященкою и посѣщала ихъ обоихъ, когда они содержались подъ арестомъ. Согласно съ Варварою Зайцевой о незнакомствѣ съ Кельсіевымъ, показала и мать ея Марія, объяснивъ, что, кромѣ Сулина, у нихъ бывалъ Гольцмиллеръ, какъ знакомый ихъ.[1]

Примѣчаніе. При обыскѣ у Зайцевой оказались фотографическія карточки Герцена и Огарева, о коихъ она показала, что имѣла ихъ для того, для чего имѣла карточки прочихъ литераторовъ.

18. Сынъ титулярнаго совѣтника Иванъ Рѣчицкій (содержался въ крѣпости съ 27 сентября 1863 по 27 января 1864 г. освобожденъ на поруки). По показанію Андрущенко, что Рѣчицкій хранилъ у себя всѣ принадлежавшія Андрущенкѣ воззванія и другія запрещенныя сочиненія и, возвращая ихъ, съ согласія Андрущенки, оставилъ нѣсколько экземпляровъ себѣ, Рѣчицкій объяснилъ, что, дѣйствительно, по просьбѣ Андрущенки, опасавшагося обыска, хранилъ у себя принадлежащія ему запрещенныя бумаги около двухъ недѣль и, возвращая ихъ, удержалъ у себя по одному экземпляру воззванія Свобода № 1 и брошюры „Что нужно народу", съ тою цѣлью, чтобы внимательно прочесть и хорошенько размыслить: справедливо ли держаться такого рода убѣжденій? Но пришелъ къ тому убѣжденію, что этихъ воззваній не только не слѣдуетъ распространять, но даже имѣть у себя. Поэтому Рѣчицкій счелъ за лучшее ихъ сжечь, что и сдѣлалъ, пріѣхавши въ Черниговъ; познакомился же съ

[1] Сулинъ, Ященко и Гольцмиллеръ состояли подъ судомъ за печатаніе и распространеніе запрещенныхъ сочиненій.

Андрущенкою еще въ Черниговѣ, въ бытность гимназистомъ, а въ Москвѣ, куда Рѣчицкій пріѣхалъ съ цѣлью поступить въ университетъ, случайно встрѣтился съ Андрущенкою, который передалъ ему письмо отъ гимназиста черниговской гимназіи Гаркунова, и затѣмъ онъ былъ у Андрущенки предъ выѣздомъ его изъ Москвы, при чемъ онъ говорилъ о доставленныхъ ему неизвѣстнымъ лицомъ двухъ связкахъ — Андрущенко объяснилъ, что сколько и какія именно воззванія оставилъ у себя Рѣчицкій, онъ не знаетъ и не спрашивалъ его объ этомъ, ибо Рѣчицкій возвратилъ ему ихъ передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы, о томъ же, отъ кого получилъ воззванія, Андрущенко Рѣчицкому не говорилъ.

19. Студентъ Московскаго университета Владиміръ Карачаровъ (содержался въ крѣпости съ 27 сентября 1863 г. по 21 января 1864 г., освобожденъ на поруки). Карачаровъ подвергался обвиненію по слѣдующему показанію Андрущенки: Кельсіевъ, до побѣга своего, прислалъ къ нему товарища своего по университету Карачарова, чтобы онъ познакомился съ Андрущенкою, и Карачаровъ объявилъ ему, что отъ Кельсіева онъ узналъ, что въ кружкѣ Андрущенки и другихъ можно получить воззванія, а потому просилъ достать ихъ и притомъ побольше экземпляровъ, говоря, что имѣетъ между своими товарищами трехъ или четырехъ человѣкъ, которымъ желалъ бы раздать воззванія для распространенія; но такъ какъ чрезъ дня два Карачаровъ долженъ былъ уѣхать въ Самару, то просилъ Андрущенку поторопиться. Андрущенко имѣлъ тогда полученныхъ отъ Лебединскаго экземпляровъ 10 воззванія, начинающагося словами: „Долго давили васъ", которыя онъ отдалъ Карачарову, обѣщаясь достать еще. Но когда Андрущенко обратился за этимъ къ Шатилову, то и онъ не могъ дать, ибо у него болѣе не оставалось, а вмѣсто того Шатиловъ написалъ письмо къ своему знакомому, учителю въ Нижній-Новгородъ и письмо отдалъ Андрущенкѣ, для передачи Карачарову. По этому письму, Карачаровъ долженъ былъ получить въ Нижнемъ-Новгородѣ воззванія, сколько нужно и, кромѣ того, Шатиловъ поручалъ передать учителю, чтобы онъ прислалъ воззванія въ Москву. Шатиловъ подтвердилъ показанія Андрущенки, объяснивъ, что онъ передалъ ему письмо къ Копиченкѣ, написавъ въ немъ, чтобы удовлетворилъ подателя, и что, кто долженъ былъ отвести письмо къ Копиченкѣ, Шатиловъ не знаетъ и Карачарова никогда не видалъ.[1] Содержавшійся въ городѣ Казани подъ арестомъ, по прикосновенности къ дѣламъ бывшей тамъ слѣдственной комиссіи, учитель нижегородскаго мужского института Николай Копиченко показалъ, что въ лѣтніе мѣсяцы іюнь и іюль, онъ уѣзжалъ изъ Нижняго-Новгорода на кумысъ въ Саратовскую губернію, а потому, если Карачаровъ и заходилъ къ нему, то Копиченко не могъ его видѣть. При этомъ Копиченко добавилъ, что онъ никакихъ воззваній не получалъ, слѣдовательно не распространялъ и не знаетъ, гдѣ печатались прокламаціи и что онъ

[1] Выше сказано, что по объясненію Шатилова, ему указало на Шатилова неизвѣстное лицо, привезшіи Шатилову означенныя прокламаціи.

недоумѣваетъ, по какимъ соображеніямъ Шатиловъ могъ думать, что къ нему, Копиченкѣ, можно было обращаться за воззваніями, тѣмъ болѣе, что онъ съ Шатиловымъ былъ хорошо знакомъ въ Казани, и Шатилову долженъ быть хорошо извѣстенъ взглядъ Копиченки вообще на воззванія. При допросахъ въ комиссіи Карачаровъ показалъ, что былъ знакомъ съ Кельсіевымъ и посѣщалъ его два раза въ Пречистенскомъ частномъ домѣ, во всемъ же прочемъ отвергъ показанія Андрущенки. Но на очной ставкѣ съ Андрущенкою Карачаровъ сознался, что получилъ отъ него нѣсколько нумеровъ воззванія Свобода № 1 и прокламацію: „Долго васъ, братцы, душили“ и также письмо Шатилова къ Копиченкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карачаровъ отозвался, что не говорилъ Андрущенкѣ о двухъ или трехъ товарищахъ, какъ способныхъ распространять прокламаціи. Въ тотъ же день, когда была означенная ставка (14 ноября 1863 г.) Карачаровъ представилъ въ комиссію особый отзывъ, въ которомъ изъяснилъ, что глубоко тронутый извѣстіемъ о Высочайше дарованномъ правѣ комиссіи, повергать участь чистосердечно каявшихся на всемилостивѣйшее рѣшеніе, онъ рѣшился изложить весь ходъ дѣла съ полною правдивостью. Посѣтивъ въ Пречистенской части содержащагося тамъ товарища своего по гимназіи Ѳедосѣева, Карачаровъ увидѣлъ тамъ Кельсіева и познакомился съ нимъ; предъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ опять видѣлся съ Кельсіевымъ, который спросилъ, имѣетъ ли Карачаровъ возможность пріобрѣтать прокламаціи и на отрицательный его отвѣтъ предложилъ познакомиться съ Андрущенкою, говоря, что онъ дастъ ему воззванія. До этихъ поръ Карачаровъ былъ далекъ отъ всякой политической дѣятельности и не имѣлъ ни одного знакомаго, принадлежащаго ей. Не обдумавъ, въ какое важное дѣло завлекается, Карачаровъ взялъ у Андрущенки означенныя выше воззванія и даже спросилъ его, не можетъ ли дать онъ больше, надѣясь распространить ихъ по пріѣздѣ въ Пензенскую губернію. Андрущенко отвѣчалъ, что у него въ то время воззваній не было, но что онъ постарается достать ихъ завтра, т. е. въ день отъѣзда Карачарова. Дѣйствительно, Андрущенко пришелъ къ нему, но вмѣсто прокламацій далъ ему маленькую записку въ Нижній-Новгородъ къ Копиченкѣ. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, Карачаровъ зашелъ къ бывшему своему начальнику Захарову и отъ него узналъ, что носятся слухи о какомъ-то заговорѣ въ Казани, что онъ открытъ и городъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Это извѣстіе заставило Карачарова одуматься, онъ вспомнилъ о матери, о томъ, что его ожидаетъ. Воротившись въ гостиницу, Карачаровъ сжегъ прокламаціи и записку къ Копиченкѣ. Не утаивъ ничего, заключаетъ Карачаровъ, изъ моихъ сношеній съ людьми, преданными политической дѣятельности, повергаю свою участь великому милосердію государя императора. Все выше сказанное скрѣпляю моимъ честнымъ словомъ.

20. Студентъ Московскаго университета Константинъ Козловскій (24 л.) изъ крестьянъ Черниговской губерніи, православнаго исповѣданія, содержался въ крѣпости съ 29 сентября

1863 г. по 19 октября того же года. Андрущенко показалъ, что Лебединскій получилъ пачку воззваній Свобода № 1, изъ коихъ Левашевъ, отдѣливши экземпляровъ 15, запечаталъ ихъ и пакетъ отдалъ въ домѣ Сазанова (близь Пречистенскаго бульвара) для передачи студенту Козловскому. Встрѣтившись послѣ того съ Андрущенкою, Козловскій разсказывалъ ему, какъ былъ удивленъ полученіемъ пакета съ воззваніями и узналъ отъ слуги только то, что неизвѣстный человѣкъ принесъ и велѣлъ передать пакетъ Козловскому, а Андрущенко объяснилъ Козловскому, что пакетъ принесъ Левашевъ. По словамъ Козловскаго, онъ раздавалъ всѣ принесенныя ему воззванія. Лебединскій и Левашевъ, какъ выше объяснено, отвергли показаніе Андрущенки. Козловскій же объяснилъ, что въ концѣ марта 1863 г., во время его болѣзни, коридорный служитель того дома, гдѣ онъ жилъ, подалъ ему пакетъ, сказавъ, что его принесъ неизвѣстный человѣкъ: распечатавъ этотъ пакетъ, Козловскій всѣ оказавшіяся въ немъ воззванія немедленно сжегъ, а потому, когда выздоровѣлъ, то при встрѣчѣ съ своими знакомыми выражалъ или удивленіе, или негодованіе по поводу присылки къ нему воззваній и хотя желалъ узнать, кто именно принесъ воззванія, но не припомнитъ, чтобы кто-нибудь указалъ на лице, доставившее ихъ. Въ числѣ другихъ лицъ о полученіи воззваній говорилъ и Андрущенкѣ, но не помнитъ, чтобы Андрущенко объявлялъ ему, что пакетъ съ воззваніями принесъ Левашевъ. На очной ставкѣ Андрущенко и Козловскій объяснили: 1-й, что объявлялъ Козловскому, что воззванія принесъ Левашевъ, который при Андрущенкѣ, запечатавъ ихъ въ пакетъ, изъ его квартиры отправился къ Козловскому и что, сколько помнитъ Андрущенко, Козловскій говорилъ, что полученныя воззванія онъ роздалъ, но кому именно не объяснилъ, и 2-й, что не помнитъ, говорилъ ли ему Андрущенко, что пакетъ съ воззваніями принесъ Левашевъ, и что онъ, Козловскій, не говорилъ Андрущенкѣ о раздачѣ воззваній, такъ какъ всѣ полученныя воззванія сжегъ въ тотъ же вечеръ.

21. Дворянинъ Черниговской губерніи Иванъ Маслоковецъ. 24 лѣтъ, состоялъ частнымъ землемѣромъ при городницкой межевой комиссіи, воспитывался въ гимназіи, но курса не кончилъ, содержался въ крѣпости съ 3 сентября по 14 октября 1863 г. Въ бумагахъ Андрущенки, между прочимъ, оказалось письмо Маслоковца отъ 23 мая 1863 г., въ которомъ Маслоковецъ писалъ: „я получилъ изъ Москвы 8/ZW... Велыке дило бильше ничего не скажу, покуль не позволите изосказати... я богатъ съ кимъ изъ близкихъ. Однимъ словомъ, каждому здравомыслящему человѣку треба идти прямо, смило и чесно.“ Андрущенко показалъ, что онъ по просьбѣ Лебединскаго передавалъ ему адресы своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и Маслоковца, съ которымъ познакомился во время службы своей въ Черниговской губерніи, Лебединскій въ числѣ другихъ отправилъ къ Маслоковцу воззванія, а Маслоковецъ полагалъ, что воззваніе прислано Андрущенкою, писалъ къ нему письмо. Маслоковецъ показалъ, что познакомился съ Андрущенкою и бывалъ у него

за книгами для прочтенія. О томъ, что воззваніе ему было прислано Андрущенкою полагалъ потому, что оно было прислано изъ Москвы, а въ этомъ городѣ, кромѣ Андрущенки, у Маслоковца знакомыхъ не было. Воззваніе тотчасъ по полученіи Маслоковецъ сжегъ и никому не показывалъ и не давалъ читать. Называлъ воззваніе великимъ дѣломъ и какъ бы показывалъ къ нему сочувствіе изъ хвастовства и по необходимости. Въ заключеніе Маслоковецъ присовокупилъ, что онъ съ полною откровенностью утверждаетъ, что письмо, служащее единственнымъ поводомъ привлеченія его къ дѣлу, не служитъ доказательствомъ наклонности Маслоковца къ противоправительственной дѣятельности и есть ничто иное, какъ необдуманный поступокъ молодого человѣка, котораго настоящій урокъ заставитъ не уклоняться на будущее время отъ прямаго пути.

Примѣчаніе. При обыскѣ Маслоковца въ бумагахъ его оказался портретъ Герцена, съ подписью его фамиліи, о коемъ Маслоковецъ показалъ, что портретъ отрисовалъ самъ и сдѣлалъ подпись, но когда и гдѣ рисовалъ по давности не помнитъ.

22. Подпоручикъ Черниговскаго баталліона внутренней стражи Александръ Бѣлозерскій (27 лѣтъ, изъ дворянъ, Черниговской губерніи, православнаго исповѣданія, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ службѣ съ 1855 года, содержался въ крѣпости съ 2 сентября 1863 г.). Поручикъ черниговскаго баталліона внутренней стражи Герасимовъ донесъ начальству, что вечеромъ 10 іюня 1863 г. онъ былъ въ гостяхъ у Бѣлозерскаго, который читалъ ему два возмутительнаго содержанія листка и говорилъ о разныхъ предметахъ въ непріязненномъ духѣ къ правительству и что вслѣдствіе указаній Бѣлозерскаго былъ произведенъ обыскъ у Андрущенки, по которому найдены принадлежавшія Андрущенкѣ воззванія и запрещенныя сочиненія. При производствѣ въ Черниговѣ совѣтникомъ губернскаго правленія Бѣлецкимъ дознанія, Бѣлозерскій показалъ, что листовъ возмутительнаго содержанія Герасимову не читалъ, что Герасимовъ былъ у него въ гостяхъ и пилъ чай и водку и что 8-го іюня вечеромъ были у него Андрущенко, Носъ и Тыщинскій и провели время въ обыкновенныхъ разговорахъ, при чемъ и ихъ угощалъ чаемъ, водкою и закускою. Напротивъ, поручикъ Герасимовъ показалъ: что Бѣлозерскій, въ бытность у него Герасимова, разговаривалъ съ нимъ сначала о польскихъ дѣлахъ, при чемъ отозвался, что поляки не такъ виноваты, какъ о нихъ говорятъ и пишутъ, затѣмъ вынувъ изъ боковаго кармана стихи, далъ читать Герасимову, такъ какъ деньщикъ Бѣлозерскаго стоялъ въ дверяхъ, то онъ предложилъ Герасимову перейти въ другую комнату и здѣсь разсказывалъ ему о томъ, какимъ образомъ бѣжалъ въ С.-Петербургѣ изъ каземата какой-то студентъ, содержавшійся тамъ по политическимъ дѣламъ 103 дня, какъ способствовали этому побѣгу другіе студенты, какъ онъ отправился въ Англію къ Искандеру и т. д. Когда же Герасимовъ выразилъ удивленіе о слабомъ надзорѣ за подобными людьми, то Бѣлозерскій сказалъ, что въ Петербургѣ все сдѣлать можно, а когда затѣмъ Герасимовъ спросилъ, гдѣ печатаются подобныя

бумаги, то Бѣлозерскій отвѣчалъ: въ Петербургѣ, и въ доказательство вынулъ изъ кармана листъ бумаги, напечатанный въ два столбца, съ печатью Земля и Воля и, прочитавъ этотъ листъ Герасимову, на вопросъ Герасимова, откуда Бѣлозерскій получаетъ всѣ свѣдѣнія и бумаги, онъ объявилъ: что дня три тому назадъ пріѣхалъ изъ С.-Петербурга какой-то студентъ и привезъ ихъ съ собою, и что у него есть много хорошаго, послѣ чего Бѣлозерскій продолжалъ, что въ дѣлѣ замышляемаго возстанія участвуютъ многія лица, проживающія въ разныхъ краяхъ имперіи, даже лица, занимающія высокія мѣста, способствуютъ въ этомъ, а Польскій центральный комитетъ никогда не можетъ быть открытъ, потому что состоитъ подъ предсѣдательствомъ какого-то важнаго сановника при намѣстникѣ Царства Польскаго, покровительствующаго и Русскому комитету, что центральный комитетъ кроется въ домѣ самаго намѣстника, а русскій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, наконецъ Бѣлозерскій назвалъ фамилію означеннаго сановника, которая была польская и начиналась съ буквы М. При допросѣ въ комиссіи Бѣлозерскій сознался, что читалъ Герасимову стихи, начинающіеся словами: Долго насъ помѣщики душили и воззваніе Свобода № 1, и объяснилъ, что получилъ эти листки по почтѣ отъ неизвѣстнаго лица, и что прочитавъ ихъ Герасимову, уничтожилъ, какъ вещь нестоющую вниманія и возмущающую душу. Затѣмъ Бѣлозерскій показалъ, что разговоръ, переданный Герасимовымъ, есть ложь, ибо не согласовался ни со взглядами Бѣлозерскаго на вещи, ни съ убѣжденіями его. Полякамъ Бѣлозерскій никогда не сочувствовалъ, въ особенности послѣ ихъ катехизиса, обращенія къ дворянству и другихъ произведеній польской прессы, наконецъ Бѣлозерскій родился на той почвѣ, которая нѣсколько разъ была обагряема кровью его предковъ, въ борьбѣ за притѣсненія со стороны поляковъ. Разговоръ, переданный Герасимовымъ и чтеніе листковъ потребовали бы гораздо болѣе времени, сколько пробылъ у него Герасимовъ. Бѣлозерскій читалъ ему листки безъ всякаго предварительнаго разговора, исключая того, что упомянулъ прежде, что бѣжалъ какой-то студентъ изъ С.-Петербурга къ Искандеру. Послѣ чтенія листковъ, Герасимовъ не выражалъ никакого удивленія, а просто спросилъ, гдѣ печатаются подобные листки, а Бѣлозерскій сказалъ, что въ Петербургѣ или Москвѣ; на вопросъ же откуда досталъ ихъ, Бѣлозерскій засмѣялся и сказалъ: секретъ, не скажу. Говоря о студентѣ, пріѣхавшимъ изъ Москвы, Бѣлозерскій назвалъ его Андрущенкою, прибавляя, что онъ, можетъ быть, будетъ участвовать въ изданіи мѣстной газеты Черниговскій листокъ.

Бѣлозерскій говорилъ еще, что, вѣрно, есть участники въ дѣлѣ русскаго центральнаго комитета, въ такомъ видѣ, что слова его выражали одно предположеніе, а утверждать этого положительно не могъ, потому что никого изъ нихъ не зналъ. Что касается до прочихъ обстоятельствъ, то кромѣ сказаннаго, что польскій центральный комитетъ такъ притаился въ Варшавѣ, что его до сихъ поръ не могли открыть, болѣе Бѣлозерскій ничего не говорилъ. Что побудило Герасимова возводить на

него, Бѣлозерскаго, нелѣпости, подобныя объясненнымъ имъ, Бѣлозерскій не знаетъ, или онъ смѣшалъ, слышавши это отъ кого другого, или просто безсовѣстнымъ образомъ налгалъ на него, Бѣлозерскаго. Напротивъ, Андрущенко показалъ, что онъ передалъ Бѣлозерскому воззваніе Свобода № 1 въ то время, когда вмѣстѣ съ Носомъ и Тыщинскимъ былъ у него, стихи же далъ ему въ самый день пріѣзда въ Черниговъ, когда Бѣлозерскій пришелъ въ квартиру Носа. Подъ конецъ вечера у Бѣлозерскаго онъ хотѣлъ читать стихи, но Тыщинскій остановилъ его, сказавъ, что знаетъ ихъ. Потомъ они вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ пришли въ квартиру Носа, гдѣ послѣдній легъ спать, а они втроемъ просидѣли до 2-хъ часовъ ночи и разговаривали. Андрущенко показывалъ Бѣлозерскому и Тыщинскому фотографическіе рисунки и карточки и при этомъ разсказывалъ имъ о своихъ знакомыхъ, говоря какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не засталъ въ Москвѣ, ибо они или въ ссылкѣ, или въ заключеніи, разсказывалъ также о побѣгѣ Кельсіева и проч. При вторичномъ допросѣ Бѣлозерскій сознался, что получилъ стихи и воззваніе отъ Андрущенки, взялъ изъ любопытства и никому, кромѣ Герасимова, не читалъ и послѣ этого уничтожилъ. Равнымъ образомъ Бѣлозерскій объяснилъ, что былъ у Носа и слышалъ разсказы Андрущенки о его знакомыхъ, а также о Кельсіевѣ, другихъ же фамилій не помнитъ, потому что слышалъ ихъ въ первый разъ и потомъ никогда не повторялъ. Андрущенко также говорилъ о какихъ то кружкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, но кто принадлежалъ къ нимъ, Андрущенко не объяснилъ. Показывалъ фотографическія карточки, изъ коихъ онъ можетъ припомнить карточку Чернышевскаго, бывшаго учителя въ томъ корпусѣ, гдѣ воспитывался Бѣлозерскій и карточку, на которой были нарисованы двѣ личности, и Андрущенко говорилъ, что это были Герценъ и Огаревъ. Слышанное отъ Андрущенки Бѣлозерскій передавалъ Герасимову и, вѣроятно, сказалъ ему нѣсколько больше подробностей, сколько можетъ объяснить комиссіи, ибо между разговоромъ Бѣлозерскаго и Андрущенкою и Герасимовымъ былъ небольшой промежутокъ времени, по прошествіи же долгаго времени и отъ тревогъ, которымъ подвергался, Бѣлозерскій почти ничего не можетъ привести на память изъ разговоровъ съ Андрущенкою. Но все то, что Бѣлозерскій отвергъ при первомъ показаніи, онъ и теперь честнымъ словомъ и по чистой совѣсти утверждаетъ, что Герасимову объ этомъ не говорилъ.

23. Сынъ колежскаго секретаря Александръ Тыщинскій (содержался въ крѣпости съ 16 октября 1863 г. по 10 февраля 1864 г., освобожденъ подъ строгій надзоръ полиціи). По показанію Андрущенки, Тыщинскій въ бытность у Бѣлозерскаго, когда послѣдній хотѣлъ читать стихи, начинающіеся словами: „Долго насъ помѣщики душили“, сказалъ, что давно знаетъ ихъ и спросилъ Бѣлозерскаго откуда онъ взялъ ихъ. Бѣлозерскій указалъ на Андрущенко, а онъ прибавилъ, что стихи — пѣсня, положена на голосъ и идетъ въ ходъ.

Послѣ сего Тыщинскій спросилъ, есть ли у Андрущенки, кромѣ

стиховъ, еще что либо и тогда онъ сказалъ, что есть, Тыщинскій просилъ дать ему, прибавивъ, что теперь и ему будутъ присылать, что будетъ печататься. Послѣ разговора, происходившаго въ квартирѣ Носа, и по уходѣ Бѣлозерскаго, Тыщинскій, ложась спать, попросилъ дать ему для прочтенія, что есть у Андрущенки, и Андрущенко далъ ему воззваніе: Свобода № 1 и другое начинающееся словами: Долго давили васъ. На другой день Тыщинскій, передъ отъѣздомъ, спросилъ, есть ли у Андрущенки еще экземпляръ означенныхъ воззваній и просилъ дать ему. Андрущенко досталъ изъ чемодана и далъ ему, примѣрно, по 5 экз. этихъ воззваній и брошюры: Что нужно народу? Но Тыщинскій сказалъ, что этого мало и просилъ дать еще нѣсколько экземпляровъ: Свобода № 1, а потому Андрущенко далъ ему еще столько же. Тыщинскій же, получивъ отъ Андрущенки все означенное, уѣхалъ. При допросѣ въ комиссіи Тыщинскій показалъ, что, пріѣхавъ въ Черниговъ за покупками, онъ остановился на квартирѣ Носа, гдѣ узналъ, что Носъ и Андрущенко были тогда у Бѣлозерскаго, а потому и онъ отправился къ нему. Бѣлозерскій всѣхъ ихъ угощалъ закуской, къ которой подавалась водка, и Тыщинскій былъ выпивши. Разговора о стихахъ онъ не помнитъ, такъ какъ не считалъ ихъ важными и зналъ на память, потому что они, когда Тыщинскій былъ студентомъ, ходили по рукамъ, Что же касается той фразы, которою будто бы хвалился у Бѣлозерскаго, что и ему будутъ присылать, то отъ этой фразы Тыщинскій отказывается, какъ неимѣющей никакого значенія, потому что никто не обѣщалъ ему высылать и онъ никого не знаетъ, кто бы могъ это дѣлать. Если даже Тыщинскій сказалъ эту фразу, чего положительно не помнитъ, то это было ни больше, ни меньше, какъ хвастовство подкутившаго человѣка, ибо, какъ уже сказалъ Тыщинскій, у Бѣлозерскаго пилъ водку. Разсказовъ Андрущенки въ квартирѣ Носа Тыщинскій также не помнитъ, кромѣ разсказа о побѣгѣ Кельсіева, да еще о томъ, какъ Ященко спасъ одну женщину изъ рукъ жестокаго отца, и не помнитъ по той же причинѣ, что у Бѣлозерскаго пилъ водку. Воззванія у Андрущенки Тыщинскій, дѣйствительно, взялъ и привезъ ихъ съ собою, въ с. Макишино, Городницкаго уѣзда, въ имѣніе помѣщика Чичерина, у коего былъ домашнимъ учителемъ, но на другой день пріѣхавшій изъ Чернигова человѣкъ Чичерина разсказалъ, что Носъ, Андрущенко и Бѣлозерскій арестованы. Тыщинскій догадался, въ чемъ дѣло и, опасаясь у себя обыска, сжегъ все полученное отъ Андрущенки, не успѣвъ даже никому показать, да и въ деревнѣ некому было показывать. Бралъ у Андрущенки воззванія изъ одного лишь любопытства, а не изъ какихъ-либо особенныхъ цѣлей и не изъ сочувствія къ подобнымъ вещамъ. На вопросъ комиссіи, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что любопытство Тыщинскаго было уже удовлетворено тѣмъ, что онъ читалъ воззванія и при томъ для этого не надо было просить и брать 20 экземпляровъ, Тыщинскій показалъ, что съ какою именно цѣлью онъ взялъ у Андрущенки нѣсколько экземпляровъ, въ этомъ и самъ тогда не давалъ отчета, вѣро-

ятно, съ цѣлью имѣть у себя столь любопытный и столь запрещенный предметъ. Взялъ же Тыщинскій по нѣскольку экземпляровъ каждаго воззванія, именно по 5, во 1-хъ, потому, что такъ сунулъ ему въ руку Андрущенко, во-2-хъ, отъ того, что воззванія напечатаны очень дурно, такъ что изъ 5, едва-едва можно выбрать одинъ, сколько-нибудь такой, что можно читать безъ затрудненія. Что Тыщинскій, бравши воззванія у Андрущенки, не имѣлъ опредѣленной цѣли, можетъ служить подтвержденіемъ то, что онъ вовсе не просилъ у Андрущенки извѣстнаго числа экземпляровъ, а взялъ такъ, какъ далъ ихъ Андрущенко. Хотя все сказанное Тыщинскимъ не можетъ служить оправданіемъ его, но онъ повторяетъ, что взялъ воззванія не съ цѣлью распространять, а по общей слабости имѣть у себя запрещенный плодъ, но нѣсколько экземпляровъ взялъ для того, чтобы выбрать лучшій. Равнымъ образомъ Тыщинскій не можетъ представить доказательства, что никому не передалъ воззваній и только можетъ поручиться своею честью, что сейчасъ же, какъ услыхалъ объ арестѣ Андрущенки, всѣ ихъ сжегъ. На очной ставкѣ съ Тыщинскимъ, Андрущенко, подтверждая свое показаніе въ относящихся до Тыщинскаго обстоятельствахъ, присовокупилъ, что, дѣйствительно, онъ закусывалъ у Бѣлозерскаго и былъ въ возбужденномъ состояніи отъ спиртныхъ напитковъ. Тыщинскій сказалъ, что если онъ сказалъ извѣстныя слова, то сказалъ, будучи подгулявши, изъ желанія похвастать и что говорить эти слова Тыщинскій не имѣлъ повода. Кромѣ того, въ бумагахъ Андрущенки оказались 2 письма Тыщинскаго, въ коихъ упоминается о Колоколѣ и Полярной Звѣздѣ. Тыщинскій показалъ, что, проѣзжая въ 1861 г. изъ Дерпта на родину, онъ остановился въ Москвѣ у товарища своего Матаревскаго, у котораго встрѣтилъ брата Ивана Андрущенки, Евгенія. Евгеній Андрущенко просилъ его отвести брату его, находящемуся тогда въ Черниговск. губерніи нѣкоторыя тайныя вещи, 1 экземпляръ Полярной Звѣзды и 12 Колокола. Пріѣхавъ на родину, въ г. Барзну, Черниговскаго уѣзда, онъ писалъ Андрущенкѣ, находящемуся въ городкѣ, о привезенномъ изъ Москвы, а когда Андрущенко прислалъ человѣка, то, передавая черезъ него вещи: Полярная Звѣзда и Колоколъ, написалъ Андрущенкѣ другое письмо. Это показаніе подтвердили Иванъ и Евгеній Андрущенки.

Примѣчаніе. По показанію Тыщинскаго, онъ въ 1859 г. состоялъ подъ судомъ и содержался въ здѣшней крѣпости по дѣлу харьковскихъ студентовъ и по окончаніи дѣла, посланъ въ Дерптскій университетъ для продолженія курса, былъ исключенъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, за неисполненіе требованій проректора.

24. Операторъ черниговской врачебной управы Степанъ Носъ (содержится въ крѣпости съ 3 августа 1863 года). Относительно Носа изъ показаній Андрущенки видно, что вмѣстѣ съ Андрущенкою и Тыщинскимъ находился въ гостяхъ у Бѣлозерскаго и что изъ разговоровъ съ Носомъ Андрущенко узналъ, что нѣкоторыя лица въ Черниговѣ получаютъ по почтѣ воззванія, н

какого они содержанія Носъ не знаетъ, поэтому Андрущенко 10 іюля 1863 г., утромъ, далъ прочесть Носу прокламаціи, но о другихъ воззваніяхъ, бывшихъ у Андрущенки, Носъ не могъ знать, потому что онъ не говорилъ ему. Причина, по которой Андрущенко не хотѣлъ показывать всего Носу, заключалась въ томъ, что когда еще въ 1863 г. Андрущенко жилъ на квартирѣ съ Носомъ, былъ съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ и не считалъ нужнымъ скрываться предъ нимъ, то изъ частныхъ разговоровъ Носъ хорошо зналъ образъ мыслей Андрущенки и о знакомствѣ его въ Москвѣ, кромѣ того, онъ давалъ Носу прочитывать нѣкоторыя изъ тѣхъ сочиненій, которыя имѣлъ у себя, и онъ зналъ, что у Андрущенки ихъ всегда можно было найти. Великимъ постомъ 1862 г. Лазаревскій бралъ у Андрущенки для прочтенія Колоколъ и передавалъ его Заикѣ, а Носъ, бывшій у Заики, получалъ отъ него Колоколъ и доставлялъ его Андрущенкѣ. Но послѣ того, какъ нѣкоторые изъ знакомыхъ Носа были арестованы въ Полтавѣ, Носъ сталъ остерегаться и объявилъ ему, что не хочетъ, чтобы Андрущенко держалъ въ квартирѣ запрещенныя сочиненія, такъ что когда Андрущенко передъ отъѣздомъ въ Москву положилъ на время между книгами Носа Полярную Звѣзду и еще другое сочиненіе, Носъ въ отсутствіи его отдалъ ихъ Бахеру, сказавъ, чтобы онъ унесъ ихъ, иначе Носъ выброситъ ихъ вонъ, это было причиною нѣкотораго неудовольствія между ними, и вслѣдствіи этого Андрущенко не хотѣлъ показывать Носу всего привезеннаго изъ Москвы и предупреждалъ Тыщинскаго не показывать ему полученныхъ отъ Андрущенки воззваній.

При допросахъ въ комиссіи Носъ показалъ, что 10 іюля 1863 г. Андрущенко не давалъ ему воззваній и не говорилъ о нихъ, но рано утромъ того числа Носъ, проходя чрезъ комнату Андрущенки, увидѣлъ на столѣ двѣ бумажки, изъ коихъ на одной была печать Земля и Воля, а другая была стишки. Взглянувъ мелькомъ на бумажки, Носъ спросилъ Андрущенку, гдѣ прячетъ онъ подобныя вещи, а Андрущенко отвѣчалъ, что въ карманѣ. Относя это къ разсѣянности и вѣтренности, и не подозрѣвая въ Андрущенкѣ никакого злого умысла, онъ спросилъ его: можетъ быть, у васъ есть еще? Но Андрущенко отвѣчалъ — нѣтъ. Послѣ сего Носъ пришелъ въ свою комнату и сталъ заниматься у стола, но вдругъ явился полицеймейстеръ и другія лица для производства обыска. На очной ставкѣ съ Андрущенкою, который утвердилъ свое показаніе, Носъ объяснилъ, что въ день обыска онъ случайно нашелъ на столикѣ бумаги и до этого времени Андрущенко воззваній ему не показывалъ; Колоколъ же въ 1862 г. видѣлъ у него и кое-что прочитывалъ. Изъ акта объ обыскѣ въ квартирѣ Носа, между прочимъ, видно, что когда черниговскій полицеймейстеръ и другія лица производили обыскъ въ той комнатѣ, въ которой находился Андрущенко, Носъ сидѣлъ на стулѣ въ сосѣдней комнатѣ, не обращая вниманія на происходившее въ его квартирѣ. Когда же полицеймейстеръ подошелъ къ нему и объявилъ, что необходимо обыскать ту комнату, въ которой находился Носъ, то онъ отвѣчалъ, что въ

комнатѣ всѣ вещи принадлежатъ ему, а не Андрущенкѣ и потому обыскивать не слѣдуетъ, потребовалъ предписанія начальника губерніи. Несмотря на это, было приступлено къ обыску и въ одномъ изъ чемодановъ найдены въ сверткахъ возмутительныя воззванія, тогда Носъ бросился на полицеймейстера и нанесъ ему побои, послѣ чего Носу были связаны руки. Въ оправданіе себя въ этомъ поступкѣ, Носъ при производствѣ слѣдствія въ г. Черниговѣ и на допросахъ комиссіи объяснилъ, что причиною его было неуважительное и притязательное обращеніе съ нимъ полицеймейстера, который, найдя пистолетъ, съ укоряющей улыбкой сказалъ: „а это что, а это на что?“ и, отдавая пистолетъ приставу, сдѣлалъ выраженіе, какъ будто уличалъ Носа въ преступленіи; при чемъ онъ подумалъ, неужели его подозрѣваютъ въ смертоубійствѣ и неужели ему нельзя имѣть въ комнатѣ пистолета, когда всѣ имѣютъ, что вещи Носа и книги, которыя лежали въ порядкѣ, разбрасывались по полу и валялись подъ ногами, что, не желая быть свидѣтелемъ происходившаго, Носъ вышелъ изъ квартиры, чтобы во врачебной управѣ испытывать на фельдшерское званіе ученика черниговскаго богоугоднаго заведенія, но полицеймейстеръ послалъ за нимъ казака, который воротилъ его, какъ-будто какого-то преступника, и что когда былъ осмотрѣнъ чемоданъ, въ которомъ, какъ Носъ по выраженію глазъ полицеймейстера могъ замѣтить, что-то оказалось, то Андрущенко объявилъ, что чемоданъ принадлежитъ ему, но полицеймейстръ подступилъ къ Носу и сказалъ: „видите, вы говорили. нѣтъ больше вещей Андрущенки“. При этихъ словахъ Носъ почувствовалъ окончательное пораженіе своего духа и поруганіе чести и достоинства. Ничего преступнаго не зная за собою, тутъ вдругъ съ бо̀льшею силою потрясло его душу все предшествовавшее и пистолетъ, которымъ уличалъ его, и погоня за нимъ казака, и неуважительность при обыскѣ, все слилось въ какой-то хаосъ и несчастно чувствовалъ, что невинно наступаютъ на его душу, хотятъ сдѣлать поруганіе ему, хотятъ крови его и подъ натискомъ такихъ сильныхъ ощущеній, Носъ впалъ въ припадокъ болѣзненнаго потрясенія, о которомъ, какъ о послѣдовавщемъ, онъ не можетъ дать себѣ отчета, что и какъ дѣлалось съ нимъ, къ тому же самый поступокъ съ нимъ Андрущенки болѣзненно потрясъ душу его, Носа. Къ сему Носъ присовокупилъ, что предписанія начальника губерніи отъ полицеймейстера не требовалъ и что о томъ, что чемоданъ принадлежитъ будто бы ему, онъ не говорилъ. Напротивъ, полицеймейстеръ и другія лица, присутствовавшія при обыскѣ, и изъ нихъ 2 понятыхъ и 2 жандарма подъ присягой показали, что никакихъ притязаній къ Носу полицеймейстеръ не оказывалъ, равнымъ образомъ изъ показаній не видно, чтобы Носъ выходилъ изъ квартиры во время обыска и былъ возвращенъ полицеймейстеромъ, но всѣ спрошенныя лица объясняли, что Носъ въ то время, когда производился обыскъ въ вещахъ Андрущенки, ходилъ по комнатѣ и игралъ на скрипкѣ.

По окончаніи слѣдствія въ г. Черниговѣ, Носъ объявилъ судебному слѣдователю, что, не отвергая и не подтверждая пока-

заній, данныхъ свидѣтелями, онъ не отрицаетъ справедливости ихъ и проситъ прежде составленія надъ нимъ приговора, истребовать медицинское заключеніе о состояніи духа его въ моментъ происшедшаго случая, такъ какъ это только можетъ быть разрѣшено психіатріею. На вопросъ о семъ черниговскаго уѣзднаго суда, тамошняя врачебная управа отозвалась, что раздраженіе души отъ какихъ бы причинъ и условій ни послѣдовало въ моментъ сильныхъ ощущеній гнѣва, къ несчастію можетъ отуманить разумъ. Къ этой катастрофѣ можно примѣнить и жалкій поступокъ Носа, который въ пылу гнѣва, къ удивленію знающихъ его благородную служебную честность, немысленно перешелъ за предѣлы разума. Но что было поводомъ патетическаго состоянія души Носа въ моментъ его поступка, свидѣтельскія показанія могутъ лучше и безошибочнѣе разрѣшить этотъ вопросъ, чѣмъ врачебная управа. Кромѣ того управляющій III отд. собст. его имп. величества канцеляріи, сообщилъ имѣющіяся въ ономъ свѣдѣнія о Носѣ. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что черниговскій гражданскій губернаторъ 6 февраля 1860 г. доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что дошедшіе до министерства слухи о сборищахъ молодыхъ людей въ квартирѣ Носа справедливы. Въ 1862 г., раннею весною, по полученнымъ отъ полиціи указаніямъ, губернаторъ приглашалъ къ себѣ Носа и внушалъ ему, что сборища, на коихъ выражались бы такъ называемыя малороссійскія стремленія, ни подъ какимъ видомъ терпимы не будутъ, на что Носъ увѣрялъ, что бывшіе у него посѣтители не имѣли никакой въ означенномъ духѣ цѣли, и вмѣстѣ былъ положенъ всему этому конецъ. Стремленіе кружка, собиравшагося у Носа и называвшагося въ публикѣ, въ видѣ насмѣшки, куренемъ, выражались тѣмъ, что участвовавшія въ немъ лица носили крестьянскую одежду и занимались пѣніемъ малороссійскихъ пѣсенъ. По малому сочувствію, съ какимъ были встрѣчены подобныя выходки, и въ особенности по ничтожности значенія и вѣса въ чьихъ-либо глазахъ лицъ, бывшихъ у Носа, губернаторъ счелъ тогда возможнымъ ограничиться запрещеніемъ созывать у себя подобныхъ гостей; тѣмъ же изъ сихъ послѣднихъ, которыхъ встрѣчалъ на улицѣ въ малороссійской одеждѣ, губернаторъ сдѣлалъ у себя въ кабинетѣ негласную головомойку. Въ декабрѣ 1862 г. черниговскій жандармскій штабъ-офицеръ объявилъ, что у Носа бываютъ сходбища молодыхъ людей, вслѣдствіе сего губернаторъ снова приглашалъ къ себѣ Носа, и въ третій разъ призывалъ къ себѣ, когда получилъ запросъ изъ министерства и въ оба эти раза подтвердилъ ему то, что̀ было сказано въ первый разъ, при чемъ Носъ далъ слово отстранить поводъ къ подобнымъ нареканіямъ.

О посѣщеніяхъ же его нѣкоторыми лицами, онъ объяснилъ простымъ послѣдствіемъ долговременнаго его пребыванія въ Черниговѣ и обширнымъ кругомъ знакомства. Къ этому губернаторъ присовокупилъ, что по его мнѣнію, полезно было бы ограничиться въ отношеніи Носа, сдѣланнымъ ему внушеніемъ, ибо иначе онъ и лица, его посѣщавшія, достигнутъ нечаянной, по крайней мѣрѣ желаемой ими цѣли — пріобрѣтенія какого-либо

значенія. Прежде сего черниговскій жандармскій штабъ-офицеръ 12 января 1863 г. секретною запискою доносилъ, что въ іюнѣ 1862 года въ г. Черниговѣ, нѣкоторые изъ дворянъ, по примѣру студентовъ кіевскаго университета, начали ходить въ національныхъ малороссійскихъ костюмахъ, которые надѣвали и состоящіе на службѣ чиновники. Вслѣдствіе сего, по совѣщаніи съ начальникомъ губерніи, сообщено предсѣдателямъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы они не дозволяли подвѣдомственнымъ имъ чиновникамъ ходить въ неприсвоенномъ одѣяніи, съ тѣмъ, что если кому-либо одѣтому въ костюмъ простолюдина, будетъ оказана полицейскими служителями невѣжливость, то жалобы на это будутъ оставляться безъ вниманія. Этою мѣрою было прекращено ношеніе національной одежды. Впослѣдстіи дознано, что операторъ Носъ принималъ къ себѣ молодыхъ людей, безъ различія состоянія, лишь бы гость былъ одѣтъ въ національный костюмъ и выѣзжалъ съ нимъ за городъ, гдѣ раскладывали огонь, жарили на палочкахъ сало, пили, пѣли малороссійскія національныя пѣсни, декламировали стихи Шевченко, но въ чемъ заключались ихъ толки неизвѣстно, и такъ какъ все это велось въ секретѣ, то начальникъ губерніи потребовалъ къ себѣ Носа и объявилъ ему, что скандальные поступки его влекутъ за собою невыгодное мнѣніе о немъ начальства и что если и за симъ въ его квартирѣ будутъ собираться молодые люди въ малороссійскихъ костюмахъ, то для прекращенія сего будутъ приняты болѣе серьезныя мѣры. Послѣ этого Носъ прекратилъ на нѣкоторое время свои загородныя прогулки и собираніе молодыхъ людей, но назвалъ свою квартиру куренемъ, выставивъ на стѣнѣ ящикъ, въ которой посѣтители куреня были обязаны класть мелкія деньги и сверхъ ящика прибилъ надпись: кто куре дудочку, той клади копійку, а кто молочу, той дви копійки, для добраго діла. Въ заключеніе черниговскій штабъ-офицеръ объяснилъ, что такъ какъ посѣтители куреня безпрестанно увеличиваются, то можно заключить, что поступки Носа могутъ имѣть дурныя послѣдстія, а потому ходатайствовалъ о переводѣ Носа, называя его главнымъ предводителемъ общества малороссофиловъ, на службу въ отдаленныя великороссійскія губерніи, гдѣ національность его не будетъ имѣть подражателей.

Въ бумагахъ Носа, между прочимъ, оказалось письмо кіевскихъ студентовъ, въ видѣ адреса и съ подписью „Высокоповажне панове, чернеговска громада", а въ другихъ письмахъ къ Носу отъ разныхъ лицъ, онъ называется Куреннымъ Атаманомъ.

При производствѣ въ Черниговѣ слѣдствія, Носъ объяснилъ, что зимою 1862 г. онъ подавалъ полицмейстеру маіору Ляшенкѣ объявленіе, которое было написано четко и правильно, но Ляшенко при чтеніи его обратился къ нему съ вопросомъ „вы аптекарь?" — на что Носъ отвѣчалъ, что онъ не аптекарь, а операторъ и что объявленіе званія его написано довольно четко. Продолжая читать объявленіе, Ляшенко постоянно измѣнялъ слова, какъ бы не понимая смысла, а потому Носъ, чтобы прекратить дальнѣйшій разговоръ, попросилъ Ляшенку возвратить объявле-

ніе, при чемъ добавилъ, что объявленіе написано по русски и четко и что его удивляетъ такое обращеніе Лященки. Хотя съ этихъ поръ Носъ не имѣлъ никакого дѣла съ Лященкою, но догадывался, что частные доклады начальнику губерніи о томъ, что у него (Носа), собирается сборище непозволительныхъ людей, были отъ полицмейстера, тогда — какъ подобныхъ сборовъ Носъ никогда себѣ не позволялъ.

Примѣчаніе. Къ дѣлу приложена копія объявленія Носа, поступившаго въ черниговскую городскую полицію 27 февраля 1862 г. Въ этомъ объявленіи Носъ жаловался полиціи, что къ нему въ квартиру три раза забирались воры, а однажды уже вывели изъ конюшни лошадей, что постоянно повторяющіяся въ городѣ воровства происходятъ отъ множества безпаспортныхъ евреевъ, и что въ находящейся вблизи квартиры Носа гостинницѣ, въ теченіи всей ночи бываетъ шумъ и пьянство. Объявленіе это передано для исполненія приставу второй части г. Чернигова, который, обязавъ содержателя гостинницы подпискою о недопущеніи безпорядковъ, донесъ 10 марта того же года, что, относительно преслѣдованія воровъ, съ его стороны имѣется надлежащее распоряженіе.

При допросѣ въ комиссіи Носъ объяснилъ: что слово громада не было въ употребленіи у нихъ въ Черниговѣ, и онъ слышалъ его отъ студентовъ кіевскаго университета и петербургскихъ знакомыхъ, употреблявшихъ это слово относительно своихъ товарищей и знакомыхъ, которые, вѣроятно, взявши какой-нибудь предметъ дѣятельности, трудились надъ нимъ, или же сообщались для чтенія, бесѣды и также пѣнія.

Такъ Носъ представлялъ себѣ значеніе слова громада, которое было въ употребленіи преимущественно у кіевлянъ, но оно неправильно присвоено извѣстному числу людей, трудящихся для какого-нибудь дѣла, поэтому Носъ шутилъ надъ этимъ словомъ и говорилъ, что хвастаются знаніемъ языка, а не знаютъ значенія слова „громада", что какіе-нибудь полтора человѣка называются громадою. Вѣроятно, писавшій къ нему письма болѣе изъ чести сдѣлалъ ему это названіе, придавая этому слову значеніе лицъ, трудящихся или надъ изданіемъ учебниковъ, или надъ распространеніемъ грамотности, или разработкою народныхъ или архивныхъ памятниковъ.[1] Куреннымъ атаманомъ года три назадъ его дразнилъ Кулишъ, проѣздомъ чрезъ Черниговъ, вѣроятно въ шутку, впрочемъ Богъ его знаетъ, по крайней мѣрѣ Носу это не нравилось, ибо онъ имѣетъ свое крещеное имя и названіе.

Въ Черниговѣ о словѣ громада, какъ не существующемъ, никто не знаетъ и оно, вѣроятно, въ видѣ чести употреблено писавшимъ. Трудиться надъ изданіемъ книжки, надъ распространеніемъ грамоты и разработкой народной словесности можно при университетѣ, гдѣ есть люди и ученые университетскаго образованія, а въ Черниговѣ что знаетъ канцелярскій чиновникъ,

[1] Изъ дѣла видно, что Носъ занимался составленіемъ народнаго Лечебника и извлеченіемъ историческихъ свѣдѣній изъ старыхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ черниговскаго губернскаго правленія.

кончившій курсъ въ уѣздной школѣ? Онъ получаетъ 10 руб. жалованія, доходитъ до животнаго состоянія, не имѣя возможности имѣть для образованія своей души и къ употребленію свободнаго времени нужныя книги. Состояніе этихъ людей возбуждаетъ сожалѣніе и всякій желающій добра видитъ, какъ отъ недостатка развитія тратятъ они свои силы въ порокахъ, чтобъ заглушить свое неутѣшительное положеніе. Съ одной стороны Носъ былъ внимателенъ къ ихъ положенію, по простотѣ обращенія и доступности они свободно приходили къ Носу, или за книгами, или за медицинскимъ пособіемъ, и онъ — ради человѣческаго чувства, никогда не отказывалъ имъ, при чемъ иногда говорилъ съ ними о чемъ-либо, приходилось спѣть пѣсню и хлѣбомъ солью подѣлиться; къ тому же такъ какъ онъ имѣлъ книги для продажи, то желающіе приходили покупать ихъ, но для этого не было никакого опредѣленнаго времени, большею же частью онъ не бывалъ дома, особенно вечеромъ [1]. Направленіе Носа, взглядъ на жизнь, на общество, на власть находится въ самыхъ честныхъ нравственныхъ и законныхъ отношеніяхъ, объ этомъ извѣстно всякому въ Черниговѣ, извѣстно товарищамъ Носа и ближайшему начальству, такъ что настоящій несчастный случай поразилъ глубокимъ страданіемъ всѣхъ знающихъ Носа.

25. Московскій книгопродавецъ Кундтъ и

26. Петербургскій книгопродавецъ Шмидекампфъ.

По показанію Андрущенки, что Колоколъ и Полярную Звѣзду онъ покупалъ въ Москвѣ у книгопродавца Кундта, былъ произведенъ у него обыскъ, равно у Шмидекампфа, который, какъ оказалось изъ писемъ его къ Кундту, взятыхъ у сего послѣдняго при обыскѣ, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ пріобрѣтеніи запрещенныхъ сочиненій и пересылалъ изъ С.-Петербурга въ Москву.

По производству комиссіи оказалось: книгопродавецъ Кундтъ получалъ изъ иностранной цензуры въ С.-Петербургѣ, чрезъ посредство комиссіонера своего Шмидекампфа, выписываемыя изъ заграницы запрещенныя сочиненія, покупалъ будто у неизвѣстныхъ евреевъ въ Москвѣ Колоколъ и въ бытность въ 1863 г. за границею, вывезъ оттуда нѣсколько номеровъ Колокола, которые у него при обыскѣ и найдены. Изъ писемъ и бумагъ Кундта и Шмидекампфа, взятыхъ у нихъ при обыскѣ, видно, что первый изъ нихъ настоятельно требовалъ, а второй высылалъ ему изъ С.-Петербурга безусловно запрещенныя сочиненія, получая ихъ изъ иностранной цензуры.

Купецъ Шмидекампфъ объяснилъ, что получалъ для Кундта изъ иностранной цензуры запрещенныя сочиненія съ разрѣшенія цензоровъ по реверсамъ, предъявляя въ цензуру письмо Кундта, и никогда ничего не скрывалъ, что такія сочиненія и тѣмъ же путемъ получали чрезъ него книгопродавцы въ Москвѣ: Готье, Рено, Арльтъ и Дейбнеръ, для себя же Шмидекампфъ выписывалъ книги изъ Лейпцига, чрезъ Брауна. Изъ того же показанія

---

[1] Изъ дѣла видно, что къ Носу дѣйствительно присылали издатели книги на малороссійскомъ языкѣ для продажи.

Шмидекампфа видно, что онъ, Кундтъ, и другіе книгопродавцы платили въ цензурѣ деньги въ видѣ благодарности.

Комиссія, сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, относительно дѣйствій книгопродавцевъ Кундта и Шмидекампфа по торговлѣ запрещенными сочиненіями, и имѣя въ виду, что высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 14 января 1863 г., наблюденіе за произведеніями печати и управленіе цензурою, возлагаются на министерство внутреннихъ дѣлъ, заключила: дѣло по изъясненному предмету, отдѣлить отъ общаго производства комиссіи и препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго изслѣдованія въ законномъ порядкѣ и поступленія съ виновными по закону, предоставивъ при этомъ статсъ-секретарю Валуеву окончательное распоряженіе, относительно содержанія подъ арестомъ Кундта и Шмидекампфа.

Каковое заключеніе комиссіи удостоено высочайшаго утвержденія, при чемъ его величеству благоугодно было повелѣть обратить на то обстоятельство, что Кундтъ и другіе книгопродавцы платили въ цензуру деньги въ видѣ благодарности, особенное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ.

27. Акцизной надзиратель въ г. Старицѣ, Тверской губ. колежскій секретарь Николай Данскій.

28. Студентъ Моск. университета Иванъ Дрига (находится на свободѣ).

Въ бумагахъ Андрущенки оказалось письмо къ нему студента Дрига въ 1861 г. изъ Москвы, въ которомъ Дрига увѣдомлялъ, что экземпляры Колокола онъ взялъ, у кого говорилъ Андрущенко, а Полярной Звѣзды въ глаза не видалъ.

Андрущенко показалъ, что въ бытность свою въ Черниговской губ., въ письмѣ къ Дригѣ, просилъ его, чтобы онъ взялъ у студента Данскаго Колоколъ и Полярную Звѣзду и хранилъ бы у себя до удобнаго случая, при которомъ могъ бы переслать Андрущенкѣ эти изданія. Колоколъ, по просьбѣ Данскаго, Андрущенко оставилъ ему для прочтенія предъ выѣздомъ изъ Москвы, а Полярную Звѣзду Андрущенко въ то время еще не получилъ отъ Кундта, но заплативши ему деньги, просилъ его по полученіи изъ за границы передать Данскому. Спрошенные на мѣстѣ нахожденія Дрига въ Москвѣ, а Данскій въ г. Старицѣ, объяснили: Дрига, что по рекомендаціи Андрущенки онъ бралъ отъ умершаго студента Маховѣева Колоколъ и Полярную Звѣзду, которые и возвратилъ Маховѣеву по прочтеніи, о чемъ увѣдомилъ Андрущенку, что отъ самого Андрущенки онъ Колокола не бралъ и что порученія отъ него взять у Данскаго означенныя изданія, ни письменно, ни словесно не получалъ; Данскій объяснилъ, что Андрущенко передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы просилъ его, какъ знакомаго, получить книги отъ Кундта и выслать ему, но просьба эта Данскимъ исполнена не была, такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ, по случаю наступленія каникулъ, уѣхалъ изъ Москвы, что, сколько помнитъ Данскій Колокола у Андрущенки не просилъ и онъ ему таковаго не оставлялъ, и что поэтому просьбы Андрущенки къ Дригѣ Данскій исполнить не могъ.

29. Учитель Черниговской гимназіи надворный совѣтникъ Дорошенко.

30. Лѣкарь Федоръ Клетчковскій.

Андрущенко показалъ, что найденныя у него при обыскѣ рукописныя воззванія: Къ молодому поколѣнію и 3 номера Великорусса оказались у него по слѣдующему случаю: въ февралѣ 1863 г. Андрущенко ѣздилъ съ студентомъ Павломъ Кивичемъ изъ Чернигова въ Кіевъ и познакомился у Кивича съ приходившимъ къ нему Кистяковскимъ, докторомъ, который просилъ Андрущенку передать въ Черниговѣ Дорошенкѣ письмо и запечетанный пакетъ, а такъ какъ Кистяковскій говорилъ, чтобы особенно беречь пакетъ и передать его собственноручно Дорошенкѣ, то это подстрекнуло любопытство Андрущенки, такъ, что онъ распечаталъ пакетъ и, увидѣвъ какія въ немъ хранились бумаги, оставилъ ихъ у себя, рѣшившись сказать Дорошенкѣ, что посылку отъ Кистяковскаго забылъ въ Кіевѣ; Дорошенко показалъ, что онъ въ февралѣ 1862 г. ни чрезъ Андрущенку, ни черезъ кого другого, ни письма, ни воззваній не получалъ, да, сколько помнитъ, едва ли въ февралѣ 1862 г. былъ знакомъ съ Кистяковскимъ. Кистяковскій, по случаю нахожденія за границею для излеченія болѣзни, не спрошенъ. Кромѣ того въ бумагахъ Андрущенки оказалось письмо къ нему Дорошенки отъ 5 августа 1861 г., въ коемъ между прочимъ сказано: „извините, Иванъ Алексѣевичъ, что я не отвѣчалъ на ваше письмо, до сихъ поръ я не былъ въ Черниговѣ, теперь же скажу, что всѣхъ подробностей Нѣжинскаго дѣла я не знаю, подробное же описаніе находится въ хорошихъ рукахъ и навѣрно не погибнетъ для потомства и даже современниковъ.“ Дорошенко показалъ, что Нѣжинскаго дѣла, кромѣ дѣла въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ с. Базуновкѣ, о неповиновеніи крестьянъ владѣльцу, Дорошенко не знаетъ. Такъ какъ лѣтнія каникулы онъ всегда проводитъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, у родного брата, то вѣроятно, узнавши объ этомъ, Андрущенко спрашивалъ его о неповиновеніи крестьянъ, на что Дорошенко и отвѣчалъ ему о томъ, что дѣло это описано кѣмъ-то изъ очевидцевъ и что описаніе находится въ такихъ рукахъ, что не погибнетъ, Дорошенко слыхалъ тогда, но кѣмъ оно описано и какое употребленіе сдѣлано изъ описанія не знаетъ. Согласно съ этимъ показалъ и Андрущенко, объяснивъ, что Дорошенко ничего о Нѣжинскомъ дѣлѣ ему не писалъ и кого онъ имѣлъ въ виду, говоря, что описаніе находится въ хорошихъ рукахъ — не знаетъ.

31. Студентъ Московскаго университета Михаилъ Головинъ. Въ бумагахъ Андрущенки оказалось письмо къ нему Головина отъ 11 мая 1861 г., въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Совѣтую также вамъ не писать прямо на имя моей фамиліи, потому что Головины извѣстны Тимашевкѣ по сочиненіямъ Ивана Головина, живущаго также заграницей; пожалуй, чего добраго, на почтѣ письмо перехватятъ по подозрительности фамиліи, и я не буду имѣть удовольствія получить отъ васъ вѣсточку и разныя прекрасныя вещи, да и Герценъ пожалѣетъ, поэтому пишите мою фамилію на выворотъ г. Ниволагу.“ По показанію

Андрущенки, Головинъ передъ отъѣздомъ своимъ въ 1861 г. за границу, сообщалъ, что намѣренъ быть въ Лондонѣ и посѣтить Герцена и такъ какъ ему не хотѣлось явиться къ Герцену съ пустыми руками, то просилъ Андрущенку, чтобы до этого времени, т. е. до поѣздки въ Лондонъ, Андрущенко писалъ бы ему письма такого рода, чтобы онъ могъ изъ нихъ почерпнуть что-нибудь и представить Герцену для напечатанія въ своихъ изданіяхъ. Лѣтомъ 1861 г. Андрущенко послалъ одно письмо Головину въ Туринъ, содержанія котораго хотя не помнить, но утверждаетъ, что оно назначалось собственно Головину, ибо живя тогда въ Городницкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, Андрущенко не могъ сообщить свѣдѣній, интересныхъ для Герцена. Головинъ объяснилъ, что онъ видѣлся съ Андрущенкою 2 или 3 раза, и въ оба эти раза долженъ былъ выслушивать о Герценѣ и такъ какъ убѣжденія Головина о немъ были діаметрально противоположны съ убѣжденіями Андрущенки, то Головинъ долженъ былъ подтрунивать надъ нимъ и отвѣчать саркастически. Это впечатлѣніе осталось у Головина и заграницею, откуда писалъ Андрущенкѣ только для исполненія приличія и просилъ его сообщить, какъ выразился, разныя прекрасныя вещи, разумѣя подъ этимъ новыя явленія въ области науки и обыденной жизни. Сохраняя же саркастическій тонъ къ представленіямъ Андрущенки о Герценѣ, Головинъ выразилъ опасенія свои, что Герценъ пожалѣлъ бы, если не получитъ отъ Андрущенки извѣстій. Желая оградить себя отъ милыхъ возгласовъ Андрущенки о Герценѣ, Головинъ долженъ былъ обезопасить себя отъ полученія писемъ Андрущенки, расчитывая вполнѣ на то, что письмо, адресованное на переворотную фамилію, можетъ не попасть въ руки Головина, что и оправдалось къ величайшему его удовольствію, ибо не получилъ ни одного письма.

Примѣчаніе. Въ бумагахъ Головина оказалось двѣ фотографическія карточки Герцена и Огарева, о коихъ Головинъ отозвался, что ихъ навязалъ ему въ Берлинѣ книгопродавецъ, у котораго онъ покупалъ книги.

32. Не служащій дворянинъ Евгеній Андрущенко (21 года, уроженецъ Херсонской губ., воспитывался въ Московскомъ университетѣ, но курса не кончилъ, содержался въ крѣпости съ 7 сентября по 14 октября 1863 г.).

Въ бумагахъ Ивана Андрущенки оказались письма брата его Евгенія, изъ коихъ въ однихъ говорится о посылкѣ Полярной Звѣзды и Колокола, а въ другихъ о томъ, что студенты Московскаго университета Аргиропуло и Заіончковскій арестованы, чтобы берегся Иванъ Андрущенко, что Ященко арестованъ, а Сергѣевъ подвергался допросу и что Евгеній Андрущенко самъ не совсѣмъ покоенъ. Евгеній Андрущенко показалъ, что Полярная Звѣзда и Колоколъ были оставлены въ Москвѣ братомъ его, передъ отъѣздомъ его въ Черниговскую губернію и онъ передалъ ихъ Тыщинскому, проѣзжавшему тогда черезъ Москву изъ Дерпта въ Черниговскую губернію, свою родину, для доставленія Ивану Андрущенкѣ. Относительно извѣщенія объ арестахъ Евгеній Андрущенко объяснилъ, что по пріѣздѣ

въ Москву, онъ былъ пораженъ слухами объ арестахъ. Въ числѣ подвергнувшихся аресту были: Аргиропуло и Заіончковскій, и такъ какъ онъ зналъ, что братъ его Иванъ Андрущенко былъ знакомъ съ ними, то онъ предупредилъ брата остерегаться, на основаніи ходившихъ слуховъ о чисто напрасныхъ арестахъ. Письмо о Ященкѣ онъ писалъ, потому что зналъ о личныхъ отношеніяхъ его къ брату, а потому жалѣлъ его и хотѣлъ видѣть его. Узнавъ объ арестѣ Аргиропуло и Заіончковскаго, Евгеній Андрущенко отправилсь къ Ященкѣ съ запискою объ арестѣ Аргиропуло и Заіончковскаго. Когда же пришелъ къ Ященкѣ въ другой разъ, то узналъ, что онъ уже былъ арестованъ и что писанная имъ записка взята при обыскѣ въ числѣ бумагъ Ященки, и потому Евгеній Андрущенко боялся безъ взякой вины съ его стороны быть замѣшаннымъ въ это дѣло.

33. Не служащій дворянинъ Гавріилъ Коваленко (20 лѣтъ, сынъ чиновника, служащаго въ г. Черниговѣ, окончилъ курсъ въ гимназіи, православнаго исповѣданія, содержался въ крѣпости съ 26 сентября по 14 октября 1863 г.).

Поводомъ привлеченія Коваленко къ настоящему дѣлу послужило то, что онъ, по показанію Ивана Андрущенки, находился въ его квартирѣ предъ отъѣздомъ Андрущенки изъ Москвы и что Коваленко жилъ въ Москвѣ на одной квартирѣ съ Рѣчицкимъ, у котораго хранились всѣ принадлежавшія Андрущенкѣ воззванія и другія запрещенныя сочиненія.

Коваленко показалъ, что имѣлъ ли Андрущенко предъ выѣздомъ въ Кіевъ какія-либо воззванія, ему неизвѣстно, знаетъ только, что онъ везъ съ собою какой то пакетъ. который просилъ доставить въ Кіевъ. Объ этомъ пакетѣ Андрущенко въ бытность свою, дня за два, въ квартирѣ Коваленки говорилъ, что въ отсутствіи Андрущенки кто-то принесъ къ нему какой-то пакетъ съ просьбою отдать его въ Кіевѣ первому спросившему о пакетѣ; о томъ же, что Рѣчицкій хранилъ у себя принадлежавшія Андрущенкѣ воззванія и другія запрещенныя сочиненія, онъ, Коваленко, не зналъ, а Рѣчицкій объ этомъ не говорилъ.

34. Отставной колежскій секретарь Николай Смирновъ.

35. Служащій въ государственной канцеляріи колежскій совѣтникъ Василій Бѣлозерскій (находится на свободѣ).

Иванъ Андрущенко, содержась въ Черниговскомъ острогѣ, написалъ Смирнову письмо, оставшееся неотправленнымъ, въ которомъ, извѣщая о своемъ арестѣ, просилъ Смирнова сообщить объ этомъ живущему съ нимъ въ одномъ домѣ редактору Основы, Бѣлозерскому, и написать въ Москву, къ брату его, Андрущенкѣ Евгенію, въ Новгородскую губернію. Иванъ Андрущенко показалъ, что онъ былъ знакомъ съ Смирновымъ, потому что хотѣлъ жениться на одной изъ его сестеръ, другихъ же отношеній къ нему не имѣетъ. Просилъ его сообщить въ Москву объ арестѣ, потому что думалъ, что Смирновъ объ этомъ напишетъ Холодовскому-Цибульскому, какъ близкому человѣку Андрущенки, котораго знаетъ и Смирновъ. Бѣлозерскаго же никогда не видѣлъ, но однажды писалъ ему, посылая разсказъ на малороссійскомъ языкѣ для помѣщенія въ журналѣ Основа.

Смирновъ также показалъ, что былъ знакомъ съ Иваномъ Андрущенкою по означенной имъ причинѣ, но о противоправительственной его дѣятельности не зналъ.

При обыскѣ квартиры Смирнова, между прочимъ, оказалось: а) Общее Вѣче № 1, б) Правдивый № 8, в) книга Долгорукова Моимъ Польскимъ и Русскимъ друзьямъ, на французскомъ языкѣ, г) 11 номеровъ Краковской газеты Czas, д) прокламацiя подъ названiемъ Свобода № 1. Смирновъ показалъ, чта Общее Вѣче и Правдивый онъ купилъ въ Одессѣ, а прочiя сочиненiя получены по почтѣ, но кто прислалъ ихъ, не знаетъ. Такъ какъ Андрущенко показалъ, что никогда не видѣлъ Бѣлозерскаго, то онъ объ отношенiяхъ къ Андрущенкѣ спрошенъ не былъ. По поводу оказавшагося у Бѣлозерскаго портрета Герцена, съ надписью карандашомъ: „Вамъ отъ меня, 28 ноября М. Л.“, онъ объяснилъ, что означенный портретъ подаренъ ему, но кѣмъ Бѣлозерскiй не знаетъ; кому принадлежитъ надпись и что она означаетъ, объяснить не можетъ, но думаетъ, что въ надписи пропущено слово подарокъ. Бѣлозерскiй не можетъ даже навѣрное утвердить, что эти слова непосредственно относились къ Бѣлозерскому при первоначальномъ надписанiи.

Примѣчанiе. Кромѣ того, въ бумагахъ Бѣлозерскаго оказалось письмо въ запечатанномъ пакетѣ, отъ жены бывшаго саратовскаго губернатора Екатерины Барановской, съ адресомъ „Iерониму Киневичу, гражданскому инженеру французской компанiи желѣзныхъ дорогъ“. Бѣлозерскiй объяснилъ, что онъ былъ знакомъ съ Барановскимъ и его женою, и письмо послѣдней было послано, вѣроятно, не прямо не нему, Бѣлозерскому, ибо онъ помнилъ бы какимъ образомъ оно попало къ нему въ бумаги; быть можетъ, жена Бѣлозерскаго въ состоянiи будетъ объяснить эти обстоятельства.[1] Iеронима Киневича Бѣлозерскiй вовсе не знаетъ, никогда его не видѣлъ и никогда съ нимъ не говорилъ.

36. Уволенный изъ московскаго мѣщанскаго общества Семенъ Тоонъ (20 лѣтъ).

37. Московскiй 2-ой гильдiи купеческiй братъ, Иванъ Полосатовъ (27 лѣтъ), и

38. Рязанская мѣщанка Анна Третьякова.

Тоонъ и Полосатовъ содержались въ крѣпости съ 7 сентября, первый по 14, второй по 19 октября 1863 г., а третья находится на свободѣ. Передъ выѣздомъ изъ Москвы, Иванъ Андрущенко проживалъ на квартирѣ у Анны Третьяковой, у которой также жили Тоонъ и Полосатовъ. Андрущенко объяснилъ, что онъ писалъ изъ черниговскаго острога Полосатову, чтобы сей послѣднiй черезъ Третьякову предупредилъ о немъ знакомыхъ Андрущенки. Третьякова и Полосатовъ знали, что Андрущенко зна-

[1] Въ самомъ письмѣ Барановская говоритъ: „позабывъ № дома, вами обитаемаго, адресую письмо свое Бѣлозерскому“, и въ немъ ничего предосудительнаго не заключается. Но Киневичъ по дѣламъ слѣдственной комиссiи, бывшей въ Казани, обвиняется въ важныхъ государственныхъ преступленiяхъ, а Барановская изобличена въ перепискѣ преступнаго содержанiя съ штабсъ-капитаномъ Авдѣевымъ, дѣло по сему послѣднему обстоятельству производится въ настоящей комиссiи.

комъ съ такими лицами, изъ которыхъ многіе преслѣдовались правительствомъ за вредный образъ мыслей, а такъ какъ Третьякова знакома съ нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ, съ Сулинымъ, Ященко, Петровскимъ, Лебединскимъ, то Андрущенко просилъ предупредить ихъ о своемъ арестѣ. Тоонъ находился въ то время, когда онъ выѣзжалъ изъ Москвы, но ни въ какихъ противоправительственныхъ дѣйствіяхъ участія не принималъ, равно какъ и Полосатовъ ничего не зналъ. Третьяковой же было извѣстно о подозрительномъ образѣ мыслей и о преслѣдованіи правительствомъ поименованныхъ лицъ изъ разговоровъ, которые часто происходили въ ея присутствіи между этими лицами, квартировавшими у Третьяковой, а также изъ того, что они были судимы и содержались подъ арестомъ. Тоонъ показалъ, что онъ былъ знакомъ съ Андрущенкою, сходился съ нимъ довольно часто и находился въ то время, когда Андрущенко выѣзжалъ изъ Москвы, но о дѣятельности Андрущенки противъ правительства не зналъ и участія въ этой дѣятельности не принималъ, равно ничего не слыхалъ о полученіи Андрущенкою какой-то связки.

Полосатовъ же показалъ, что съ Андрущенкою вовсе знакомъ не былъ и видѣлъ его только разъ въ своей лавкѣ, куда онъ приходилъ за покупкою каленкора и въ другой разъ, когда принесъ ему купленный каленкоръ и получилъ за оный деньги, письма же отъ Андрущенки не получалъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Полосатовъ изъявилъ готовность принять присягу.

Напротивъ, Тоонъ и дворянинъ Холодовскій-Цибульскій объяснили, что Третьякова говорила имъ о полученномъ Полосатовымъ письмѣ отъ Андрущенки, въ которомъ онъ сообщалъ объ арестѣ его, и Холодовскій-Цибульскій добавилъ, что кромѣ того Полосатовъ говорилъ ему о полученномъ имъ письмѣ.

Но Полосатовъ на очныхъ ставкахъ съ Андрущенкою, Тоономъ и Холодовскимъ-Цибульскимъ утверждалъ, что письма не получалъ, однакожъ въ отмѣну прежняго своего объясненія показалъ что былъ у Андрущенки раза два и вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и пилъ чай въ одной комнатѣ.

Третьякова по настоящему дѣлу не спрошена.

Казанскій заговоръ

(1863—1865).

Весной 1863 г. прошелъ въ Казани слухъ, что въ Спасскомъ Казанской губ., арестовали какого-то капитана Иваницкаго. На другой день послѣ этого захватили студента Жеманова и одновременно съ нимъ исчезъ студентъ Глассонъ. Вслѣдъ за тѣмъ прошелъ слухъ, что Казань объявлена на военномъ положеніи. Бывшій губернаторъ Козляниновъ, приказалъ въ силу этого убрать съ Воскресенской улицы скамеечки, стоящія около

домовъ и магазиновъ. Затѣмъ явились на сцену зеленыя, заржавленныя пушки, хранившіяся до тѣхъ поръ, гдѣ-то подъ губернаторскимъ домомъ. Въ кузницахъ оттачивали офицерскіе клинки. Изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ солдатъ стянули въ Казань. Солдаты въ казармахъ спали въ полной аммуниціи. Въ 9 часовъ вечера уже нельзя было выйти со двора, не бывъ захваченнымъ патрулями. Козлянинов поставилъ около своего дворца полный офицерскій казачій караулъ. Догадкамъ не было конца: одни говорили, что поляки хотятъ заполонить городъ, другіе, что хотятъ пріѣхать изъ Питера до 30 искусныхъ партизановъ и взять Казань приступомъ, а иные, что студенты хотятъ поднять казанскихъ татаръ, и перерѣзать городскія власти, начиная съ губернатора и окончивъ квартальнымъ.

Въ это время полиція начала отыскивать еще студентовъ И. Орлова и Элпидина. Значитъ молва о татарахъ и студентахъ оправдывается, говорили праздные люди.

Въ ночь на 2 мая квартира чиновника Пеньковскаго наполнилась полиціей, состоящей изъ частнаго пристава, квартальнаго и полицейскихъ солдатъ. — Сколько васъ здѣсь живетъ? — Былъ первый вопросъ. — Трое, отвѣчаютъ. — Вы всѣ братья? — Да. — А гдѣ Элпидинъ? — А кто его знаетъ. — Какъ! Вѣдь я вчера же его видѣлъ здѣсь? — съ досадой говоритъ квартальный. — Да, вчера былъ, а теперь нѣтъ. — Почему же вчера вы меня обманули, сказавъ другую фамилію? — Другая фамилія, была тоже у меня, и я могъ полагать, что ее-то вамъ и нужно. Началось шаренье во всѣхъ углахъ и ящикахъ. Забравъ бумаги и семейныя письма, сказали, чтобъ старшій Пеньковскій слѣдовалъ за ними. — Зачѣмъ же вамъ меня? — спросилъ Пеньковскій. — Вы скрываете Элпидина, отвѣтила полиція. Тутъ всего интереснѣе было то, что квартира была окружена 12 солдатами и каждый былъ съ большой связкой веревокъ. — Для чего эти веревки? — спросилъ кто-то. — На всякій случай, нельзя же безъ нихъ, отвѣтила полиція. Пеньковскому полиціймейстеръ сказалъ, что его не выпустятъ до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ Элпидина. На второй день послѣ этого, говорятъ Элпидину его знакомые, что нечестно сажать въ тюрьму Ев. Пеньковскаго, ни душей, ни тѣломъ не причастнаго ни къ какимъ политическимъ замысламъ, это во 1-хъ; а во 2-хъ, можетъ тебя отыскиваютъ изъ за какихъ-либо пустяковъ. Элпидинъ, выслушавъ такія рѣчи, явился къ полиціймейстеру.

Здѣсь слѣдуетъ маленькое поясненіе. Элпидинъ былъ сосланъ въ деревню (но не въ помѣстье, ибо онъ пролетарій) безсрочно и безъ права на выѣздъ куда-либо. Кромѣ того, секретными предписаніями губернатора вмѣнялось властямъ въ обязанность не допускать его ни къ педагогическимъ обязанностямъ, ни къ занятіямъ при волостныхъ правленіяхъ.

При появленіи Элпидина, полиціймейстеръ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что тотъ осмѣлился явиться въ Казань, безъ разрѣшенія начальства. Элпидинъ замѣтилъ было, что ему приходилось умирать съ голоду, не выѣзжая изъ деревни и не имѣя права заниматься чѣмъ-либо. Вы, перебилъ полиціймейстеръ,

не хотите голодной смертью умереть, а... а... но тутъ онъ ничего не произнесъ, а указалъ на свою шею. Элпидинъ разсмѣялся и тутъ же былъ отведенъ въ клоповникъ, и на третій день какъ онъ, такъ и Е. Пеньковскій были увезены въ Лаишевскій тюремный замокъ на слѣдствіе.

Недѣли черезъ три послѣ ареста старшаго Пеньковскаго, арестовали младшаго, студента. Въ бумагахъ его оказалась рукопись, его почерка, что-то въ родѣ воззванія къ народу.

Поводомъ къ аресту Иваницкаго и Жеманова былъ Глассонъ. Глассонъ свелъ шапочное знакомство съ Иваницкимъ. Предъ Иваницкимъ онъ либеральничалъ, жалуясь, что ему никто ничего не довѣряетъ, хотя онъ на все былъ бы способенъ. Иваницкій, не желая оскорбить юношу, далъ ему подозрительнаго свойства записку для передачи студенту Жеманову. Вмѣсто рукъ Жеманова, Глассонъ представилъ письмо по начальству, которое научило его подать объявленіе будто бы о потерѣ портмоне съ деньгами, гдѣ и письмо было. Въ дѣлѣ значится, что портмоне Глассона найдено на улицѣ самой полиціей — замѣтьте съ 50 руб. Для вида Глассона арестовали. Тотчасъ же отправили изъ Казани жандарма, полковника Ларіонова въ Спаскъ арестовать Иваницкаго. Мѣстныя власти, зная, что Иваницкій изъ предосторожности клалъ съ собой въ постель пару револьверовъ, и опасаясь катастрофы, послали на квартиру къ нему уважаемаго имъ баталіоннаго командира, чтобы удобнѣе было вызвать его на дворъ, гдѣ стоялъ уже цѣлый взводъ солдатъ. Въ 3 часа ночи, услыхавъ не въ обычное время стукъ въ дверь, Иваницкій взялся было за револьверы, но сейчасъ положилъ, услыхавъ голосъ своего хорошаго командира. Одѣвшись вышелъ на дворъ, гдѣ его и взяли. Въ бумагахъ его нашли одинъ экземпляръ ложнаго манифеста и двѣ печатныя брошюры подъ заглавіемъ: „Свобода и независимость". Его увезли въ Петербургъ и тамъ его и Жеманова спрашивали, не знаютъ ли они чего о существованіи заговора въ Казани. Тѣ отвѣчали, что ничего подобнаго не слыхали. Очныхъ сводовъ по тому письму не было, но спрашивали объ смыслѣ того письма. Иваницкій отвѣтилъ, что таинственное содержаніе письма есть ничто иное, какъ желаніе помистифицировать навязчиваго Глассона. Продержавъ 3 недѣли въ Петропавловской крѣпости, отправили ихъ въ Казань — у правительства нашлись болѣе точныя данныя.

Жилъ въ Вяткѣ, въ качествѣ ссыльнаго, московскій студентъ Смоленскій, который, какъ изъ дѣла видно, былъ знакомъ съ тамошнимъ библіотекаремъ Красовскимъ. Въ это время прошла глупая сплетня, которая навела вятскую полицію сдѣлать у Красовскаго обыскъ. При обыскѣ нашли конвертъ съ брошюрами, надпись конверта была схожа съ почеркомъ Смоленскаго. Кромѣ того было найдено въ бумагахъ письмо отъ казанскаго студента И. Красноперова на имя Красовскаго. Красноперовъ писалъ, что скоро въ Вятку пріѣдетъ апостолъ Иванъ Яковлевичъ, поэтому оказали бы ему свое содѣйствіе. Красноперова, арестовавъ, отправили въ Вятку, также забрали Красовскаго и Смоленскаго. Вятскія власти о содержаніи Красноперовскаго письма

объ апостолѣ Иванѣ Яковлевичѣ сообщили въ Казань, чтобы тамъ разузнали, не выѣхалъ ли какой-нибудь Иванъ Яковлевичъ, и кто онъ такой; и въ то же время начали слѣдить за подозрительными лицами, отыскивая апостола. Вмѣсто апостола по деревнямъ встрѣчали кучки мужиковъ, читавшихъ воззванія. Начали забирать читавшихъ и допытываться откуда взялась у нихъ такая язва. Вездѣ былъ отвѣтъ, что проѣзжающій какой-то далъ имъ эту грамотку, и что мы, какъ люди темные, захотѣли ее прочесть всѣмъ міромъ, и узнать, что она такое. Поиски въ Вятской и Пермской губерніяхъ оказались напрасными. Въ Пермской губерніи, только въ одной деревнѣ мужики описали наружность проѣзжаго, но не сказали, что именно отъ него получили воззванія, а просто нашли у себя на божницѣ. Въ Пермской губерніи одинъ изъ исправниковъ оказалъ такую ревность къ отысканію распространителя, что на свой счетъ нанималъ ищеекъ, не требуя отъ губернатора денежнаго вознагражденія.

Въ Оханскѣ, Пермской губ., жилъ въ ссылкѣ семинаристъ Пономаревъ, у котораго И. Орловъ, названный „апостоломъ“ былъ и оставилъ нѣсколько воззваній. Пономаревъ по полученіи воззваній отправился къ городничему посовѣтоваться объ этомъ. Тотъ, взявъ воззванія къ себѣ, обѣщался устроить такъ, чтобы самимъ остаться цѣлыми, а воззваніе распространить по городу посредствомъ безграмотныхъ будочниковъ. Пономаревъ, сдавъ съ рукъ злонамѣренную ношу, остался спокоенъ. Но городничій донесъ губернатору, что эти воззванія, своей заботливостью онъ собралъ по городу, по улицамъ котораго будто бы были они раскиданы. Городничій прежде донесенія, посовѣтовался съ исправникомъ, который прямо сталъ настаивать на арестѣ Пономарева, такъ какъ одинъ онъ подъ надзоромъ полиціи, и что болѣе некому раскидывать воззванія, кромѣ Пономарева.

Вскорѣ послѣ донесенія исправника, губернаторъ прислалъ жандармскаго офицера арестовать Пономарева и допросить. Пономарева арестовали. Въ полиціи является къ нему городничій (бывшій пріятель) и начинаетъ высказывать свою ошибку и торопливость съ брошюрами и тутъ же спросилъ его, не осталось ли какихъ важныхъ бумагъ у него на квартирѣ? Тотъ отвѣтилъ, что всѣ бумаги сожжены. Тутъ Пономаревъ прибавилъ, что если дѣло пойдетъ очень скверно, то онъ скажетъ на городничаго. Городничій старался эти слова замять и вести разговоръ въ вопросительной формѣ. Пономаревъ этой штуки не понялъ и продолжалъ говорить въ той увѣренности, что свидѣтелей никого нѣтъ, а отъ городничаго можно и отпереться, тутъ шла рѣчь и объ Иванѣ Яковлевичѣ Орловѣ „апостолѣ“. Чрезъ полчаса призываютъ Пономарева къ допросу и показываютъ ему протоколъ, съ его словъ записанный, и подписанный уже исправникомъ, жандармскимъ офицеромъ и городскимъ членомъ. Онъ былъ озадаченъ этимъ чудеснымъ подслушиваніемъ. Пономареву указали на дверь, чрезъ которую они устроили еще заранѣе, чтобъ все слушать. Теперь пермяки были убѣждены, что распространитель воззваній по Пермской губ. былъ Ив. Орловъ. Телеграфировали объ этомъ арестѣ въ Казань.

Отыскивая И. Орлова по Пермской губ., нечаянно наткнулись на путешественниковъ въ Оссѣ, Крупскаго, студента Краковскаго университета, сосланнаго въ каторжную работу за манифестаціи въ Варшавѣ въ 1861 г. и бѣжавшаго оттуда, и Балакшина, студента Казанскаго университета, сосланнаго тоже въ 1861 г. по университетской исторіи. Ихъ отправили въ Казань па разслѣдованіе, не имѣютъ ли они какой связи съ казанцами. По слѣдствію оказалось, что не имѣютъ никакой связи, и обоихъ отправили — Крупскаго обратно въ каторгу, а Балакшина неизвѣстно куда.

Такимъ же образомъ были въ Вятской губерніи арестованы студентъ Николай Орловъ и семинаристъ Дерновъ. Они проѣздомъ въ Вятку останавливались въ одной деревнѣ и отдали одинъ экземпляръ брошюры. Этотъ экземпляръ, вѣроятно за неимѣніемъ чтеца, попалъ къ писарю, но не простому писарю, а исправническому. Въ то-же самое время отыскивали И. Орлова и забрали Орлова — но не того. Какъ Пономарева, такъ и Н. Орлова съ Дерновымъ, отправили въ Вятку.

Наконецъ, долго отыскиваемаго Ивана Орлова арестовали въ деревнѣ въ 20 верстахъ отъ Казани. При Орловѣ нашли револьверъ заряженный. Орлова отправили въ Вятку.

Студентъ Бирюковъ, проѣзжая на родину, заѣхалъ къ одному знакомому священнику переночевать. Попъ съ Бирюковымъ завелъ чисто богословскій споръ, но какъ Бирюковъ оказался въ теологіи крѣпче попа, то іерей вздумалъ употребить кулаки свои вмѣсто научныхъ аргументовъ. Къ несчастію его, онъ и на этихъ православныхъ аргументахъ былъ побитъ. Осталось одно средство — донести что-либо на Бирюкова, что̀ попъ и сдѣлалъ — онъ донесъ, что Бирюковъ въ домѣ его богохульствовалъ и читалъ возмутительныя сочиненія, какъ ему, такъ и мужикамъ. Бирюкова арестовали. При немъ ничего запрещеннаго не оказалось. Пермскій губернаторъ, вмѣсто суда (ибо судить было не за что) рѣшилъ своей волей отдать Бирюкова въ солдаты. Все было уже готово къ отправкѣ Бирюкова на царскую службу, какъ губернаторъ получилъ изъ Вятки требованіе на высылку туда Бирюкова. Вмѣсто военной службы отправили его въ Вятскую тюрьму.

Въ той же губерніи одинъ дьяконъ до такой степени былъ проникнутъ необходимостью пропаганды, что самъ писалъ брошюры, и эти собственноручныя рукописи раздавалъ по народу. Онъ былъ арестованъ, вслѣдъ за другими арестами, за распространеніе своей рукописи, въ которой онъ проповѣдывалъ народу, что правительство и церковные служители его обманываютъ и обираютъ. Дьякона засадили въ тюрьму, долго держали въ темной; потомъ перевели въ вонючій подвалъ. Не могъ дьяконъ вынести дикаго обращенія — зачахъ, не проживъ и года.

Поручикъ Мрочекъ, товарищъ Иваницкаго, весной 1863 г. проѣздомъ чрезъ Нижній зашелъ къ офицеру стрѣлковаго батальона Михайлову. Разговорившись о польскомъ возстаніи, Мрочекъ замѣтилъ Михайлову, что возстаніе возможно и здѣсь

и спрашивалъ его, сталъ ли бы онъ участвовать въ возстаніи? Михайловъ отвѣтилъ, что онъ можетъ воевать только въ качествѣ офицера противъ турокъ и всякихъ другихъ непріятелей, объявившихъ войну Россіи. Въ Москвѣ Мрочекъ что-то подобное говорилъ одному офицеру генеральнаго штаба. Этотъ офицеръ, попросивъ Мрочка подождать у него въ квартирѣ, сбѣгалъ за полиціей. Мрочка повезли въ III-е отдѣленіе. Продержавъ тамъ около трехъ недѣль, отправили въ Казань.

Въ Вяткѣ было создано такъ называемое отдѣленіе по политическимъ дѣламъ. Слѣдователями были: полиціймейстеръ, частный приставъ, жандармскій офицеръ, присланный изъ Вильно, и чиновникъ отъ губернатора. Арестованные въ половинѣ мая были слѣдующіе: студентъ И. Красноперовъ, библіотекарь Красовскій, Смоленскій, Н. Орловъ съ Дерновымъ, Пономаревъ, Ив. Орловъ и Бирюковъ. Начались допросы. Изъ показаній И. Красноперова слѣдственное отдѣленіе ничего не имѣло, кромѣ восторженныхъ словъ въ родѣ того, что онъ всегда станетъ на сторону угнетеннаго народа, что народъ страдаетъ и мучится отъ необузданнаго самовластія; даже одно показаніе закончилъ словами: да здравствуетъ демократическая соціальная республика русская! На другихъ ничего не показывалъ. Его по старому обычаю сводили въ баню, накормили ветчиной и не давали пить. Изъ показаній Красовскаго и Смоленскаго тоже многаго не узнали, кромѣ показанія другъ на друга въ передачѣ брошюръ. Н. Орловъ показалъ, что воззваніе получилъ отъ И. Орлова. Его начали таскать и употреблять надъ нимъ всевозможные опыты. Стращали и висѣлицей, и разстрѣляніемъ; Орловъ съ начала былъ твердъ. Ему начали давать курить, угощать въ комиссіи на допросахъ чаемъ и водкой. Полиціймейстеръ возилъ его даже въ торговую баню, — гдѣ предложилъ ему публичную женщину. Подъ вліяніемъ ли нравственной или физіологической пытки, онъ не стерпѣлъ. Показалъ, во 1-хъ, на Е. Красноперова, что давалъ ему воззванія, во 2-хъ и всего важнѣе, указалъ на одного 16-лѣтняго мальчика Миттермана, что будто получилъ отъ него воззванія. Того арестовали и привезли на допросъ въ Вятку. Викторъ Миттерманъ сказалъ въ комиссіи, что ничего не понимаетъ и не знаетъ. Орловъ сказалъ, что онъ ошибся, указавъ на младшаго вмѣсто старшаго Миттермана. Онъ въ отдачѣ воззваній не сознается. Комиссія увѣщеваетъ, стращаетъ казнью за упорство, обѣщаетъ свободу за несовершеннолѣтіе. Послѣ такихъ увѣщаній и стращаній Миттерманъ показываетъ, что Орлову воззваній не давалъ, но далъ пачку манифестовъ, и расписалъ воображаемый правительствомъ заговоръ слѣдующимъ образомъ: Въ квартирахъ Сергѣева и Поликовскаго были политическія засѣданія, на которыхъ проектовалось возстаніе въ Казани. Военною частью брался завѣдовать штабсъ-капитанъ Иваницкій, а товарищъ его Мрочекъ бралъ на себя агентство на сношеніе съ лицами другихъ городовъ. Миттерманъ сказалъ также, что на послѣднемъ засѣданіи были: Жемановъ, Щербаковъ, Поликовскій, Сергѣевъ, Алѣевъ, Лаврскій, Бирюковъ и И. Орловъ. Всѣхъ ихъ аресто-

вали. Начался допросъ новымъ лицамъ съ очными ставками. Миттерманъ уличилъ Орлова въ томъ, что не давалъ ему воззваній, тотъ согласился съ этимъ и объявилъ, что манифесты онъ жжегъ, а воззванія получилъ отъ Слятковскаго, котораго онъ видалъ въ кафэ. Сергѣевъ и Поликовскій показали, что у нихъ политическихъ собраній никакихъ не было, а что показываемыя Миттерманомъ собранія были ничего болѣе, какъ товарищескія посѣщенія. Болѣе этого слѣдственная комиссія ничего не могла узнать, вопросы вертѣлись па однихъ голословныхъ показаніяхъ. Объ этихъ показаніяхъ слѣдственное отдѣленіе телеграфировало въ Питеръ, который не замедлилъ въ Казани высочайше учредить главную слѣдственную комиссію по политическимъ дѣламъ. И вслѣдъ за тѣмъ всѣ арестованные были перевезены въ резиденцію этой комиссіи.

Аресты еще не кончились. Флигель-адъютантъ, полковникъ Нарышкинъ былъ отправленъ по поволжью изловить на мѣстѣ преступленія петербургскихъ студентовъ — Новицкаго, Маевскаго, Госцевича и Олехновеца. Одинъ изъ исправниковъ Самарской губерніи присталъ къ Новицкому съ кулаками къ горлу, требуя отъ него паспорта. Новицкій, объявивъ свою фамилію и дворянское происхожденіе, сказалъ, что у него паспорта нѣтъ, но что они могутъ справиться и судить его законнымъ порядкомъ, а не управляться кулаками. Исправникъ, указавъ на стоявшаго вблизи Нарышкина, сказалъ, что онъ не одинъ, и въ ту же минуту нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу. Нарышкинъ смотрѣлъ на эту сцену, покручивая усы и не унялъ исправника.

Арестованныхъ, продержавъ положительно двое сутокъ безъ всякой пищи, кромѣ воды, посадили на арестантскую діэту. Новицкій, какъ имѣвшій около 200 руб. денегъ, убѣдилъ смотрителя замка кормить его по человѣчески. Начали давать ему мясной супъ и молоко. По прошествіи мѣсяца смотритель за такой обѣдъ вычелъ у него сто рублей. Новицкій заявлялъ о такой дороговизнѣ членамъ высочайшей комиссіи, но заявленіе его оставлено безъ отвѣта. Новицкій, Маевскій и Госцевичъ показали при пензенскихъ дознаніяхъ, что они получили манифесты отъ неизвѣстнаго имъ француза. назвавшагося Іеронимомъ, котораго встрѣчали въ Москвѣ. По окончаніи предварительнаго дознанія, ихъ отправили въ Казань. А затѣмъ Нарышкинъ произведенъ въ генералъ-маіоры и посаженъ на казанское кормленіе вмѣсто Козлянинова.

На третій день послѣ ареста Элпидина увезли какъ его, такъ Евг. Пеньковскаго въ Лаишевъ. Тамъ тоже была назначена слѣдственная комиссія, состоящая изъ судебнаго слѣдователя Поступальскаго — онъ же и предсѣдатель, изъ уѣзднаго исправника Жигалова, который въ то время исправлялъ должность главнаго тюремщика, и третьяго лица, безличнаго и безгласнаго, — гласнаго городской ратуши. Дѣло возникло изъ того, что одинъ изъ лаишевскихъ мѣщанъ В. Булгаковъ былъ взятъ съ воззваніемъ тамошнимъ городскимъ головой Гребеньщиковымъ. Засадивши Булгакова въ полицію, Гребеньщиковъ сейчасъ от-

правился къ губернатору Козлянинову донести, что онъ пресѣкъ государственное зло. По пріѣздѣ отъ губернатора, Гребеньщиковъ вкупѣ съ Жигаловымъ и Поступальскимъ, заковавши В. Булгакова по рукамъ и ногамъ, начали требовать сознанія; но когда тотъ продолжалъ говорить, что онъ получилъ листокъ отъ какого-то проѣзжаго, то надѣли ему на шею цѣпь и подтянули къ ногамъ. Въ такомъ согнутомъ положеніи бросили его въ тюрьму. Эти безпристрастные слѣдователи, приходя безпрестанно къ закованному Булгакову, обѣщали еще приковать въ такомъ согнутомъ положеніи къ стѣнѣ, а потомъ удавить. В. Булгаковъ не вынесъ этого и указалъ на своего брата Степана. Со Степаномъ произошла такая же исторія, но драматичнѣе. Къ нему привели жену и дѣтей. Они стали плакать, увидя отца закованнымъ. Съ одной стороны слезы жены и дѣтей, умоляющихъ его сознаться, а съ другой убѣжденія Жигалова и Поступальскаго, обѣщающихъ свободу, Булгаковъ объявилъ, что онъ дѣйствительно получалъ 5 экземпляровъ листковъ отъ Элпидина, изъ пяти одинъ изорвалъ, а остальные четыре передалъ знакомымъ мужикамъ ближайшихъ деревень. Тѣхъ крестьянъ арестовали, но чрезъ недѣлю выпустили, взявъ съ каждаго, чрезъ полицейскаго писаря, по 5 руб. Показаніе брата онъ положительно отвергъ, говоря, что брату никакихъ листковъ не давалъ.

Содержаніе въ лаишевской тюрьмѣ было такое же, какъ въ вятской, пермской и пензенской. Сѣрые щи безъ мяса два раза въ день и только, хотя двое изъ арестованныхъ по рангамъ принадлежали къ чиновному люду. По этому поводу у Элпидина вышло столкновеніе съ исправникомъ. Разъ приходятъ въ подвалъ Элпидина (за неимѣніемъ помѣщенія ему уступили подвалъ, служившій цейгаузомъ, сырой до такой степени, что ползали тамъ красные червяки) попечители тюремнаго комитета: окружной начальникъ Нагибинъ и уѣздный судья, и спрашиваютъ доволенъ ли тотъ столомъ и постелью (постель состояла изъ одного мѣшка, набитаго пшеничнымъ колосьемъ, безъ одѣяла). Элпидинъ, конечно, отвѣтилъ отрицательно. Попечители посовѣтовали ему потребовать на руки кормовыя деньги, которыхъ по чину ему полагалось $14^{1}/_{2}$ к. въ сутки. Элпидинъ такъ и сдѣлалъ. Онъ на другой же день объявилъ смотрителю, что желаетъ получать или $14^{1}/_{2}$ коп. на руки, или же каждодневно супъ съ $^{1}/_{2}$ ф. мяса и двумя кружками молока (это стоитъ въ Лаишевѣ 8 коп.). Смотритель обѣщался передать объ этомъ Жигалову. На другой день Элпидинъ ждетъ въ 12 часовъ супу и молока, но къ его удивленію помощникъ смотрителя приноситъ ему кружку воды и $^{1}/_{8}$ ф. ржанаго хлѣба, объявляя, что Жигаловъ и Поступальскій посадили его на хлѣбъ и воду на три дня за капризы. Объ болѣе мелкихъ придиркахъ и распространяться не стоитъ, какъ напр. конвойные солдаты говорятъ Элпидину, чтобъ онъ шелъ среди улицы, а не стороной (въ то время была грязь и холодно, а у него сапоги безъ подошвъ), тотъ убѣждаетъ ихъ, что тамъ грязно и можно ногу наколоть; солдаты настаиваютъ на своемъ, говоря, что такъ приказала комиссія.

Элпидинъ уперся и не пошелъ. Жигаловъ узнавъ объ этомъ, въ комиссіи же совѣтовалъ солдатамъ попотчивать Элпидина прикладами за нарушеніе дисциплины. Когда тотъ спросилъ по какимъ это законамъ? Жигаловъ преспокойно отвѣтилъ, что для него законъ не писанъ. Слѣдствіе производилось въ такомъ духѣ, какъ и кулачныя дознанія. Такъ какъ Элпидинъ не сознавался въ передачѣ Булгакову воззваній около мѣсяца, то слѣдователи подкупили одного арестанта, приговореннаго къ каторжной работѣ, передавать записки отъ Элпидина къ Пеньковскому и обратно; за что арестанту обѣщали вмѣсто каторги вольное поселеніе (и надули). Такимъ образомъ Пеньковскій съ Элпидиномъ стали переписываться и разсказывали въ своихъ письмахъ о томъ, что утромъ ихъ спрашивали въ комиссіи, съ прибавленіемъ, конечно, ругательствъ за медленность слѣдствія. Письма такого рода прежде чѣмъ доходили по адресу, въ комиссіи съ нихъ списывались копіи. Но тутъ комиссія потерпѣла неудачу, ибо въ письмахъ ничего новаго она не открыла. Обвинить же Элпидина нужно имъ было во что бы то ни стало, такъ какъ по показаніямъ Булгакова значится въ ходу только 4 экземп. воззваній, комиссія же успѣла въ разныхъ мѣстахъ захватить всего 9 экземп., то разница отъ 4 до 9 показывала еще какихъ-то распространителей. Свидѣтелей же на Элпидина кромѣ Булгакова не было. Но счастіе повезло слѣдователямъ. Одинъ крестьянинъ, которому Элпидинъ далъ 2 экземп., при сходѣ прочиталъ ихъ, и передалъ въ сосѣднюю деревню. А такъ какъ это происходило уже въ самый разгаръ слѣдствій, то мужика скоро захватили. Способъ дознанія, конечно, тотъ же: запугали, помучили, мужикъ показалъ на Элпидина. Комиссія торжествовала, что нашелся еще одинъ уличитель противъ Элпидина. Но въ этой уликѣ она стала втупикъ. Уличая Элпидина этимъ мужикомъ распространителемъ, она засаживаетъ самого уличителя, а Элпидина, какъ несознающагося, упускаютъ изъ когтей правосудія. Имъ это не выгодно. Сдѣлавъ же этого мужика законнымъ свидѣтелемъ, они должны выпустить изъ рукъ мужика распространителя. Слѣдователи выбрали второй исходъ. Мужика научили сказать, что по полученіи листковъ онъ тотчасъ заявилъ объ этомъ мірскому сходу и представилъ ихъ по начальству. Все это устроено было заднимъ числомъ. Такимъ образомъ сплутовавъ, комиссія представила предъ Элпидина все семейство того крестьянина въ видѣ законныхъ свидѣтелей. Элпидинъ, увидавъ лихорадочное состояніе семейства крестьянина и расчитывая на кой-какія шансы, казавшіеся благопріятными, утвердилъ всѣ эти вынужденныя показанія. Мужика выпустили, а Элпидина Поступальскій повезъ въ Казань къ Козлянинову, на тайное свиданіе. На этомъ свиданіи Козляниновъ сказалъ Элпидину, что тотъ положительно у него въ рукахъ, что даже у него въ карманѣ и конфирмація, и что все зависитъ отъ сообщенія важныхъ фактовъ. Элпидинъ, конечно, не повѣрилъ этому, но желалъ выхлопотать кой-какія льготы, сообщивъ ему нѣсколько лицъ, якобы злонамѣренныхъ. Козляниновъ, на голословное указаніе безъ фактовъ замѣтилъ, что

это ни къ чему не поведетъ. Видя неудовлетворенность губернатора, Элпидинъ сказалъ, что знаетъ господина, имѣщаго у себя типографскій станокъ съ злонамѣренной цѣлью, и вербующаго у себя кружекъ. Козляниновъ просіялъ при этомъ. „Что дадите за такое открытіе? спрашиваетъ Элпидинъ. Дозвольте по крайней мѣрѣ читать книги и имѣть обѣдъ мясной съ моложекомъ?" Козляниновъ далъ слово исполнить эти скромныя желанія. — Этотъ человѣкъ, продолжаетъ Элпидинъ, выгнанный изъ службы за воровство и грубое обращеніе съ подчиненными — поручикъ Пушкаревъ. Козляниновъ отъ досады разсмѣялся. — „Экое важное открытіе! я вамъ скажу болѣе, Пушкаревъ подлецъ и пьяница. Онъ и нашимъ и вашимъ. Онъ отъ III отдѣленія получаетъ содержаніе, да и съ вашихъ подлецовъ беретъ деньги. Онъ получилъ станокъ въ III отдѣленіи съ тѣмъ, чтобы вашего брата ловить." Козляниновъ оставшись недоволенъ этимъ открытіемъ, приступилъ допытываться, откуда самъ Элпидинъ получилъ воззванія. Тотъ описалъ паспортныя примѣты воображаемаго человѣка. Поступальскій, вынувъ изъ портфеля болѣе дюжины карточекъ, предложилъ разглядѣть и узнать въ этой коллекціи своего незнакомца. Элпидинъ не узналъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Его увезли обратно въ Лаишевъ доканчивать слѣдствіе, и по окончаніи слѣдственныхъ разнюхиваній всѣ четверо, Пеньковскій, Элпидинъ и двое Булгаковыхъ были увезены въ Казань.

Казань сдѣлалась центральной тюрьмой по всему Поволжью. Въ ней не было властей выше высочайшей комиссіи по политическимъ дѣламъ и Тимашева. Составъ комиссіи былъ слѣдующій: главный инквизиторъ дѣйств. тайный сов. Ждановъ, со звѣздой, но безъ зубовъ; Анненскій, низкаго росту сѣдой, съ наглымъ выраженіемъ лица; казачій полковникъ Слуцкій, ярый славянофилъ, постоянно раздушенный и прикидывающійся сочувствующимъ къ арестантамъ; статскій совѣтникъ Превлоцкій, безъ хитрости, но готовый всякаго обругать; Афанасенко, чиновникъ отъ минист. юстиціи, пузатенькій и дряблый — и жандармскій полковникъ Ларіоновъ, похожій скорѣе на простяка фельдфебеля, чѣмъ на полковника. Члены комиссій позаботились прежде всего наймомъ роскошной квартиры для допрашиванія. Всѣ тюрьмы Казани были арестантами переполнены; военный замокъ, называемый гауптвахтой, гражд. тюремный замокъ, полиція всѣ пять частей, и этого не хватило, для размѣщенія политическихъ арестантовъ взяли цѣлое отдѣленіе за городомъ въ военномъ госпиталѣ. Тюрьмы окружили самымъ непроницаемымъ, не только нравственнымъ, но и физическимъ мракомъ. Печи, какъ самые удобные вентиляторы, были задѣланы кирпичами. Рамы были заколочены, исключая небольшихъ фортокъ величиной въ обыкновенное оконное стекло. Кромѣ того были приколочены къ внѣшней сторонѣ рамы какія-то крашеныя масляной краской полотна, не пропускавшія не только свѣту, но и воздуху, эти дикіе занавѣсы, комиссія называла маркизами; арестантовъ не пускали въ ретирады, а каждый имѣлъ въ своей камерѣ деревянную не закрытую посуду, отъ

этого воздухъ былъ невыразимо убійственный; курить было не позволено. Комнаты мылись въ полгода разъ, ни бань, ни ваннъ не было. Гулять по двору не пускали до тѣхъ поръ, пока не заболѣло нѣсколько человѣкъ. Часовъ въ 11 являлся одинъ изъ членовъ въ камору арестанта съ выспрашиваніемъ не нуждается ли тотъ въ чемъ? Я желаю написать къ отцу или матери писмо, говоритъ арестантъ. — Комиссія не можетъ разрѣшить вамъ этого. — Еще въ чемъ вы нуждаетесь? — Я третій мѣсяцъ не мылся въ банѣ. — Комиссія не можетъ разрѣшить вамъ этого, у нея нѣтъ въ распоряженіи глухихъ каретъ, въ которыхъ бы можно было возить въ тюремную баню. Еще въ чемъ вы нуждаетесь? — Мнѣ душно и темно здѣсь, снимите, пажалуйста, наши намордники. — Комиссія не можетъ сдѣлать этого. Еще не нуждаетесь ли и т. д. — Хоть бы выпускали на 10 или 15 минутъ въ сутки на дворъ подышать чистымъ воздухомъ. — Комиссія не можетъ и т. д. — Дайте мнѣ книгъ для чтенія? — Какихъ? спрашиваетъ членъ, будто бы желая дать. — Какихъ-нибудь, вѣдь тоска беретъ. — Нельзя... Еще и т. д. — Дайте мнѣ хотя мои книги, тамъ ничего нѣтъ непозволительнаго? — Отвѣтъ такой же. — Послѣдняя моя просьба, купите мнѣ аспидную доску. — Комиссія не можетъ и т. д. На другой день является другой членъ и продолжаетъ спрашивать въ чемъ арестантъ нуждается. Тотъ проситъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. На третій день, третій членъ приходитъ и такъ далѣе, пока не обойдетъ весь составъ комиссіи. Потомъ начинается снова. Подъ конецъ же такихъ участій, начинаетъ членъ совѣтовать не упорствовать, а сознаваться откровенно для того, чтобъ попасть къ концу списка, а не къ началу.

Начались допросы съ Иваницкаго. Онъ отвѣчалъ сначала также, какъ и въ III отдѣленіи, незнаніемъ никакихъ проектовъ возстанія. Мрочекъ же поступилъ совершенно на оборотъ. Онъ старался о большомъ числѣ арестовъ. Въ этихъ показаніяхъ попали фамиліи Станкевича и Черняка. Станкевичъ, узнавъ объ казанскихъ арестахъ уѣхалъ изъ Казани, чтобъ перебраться за границу. Про Черняка прошелъ слухъ, что онъ убитъ. По его показанію арестовали поручика Михайлова и учителя Нижегородской гимназіи Капиченку. Михайловъ по излишнему простодушію сказалъ комиссіи на улики Мрочека, что тотъ дѣйствительно былъ у него и говорилъ о возстаніи, но что Михайловъ все это принялъ за шутку, съ чѣмъ и уѣхалъ отъ него Мрочекъ. Комиссія внушительно кричала на Михайлова, что онъ, какъ честный офицеръ, долженъ былъ по обязанности донести объ этомъ. Тотъ въ свою очередь объяснялъ, что доносить онъ не былъ обязанъ, служа ротнымъ командиромъ въ дѣйствующихъ войскахъ, что у правительства есть на это специалисты, все III отдѣленіе съ многочисленными эмисарами; обязанность же моя, добавилъ онъ — сабля. Капиченко на отрѣзъ отказался, отъ свиданія съ Мрочекомъ въ квартирѣ Михайлова. Это очень просто, Капиченко плохо видитъ. Въ комиссіи говорили Капиченкѣ, что онъ какъ юристъ, знаетъ очень хорошо, чему подвергаетъ себя запирательствомъ. „По этому-то отвѣ-

чаетъ Капиченко, я и показываю такъ какъ нужно, потому что я очень хорошо знаю законы.“ Иваницкій не долго выдержалъ молчаніе. Комиссія свела его на очную ставку съ Мрочекомъ, чтобъ его уличить. Но какъ всѣ улики были отвергнуты и комиссія, замѣтивъ въ немъ экзальтированные состояніе, стала оскорблять его двусмысленными намеками въ трусости, Иваницкій не вытерпѣлъ, съ запальчивостью сказалъ имъ: „да, да! все, что на меня, справедливо; если хотите я подпишу; смерти же я не боюсь, давите меня, только пожалуйста поскорѣе, не мучьте“. Комиссіи только этого и нужно было. Она подсунула тотчасъ бумаги, онъ всѣ показанія Мрочека и подписалъ. Послѣ Иваницкій обдумалъ свою ошибку и хотѣлъ перемѣнить показанія, но какъ комиссіи это было не выгодно, ей было нужно сочинить вооруженное возстаніе со взрывомъ пороховыхъ погребовъ и нападеніемъ на сонныхъ солдатъ, то она не допустила никакой перемѣны въ своихъ показаніяхъ Иваницкому.

Этимъ комиссія дознанія свои дѣла съ Иваницкимъ, Мрочекомъ и казанскими студентами кончила, рѣшивъ, что все говоренное въ товарищескихъ встрѣчахъ и подтвержденное вынужденіями и есть заговоръ съ цѣлью возстанія.

По бумагамъ у комиссіи все законно, — даже всѣ дали подписки, что не было пристрастныхъ допросовъ. И чтобы могло выйти, если бы кто отказался дать такую подписку? (Иваницкій съ Киневичемъ протестовали въ военномъ судѣ противъ дознанія комиссіи.)

Осенью 1863 г. былъ привезенъ въ Казань французскій подданный Киневичъ, служившій въ Россіи инженеромъ на желѣзной дорогѣ и какъ Киневича звали Жеромъ, то комиссія приняла его за того самаго Іеронима, который петербургскимъ студентамъ, Новицкому и другимъ, давалъ манифесты. На очныхъ ставкахъ Новицкій и другіе Киневича не признали, показавъ, что дававшій манифесты французъ былъ съ густыми волосами, а этотъ плѣшивый. Равнымъ образомъ и Киневичъ сказалъ, что никакого Новицкаго и другихъ онъ никогда не зналъ, почему и не могъ давать и порученій. Комиссія, узнавъ, что Киневичъ имѣлъ въ Москвѣ квартиру и жену, отправила Анненскаго, чтобы онъ сдѣлалъ въ квартирѣ ея обыскъ. Объ обыскѣ Анненскій самъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Стучусь въ дверь — тамъ спрашиваютъ на французскомъ языкѣ: какого черта нужно такъ поздно? Я объяснилъ обязанность свою передъ закономъ и лишь только отворилась дверь, въ меня что-то полетѣло съ шумомъ. Оказалось, что француженка швырнула въ меня своей юбкой, но такъ удачно, что когда я сталъ вылезать изъ подъ нея, весь очутился въ юпкѣ“. У жены Киневича злонамѣреннаго ничего не отыскалось, у комиссіи юридическихъ уликъ никакихъ не было.

Допрашивать комиссія кончила, потому что преступленія каждаго обрисовались очень отчетливо.

Иваницкій говорилъ въ кружкѣ знакомыхъ, что желалъ бы возстанія.

Мрочекъ желалъ возстанія и говорилъ объ этомъ Михайлову.

Французъ Киневичъ преступенъ въ томъ, что имя ему Іеронимъ.

Станкевичъ говорилъ о возстаніи и бѣжалъ изъ Казани.

Поликовскій — въ квартирѣ его Иваницкимъ и другими говорилось о возстаніи.

Миттерманъ слышалъ разговоръ о возстаніи и впослѣдствіи разъяснилъ объ этомъ комиссіи.

Лаврскій и Щербаковъ разговаривали о возможности возстанія.

Алѣевъ былъ въ то время, какъ говорилось о возстаніи (его квартира была тутъ же).

Бирюковъ разговаривалъ съ лицами, говорившими о возстаніи, и разсуждалъ съ попомъ о религіи.

Сергѣевъ — въ квартирѣ его говорилось о возстаніи, и какъ хозяинъ дома, самъ не могъ молчать, по праву гостепріимства.

И. Орловъ сжегъ манифесты, развозилъ воззванія и говорилъ о возстаніи.

Н. Орловъ и Дерновъ одинъ экземпляръ воззванія отдали въ деревню.

И. Красноперовъ разговаривалъ съ Иваницкимъ о возстаніи и писалъ письмо объ „апостолѣ".

Е. Красноперовъ получалъ отъ П. О. экземпляръ воззванія и читалъ своимъ товарищамъ, какъ курьезъ.

Новицкій распространялъ манифесты, чтобы получить смерть. Онъ имѣлъ безнадежную любовь.

Маевскій и Госцевичъ раздавали манифесты.

Олехновецъ не распространялъ, но имѣлъ манифесты, зашитые въ нагрудникѣ, о которыхъ онъ не зналъ.

Михайловъ, выслушавъ предложеніе Мрочека на возстаніе, отвѣтилъ ему, что тотъ говоритъ смѣшныя вещи.

Капиченко виноватъ въ томъ, что не видалъ Мрочека у Михайлова и не говорилъ о возстаніи.

Элпидинъ былъ въ Безднѣ послѣ безпорядковъ въ 1861 г. и раздавалъ воззванія въ 1863 г.

Ев. Пеньковскій преступенъ въ томъ, что квартировалъ вмѣстѣ съ Элпидинымъ.

И. Пеньковскій имѣлъ брошюру рукописную революціоннаго содержанія, брошюра — его почерка.

С. Булгаковъ раздавалъ воззванія.

В. Булгаковъ показывалъ своему пріятелю въ гостинницѣ одинъ экземпляръ воззванія.

Красовскій получилъ письмо отъ И. Красноперова.

Смоленскій имѣлъ у себя брошюру.

Здѣсь изъ арестованныхъ не всѣ перечислены, такъ какъ много арестовано было на короткіе сроки по письмамъ, въ которыхъ были фразы, не нравящіяся отеческому надзору. Такъ, напримѣръ, Калиновскій, сосланный въ Астрахань, писалъ къ своимъ знакомымъ въ Питеръ, что онъ, хотя и сосланъ, но все-таки дѣлаетъ свое дѣло. За это былъ арестованъ, судимъ безъ суда въ Казани и отправленъ въ Тобольскую губернію. Другой писалъ еще въ 1862 году письмо, гдѣ выражалъ сочув-

ствіе къ „Молодой Россіи“ и былъ арестованъ въ 1863 г. іюля мѣсяца.

Всѣ эти свѣдѣнія комиссія еще пріобрѣла до октября 1863 г., а прожила въ Казани до января 1864 г. Что же она дѣлала? — спросятъ неимѣющіе понятія объ инквизиціонныхъ слѣдствіяхъ. По вечерамъ ходила поиграть въ карты и въ то же время утѣшать публику, что комиссія существуетъ въ ихъ городѣ не съ цѣлью вѣшать гражданъ, а избавить ихъ отъ революціонной язвы. По днямъ же ходили по тюрьмамъ и своимъ участіемъ каждрму арестанту отравляли существованіе. Вотъ нѣсколько образцовъ изъ гуманнаго обращенія съ арестованными. Слуцкій является въ камеру съ распростертыми объятіями. „Здравствуйте, какъ поживаете?“ — „Видите, еще не сгнилъ“, отвѣчаетъ арестантъ. „Ахъ, вы право какой“, начинаетъ юлить Слуцкій. „Развѣ мы не понимаемъ, что вамъ не легко, вы думаете, что мы противъ васъ, совсѣмъ нѣтъ! Повѣрите ли“, со слезами продолжаетъ онъ, „я горячо сочувствую вашимъ убѣжденіямъ. А съ кѣмъ вы — осклабясь и понизивъ голосъ — переписывались?“ — „Толковалъ вамъ, что ни съ кѣмъ“, отвѣчаетъ арестантъ. „Вотъ вы все намъ не довѣряете“, полуобиженнымъ тономъ оканчиваетъ Слуцкій. Или: „Что вы все лежите?“ привѣтствуетъ Ждановъ. „Да что же дѣлать, коли не даете книгъ“, говоритъ арестантъ. „А чего бы вы желали читать, я, пожалуй, похлопочу.“ — „Дайте, пожалуйста, за нынѣшній годъ № „Современника“. — „Что тамъ хорошаго теперь“, шамшитъ Ждановъ, „Михайловъ въ каторгѣ, Чернышевскаго мы упрятали.“ — „Вы просили бумаги“, спрашиваетъ Анненскій. — „Да, мнѣ нужно написать письмо къ брату“, говоритъ арестантъ. — „Ахъ, да, скажите, пожалуйста“, продолжаетъ Анненскій, будто вспомнивъ, „я забылъ, вы познакомились съ Иваницкимъ до Пасхи или на Пасхѣ?“ — „Сто разъ говорилъ вамъ, что я съ нимъ не знакомъ.“ — „Ахъ, я и забылъ, это не вы“, бормоча, уходитъ Анненскій. Или Афанасенко: „Я къ вамъ пришелъ съ покорнѣйшей просьбою г. Н.“ — „Не думаю, чтобы у члена комиссіи была просьба къ арестанту.“ — „Серьезно есть просьба“, дребежжитъ Афанасенко. „Я васъ прошу не пѣть и не свистать, мнѣ васъ жаль, я былъ самъ тоже казанскій студентъ и уважаю студентовъ, поэтому я не желаю, чтобы вы довели себя до вынужденныхъ мѣръ.“ — „Не колотиться же прикажете головой объ стѣну, если тоска беретъ безъ дѣла. А что будетъ — говоритъ арестантъ, — если буду пѣть и свистать? Вѣдь, не пѣть тогда можно запретить, когда горло сдавите.“ — „Что же дѣлать! — разводя руками, вздыхаетъ Афанасенко, — у насъ есть всѣ средства заставить молчать.“ Превлоцкій не любитъ любезничать. „Долго ли вы будете упорствовать?“ говорилъ онъ, переступая порогъ тюрьмы. „Я уже все сказалъ. что зналъ“, отвѣчаютъ ему. „Помилуйте, распространять воззванія и не знать отъ кого получали!“ — „Я говорилъ, что въ лицо узналъ бы, еслибы увидѣлъ его“, отвѣчаетъ арестантъ. — „Чертъ знаетъ, что такое! — бѣсится Превлоцкій. — Вѣдь, наконецъ, вы не мальчишка, а взрослый и развитой человѣкъ, получаете пакетъ отъ лица, не

спросивъ кто онъ?" — „Я поэтому и не спросилъ, что я взрослый человѣкъ." Бормоча со злостью убѣгаетъ Превлоцкій.

Комиссія вообще обращалась одинаково съ арестантами, но въ мелочахъ была разница. Съ однимъ обходились мягко, съ другимъ погрубѣе, вѣроятно, сообразуясь съ физіономіей и платьемъ. Такъ, напримѣръ, одному изъ арестантовъ достали вансы для чистки сапогъ, другому предлагали при допросѣ стаканъ кофе.

Смотрители и ихъ помощники при тюрьмахъ были плохо выбраны комиссіей.[1] Деньгами распоряжались они, а арестованные только расписывались по книгѣ въ полученіи предметовъ. Вещь стоящая 15 коп. оцѣнивалась смотрителемъ въ 45 коп. и т. д. Терпящіе такой грабежъ пробовали было жаловаться членамъ комиссіи, но тѣ преспокойно отвѣчали: „Что же дѣлать? мы очень хорошо знаемъ, что всѣ подлецы и мерзавцы, но что же мы можемъ съ ними сдѣлать?"[2] Это значитъ въ подстрочномъ переводѣ: Смотрители — подлецы и мерзавцы, это правда, но, вѣдь, намъ-то такихъ и нужно. Мы ими держимся. Если ихъ не будетъ, то мы пропадемъ. Для того, чтобы смотрители и ихъ окружающіе стерегли арестантовъ по собачьи, комиссія обѣщала имъ награды: кому кресты, кому деньги, словомъ, кто чего пожелаетъ — и всѣхъ обманула.

Еще въ сентябрѣ 1863 г. было по секрету сказано однимъ оффиціальнымъ лицомъ, что наслѣдникъ скоро женится и будетъ амнистія. Оптимисты начали рисовать розовыя картины — свободу и чистый воздухъ, квартиру безъ стражи и честную работу. Не успѣли дорисовать розовыхъ картинъ, какъ чрезъ щели тюремныя пробился новый слухъ, что у комиссіи есть списокъ арестантовъ, раздѣленныхъ на 4 категоріи: 1-ая судится полевымъ судомъ; 2-ая — военно-уголовнымъ; 3-я — уголовно-гражданскимъ и 4-ая — административнымъ или полицейскимъ порядкомъ. Этому слуху большинство арестованныхъ не вѣрило, потому что въ то самое время комиссія не всѣмъ дала очные своды. Но какъ послѣдствіе показало, это было справедливо. Комиссія, назначивъ кого и куда спрятать, еще до конца слѣдствія, старалась успокаивать заключенныхъ, говоря по секрету, что „вамъ больше ссылки ничего не будетъ", или „васъ выпустятъ на свѣжій воздухъ". Все это, конечно, дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы осужденные не старались измѣнить показанія по своему.

Наконецъ, комиссія нѣкоторыхъ выпустила изъ тюремъ, какъ то: братьевъ Пеньковскихъ и Красовскаго на поруки родственникамъ. Когда одинъ изъ Пеньковскихъ спрашивалъ, скоро ли выпустятъ на поруки, Ждановъ отвѣтилъ: „О! это нельзя вдругъ, мы васъ сперва переведемъ въ полицію, потомъ въ часть, такъ чтобы исподволь добраться до свободы". Такъ и поступили.

Въ концѣ декабря 1863 года комиссія позаботилась снять съ

[1] Смотрителемъ былъ частный приставъ Тряпицынъ. Онъ, бывши въ Вяткѣ тоже частнымъ приставомъ, имѣлъ организованную шайку мошенниковъ, такъ что каждый обкраденный житель получалъ изъ рукъ самого Тряпицына украденныя вещи за хорошіе проценты. Сомнѣвающіеся пусть спросятъ вятичей.

[2] Это было въ декабрѣ, тогда разрѣшено уже было выходить на дворъ на четверть часа.

своихъ плѣнниковъ фотографическія карточки: „на память“, говорилъ Слуцкій. По поводу этихъ карточекъ Ждановъ хвалился, что „мы слава Богу обзавелись вѣрными людьми, теперь наша полиція не уступитъ наполеоновской: у насъ и въ вагонахъ по желѣзной дорогѣ, и заграницей есть свои люди. Вотъ Чернышевскій, хотя умный каналья и язвительно смѣется, а запрятали. Мы вотъ тоже окружили глазами и ушами Антоновича съ Елисѣевымъ, не отвертятся.“ Это подлинныя слова Жданова. Слуцкій при отъѣздѣ изъ Казани заходилъ къ нѣкоторымъ арестантамъ цѣловаться, приговаривая вкрадчивымъ голосомъ: „Я васъ жалѣю, вы намъ не довѣряете, желаю скорой свободы“ и т. д. Комиссія передала дѣло Тимашеву и уѣхала. По отъѣздѣ комиссіи легче стало дышать арестантамъ. Они избавились ея сердечнаго участія, перестали слышать шептанія за дверьми, подсматриванія въ дверныя скважины. Чрезъ недѣлю послѣ отъѣзда комиссіи, полковникъ Ларіоновъ объявилъ Михайлову, что его недѣли чрезъ три отправятъ обратно въ свой полкъ и тѣмъ дѣло кончится. Михайловъ вѣрилъ этому. Копиченку отправили въ ссылку въ Орловъ Вятской губерніи на два года, а В. Булгакова выпустили на поруки.

Вскорѣ послѣ этого привезли въ Казань Станкевича. Онъ случайно былъ взятъ на границѣ Польши въ Пинскѣ, какъ подозрительный человѣкъ. Онъ назвался тамошнимъ мѣщаниномъ, но какъ такого не оказалось, то его посадили въ тюрьму. Просидѣвъ болѣе полугода и не имѣя никакихъ свѣдѣній объ казанскомъ дѣлѣ, онъ объявилъ свою фамилію. Его тотчасъ привезли въ Казань.

Тимашевъ скомплектовалъ военный судъ, начались снова допросы, но допросы болѣе для формы. Узнавать было нечего, потому что высочайшая комиссія все подготовила, даже раздѣлила арестованныхъ на категоріи, опредѣливъ кого убить, кого въ каторгу. Изъ военнаго суда только одинъ случай обращаетъ на себя вниманіе. Маевскій показалъ въ судѣ, что французъ, отдавшій ему манифесты съ револьверомъ, совѣтовалъ обращаться съ оружіемъ осторожнѣе, такъ какъ самъ на себѣ испыталъ ошибку, и показалъ Маевскому большой шрамъ на рукѣ отъ нечаяннаго выстрѣла. Военный судъ тотчасъ назначилъ медиковъ-экспертовъ освидѣтельствовать француза Киневича. Освидѣтельствованіе говорило въ пользу его, ибо тотъ не оказался раненымъ. Тутъ военный аудиторъ сказалъ Киневичу, что его чрезъ мѣсяцъ освободятъ и прикажутъ выѣхать за границу. На основаніи этого Киневичъ написалъ своему консулу письмо, чтобы тотъ протестовалъ за неправильный арестъ. Тимашевъ изорвалъ эту петицію.

„Какъ-то Тимашевъ распорядился съ нами?“ задавали себѣ вопросы подзамочные жители. Одни думали, что приговоренныхъ къ смерти сошлютъ на 20 лѣтъ въ каторгу; другіе — что по женитьбѣ царскаго птенца сочинятъ милостивый манифестъ, или просто дадутъ амнистію на символическое 19-го февраля. Да и какимъ образомъ убивать послѣ всѣхъ тѣхъ насилій и оскорбленій, которыя вынесли арестованные въ побочныхъ и главной

комиссіяхъ! Тринадцать съ половиной мѣсяцевъ одиночнаго заключенія, безъ сообщенія съ родными и знакомыми, непремѣнно все это примется какъ смягчающія обстоятельства. 14-го декабря 1825 г. никакъ нельзя сривнивать съ нашимъ дѣломъ. Тогда выходили на площадь и дрались — и то Николай только пятерыхъ убилъ, а у насъ... у насъ ничего подобнаго не было. Нѣтъ, Александръ II посовѣстится душить за одни разговоры. Такъ разсуждали отуманенные тюремной жизнью жители секретныхъ зàмкòвъ.

Ивана Пеньковскаго опять арестовали, сказываютъ заключеннымъ. Причина вторичнаго ареста была слѣдующая: сенатъ, разсматривая дѣло Пеньковскаго, потребовалъ изъ Казани дѣло Элпидина. Разсмотрѣвъ оба дѣла, онъ нашелъ несправедливымъ отдачу Элпидина и Пеньковскаго подъ гражданскій уголовный судъ; по его мнѣнію, слѣдовало бы судить военнымъ судомъ. Сенатъ, наконецъ, въ этомъ выбралъ середину: Элпидина, не отдавать военному суду, а Пеньковскаго приговорилъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ къ заключенію въ крѣпости, поэтому, сенатъ и приказалъ арестовать Пеньковскаго вторично. Это обстоятельство отрѣзвило арестованныхъ. Начали ждать худшаго. Долго никто изъ властей не посѣщалъ тюремъ. Но вдругъ требуютъ француза къ жандармскому полковнику Ларіонову въ канцелярію тюрьмы. Это бы еще не удивило никого, но удивило то, что 10 шаговъ разстоянія и то дворомъ, гдѣ все часовые, Киневича конвоировали 5 человѣкъ съ ружьями. Это, думали, скверный признакъ. Ларіоновъ привезъ отъ Тимашева Киневичу разрѣшеніе на написаніе письма къ роднымъ во Францію, чтобы тѣ скорѣе выслали денегъ. Съ тѣхъ поръ уже никто не являлся изъ властей въ тюрьму. Нужно здѣсь замѣтить, что Киневичъ цѣлый мѣсяцъ просилъ разрѣшенія написать письмо, но ему подъ разными предлогами не разрѣшали.

Въ троицкую пятницу въ 7 часовъ утра тѣсный тюремный переулокъ весь наполнился солдатами. Комендантъ Чемерзинъ скомандовалъ шопотомъ „къ ногѣ", приказалъ тихонько осмотрѣть курки и капсули. Приведя солдатъ въ порядокъ и поставивъ ихъ въ полукругъ, онъ пошелъ съ смотрителемъ по камерамъ. Олехновецъ, Маевскій, Госцевичъ, Новицкій и И. Орловъ очутились въ полукругѣ. Кругъ сомкнулся и пошелъ мѣрными шагами въ военную комиссію, которая тутъ же въ крѣпости. Тамъ имъ прочли, что военный судъ ихъ приговорилъ къ смерти чрезъ разстрѣляніе... прошла пауза... но Тимашевъ замѣняетъ смертъ 15-лѣтней каторгой всѣмъ, кромѣ Олехновеца, который ссылается на 10 лѣтъ; пять троекъ съ жандармами уже ждали ихъ. Одѣвъ приговоренныхъ въ сѣрые кафтаны, съ тузами на спинѣ, а Маевскаго заковавъ въ кандалы, отправили ихъ въ дорогу, окруживъ 5-ю казаками каждую тройку, пока не выѣхали изъ города.

Въ тотъ же день въ 4 часа появились въ тюрьмѣ 8 жандармовъ. Передъ вечеромъ Иваницкаго, Мрочека, Станкевича и Киневича перевели въ другое отдѣленіе, ближайшее къ выходу, отобравъ у нихъ всѣ вещи, кромѣ матрацевъ. На ночь поса-

дили къ каждому изъ нихъ по два жандарма. Ночь была тихая и ясная. Тимашевъ наслаждался музыкой. У него до разсвѣта игралъ оркестръ. Въ эту ночь въ гражданскомъ тюремномъ замкѣ происходили иного рода хлопоты. Тамъ смотритель замка, обходя всѣ камеры, спрашивалъ арестантовъ, не желаетъ ли кто въ палачи на 2 часа, награду тому 3 рубля и красная рубаха. Всѣ отворачивались отъ предложенія, догадавшись въ чемъ дѣло. Смотрителю послѣ долгихъ поисковъ удалось найти двоихъ между бродягами. Утромъ въ субботу явился ксендзъ.[1] Тюрьма была окружена всевозможнымъ истребительнымъ людомъ. Тутъ были и конные казаки, и жандармы, и солдаты, и серебряные и золотые эполеты. Всѣ были въ парадной формѣ, по праздничному. Народъ не велѣно было пускать въ крѣпость, но, кажется, онъ сверху свалился. Всѣ ждали торжественнаго появленія неизвѣстныхъ публикѣ лицъ. Была гробовая тишина. Послышался по лѣстницамъ тюрьмы стукъ и бряцаніе жандармскихъ сабель.... Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ Киневичъ явились на плацъ-форму. Брякнули ружья.... Это послѣдняя честь, отданная офицерству. Нѣсколько бѣлыхъ платковъ замахало по воздуху. Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ поцѣловались другъ съ другомъ и сѣли въ предложенные комендантомъ экипажи, каждый съ двумя жандармами. Трое изъ этихъ сильныхъ натуръ, стоя въ тарантасѣ, разговаривали и перекидывались остротами съ провожавшими знакомыми. Киневичъ не могъ насладиться свѣтомъ божьимъ и въ послѣднія минуты жизни. Онъ наглухо былъ закупоренъ въ желѣзной темной каретѣ. Да и какъ показать француза, ѣдущаго къ столбу, не уличеннаго ни въ какихъ поступкахъ противъ русскаго правительства?! Вся эта процессія, двигаясь медленно, достигла, наконецъ, подлужной слободы, гдѣ на огромной площади высились 4 столба и 4 ямы. Построивъ каре, ввели безстрашныхъ, чтобы прочесть имъ по приказу царя волю Тимашева. Выслушавъ приговоръ, французъ спросилъ: За что вы меня убиваете? потомъ прибавилъ: подлецы! — „Молчать!“ — раздался голосъ полковника Граля, который тотчасъ же скомандовалъ горнистамъ играть похоронный маршъ. Иваницкій съ Станкевичемъ, смѣясь, стали чурать столбы. Палачи стали притягивать руки. Иваницкій во время привязыванія раскланивался съ друзьями. „Крѣпче затягивать!“ скомандовалъ распорядитель царскаго пира, указавъ на француза. Взводъ солдатъ былъ уже готовъ. Граль махнулъ бѣлымъ платкомъ, потомъ фельдфебель — краснымъ, послѣдовалъ залпъ... и головы убитыхъ опрокинулись впередъ. Въ толпѣ раздалось рыданіе. Въ это время Тимашевъ у себя во дворцѣ дѣлалъ свое дѣло. Онъ мучилъ пятаго человѣка. За четверть часа до процессіи, Тимашевъ захватилъ въ квартирѣ силой невѣсту Иваницкаго и заперъ ее у себя въ пустой комнатѣ. Явясь къ ней послѣ убійства, онъ сказалъ ей: „Очень радъ, что вы избави-

[1] Ксендза выписали изъ Самары, казанскому же боялись довѣрить предсмертную исповѣдь, потому что онъ былъ знакомъ съ Иваницкимъ.

лись отъ этого подлеца Иваницкаго, дайте мнѣ вашу ручку.“ „У васъ руки въ крови“, едва слышно произнесла дѣвица.

Тимашевъ — истинный художникъ, послѣ кроваваго пира — задалъ балъ, и казанская аристократія плясала и наслаждалась музыкой.

На третій день послѣ убійства, поручику Михайлову на томъ же военномъ дворѣ прочли приговоръ, что онъ ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ за то, что не донесъ на Мрочека.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, ровно черезъ два года и два мѣсяца Элпидину и Булгакову прочли рѣшеніе сената, что они ссылаются въ каторжную работу, первый — за распространеніе возмутительныхъ воззваній и по другимъ обстоятельствамъ, второй — за одно распространеніе.

А дѣло остальныхъ въ какомъ положеніи? Оно идетъ своимъ порядкомъ. Прокуроръ обѣщалъ, что къ осени будетъ отослано въ сенатъ.

1867 годъ.

Къ дѣлу Н. В. Соколова.

Въ 1867 г. разбиралось „литературное“ дѣло, которое необходимо отмѣтить въ ряду матеріаловъ по исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ шестидесятыхъ годахъ. Мы говоримъ о разбиравшемся въ петербургской судебной палатѣ дѣлѣ подполковника генеральнаго штаба Н. В. Соколова, по обвиненію его въ авторствѣ и изданіи книги „Отщепенцы“. Признанный виновнымъ въ этомъ „преступленіи“, Соколовъ былъ приговоренъ къ заключенію на годъ и четыре мѣсяца въ крѣпость, въ которой онъ и пробылъ до ноября 1868 года, а послѣ того въ знаменитомъ „административномъ порядкѣ“ былъ сосланъ въ Мезень. (Книга „Отщепенцы“ была уничтожена по приказу суда.) Вскорѣ Соколовъ бѣжалъ заграницу, гдѣ и умеръ 5 марта 1888 года въ Парижѣ. „Отщепенцы“ были переизданы заграницей (въ Бернѣ). Заграницей же (въ Бернѣ) Соколовымъ издана на нѣмецкомъ языкѣ книга „Die soziale Revolution“. Отчета о процессѣ Соколова въ печати не было, но въ 1870 г. главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати была издана, исключительно для надобности правительства и потому въ публику никогда не поступавшая, книга подъ заглавіемъ „Матеріалы, собранные особой комиссіей 2 ноября 1869 г. для пересмотра

дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати". Въ книгѣ этой помѣщены всѣ литературные процессы 60-хъ гг., а въ томъ числѣ и процессъ Н. В. Соколова. Изъ нея то мы и заимствуемъ защитительную рѣчь Соколова на судѣ. **Редакція.**

Защитительная рѣчь Н. В. Соколова на судѣ.

Подсудимый Соколовъ, въ защитительной рѣчи, которая здѣсь прописана въ сжатомъ очеркѣ, изложилъ слѣдующее: „Смѣю думать, что рѣчь г. прокурора произвела на васъ, гг. судьи, самое тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ больно за г. прокурора, мнѣ больно за него, какъ за человѣка, потому что онъ обвинялъ меня даже не какъ прокуроръ, а какъ инквизиторъ. Ему казалось мало выставить меня государственнымъ преступникомъ и потребовать суровой уголовной кары. Нѣтъ, ему захотѣлось еще заглянуть въ мою душу и увидѣть въ ней такую страшную накипь ненависти, злобы и ожесточенія противъ общества, какая по его выраженію „едва ли можетъ накопиться въ сердцѣ одного человѣка". Повторяю, что мнѣ больно за г. прокурора, потому что я сдѣлалъ все, чтобы предупредить не осужденіе и наказаніе мое, а недобросовѣстное обвиненіе со стороны прокурорской власти". (На этихъ словахъ предсѣдательствующій прервалъ рѣчь подсудимаго и, на основаніи ст. 745 и 747 уст. угол. суд. замѣтилъ ему, что онъ не долженъ употреблять оскорбительныхъ выраженій. Подсудимый возразилъ, что въ судѣ онъ пользуется одинаковыми правами съ обвинителемъ, и если прокуроръ позволилъ себѣ сказать, что подсудимаго слѣдуетъ извергнуть изъ общества, то и онъ, подсудимый, въ свою очередь, можетъ смѣло назвать обвиненіе прокурора ложью и клеветою). Затѣмъ подсудимый Соколовъ продолжалъ: „какъ назвать, въ самомъ дѣлѣ, обвиненіе, которое обращается въ навѣтъ и основывается на личномъ „подозрѣніи". Пора бы, кажется, отказаться отъ ненавистнаго способа обвинять человѣка по подозрѣнію. Давно уже извѣстна та истина, что человѣкъ тѣмъ охотнѣе подозрѣваетъ злыми другихъ, чѣмъ злѣе самъ. Прокуроръ увѣряетъ, будто такая книга, какъ „Отщепенцы", непремѣнно вызвала бы строгое судебное преслѣдованіе не только въ Россіи, но и вездѣ заграницей. Неправда! Нигдѣ, положительно нигдѣ, даже въ Турціи, не стали бы судить за книгу, которая не поступала въ продажу. Мало того, книга „Отщепенцы" представляетъ, большею частью, выписки изъ такихъ сочиненій, которыя всегда доступны для публики и не возбуждали судебнаго преслѣдованія, не исключая сочиненія Прудона: „Что такое собственность?" Напрасно, наконецъ, прокуроръ извлекаетъ изъ моей книги только такія мѣста и выраженія, которыя могутъ особенно раздражать сословное самолюбіе и напрасно онъ приписываетъ мнѣ лично слова, сказанныя не мною, а тѣми авторами и лицами, о которыхъ упоминается въ моей книгѣ. Историческіе отщепенцы говорятъ сами за себя и все, написанное мною, выражаетъ мысли и сужденія людей святыхъ, праведныхъ и честныхъ, начиная съ Апостоловъ и Отцовъ церкви и кончая Фурье и Прудономъ, ко-

торые оставили послѣ себя славную память. Я отвергаю всѣ пункты обвинительнаго акта, всѣ, кромѣ послѣдняго, гдѣ указывается на брань, выраженную въ моей книгѣ противъ правителей, защитниковъ законнаго порядка и вообще богатыхъ классовъ общества. Да, я сознаюсь, что пещадно бранилъ власти и высшія сословія и причину такой брани я постараюсь объяснить. Но прежде всего мнѣ слѣдуетъ опровергнуть главныя обвиненія прокурора, который увѣряетъ, будто я искажаю ученіе Христа, унижаю его до сравненія и отождествленія съ пропагандой соціализма, затѣмъ порицаю христіанскую вѣру, возбуждаю неповиновеніе верховной власти, восхваляю мятежъ и всякое возстаніе противъ правительства, законовъ и, наконецъ, отрицаю собственность. Да, гг. судьи, я называю ученіе Христа соціализмомъ. Слово „соціализмъ" кажется прокурору богохульнымъ и преступнымъ! Этимъ словомъ точно такъ же, какъ и выраженіями „коммунизмъ" и „революція", онъ будто желаетъ запугать васъ и вызвать съ вашей стороны непремѣнное осужденіе подсудимаго. Бояться словъ и находить ихъ преступными? Да мыслимо ли это? Что касается меня, то я рѣшительно не понимаю и не допускаю, чтобы въ настоящее время мало-мальски образованные люди не могли безъ страха и отвращенія слышать о коммунизмѣ, соціализмѣ, революціи и т. п. Такой суевѣрный страхъ мнѣ кажется невозможенъ. И что́ страшное, богохульное находитъ прокуроръ въ словѣ „соціализмъ"? И почему это ученіе противно проповѣди Христа. Всѣмъ извѣстно, что задача соціализма — искупленіе рабочаго народа отъ нищеты, невѣжества и страданій, и утвержденіе свободы, равенства и братства людей. Но развѣ Христосъ не звалъ къ себѣ труждающихся и обремененныхъ? Развѣ онъ не обѣщалъ имъ облегченіе, искупленіе? Развѣ онъ не говорилъ: „ищите царство Божіе и правду его"? Развѣ онъ не заповѣдалъ: да любите другъ друга и да будете между собою, какъ братья? Неужели соціалисты виноваты, если они стремятся основать на землѣ то царство Божіе, о которомъ проповѣдывалъ Христосъ! Неужели слѣдуетъ считать богохульниками и преступниками тѣхъ людей, которые вѣруютъ въ завѣтъ Христа и хотятъ исполнять Его волю! Да, вся вина отщепенцевъ-соціалистовъ, по мнѣнію прокурора, состоитъ въ томъ, что они ищутъ царства Божія не за облаками, а на землѣ и доказываютъ, что исполненіе закона совѣсти и братской любви, т. е. заповѣди Христа, можетъ довести общество до блаженнаго, райскаго состоянія. Да, вся вина отщепенцевъ состоитъ въ томъ, что они порицаютъ современное имъ устройство общества и говорятъ, что прошедшая и настоящая жизнь людей — адъ и скрежетъ зубовъ, а будущая рай, и рай непремѣнно земной. По словамъ прокурора, соціализмъ опасенъ и преступенъ, потому что отрицаетъ собственность. Это отрицаніе особенно возмущаетъ прокурора. Но кто, спрашивается, сильнѣе первыхъ христіанъ возставалъ противъ собственности?! Гдѣ, какъ не въ Евангеліи и Дѣяніяхъ Апостоловъ громче всего проповѣдуется общеніе имуществъ, т. е. чистѣйшій коммунизмъ! (Тутъ подсудимый беретъ въ руки Евангеліе и намѣревается прочесть главу

4 ст. 32 Дѣяній Апост. — предсѣдательствующій, остановивъ его, замѣчаетъ, что онъ не можетъ дозволить на судѣ никакихъ самопроизвольныхъ толкованій священнаго писанія, недопускаемыхъ и православной церковью, которая въ изъясненіи священнаго писанія руководствуется указаніями св. отцевъ, каковы: вселенскіе учители Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и др.). Тогда подсудимый закрываетъ Евангеліе и, указывая на него, говоритъ судьямъ: „вѣрьте мнѣ, если бы прокурору велѣно было составить обвинительный актъ противъ новаго завѣта и посланій апостоловъ, то онъ не задумался бы обвинить евангелистовъ, апостоловъ и самого Христа во всевозможныхъ преступленіяхъ и, подражая фарисеямъ, возопилъ бы: „Распни, распни!“ (предсѣдательствующій вновь сдѣлалъ замѣчаніе подсудимому Соколову, чтобы онъ былъ осторожнѣе въ выборѣ выраженій, относящихся къ другимъ лицамъ). Подсудимый Соколовъ продолжалъ: „меня обвиняютъ въ извращеніи христіанской вѣры. Мнѣ странно, чтобы не сказать больше, слышать такое обвиненіе здѣсь въ судѣ, гдѣ прямо нарушается заповѣдь Христа: „Не судите, да не судимы будете!“ Нѣтъ, никогда отщепенцы не порицали и не отвергали истинной христіанской вѣры, а напротивъ того, всегда защищали ее словами и подтверждали дѣлами. Нѣтъ, не вѣру Христа, а лицемѣріе и безвѣріе такъ называемыхъ христіанъ, переодѣтыхъ фарисеевъ и язычниковъ, укоряли отщепенцы, укоряли, по слову самого Христа, который говорилъ: „Если бы я не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія въ грѣхѣ своемъ.“ (Евангеліе отъ Іоанна, глава 15-22.) Вотъ что, между прочимъ, твердили постоянно отщепенцы: „вѣра обѣщала спасеніе; но спасеніе не пришло. Неужели виновата вѣра? Нѣтъ, Евангеліе свято и божественно, а виноваты тѣ лицемѣры, которые вмѣсто Евангелія, дали прежнее язычество, дали старое вино въ новыхъ мѣхахъ“ и т. д. (подсудимый читаетъ стр. 106 своей книги „Отщепенцы“). И такъ, гг. судьи, не противъ евангельской истины возстаютъ современные отщепенцы, которые, по примѣру своихъ предшественниковъ, желаютъ осуществить на землѣ царство Божіе и водворить миръ, согласіе и любовь. Итакъ не противъ заповѣди Христа возстаютъ тѣ люди, которые обличаютъ настоящее и прошедшее невѣріе людей въ законъ общаго блага, основаннаго на взаимной любви и дружбѣ. Всѣ добиваются счастья, каждый считаетъ его возможнымъ для себя. Но лишь только находятся въ средѣ общества люди, вѣрующіе въ возможность общаго счастья, какъ всѣ почти единогласно осуждаютъ ихъ за подобную вѣру и объявляютъ ихъ вредными и преступными мечтателями! Вѣрить въ общее благополучіе, надѣяться осуществить его на землѣ и желать его всѣмъ и каждому — какая утопія, какое безуміе — говорятъ практическіе мудрецы, и усердно хлопочутъ о собственномъ счастьѣ. И церковь, церковь христіанская, которая должна бы обуздать такой развратъ мысли и сердца практическихъ мудрецовъ, смиренно преклоняется предъ ихъ мудростью и вмѣсто религіи любви, сама поддерживаетъ религію эгоизма. Осуждайте меня, гг. судьи,

за порицаніе христіанской вѣры, осуждайте меня, если находите въ моихъ словахъ извращеніе заповѣди Христа о любви къ ближнему. Я знаю только то, что никто изъ васъ не любитъ Христа болѣе меня; полюбите его, какъ я, и вы не осудите меня!

Прокуроръ обвиняетъ меня въ намѣреніи возбудить книгою „Отщепенцы“ явное неповиновеніе верховной власти. Онъ говоритъ, что я проповѣдую насильственную революцію. Я протестую противъ подобнаго обвиненія, протестую потому, что идея, основная и неизмѣнная идея отщепенства — порицаніе насилія. Какъ въ книгѣ моей, такъ и въ показаніяхъ моихъ слѣдователю, я доказывалъ постоянно, что всякое насиліе противно, пагубно, а потому и непозволительно въ глазахъ отщепенца. Я доказывалъ и утверждалъ, что никакая высокая цѣль не можетъ оправдать дурного средства, что никакая насильственная революція не можетъ быть благодѣтельною. И что же? Прокуроръ упорно обвиняетъ меня въ томъ, чего нѣтъ ни въ книгѣ моей, ни въ мысляхъ, ни въ желаніяхъ моихъ. Я проповѣдую революцію, да революцію, но какую? Революцію идей, т. е. умственный переворотъ, перемѣну образа мыслей, понятій и убѣжденій на основаніи науки и совѣсти. Чтобы дѣйствовать, человѣкъ долженъ мыслить, а чтобы дѣйствовать разумно и честно онъ долженъ мыслить здраво, вѣрно, безъ предразсудковъ и по совѣсти. Теперь спрашивается: могутъ ли отщепенцы, могу ли я, желать заставить или побудить людей дѣйствовать прежде, чѣмъ въ головахъ ихъ зародятся и созрѣютъ здравыя и вѣрныя понятія и убѣжденія? Могутъ ли отщепенцы ожидать чего-нибудь путнаго и дѣльнаго отъ поступковъ такихъ людей, которые заражены еще до мозга костей самыми нелѣпыми суевѣріями, вздорными, лживыми понятіями и проникнуты своекорыстными цѣлями? Конечно, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Отщепенцы отрицаютъ, такимъ образмомъ, не только пользу, а даже смыслъ всякаго насильственнаго переворота, отрицаютъ безусловно, потому что убѣждены въ той непреложной истинѣ, въ силу которой здравыя и честныя идеи никогда не могутъ довести людей до насилія.[1] Для

---

[1] Не входя здѣсь, разумѣется, въ критику воззрѣній Соколова, рекомендуемъ читателю обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: яснѣе яснаго, что подъ „отщепенцами“ Соколовъ подразумѣваетъ отрицателей современнаго устройства общества и при томъ отрицателей, дѣйствующихъ мирными путями.

Но вотъ въ извѣстной „Запискѣ члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати тайнаго совѣтника Еленева“, въ главѣ „Какъ воспользовалась злонамѣренная часть литературы постановленіями 1865 г.“ мы читаемъ: „Дѣйствительно, въ началѣ дѣйствія этого закона писатели крайнихъ направленій, боясь судебной отвѣтственности, стали было наблюдать большую сдержанность сравнительно съ прежнею печатью, кромѣ, конечно, неисправимыхъ маніаковъ анархизма, въ родѣ капитана генеральнаго штаба Соколова, напечатавшаго книгу „Отщепенцы“. Отщепенцами, которыхъ слѣдуетъ истреблять, Соколовъ называетъ государей, судей и священниковъ“. (Записка Еленева въ Матеріалахъ для характеристики положенія русской печати. Выпускъ II. Женева 1898 г., стр. 11.)

Очевидно, Еленевъ и въ глаза не видалъ книгу „Отщепенцы“, а между тѣмъ, онъ дастъ характеристику, изъ которой оказывается, что подъ „Отщепенцами“ Соколовъ подразумѣваетъ не отрицателей общества, а „государей, судей и священниковъ, которыхъ слѣдуетъ истреблять“!!

Замѣтьте, что процессъ Соколова по обвиненію его въ изданіи книги „Отщепенцы“ изданъ для собственныхъ надобностей именно главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и, вотъ, членъ совѣта этого управленія пишетъ докладъ

отщепенства всякое насиліе прежде всего — безсмысліе, скотство. Прокуроръ считаетъ меня проповѣдникомъ революціи въ смыслѣ насильственнаго государственнаго переворота, потому что я болѣзненно сочувствую всякому возстанію бѣднаго и угнетеннаго народа. Онъ обвиняетъ меня за то, что въ книгѣ своей я оправдываю мятежъ чартистовъ, казненныхъ въ Англіи въ 1820 году. Да, сознаюсь, я не могу читать или слышать равнодушно и безстрастно о возстаніи народа, который рѣшается жертвовать собою во имя спасенія народа отъ грабежа и насилія. Мало того, я сознаюсь, что сочувствую всегда подобнымъ людямъ даже и тогда, когда вижу, что самоотверженіе на благо народа увлекетъ ихъ на борьбу съ его врагами и палачами. Пусть прокуроръ обвиняетъ меня за такое преступное сочувстіе, пусть за это называетъ онъ меня бунтовщикомъ и революціонеромъ, я не скажу противъ этого ни слова, а только спрошу его: почему онъ, прокуроръ, не возбуждаетъ до сихъ поръ судебнаго преслѣдованія противъ общественнаго сочувствія къ мятежникамъ Кандіотамъ, которые возстали противъ верховной власти султана и не хотятъ повиноваться его волѣ и его законамъ! Отчего онъ, прокуроръ, не объявляетъ преступнымъ и опаснымъ это сочувствіе, которое громко заявляетъ не только общество и пресса — но и само правительство наше? Въ книгѣ моей прокуроръ замѣтилъ явное взбужденіе къ возстанію противъ верховной власти вообще. Это обвиненіе падаетъ само собою, потому что въ моей книгѣ рѣшительно отрицается насиліе, какъ средство для достиженія народнаго блага.

„Далѣе прокуроръ замѣтилъ, что книга „Отщепенцы“ имѣетъ значеніе космополитической пропаганды, направленной къ уничтоженію всякой государственной власти. При этомъ онъ сказалъ, что хотя въ книгѣ и не говорится вовсе о Россіи и о русскомъ правительствѣ, но такое умолчаніе вовсе не оправдываетъ меня предъ русскими зеконами, потому что я не только нападаю на власть вообще, но совсѣмъ отрицаю ее въ идеѣ. Такое отрицаніе, по мнѣнію прокурора, въ высшей степени преступно и потому лишаетъ меня всякой возможности быть оправданнымъ. Отрицать власть въ принципѣ, въ идеѣ? Какое ужасное невѣроятное преступленіе?!.. Да, гг. судьи, я отрицаю власть въ самомъ ея принципѣ и говорю вамъ прямо, что по моему убѣжденію, всякая власть должна самоуничтожаться, исчезать для общаго блага. Въ этой истинѣ убѣдила меня исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ, которая доказываетъ, что развитіе общества въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніи невозможно безъ самоуничтоженія власти. Да, гг. судьи, сама исторія довела меня до такого логическаго и послѣдняго заключенія, что общество, въ настоящемъ смыслѣ этого слова,

---

изъ котораго до очевидности ясно, что авторъ его (Еленевъ) не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о предметѣ, о которомъ онъ пишетъ. Это яркій примѣръ того, въ чьихъ рукахъ находятся у насъ судьбы печати! Крайнее невѣжество, соединенное съ столь же крайней недобросовѣстностью, являются отличительными чертами такого рода „докладовъ“ и „записокъ“, а между тѣмъ на основаніи именно такихъ „матеріаловъ“ у насъ вершатся всѣ государственныя дѣла!

Редакція Русской Исторической Библіотеки.

должно существовать безъ власти. Въ подобномъ заключенiи нѣтъ ничего страннаго и непонятнаго. Дѣйствительно вездѣ и всегда замѣчается одно и то же неизбѣжное явленiе упадка власти и возвышенiе общества, которое постоянно развивается только насчетъ своего правительства. Чѣмъ хуже состоянiе общества, тѣмъ сильнѣе и произвольнѣе та власть, которая имъ управляетъ. И наоборотъ, по мѣрѣ улучшенiя общественнаго состоянiя власть постоянно ослабляется и становится все болѣе и болѣе ненужной для общества.

„Тутъ замѣчается такое же явленiе, какъ и въ воспитанiи человѣка: чѣмъ менѣе онъ воспитанъ и чѣмъ болѣе нуждается въ учителяхъ и наставникахъ, тѣмъ сильнѣе и прилежнѣе должны они заботиться и о его развитiи. Но чѣмъ быстрѣе начинаетъ развиваться человѣкъ въ умственномъ и нравственномъ отношенiи, тѣмъ менѣе приходится дѣлать его учителямъ и воспитателямъ. Наступаетъ, наконецъ, такая пора, когда зрѣлость и развитiе человѣка даютъ ему возможность обходиться безъ помощи опекуновъ и руководителей и такая пора въ жизни человѣка дѣлаетъ его свободнымъ и самостоятельнымъ. Неужели учителя и наставники станутъ роптать на то, что прежнiй воспитанникъ ихъ пересталъ нуждаться въ ихъ опекѣ? Неужели они станутъ насильно требовать отъ него, чтобы онъ повторялъ старые уроки, обратился въ школьника, въ ребенка и ползалъ на колѣняхъ, когда можетъ стоять на ногахъ!!... Какъ учителя и наставники юношей не должны жаловаться на развитiе своихъ учениковъ и держать ихъ на помочахъ, такъ точно и власти, которыя считаютъ своею цѣлью воспитанiе народа въ гражданскомъ и политическомъ отношенiи, не должны возмущаться, если общество все болѣе и болѣе стремится къ самостоятельности и самоуправленiю. Сдѣлаться неумѣстною, ненужною — вотъ прямая цѣль каждой власти, сознающей свое призванiе и свои обязанности предъ обществомъ. Вотъ и вы, гг. судьи, слушая меня, должны, конечно, мечтать о томъ, чтобы вамъ избавиться отъ непрiятной обязанности судить и осуждать подобныхъ себѣ людей....

„Прокуроръ обвиняетъ меня за брань противъ властей, правителей, защитниковъ законнаго порядка и вообще богатыхъ и образованныхъ классовъ общества. Это обвиненiе я признаю справедливымъ; дѣйствительно, я бранился и продолжаю браниться потому, что сердитъ на сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ мiра сего, которые сами не ищутъ царства правды, а желающихъ найти его обвиняютъ въ злонамѣренности и преступности. Я принадлежу, гг. судьи, къ числу тѣхъ людей, которые вѣруютъ въ правду на землѣ и стараются осуществить ее непремѣнно, не взирая на равнодушiе, тупое ожесточенiе и гоненiе со стороны общества и представителей его. Съ такою вѣрою въ правду намъ, разумѣется, плохо живется въ обществѣ, плохо живется потому, что насъ считаютъ людьми непрактическими, безполезными и даже вредными. И почему? потому что мы отрицаемъ рутину, видимъ въ ней мало смысла, не соглашаемся съ волками выть по волчьи и желаемъ вызвать общество къ новой,

лучшей, болѣе осмысленной и счастливой жизни. Но что же? Наше отрицаніе рутины, отъ которой внутренно хочетъ избавиться само общество; наше стремленіе сдѣлать разумною и полезною свою и чужую дѣятельность; наши мирныя попытки образовать кругомъ себя и другихъ сферу жизни нравственной и плодотворной — все это возбуждаетъ недовѣріе, опасеніе, мрачное подозрѣніе, осужденіе и преслѣдованіе. Что намъ остается дѣлать? Неужели въ такомъ положеніи мы станемъ молчать и добровольно заглушимъ въ себѣ чувство правды, голосъ совѣсти? Неужели мы откажемся отъ тѣхъ понятій, убѣжденій и идеаловъ, которые признаемъ истинными, несомнѣнными? Неужели, наконецъ, мы обратимся въ своекорыстныхъ, бездушныхъ людей, которые заботятся только о личной выгодѣ и презираютъ народные интересы!!

„О, нѣтъ, нѣтъ! Мы очень хорошо сознаемъ свое призваніе и настолько уважаемъ себя и другихъ, чтобы не отказываться отъ своихъ убѣжденій и вѣрованій. Но равнодушіе, подозрѣніе и глупая ненависть къ намъ и нашимъ идеямъ невольно раздражаютъ насъ и раздражаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ живѣе, сильнѣе наше желаніе быть полезными обществу. Мы говоримъ — и наши слова вызываютъ насмѣшку. Мы доказываемъ правду нашихъ словъ — и насъ объявляютъ опасными мечтателями. Насъ преслѣдуютъ, на насъ клевещутъ и на насъ указываютъ, какъ на враговъ общественнаго порядка, — а мы станемъ отмалчиваться! Нѣтъ, мы возвысимъ свой голосъ въ защиту правды и заговоримъ такъ, что насъ поневолѣ послушаютъ. Наши убѣжденія, наши принципы — вздоръ, утопіи, положимъ! Но что такое практика будничной жизни, которую отстаиваютъ мудрецы? Такой вопросъ мы задаемъ обществу, въ свою очередь, и, призывая его къ отвѣту, начинаемъ разоблачать и раскапывать всю ту историческую наслѣдственную ложь, которою живетъ и дышетъ общество. Практическіе мудрецы не хотятъ смотрѣть впередъ, пусть же оглянутся назадъ и увидятъ, и поймутъ, до какой степени гнусно, возмутительно и нелѣпо то прошедшее, которымъ они живутъ сами и заставляютъ насильно жить другихъ. Они не хотятъ дышать свѣжимъ воздухомъ — такъ пусть же задыхаются въ смрадѣ; они не хотятъ новой, честной жизни, которую считаютъ невозможною, — пусть же любуются на развратъ прошлой и настоящей жизни общества, которую имъ выставляютъ въ яркой дѣйствительности. Вотъ гдѣ кроется причина той безпощадной критики, того жестокаго отрицанія, съ которыми обращаются новые, живые люди къ людямъ рутины. Практики слѣпы и видятъ въ насъ слѣпыхъ. Отрицатели и отщепенцы лечатъ ихъ отъ умственной слѣпоты — вотъ и вся вина ихъ. Судите меня, гг. судьи, за убѣжденія и принципы, и за смѣлое ихъ выраженіе. Много правды, сущей правды высказалъ я въ своей книгѣ и высказалъ не отъ себя, а отъ имени святыхъ и честныхъ людей, которые жили, трудились, страдали и умирали на благо народа и человѣчества. За какую же правду хотите осудить меня?“

Когда была окончена подсудимымъ Соколовымъ защититель-

ная рѣчь, предсѣдательствующій, на основніи 748 ст. уст. угол. суд., предоставилъ прокурору изложить свои возраженіе противъ этой рѣчи. Прокуроръ объявилъ, что не находитъ нужнымъ возражать на рѣчь подсудимаго Соколова. Тогда Соколовъ, указывая на ст. 740 уст. угол. судопр., заявилъ, что прокурору на основаніи этой статьи надлежало бы, по совѣсти, отказаться отъ возведенныхъ на него, Соколова, обвиненій и объявить объ этому суду.[1]

Конецъ 60-хъ гг.

Къ дѣламъ Карпова, Мартышевскаго и др.

На стр. 288 тома перваго сборника „Государственныя преступленія въ Россіи“ сказано, что „въ 1868, 1869 и 1870 годахъ свѣдѣнія о политическихъ преступленіяхъ въ Россіи въ оффиціальныхъ изданіяхъ не появлялись“. Это совершенно вѣрно. Мало того: ни одного политическаго дѣла за эти годы не отмѣчено и въ сборникѣ г. Бурцева „За сто лѣтъ“, хотя въ этотъ сборникъ вошли и матеріалы о политическихъ процессахъ, появлявшіеся не только въ легальной, но также и нелегальной печати. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что ни одного политическаго дѣла въ судебныхъ установленіяхъ Россіи и въ дѣйствительности не разбиралось?

Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что въ напечатанномъ въ 1871 году (разумѣется, опять-таки конфиденціально) отчетѣ по Государственому совѣту за 1870 годъ, предсѣдатель, перечисливщій нѣсколько находившихся на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта гражданскихъ дѣлъ, продолжаетъ свой отчетъ такими словами:

„Кромѣ этого, въ 1870 г, въ Государственномъ Совѣтѣ производилось еще четыре политическихъ дѣла, изъ которыхъ важнѣйшее было о мѣщанинѣ Карповѣ. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ опредѣленіе Правительствующаго Сената объ этомъ преступникѣ, призналъ его, по собственнымъ отвѣтамъ, свидѣтельскимъ показаніямъ и уликамъ виновнымъ въ изъявленіи на словахъ злоумышленія противъ жизни Вашего Императорскаго Величества и подлежащимъ за сіе, на основаніи 242 и 241 ст. улож. о нак., лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Но, опредѣливъ такимъ образомъ подсудимому наказаніе по

[1] „Матеріалы, собранные особой комиссіей и т. д.“, часть III, СПБ. 1870 годъ, стр. 221—222.

всей строгости закона, Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства этого дѣла: 1. чистосердечное раскаяніе Карпова и неразвитость его понятій и 2. неимѣніе въ дѣлѣ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы онъ произнесъ преступныя противъ Вашего Величества слова сознательно или съ намѣреніемъ привести ихъ въ исполненіе, ибо, по удостовѣренію спрошенныхъ при слѣдствіи лицъ, Карповъ имѣетъ вѣтренный характеръ и привычку говорить все, что ему придетъ въ голову. Принимая въ уваженіе эти обстоятельства, Государственный Совѣтъ призналъ возможнымъ ходатайствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о смягченіи Карпову слѣдующаго ему по закону наказанія — замѣною смертной казни, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою на каторжныя работы на заводахъ на семь лѣтъ. причемъ предоставлено было Государственному Секретарю объ обстоятельствахъ этого дѣла сообщить Министру Внутреннихъ Дѣмъ и Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи для принятія надлежащихъ мѣръ къ пресѣченію осужденному возможности бѣжать съ мѣста ссылки. Мнѣніе это удостоено Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія.

Остальныя три политическихъ дѣла производились о подсудимыхъ, обвинявшихся въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Священной Особы Вашаго Императорскаго Величества, въ участіи въ преступныхъ замыслахъ объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи, въ имѣніи у себя запрещенныхъ сочиненій и въ распространеніи стихотвореній, оскорбительеыхъ для Верховной власти. Подсудимые, обвинявшіеся въ первыхъ двухъ преступленіяхъ, въ оныхъ не изобличены, а потому отъ суда освобождены; изобличенные въ имѣніи у себя запрещенныхъ сочиненій подвергнуты назначенному за сіе въ законахъ наказанію; а при сужденіи о мѣщанинѣ Мартышевскомъ, обвинявшемся въ распространеніи стихотвореній, оскорбительныхъ для Верховной власти, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, долженъ ли Мартышевскій быть подвергнутъ наказанію за распространеніе этихъ стихотвореній или за имѣніе ихъ? Государственный Совѣтъ нашелъ, что по дѣлу о книгопродавцѣ Вороновѣ, обвинявшемся въ имѣніи возмутительнаго сочиненія, подъ заглавіемъ „Къ молодому поколѣнію", мнѣніемъ Совѣта, удостоеннымъ 27-го іюня 1867 года Высочайшаго утвержденія, признано, что для обвиненія кого-либо въ распространеніи недозволеннаго сочиненія необходимы два условія: 1. введеніе этого сочиненія въ массу, обращеніе излагаемыхъ въ немъ мыслей и сужденій въ достояніе болѣе или менѣе общее, и 2. злой умыселъ со стороны виновнаго въ томъ лица возбудить въ массѣ сочувствіе къ идеямъ извѣстнаго рода, а потому, хотя и было доказано, что Вороновъ упомянутое возмутительное воззваніе давалъ переписывать Глаголеву, а потомъ передалъ Гробовскому, причемъ на поляхъ этого воззванія сдѣланы были разныя замѣтки, но распространителемъ онъ признанъ не былъ, а подвергнутъ лишь за имѣніе этого воззванія трехнедѣльному аресту съ отдачею подъ надзоръ полиціи на 3

года. Въ преступленіи Мартышевскаго Государственный Совѣтъ усмотрѣлъ такое же отсутстіе признакосъ распространенія недозволенныхъ стихотвореній, какъ и въ преступленіи Воронова, ибо относительно Мартышевскаго доказана была лишь передача имъ этихъ стихотвореній какому-то неизвѣстному лицу для переписки, точно такъ же, какъ въ преступленіи Воронова была доказана передача возмутительнаго возванія для переписки, а не для обращенія его въ публикѣ, а потому Государственный Совѣтъ призналъ, что Мартышевскій злоумышленнымъ распространителемъ найденныхъ противозаконныхъ стихотвореній признанъ быть не можетъ, а долженъ подлежать наказанію лишь за имѣніе сихъ стихотвореній, тѣмъ болѣе, что Правительствующимъ Сенатомъ не обнаружено, чтобы отъ поступка его произошли какія-либо вредныя послѣдствія. По симъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ положилъ; мѣщанина Болеслава Мартышевскаго, за имѣніе недозволенныхъ стихотвореній, подвергнуть аресту на три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на три года. Мнѣніе это также удостоено Высочайшаго утвержденія."[1]

Вотъ строки, изъ которыхъ слѣдуетъ, сколько никогда не опубликованныхъ политическихъ дѣлъ таится въ подпольяхъ нашего правительства. Отчетъ упоминаетъ о разбиравшемся въ 1867 году дѣлѣ Воронова. Была ли объ этомъ дѣлѣ напечатана хоть одна строчка? Но еще лучше дѣло Карпова! Александръ II проявилъ и здѣсь все свое благородство. Онъ замѣнилъ смертную казнь семилѣтней каторгой человѣку, произнесшему слова, выражавшія „злоумышленіе противъ жизни Его Величества", причемъ слова эти, „по удостовѣренію всѣхъ спрошенныхъ при слѣдствіи лицъ", произнесены Карповымъ „по вѣтренности характера и привычкѣ говорить все, что ему придетъ въ голову".... Слѣдствіе не открыло „ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы Карповъ произнесъ эти слова сознательно или съ намѣреніемъ привести ихъ въ исполненіе", наконецъ, Карповъ, „чистосердечно раскаялся", и, вотъ, при совокупности такихъ то обстоятельствъ, Государственный Совѣтъ вошелъ съ ходатайствомъ о замѣнѣ Карпову смертной казни лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторгу на семь лѣтъ, а Александръ II всемилостивѣйше соизволилъ ходатайство утвердить....

Куда дѣвалась затѣмъ эта жертва истинно-христіанскаго деспотизма?...

Отчеты Государственнаго Совѣта начали печататься — разумѣется, для немногихъ лишь лицъ, — кажется, только, съ 1871 года (раньше они были, какъ мы слышали, рукописными). Принимая во вниманіе, что всѣ политическія дѣла проходили въ 60-хъ годахъ черезъ Сенатъ и Государственный Совѣтъ, надо думать, что кромѣ политическихъ и гражданскихъ учрежденій, въ архивахъ этихъ установленій можно найти слѣды и еще мно-

[1] „Отчетъ по Государственному Совѣту за 1870 годъ". СПБ. 1871 г. Печатано въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Стр. 192—195.

гихъ и многихъ другихъ злодѣяній, совершенныхъ русскимъ самовластіемъ.

Но скоро ли наступитъ еще то время, когда въ подполья эти проникнетъ полный свѣтъ исторіи?...

Славянская секція Интернаціонала.

Славянская секція интернаціонала была основана М. А. Бакунинымъ въ 1872 г. въ Цюрихѣ. Нѣсколькими мѣсяцами раньше того было основано польское соціально-демократическое общество тамъ же и тѣми же лицами, съ участіемъ секретаря нѣмецкой секціи интернаціонала, Адольфа Стемпковскаго, который оказался шпіономъ русскимъ и предалъ С. Генадіевича Нечаева. Прилагаемая программа этого польскаго общества указываетъ ясно на тѣ цѣли, къ которымъ стремилась эта послѣдняя секція. Вскорѣ, однако, по открытіи польской секціи, три бакуниста основавшіе ее, признали нужнымъ выйти изъ секціи вслѣдствіе несостоятельности въ нравственномъ отношеніи нѣкоторыхъ изъ польскихъ членовъ секціи.[1] Славянская секція, основанная потомъ, не признала возможнымъ принять въ свою среду ни одного изъ поляковъ, вошедшихъ въ польское соціально-демократическое общество; эта секція поэтому сформировалась лишь изъ сербовъ, чеховъ и кроатовъ, студентовъ. Всего не болѣе человѣкъ 15-и. Большинство этихъ молодыхъ людей вошло потомъ въ радикальную партію сербскую. Самыми выдающимися личностями были Міатовичъ, М. К., братья С. и, наконецъ, покойный Степичъ, умершій на барикадахъ въ Кричуевацѣ. Програма славянской секціи интернаціонала напечатана М. П. Драгомановымъ въ его книгѣ „Письма М. А. Бакунина“ на стр. 499. Текстъ ея есть переводъ съ подлинника, писаннаго самимъ Бакунинымъ на фразцузскомъ языкѣ. Секція славянская нашла названіе сербское „Славянски Завесъ“, и принадлежала къ Юрской федераціи интернаціонала. На конгрессѣ интернаціонала, собравшемся въ 1872 г. 15 сентября въ Saint-Jmier, славянская секція имѣла своими делегатами Замфира Ралли и Владиміра Гольштейна. Делегаты секціи совмѣстно съ делегатами другихъ секцій Юрской федераціи, съ делегатами федераціи испанской Ale-

---

[1] Слѣдуетъ, однако, не забыватъ, что нѣкоторые изъ членовъ польскаго общества, желая отмстить шпіону Адольфу Стемпковскому за тотъ позоръ, которымъ онъ покрылъ ихъ товарищество, приговорили его къ смерти. Покушеніе на его жизнь было сдѣлано въ Бернѣ, но неудачно, изъ пяти револьверныхъ пуль ни одна не задѣла шпіона. Адольфъ Стемпковскій, воображая, что это покушеніе было организовано эмигрантомъ З. Ралли, донесъ федеративному правительству, что этотъ эмигрантъ пріѣхалъ въ Бернъ убить не только его, но и посланника русскаго. З. Ралли былъ арестованъ, но вскорѣ выпущенъ по настоянію профессора Адольфа Фогта, такъ какъ была доказана вся ложь шпіонскаго доноса. Объ этомъ арестѣ арестованный напечаталъ тогда слѣдующее письмо въ органъ Юрской федераціи Интернаціонала; эмигранту, впрочемъ, бернское правительство предложило уплатить по 5 фр. за каждый день ареста. Эмигрантъ, конечно, отказался отъ вознагражденія.

rini, Fago Pellier, Marselan, Morago, съ делегатами Испаніи — Costa, Cafiero, Bakounine, Malatesta, Nabrazzi, Fanelli, съ делегатами Франціи — Pindy и Camet и делегатами отъ двухъ секцій Америки вотировали извѣстную резолюцію противъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала, а также и противъ Гагскаго Конгресса. Этой резолюціей положенъ былъ разрывъ между интернаціоналомъ централистовъ и интернаціоналомъ федералистовъ.

Свавянская секція интернаціонала существовала не долго, уже въ концѣ 1873 г. она распалась, вслѣдствіе переѣзда трехъ бакунистовъ, основавшихъ ее, изъ Цюриха. До распаденія ея, нѣкоторые изъ ея членовъ приняли участіе въ освобожденіи Нечаева вооруженной рукой. Освобожденіе, однако, не состоялось, вслѣдствіе рѣшенія, принятаго Бакунинымъ, что нельзя жертвовать людьми для такого рискованнаго предпріятія. Несмотря на это рѣшеніе, попытка была совершена, но не удалась. Одинъ изъ организаторовъ освобожденія былъ удаленъ Бакунинымъ въ самое горячее время; этимъ успѣхъ предпріятія былъ нѣкоторымъ образомъ испорченъ.

З. Ралли.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Зарубежныя русскія періодическія изданія и сборники 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Приложенiе.

Зарубежныя русскiя перiодическiя изданiя и сборники 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Первымъ перiодическимъ изданiемъ на русскомъ языкѣ заграницей явилась издававшаяся А. И. Герценомъ „Полярная Звѣзда“. Ея первая книжка вышла 1 августа 1855 г. и затѣмъ она появлялась почти ежегодно (за исключенiемъ 1860 года) по 1862 годъ включительно. Въ этомъ (1862) году книжка „Полярной Звѣзды“ вышла въ двухъ выпускахъ. Въ 1869 г. Герценъ издалъ еще одну книжку „Полярной Звѣзды“, и такимъ образомъ, если считать 1 и 2 выпуски книжки седьмой за одну, то всѣхъ книжекъ „Полярной Звѣзды“ явилось въ свѣтъ восемь.

Вотъ ихъ содержанiе:

Полярная Звѣзда.

1855.

Книга первая. Введенiе. — Письмо къ Александру II. Искандера. — Что такое государство? (Энгельсона.) — Переписка Гоголя съ Бѣлинскимъ. — „Былое и Думы“ (отрывки). — „Возрожденiе“. Мишле. — Анонимное письмо (о брошюрѣ Герцена „Крещеная собственность“). — Отвѣтъ Герцена. — Нѣтъ соцiализма безъ республики. (Изъ письма Таландье.) — Къ нашимъ. — Письма Маццини, Гюго и Прудона. — Примѣчанiя.

1856.

Книга вторая. Некрологъ Чаадаева. — Впередъ! Впередъ! — Неизданныя стихотворенiя Пушкина, Рылѣева, Лермонтова и другихъ поэтовъ. — „Былое и Думы“. — Сазоновъ. Мѣсто Россiи на всемiрной выставкѣ. — Письмо. (О появленiи П. З. въ разныхъ мѣстахъ Россiи.) — Р. Ч. Русскiе вопросы. — Примѣчанiя.

1857.

Книга третья. Отъ издателей. — Разборъ манифеста 26 августа 1856 г. — Стихотворенія. — „Былое и Думы“. — Стихотворенія. — О запискахъ Дашковой. — Семеновская исторія 1820 г. — Двѣ пѣсни крымскихъ солдатъ. — Права русскаго народа. — Еще варіація на старую тему. — Смерть Станислава Ворцеля. — Р. Ч. Русскіе вопросы.

1858.

Книга четвертая. Освобожденіе крестьянъ. — Присутственный день уголовной палаты. — Стихотворенія Н. Огарева. — „Былое и Думы“. — Неизданныя стихотворенія Пушкина. — Стихотворенія неизвѣстныхъ сочинителей. — Убіеніе царевича Алексѣя Петровича. — Опытъ бесѣды съ молодыми людьми. Искандера. — Стихотвореніе Н. Огарева. — Отъ издателя.

1859.

Книга пятая. Стихотворенія Рылѣева, Бестужева и другихъ. — Разборъ донесенія слѣдственной комиссіи (по дѣлу декабристовъ). Н. Муравьева. — „Былое и Думы“. — Письмо Н. А. Полевого. — Изъ писемъ Бѣлинскаго. — Изъ писемъ Грановскаго. — Письмо Чаадаева. — Изъ писемъ Прудона. — Письмо Карлейля. — Взглядъ на тайное общество въ Россіи. Лунина. — Памяти художника (Иванова). Н. Огарева. — Разговоры съ дѣтьми. Искандера. — Стихотвореніе Н. Огарева.

1861.

Книга шестая. Воспоминаніе о К. Рылѣевѣ. Н. Бестужева. — А. Ф. Рылѣева. — Письмо Рылѣева къ Пушкину. — Изъ писемъ Лунина. — Воспоминаніе о кронверкской куртинѣ. — Подробности казни пяти мучениковъ (декабристовъ). — Письмо А. Пушкина къ Рылѣеву, Бестужеву и др. — Матеріалы для біографіи А. Пушкина. — Философическое письмо П. Я. Чаадаева (изъ „Телескопа“). — Николаевская цензура. — Проповѣдь соловецкаго старца Нестора при Николаѣ. — Стихотвореніе В. Печерина. — Стихотвореніе Одоевскаго (декабриста). — Стихотворенія разныхъ авторовъ. — „Былое и Думы“. — Стихотвореніе Н. Огарева. — Кавказскія минеральныя воды. (Отрывокъ изъ воспоминаній.) Н. Огарева.

1862.

Книжка седьмая (выпускъ первый). Изъ записокъ И. Д. Якушкина. — Отрывокъ изъ мнѣнія д. с. с. Липранди. — Разсказы о временахъ Николая (Колесниковъ, братья Критскіе, братья Раевскіе). — „Былое и Думы“.

Книга седьмая (выпускъ второй). Изъ записокъ Николая Бестужева. — Императоръ Александръ I и Карагинъ. — Приложеніе къ запискамъ Карагина. — Еще изъ записокъ Н. Бестужева. — Изъ записокъ М. Бестужева. — Выдержки изъ записокъ одного недекабриста (Греча). — „Былое и Думы“. — Стихотвореніе. Н. Огарева.

1869.

Книга восьмая. Безъ связи. (Швейцарскіе виды. — Venezia la bella. — La belle France. — Лондонская вольница.) — Aphorismata. — Еще разъ Базаровъ. — Стихотворенія Огарева.

* * *

Кромѣ „Полярной Звѣзды“ Герценомъ изданы въ Лондонѣ два „Историческихъ Сборника“ (первый въ 1859 и второй въ 1861 г.) съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Историческій Сборникъ.

Вольной русской типографіи въ Лондонѣ.

1859.

Книжка I. Предисловіе. — Письмо Императрицы Екатерины къ графу Н. И. Салтыкову. — Письмо Императрицы Маріи Ѳедоровны къ вел. кн. Константину Павловичу. — Письмо Н. С. Мордвинова къ Императору Александру I. — Мнѣніе Н. С. Мордвинова въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу учрежденія откуповъ. — Мнѣніе Н. С. Мордвинова по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи, и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ. — Мнѣніе Н. С. Мордвинова, поданное въ Государственный Совѣтъ при случаѣ разсмотрѣнія росписи о доходахъ и расходахъ на 1821-й годъ 20 февраля 1821 г. — Письмо графа Ѳ. Ростопчина къ Александру. — Смерть Императора Павла I. — Записка статсъ-секретаря Марченко о событіяхъ, совершившихся при восшествіи на престолъ Императора Николая I. — Записка о Сибири Штейнгеля. — Письмо барона Штейнгеля къ Императору Николаю. — Симашко, Филаретъ и Николай. Секретно-оффиціальное отношеніе синодальнаго члена Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода гр. Протасову, отъ 10 января 1855 г. за № 40. — Рѣчь Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Бибикова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8 мая 1851 г. — Священный Союзъ и австрійская политика.

1861.

Книжка II. Предисловіе. Искандера. — Собственноручныя письма Императора Павла I къ Атаману Донского Войска, генералу-отъ-кавалеріи Орлову 1. — Извлеченіе изъ приказовъ по арміи, отданныхъ Императоромъ Павломъ I. — Подражаніе Ломоносову. Марина. (Стихотвореніе.) — Смерть Павла I. — Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Данилевскаго. — Изъ записокъ А. Ѳ. Воейкова. — Выписка изъ записокъ кн. Петра Михайловича Волконскаго. — Отрывки изъ записокъ Л. Н. Энгельгардта. — Смерть Милорадовича. — Два письма А. П. Ермолова. — Мнѣніе Мордвинова о Эмбинскихъ рыбныхъ ловляхъ. — О правѣ

государственномъ фонъ-Визина. — Государственная уставная грамота Россiйской Имперiи. — А. П. Ермоловъ. — О происхожденiи Императора Павла I. — Высочайше конфирмованный 19 декабря 1849 г. докладъ генералъ-аудиторiата о тит. сов. Буташевичѣ-Петрашевскомъ и другихъ лицахъ. — Переводъ страницы 193—194.

* * *

Съ 1856 по 1860 г. Герценъ издавалъ „Голоса изъ Россiи". Всего вышло 9 книжекъ съ слѣдующимъ содержанiемъ:

Голоса изъ Россiи.

1856.

Книжка первая. 1. Отъ издателя. 2. „Русскiй либералъ": письмо къ издателю. (Въ этомъ „письмѣ" авторы выражаютъ свое несогласiе съ политикой и тономъ писанiй Герцена). 3. Записка о письменной литературѣ. 4. Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтiи: а. Основная мысль и общiй характеръ тридцатилѣтiя, б. внѣшняя политика, в. внутренняя политика, г. марширующая армiя, д. пишущая армiя, е. тайная полицiя и гласность, ж. управленiе дѣлами церкви — обращенiя и руссификацiя, з. управленiе народнымъ воспитанiемъ и бытомъ, и. общественное образованiе, i. литература и гасительныя мѣры, к. да будетъ свѣтъ!

1856.

Книжка вторая. 1. Отъ издателя. 2. Прiятельскiй разговоръ (дiалогъ между „не-чиновникомъ", рѣзко критикующимъ новое правительство, и „чиновникомъ", стремящимся оправдать его). 3. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 апрѣля 1856 г. (критическiй разборъ циркуляра). 4. О полковыхъ командирахъ и ихъ хозяйственныхъ распоряженiяхъ. 5. Письмо изъ провинцiи (по поводу трагедiи графа Н. А. Орлова „Сусанна", изданной съ благотворительной цѣлью), 6. Кто гости? („московскiй дворянинъ" жалуется на депутатское собранiе, не пригласившее всѣхъ московскихъ дворянъ на обѣдъ, данный въ честь защитниковъ Севастополя). 6. О крѣпостномъ состоянiи.

1857.

Книжка третья. 1. Отъ издателя. 2. Объ аристократiи, въ особенности русской. 3. Государственное крѣпостное право въ Россiи. 4. Шнуровая книга обличенiй (различныхъ крупныхъ и мелкихъ правительственныхъ агентовъ).

1857.

Книжка четвертая. 1. Письмо къ издателю (по поводу нѣсколькихъ стихотворенiй, посланныхъ авторомъ „письма" Герцену). 2. Современные отголоски (стихотворенiя разныхъ авто-

ровъ). 3. Современныя задачи русской жизни. 4. Россія въ войнѣ и въ мирѣ. 5. Голосъ изъ Россіи (о судѣ).

1858.

Книжка пятая. Объ освобожденіи крестьянъ.

1859.

Книжка шестая. 1. Отъ издателя. 2. Слово князю Сергѣю Павловичу Голицыну, въ отвѣтъ на его печатную правду, вяземскаго мужичка Петра Артамова. 3. Объ устройствѣ удѣльныхъ имѣній съ цѣлью уничтоженія крѣпостного права. 4. Письмо къ Императору Александру II (требованіе „вѣротерпимости", борьбы съ взяточничествомъ и открытаго суда). 5. Письмо къ издателю „Колокола" (о современныхъ задачахъ).

1859.

Книжка седьмая. Графъ В. Н. Панинъ.

1860.

Книжка восьмая. 1. Предисловіе Н. Огарева. 2. Проектъ дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ. 3. Докладъ или такъ называемое политическое завѣщаніе Ростовцева.

1860.

Книжка девятая. 1. Отъ редакціи. 2. Соображенія по докладамъ редакціонныхъ комиссій: а. по докладамъ административнаго отдѣленія, б. по докладамъ хозяйственнаго отдѣленія, в. по докладамъ юридическаго отдѣленія, г. записка о предварительныхъ соображеніяхъ особой финансовой комиссіи по крестьянскому дѣлу.

* * *

Съ 1857 г. Герценъ началъ издавать знаменитый „Колоколъ". Это изданіе продолжалось правильно и безпрерывно ровно десять лѣтъ (съ 1 іюля 1857 г. по 1 іюля 1867 г.). За этотъ промежутокъ времени вышло 245 №№, изъ которыхъ №№ 1—196 выходили въ Лондонѣ, остальные — въ Женевѣ. Въ № 245 „Колокола" Герценъ объявилъ о перерывѣ изданія на полгода и о томъ, что слѣдующій № „Колокола", которымъ должно было начаться второе десятилѣтіе его существованія, выйдетъ 1 января 1868 г. Но въ 1868 г. „Колоколъ", въ видѣ правильнаго періодическаго изданія, уже не возобновлялся и сталъ выходить на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Kolokol" (не надо смѣшивать съ брюссельскимъ „La Cloche", о которомъ см. ниже). Всѣхъ французскихъ №№ вышло 15, и въ это же время въ формѣ „русскаго прибавленія" вышло еще 6 №№ „Колокола" на русскомъ языкѣ. Наконецъ, 15 февраля 1869 года, появилось еще

„Supplement de Kolokol“, напечатанное частью на русскомъ, частью на французскомъ языкѣ. Послѣ смерти Герцена, подъ редакціею С. Г. Нечаева, издано еще 6 №№ „Колокола“. Къ сожалѣнію, мы не могли найти полнаго комплекта этихъ №№ и розыскали всего 4 №№, изъ которыхъ одинъ неполный. Помѣщая здѣсь содержаніе этихъ №№, мы убѣдительно просимъ, въ интересахъ познанія исторіи движенія русской общественно-политической мысли, лицъ, имѣющихъ возможность пополнить отмѣченный пробѣлъ, прислать намъ, если пе самые №№, — что было бы, разумѣется, лучше всего, — то, по крайней мѣрѣ, списокъ недостающихъ намъ статей изъ Нечаевскаго „Колокола“.

Вотъ содержаніе всѣхъ №№ „Колокола“ въ хронологическомъ порядкѣ:

Колоколъ.

1857.

№ 1. Предисловіе Огарева (въ стихахъ). — Предисловіе Искандера. — Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей? — Письмо къ издателю. Р. Ч. — Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 г. — Смѣсь: Августѣйшіе путешественники (вдовствующая императрица). — Вяземскій (прибавленіе къ „русскому богу“). — Сборище у Мусина-Пушкина. — Дѣло о грабежахъ по комиссаріатской части. — Брокъ-противникъ освобожденія крестьянъ. — Объ обращеніи раскольниковъ тверскимъ архіереемъ и флигель-адъютантомъ. — Генералъ Шейдеманъ. — Народный праздникъ во время коронаціи. — Закревскій остается генералъ-губернаторомъ.

№ 2. Революція въ Россіи. — Изъ Петербурга (письмо къ издателю). — Москва и Петербургъ. И-ра. — Объявленіе о русскихъ заграничныхъ изданіяхъ.

№ 3. Правительственныя распоряженія (съ 1857 г.). Р. Ч. — Лобное мѣсто. И-ра. — Губернаторъ Тыккель и намѣстникъ Горчаковъ.

№ 4. Письмо къ императору Александру II (по поводу книги барона Корфа). И-ра. — Замѣтки о похищеніи банковыхъ процентовъ и о слухахъ объ освобожденіи крестьянъ. — Книга Баллейдье. — Нашимъ анонимнымъ корреспондентамъ. — Rossia i Europa — Polska, przez X. Y. Z. — Письмо изъ Петербурга. Ланской. — Сенаторъ Аверкіевъ. — Генералъ Затлеръ и Рабиновичъ. — Закревскій и московскій полиціймейстеръ. — Замѣтка о разборѣ книги Корфа. — Генрихъ Михайловскій-шпіонъ.

№ 5. Кончина декабриста Якушкина. — Полицейскій разбой въ Москвѣ (студенческая исторія, оберъ-полиціймейстеръ Берингъ). — Подъ спудомъ: а. по части дома умалишенныхъ (Вяземскій, Ланской); б) по части смирительнаго дома: 1. Янсонъ, Сечинскій, Чернявская, Закревскій. (Убійство и покровительство разврата.) 2. Убійства, засѣканія и ужасы помѣщичьей власти

(Вреде, Щербатовъ, Закревскій, Шиповъ). — Смѣсь: По духовно-спасительной части. — По части путей сообщенія общества желѣзныхъ дорогъ. — Удивленіе невзяточничеству. — Международная просьба. — Шарманка (къ воспоминанію о Незабвенномъ). — Объявленіе о русскихъ изданіяхъ.

№ 6. Закревскій отстоялъ Беринга. — Высочайшіе путешественники at home. — Regatta передъ окнами Зимняго дворца. (Ростовцевъ, Вяземскій.) — Западныя книги. — Смѣсь: Паки и паки о князѣ Вяземскомъ. — Необыкновенная исторія о цензорѣ Гон-ча-ро изъ Ши-пан-ху. — Сѣчь или не сѣчь мужика. (Сумароковъ-Эльстонъ). — Постъ-скриптумъ къ статьѣ о новыхъ книгахъ. — Отъ Виктора Гюго.

1858.

№ 7. Освобожденіе крестьянъ. — Правительственныя распоряженія съ 1857 г. (Продолженіе) Р. Ч. — Что значитъ судъ безъ гласности. И-ра. — Дѣло Кочубея и Зальцмана.

№ 8. Императоръ и студенты. — Русскіе вопросы (крестьянская община). Р. Ч. — Смѣсь: О письмѣ, критикующемъ „Колоколъ". — Нордъ и Орсини. — Тамбовское дворянство. — Закревскій бунтуетъ!

№ 9. Кончина Кудрявцева. — Черезъ три года. („Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!") И-ра. — Письмо Огарева къ И-ру. — Русскіе вопросы (крестьянская община). Огарева. — Смѣсь: Лакеи и нѣмцы не допускаютъ. — Письмо издателя „Колокола" къ саксонскому министру вн. дѣлъ. — Отъ редакціи.

№ 10. Прокламація губернатора Новосильцова и возъ розогъ. — Невскія письма. (1-е и 2-е.) — Кое-что объ откупахъ. — Ложный доносъ на насъ и безграмотный циркуляръ о нашихъ книгахъ. — Разграбленіе монастыря и походъ черниговскаго губернатора противъ монахинь. — Смѣсь: В. А. Кокоревъ. — Солидарность. — Монтебелло и Наполеонъ III. — Ссылка г. Мухина. — Отправка Штиглицемъ золота заграницу. — О дирекціи московскихъ театровъ.

№ 11. Русскіе въ Парижѣ въ 1858 г. (сцены для комедіи). — Невскія письма (письмо 3-е).

№ 12. Русскіе вопросы (преобразованіе чиновничества). Огарева. — Смѣсь: Закревскіе берутъ верхъ. — Цензура усиливается. — Путешествіе Константина Николаевича по Россіи. — Сѣченіе народа за толки объ освобожденіи. — Польза отъ гласности. (Записка Сечинскаго по дѣлу Янсонъ.)

№ 13. Освобожденіе крестьянъ (разборъ рескрипта 5 декабря 1857 г. и министерскаго къ нему отношенія. — Закревскій поставщикъ суконъ и завоеватель казармъ. — Дѣло полицеймейстера Сечинскаго. — Смѣсь: Логика и краснорѣчіе сената. — О гр. Викторѣ Никитичѣ (Панинѣ). — Предложеніе профессорамъ Харьк. университета. — Побѣда (отрѣшеніе Брока, Норова и Вяземскаго.) — Арестъ г. Тхоржевскаго.

№ 14. Съ того берега (стих. Огарева). — Слухи (о попыткѣ отравленія Александра II). — Ватерлоо (оправданіе Симона Бернара). — Еще объ освобожденіи крестьянъ. Огарева. — Смѣсь:

Брошюра Н. Безобразова. — Двуспальный листъ. — Поправка (къ книгѣ Корфа). — Отставка Сухозанета. — Отставка Новосильцова.

№ 15. Розги и розги! — Разборъ брошюры Безобразова. Огарева. — О гражданскомъ судопроизводствѣ въ Россіи. — Смѣсь: Матеріалы для некролога Норова. И-ра. — Поггенполь.

№ 16. Словобоязнь. — Письмо Владимірскаго чиновника (объ освобожденіи крестьянъ). — Новгородское возмущеніе въ 1831 г. Панаева. — Самоубійство капитана Славчинскаго. — Смѣсь: Дворянство Сумскаго уѣзда. — Тамбовское дворянство. — Pas de rêveries! — Киргизъ-кайсацкое мѣстничество въ Оренбургѣ. — Эртель. — Мельниковъ.

№ 17. Новгородское возмущеніе въ 1831 г. (Продолженіе.) — Смѣсь: Фанатикъ паспортовъ. — Архипастырское рвеніе о мракѣ. — Право гражданства, пріобрѣтенное „Колоколомъ" въ Россіи. — Басня. — С. М. Голицынъ. — Помѣщики, переселяющіе крестьянъ.

№ 18. 1 іюля 1858 г. — Возраженіе на статью „Колокола". — Новг. возмущеніе 1831 г. (Окончаніе.) — Бѣшенство цензуры. — Отъ редакціи.

№ 19. Программа для занятій губернскихъ комитетовъ. — Объявленія о новыхъ книгахъ.

№ 20. Черный кабинетъ. — Программа для занятій губернск. комитетовъ. (Окончаніе.) — Изъ писемъ (по поводу правительственныхъ начинаній). — Приложеніе крѣпостного права къ журналистикѣ. (Типографія Московскаго университета). — Смѣсь: Харьковская университетская исторія. — Паденіе винной торговли и пауперизмъ. — Захватъ „Колокола" во Франкфуртѣ. — Отъ редакціи.

№ 21. Письмо къ Государю И-ра и О-ва (по поводу проектовъ центральнаго комитета). — Проекты центральнаго комитета. — Нѣтъ больше освобожденія крестьянъ. — Нѣтъ больше спасенія отъ чиновничества. — Опять надежды: государь отпустилъ удѣльныхъ крестьянъ съ землей. — Смѣсь: Для будущей біографіи гр. Закревскаго. — Rappel à la pudeur. — Полиціймейстеръ Огаревъ. — Errata.

№ 22. А. Ивановъ (художникъ). И-ра. — Письмо къ гр. Строганову о злодѣйствахъ Клопотовской. К. О. — Матеріалы для будущей біографіи гр. Закревскаго. — In-re Ростовцева противъ Россіи. — Бумаги изъ портфеля, потеряннаго курьеромъ по дорогѣ изъ комитета министровъ въ домъ министерства юстиціи. — Смѣсь: Маркъ-Туллій Сухозанетъ. — Безобразное окончаніе харьковской студенческой исторіи. — Распространеніе іезуитизма въ Петербургѣ (митрополитъ Григорій). — Еще и еще разъ. И-ра. (Объясненіе редакціи.)

№№ 23—24. Предостереженія. (Возвращающимся изъ заграницы). — Гедерштернъ. — Удѣльные крестьяне не освобождены. Огарева. — Опоздавшія письма изъ Петербурга: 1. петербургское купечество. 2. Упреки редакціи за умѣренность. Отставка Кавелина. Ссылка за ввозъ „Колокола". — Отъ редакціи (возраженіе). — Плантаторскій журналъ Желтухина. — Изъ Польши (Мухановъ). — Партизанъ Давыдовъ во время Крымской войны.

— Inter pares amicitia (Альбрехтъ, Гедеоновъ, Дуббельтъ, Болотниковъ, Трубачевъ и Ко.). — Смѣсь: Духовный пастырь словеснаго стада и одна изъ пасомыхъ имъ овецъ. — О усердному, о пастырю благоревностному (митрополитъ Григорій). — А. Дюма и наша знать. — Струна изъ графской лиры Ростопчиной. — По дѣлу полиціймейстера Огарева. — О Неклюдовѣ и Орловѣ. — Извѣщеніе объ изданіи Mémoires de l'imperatrice Catherine II.

№ 25. Письмо къ редактору (о скоропостижной смерти въ III отдѣленіи арестованнаго юнкера Скуратова и другихъ русскихъ дѣлахъ). — Секретный циркуляръ Муравьева. — Смѣсь: Отрывокъ изъ письма изъ провинціи. — Государственный контролеръ Анненковъ.

№ 26. Матеріалы по крестьянскому вопросу. — Виленское дворянство. — Дворянско-чиновничій разбой въ селѣ Дѣдновѣ. — Послѣдствія сѣченія ярославской помѣщицы. — Іакову Ростовцеву въ день его юбилея. — О бородѣ А. А. Иванова. — Флигель-адъютантъ Соколовъ. — Отъ редакціи.

№ 27. Письмо къ императрицѣ Маріи Александровнѣ (о воспитаніи наслѣдника). И-ра. — Насъ упрекаютъ. И-ра. — Танѣевское дѣло. — Матеріалы по крестьянское вопросу (продолженіе). — Смѣсь: Сѣкущее православіе. — Г. Фонтонъ. — Приглашеніе къ сотрудничеству въ „Колоколѣ“ Александра II. — Кража восьмидесяти верстъ.

№ 28. Несчастный опытъ домокрадства. (Эпизодъ изъ жизни гр. Панина). — Реформа сверху и реформа снизу. — Смѣсь: Гродненская исторія. (Симашко, Филаретъ.) — Оренбургская исторія (полковникъ Кузьминъ, маіоръ Дерышевъ и Григорьевъ). Отвѣтъ корреспонденту. Огарева. — Иванова борода и Гурьева лобъ. — Гр. Мусинъ-Пушкинъ. — Удоборуководимый Панинъ, Топильскій и Замятинъ. — Объявленія о русскихъ книгахъ.

№ 29. Америка и Сибирь. И-ра. — Германскіе рыцари XIX столѣтія въ Эстляндіи. — Обвинительный актъ. (Письмо г. Ч.) (Это письмо, направленное противъ дѣятельности Герцена, написано Б. Н. Чичеринымъ. Б. Б.) — Смѣсь: Дѣло Кривоносовыхъ. — Запрещеніе помѣщиками браковъ. — Усердный рабъ Бутеневъ и великій визирь. — Прибавка 80 верстъ жел. дороги. — Анекдотъ изъ Инкерманской битвы. — Отвѣтъ на клевету гр. Гуровскаго. И-ра.

№ 30—31. Московскій комитетъ. Огарева. — Основанія, принятыя московскимъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу. — Реформа сверху или реформа снизу? — Appel à la pudeur. — Дѣятели прошлаго царствованія (Дуббельтъ и Вердеревскій). — Смѣсь: Варшава (Мухановъ). — Возраженія на обвинительный актъ. — О евреяхъ. — Крѣпостнымъ людямъ, находящимся за предѣлами Россіи. — Виленское дворянство. — Гр. Татищевъ и предводитель Пантелѣевъ. — Замѣтка о статьѣ „Alexander Herzen i wolna rossyjska drukarnia w Londynie“.

1859.

№ 32—33. Россія и Польша. — Отвѣтъ автору статьи о русской вольной типографіи въ Лондонѣ. И—ра. — Письмо къ

издателю по поводу „обвинительнаго акта“ г. Ч. — Письмо въ защиту г. Ч. Спартанскаго. — Московскій комитетъ (продолженіе). — Смѣсь: Торговля рекрутами. — Чембарскій предводитель Катковъ. — Имѣніе Обрескова. — Бланкъ въ тамбовскомъ комитетѣ. — Урусова и Черкасова. — Строгановъ и колонисты. — Дѣло Кочубея и Зальцмана. — Замѣтка объ „Emancipation des serfs en Russie“. — О біографіи Панина. — Объясненіе по поводу письма къ редактору. И—ра.

№ 34. Россія и Польша. — Отвѣтъ автору статьи о русской типографіи въ Лондонѣ (письмо второе). И—ра. — Московскій комитетъ (продолженіе). — Смѣсь: Радзивилъ и его помѣстья. — Помѣщикъ Вонлярлярскій. — Объявленіе Свентославскаго. — Объявленіе Трюбнера.

№ 35. Московскій комитетъ (окончаніе). — Проектъ кн. Гагарина. — Инструкція Петровскаго уѣзда. — Мнѣніе Заварицкаго. — Савичъ и Сумскій уѣздъ. — Копія съ предложенія сумскаго дворянства депутатамъ, выбраннымъ въ члены харьковскаго комитета. — Смѣсь: Генералы отъ цензуры и Викторъ Гюго на батареѣ Сальванди. И—ра.

№ 36. Отвѣтъ русской дамѣ. И—ра. — Изъ воспоминаній о Лунинѣ (декабристѣ). — Мухановскія мѣры противъ просвѣщенія въ Польшѣ. — Смѣсь: Даже у Павла I можно поучиться. — Похищеніе людей. — Просьба о присылкѣ портрета Родищева и стихотвореній Печерина.

№ 37. Отвѣтъ на письмо изъ Польши. И—ра — О положеніи евреевъ въ Россіи. — По дѣлу Кривоногова и д-ра Штейна. — Смотръ парохода „Колхида“. — Просьба о присылкѣ проекта Ростовцева.

№ 38. Письмо къ автору „возраженія на статью „Колокола‘“. Огарева. — Постельная барщина продолжается. (Гутцейтъ, Сафоновичъ.) — Матеріалы для пониманія начальника III отдѣленія.

№ 39. Еще и еще противъ „обвинительнаго акта“. И—ра. — Проектъ Унъковскаго (тверского губерск. предводителя дворянства). — Смѣсь: Казанскія розги. — Дѣло Клопотовской. — Клевета варшавской газеты на евреевъ.

№ 40—41. Джонъ Стюартъ Милль и его книга „On Liberty“ И—ра. — Изъ Письма (по поводу „обвинительнаго акта“). — Смѣсь: По дѣлу о харьковскихъ злоупотребленіяхъ Зиновьева и потворству Ковалевскаго. — Казанская полиція не отстаетъ отъ московской (дѣло студента Колпакова). — Лелевель и казематы. — Новая мерзость въ Польшѣ.

№ 42—43. По поводу писемъ изъ Россіи (о нападкахъ на духовенство, о гр. Строгановѣ и пр.) — Циркуляръ по цензурѣ. — Приказъ Ковалевскаго. — Финансовый проектъ Ростовцева. — Административно-судебный проектъ Ростовцева. — Смѣсь: За царемъ служба не пропадаетъ. — Попытка преданія анаѳемѣ. И—ра. — Смоленская гражданская палата. — Russia by a recent traveller. — Метлинъ и Волоховъ. — Строгановъ и porto-franco. — Вознагражденіе севастопольскихъ землевладѣльцевъ.

№ 44. Война. И—ра. — Very dangerous! И—ра. (статья противъ „Современника“). — Смѣсь: Пьянство, возведенное въ пра-

вославную и государственную обязанность. — „Семь могилъ“ (помѣщикъ Клевезаль). — Прощайте, Арсеній Андреевичъ! (Отставка Закревскаго.) — Инцидентъ съ дѣвицей Іогихесъ.

№ 45. Бѣшенство цензуры. — Одно-ипостасная цензура Ковалевскаго. — Гибель парохода безъ паруса. — Три-ипостасная цензура Адлерберга, Тимашева и Муханова. — Дѣло о высѣченномъ генералѣ Кандыбѣ и его женѣ. — О проектѣ освобожденія крестьянъ. Огарева. — Смѣсь: Еще о Гутцейтѣ. — О генералъ-адъютантѣ Глинкѣ. — Почтовое вѣдомство. — Еще нелѣпость цензуры. — На углу. И—ра. — Отъ редакціи.

№ 46. Кончина декабриста Пущина. — Третье отдѣленіе и баронъ Брунновъ. (Письмо Огарева къ государю. Письмо барона Бруннова къ Огареву.) — Отвѣтъ на статью: „Крестьянскій вопросъ и Ростовцевъ“. — Письмо къ автору статьи „Отвѣтъ на статью: Крестьянскій вопросъ и Ростовцевъ“. Огарева. — Смѣсь: Еще о возведеніи пьянства въ православную и государственную обязанность.

№ 47. Отъ редакціи. — Московскій комитетъ. — Смѣсь: Печенѣги или не печенѣги? — Одесская полиція. — Эмансипаторъ кн. Ю. Н. Голицынъ. — Путешествіе Тимашева. — Церковно-самодержавныя шалости. — Иноки Михайловскаго монастыря — Un austriaco principe Trubezkoy. — По части цензуры творческой. — О наперстныхъ крестахъ. — Мнѣніе Буткова о Муравьевыхъ. — Помѣщикъ Юхаринъ и гр. Строгановъ. — Programme de la Sainte-Alliance des Peuples.

№ 48. Московскій комитетъ (окончаніе). — Смѣсь: 1814—1850 г. — Второе занятіе Парижа русскими. — Письмо Ростовцева къ гр. Орлову. — Выговоръ по службѣ. — По Муханову и Цецуринъ. — Изъ Кіева (полиціймейстеръ Плехановъ, губернаторъ Гессе). — Ростовцевъ. — Бессарабская исторія (Строганова)! — Теорія и поэзія розогъ и шпицрутеновъ въ приложеніи къ защитникамъ отечества.

№ 49. Юстиція и Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ. Петрашевскій. — Дворовый человѣкъ. — Отъ редакціи. — Смѣсь: Гоненіе умершихъ. — Дуэль Неклюдова съ Беклемишевымъ. — Политическіе обѣды въ Москвѣ. — Объясненіе статьи „Very dangerous“. И—ра. — Корфъ. — Объ изданіи „Подъ судъ“. — Письмо русскаго вѣрноподданнаго къ русскому императору.

№ 50. Миръ (вторая статья о войнѣ). И—ра. — Адмиралъ Мѣтлинъ. — Во Христѣ саперъ Игнатій. — Приложеніе къ прошеніямъ Буташевича. Петрашевскаго. — Смѣсь: Злодѣйства Власовой. — Полтавскій губернаторъ Волковъ. — Еще о „Колхидѣ“. — Еще о Радзивиллѣ. — Объявленія.

№ 51. Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ. Огарева. — Приложеніе къ прошеніямъ Петрашевскаго (продолженіе). — Жандармскому начальнику кн. Долгорукову. Огарева. — Къ издателямъ „Колокола“. — Смѣсь: Панинъ сошелъ съ ума. — Ссылка г. Рыбникова.

№ 52. Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Приложеніе къ прошеніямъ Петрошевскаго (продолженіе). — Федотъ Переверзевъ. — Смѣсь: Смерть или

косушку! Генералъ Ефимовичъ, генералъ Данзасъ. — Губернаторъ Синельниковъ. — Блистательная побѣда, одержанная въ Ковенской губерніи гусарскимъ Е. И. В. капитаномъ. — Предсѣдатель уголовной палаты въ Могилевѣ г. Стаховскій. — Поправка о г. Миклашевскомъ. — Отзывъ на письмо о контрабандѣ. — Замѣтка о ясскомъ дѣлѣ.

№ 53. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. (Отрывокъ первый. Правительствующіе нѣмцы.) И—ра. — Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Приложеніе къ прошеніямъ Петрашевскаго (окончаніе). — Князь Трубецкой. — Выходъ перваго листа „Подъ судъ“!

№ 54. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. (Отрывокъ второй. Доктринерствующіе нѣмцы). — Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Къ патологической исторіи русской цензуры: 1. Отношеніе морского ученаго комитета къ кн. В. И. Васильчикову. 2. Выписка изъ корректурнаго листа, представленнаго на разсмотрѣніе кн. Васильчикову и имъ запрещеннаго. — Письмо Васильчикова. — Помѣщикъ Голиковъ. — Губернаторъ Дороганъ. — Новыя книги. — Синхедріонъ московскихъ университетскихъ фарисеевъ. — Отъ редакціи.

№ 55. Опытъ разбора свода законовъ изд. 1857 г. (о генералъ-губернаторахъ). Огарева. — Синхедріонъ московскихъ университетскихъ фарисеевъ. — Финансовыя мѣры à la Ванька Каинъ. — Циркуляръ военнаго министерства о солдатскихъ письмахъ. — Злодѣйство помѣщиковъ. — Екатеринославскій предсѣдатель уголовной палаты Зарудный. — Помѣщица Харченкова. — Помѣщикъ Ворковскій. — Смѣсь: преслѣдованіе синодомъ православнаго Собесѣдника. — Министерство народнаго просвѣщенія грабитъ нищаго. — Голосъ общества за русскаго офицера. — Варшавскія новости. — Замѣтка изъ Одессы. — Нарушеніе гражданскихъ законовъ государемъ. — Опять и опять pas de rêveries!

№ 56. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. (Отрывокъ третій. Варьяціи). — Письмо къ издателю (о новомъ поколѣніи). — Гр. Строгановъ и Старицкій. — Черты изъ жизнеописанія одесскаго градоначальника бар. Местмахера. — Смѣсь: гр. Строгановъ, плачущій на гробѣ сѣченаго Кандыбы. — Шпіонство Васильчикова въ Парижѣ. — Преслѣдованіе въ Вильнѣ гимназистовъ. — О полученіи 40 франковъ въ фондъ Гарибальди. — Выходъ второго листа „Подъ судъ!“

№ 57—58. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. (Отрывокъ четвертый.) — Письмо помѣщика въ редакцію. — Отвѣтъ Огарева. — Pas de rêveries, ведущее къ faux pas. — Смѣсь: Экзамены въ петербургскомъ университетѣ. Кіево-печерскіе подвижники. — Таможенное управленіе Пашкова. — Генералъ Чевкинъ. — Объ обкрадываніи акціонерныхъ обществъ. — Савва Яковлевъ. — У Тимашева есть мать. — Пузыревскій. — Гр. Строгановъ. — Шпицрутены и штабсъ-капитанша Баранова. — Отъ Искандера (о выходѣ книги „Искандеръ-Герценъ“). — Отъ редакціи.

№ 59. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. (Отрывокъ пятый.)

И—ра. — Правила для студентовъ московскаго университета. — Еще переписка. Огарева. — Выходъ 3-го листа „Подъ судъ!"

1860.

№ 60. 1860 годъ. — Гоненіе гласности и студентовъ. — Адресъ государю (6 дворянъ о необходимости, помимо освобожденія крестьянъ, и широкихъ преобразованій въ государственной структурѣ). — Черезъ два года. — Смѣсь: Къ физіологіи и зоологіи провинціальныхъ помѣщиковъ. — Отравители въ Кіевской губерніи. — Ай да Корфъ! — Академія художествъ. — Генералъ-маіоръ Анастасьевъ.

№ 61. Украина. (Эта статья принадлежитъ Н. И. Костомарову. Б. Б.) — О кончинѣ М. К. Кюхельбекера (декабриста). — Тверской комитетъ. — Смѣсь: Das Lievländische Athen. — Слабость къ вотамъ. — Изъ Чернигова. — Вопросъ и отвѣтъ. — У параднаго крыльца. (Некрасова.)

№ 62. Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). Огарева. — Засѣченный матросъ. — Смѣсь: Въ защиту Журавлева. — Убитый помѣщикъ. — Московскій университетъ. — В. Безобразовъ. — Отъ редакціи.

№ 63. Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Вѣшенство православія. — Несчастные солдаты, оставленные на голодную смерть. — Помѣщица, ненавидящая, и помѣщикъ, любящій своихъ рабовъ. — Вѣшающій Муравьевъ. — Смѣсь: Эпоха прогресса и гласности въ Россіи. — For gentlemen only.

№ 64. Ростовцевъ и Строгановъ.] И—ра. — Письмо изъ провинціи. — Письмо изъ Петербурга. — Смѣсь: Лейпцигская брошюра „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу". — Опять розги. — Въ примѣръ и не въ примѣръ другимъ. — Кіевская децентрализація. — Союзъ съ Австріей. — Управляющій Машевскій. — Герштенцвейгъ. — Шипцрутены и Сиверсъ.

№ 65—66. Назначеніе Панина на мѣсто Ростовцева. — Россія и Польша. — Тверской комитетъ и Уньковскій. — Комиссаріатъ въ Россіи. — Смѣсь: Дворянъ сѣкутъ. — Топильскій въ ненужномъ мѣстѣ. — Ссылка Уньковскаго и Европеуса. — Отъ издателей.

№ 67. Россія и Польша. И—ра. — Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Смѣсь: Письмо о дѣлѣ Яковлева. — Набѣгъ нѣмецкихъ татаръ на Тамбовскую губернію. — Начало новыхъ гоненій въ Россіи.

№ 68—69. Слово гр. Панина къ депутатамъ. — Письма изъ Россіи. — Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Комиссаріатъ въ Россіи (окончаніе). — Дараганъ и Окуловъ. — Циркуляры для предупрежденія и пресѣченія гласности. — Смѣсь: Помѣщица Полянская. — Почта въ Россіи. — Афинскій архимандритъ. — Космическое значеніе русскаго свода.

№ 70. Тверской помѣщикъ Головачевъ (преслѣдованіе его правительствомъ). — Возраженіе на статью о крестьянскомъ во-

просѣ, помѣщенную въ № 63 „Колокола". (Статья принадлежитъ, по всѣмъ признакамъ, Н. И. Тургеневу. Б. Б.) — Смѣсь: La verité sur la Russie. — Архимандритъ Мельхисадекъ. — Тайное явно. — Свистуновъ (декабристъ) и Кашкинъ (петрашевецъ).

№ 71. Адресъ государю владимірскаго дворянства. — Адресъ государю петербургскаго дворянства. — Библіотека дочь Сенковскаго. — Брилевичъ и разрубленный еврей. — Арендаторъ Пyтятицкій. — Поправки и возраженія. — Смѣсь: Новости изъ Россіи. — Переходное состояніе. — Лессеръ. — Тверской вице-губернаторъ. — Тайный совѣтникъ въ квадратѣ. — Стихотвореніе Лермонтова. — Афинскій іеродіаконъ. — Revue Прудона.

№ 72. За пять лѣтъ. И—ра. — Великокняжеское освобожденіе. — Мухановъ что не на Вислѣ. — Souvenirs modestes о мертворожденной цензурѣ. Корфа. — Розги и шпицрутены. — Къ характеристикѣ Сибири. — Смѣсь: Вел. к. Николай Николаевичъ. — Петербургскія Вѣдомости. — Омское краснорѣчіе. — Гвоздевская гласность. — Помѣщикъ Абутковъ. — Тимашевъ и Дубельтъ.

№ 73—74. Августѣйшая благодарность за государственный разбой. — Комиссія для составленія положенія о крестьянахъ (продолженіе). — Переписка кн. П. В. Долгорукова съ русскимъ правительствомъ. — Къ дѣлу объ иркутской дуэли. — Оберъ-форъ-шнейдеръ. — Еврейскіе выборы въ Вильнѣ. — Князь Сергѣй Гагаринъ. — Извольскій. — Смѣсь: Еще тайная полиція. — Старицкій. — Князь А. Ф. Голицынъ. — Помѣщичье псолюбіе. — Помѣщичье благодушіе и губернаторское бездушіе. — Помѣщики Протопоповъ и Масленицкій — Теорія сѣченія петербургской полиціи. — Шереметевъ. — Русскіе матросы въ Виллафранкѣ. — Отъ издателей.

№ 75. Розги долой! — Ком. для сост. пол. о крестьянахъ (прод.). — Мухановъ, что̀ на Вислѣ.

№ 76. Узаконеніе государственнаго разбоя. — Мѣры правительства относительно трезвости. — Тостъ Пугачеву и послѣдняя кампанія Тимашева. — Изъ Минской губерніи. — Смѣсь: Русская музыка въ Лондонѣ. — Самодержавный либерализмъ. — Дароганъ. — графъ Бергъ. — Хомяковъ и Австрія. — Капитанъ-лейтенантъ Костенко.

№ 77—78. Письма къ соотечественнику. Огарева. — Мѣры правительства относительно трезвости. — Замѣчанія о находящихся въ отпуску. — Грязь и Лужинъ. — Цыцуринъ. — Смѣсь: Замѣчательная ошибка морского министерства. — Музыка Олафа. — Законоучитель Палисадовъ. — Бергъ и телеграфы. — Гибкій человѣкъ (стих.). — О торговыхъ установленіяхъ. — Львиный надѣлъ Орлова. — Католическая пропаганда Назимова. — Монаршее благословеніе. — Письмо къ Зиновьеву. — Офицерское ерничество на Тверскомъ бульварѣ. — Отъ издателей.

№ 79. Записки И. В. Лопухина. И-ра. — Дѣло зиновьевскихъ крестьянъ. — По поводу „Розги долой!" — Орловскій и Добропасъ. — Paniniana. — Покорнѣйше благодаримъ.

№ 80. По поводу правилъ Муравьева-Вѣшателя. Огарева. — Прошеніе 18 дворянъ Тверской губерніи въ Сенатъ. — Смѣсь:

Витвицкій. — Генералъ-кулачный боецъ и дѣтскій кисель. — Письмо Меньшикова и рубаха Муравьева-Вѣшателя. — Пугачевъ и Сухозанетъ. — Неприкосновенность великокняжескихъ камердинеровъ. — Шалунъ Мухановъ. — Мужикъ вѣрный. — Глушковъ. — Къ біографіи Шевченко. — Князь Кейкуатовъ. — Отъ издателей.

№ 81. Труды комиссіи для устройства земскихъ банковъ. — Высочайшее уничтоженіе всѣхъ общественныхъ связей и анархія, проповѣдуемая Александромъ II.

№ 82. Послѣдній ударъ! И-ра. — Бого-мокрицы и Бого-саранча (Башуцкій, Бурачекъ и Аскочинскій). — Флигель-адъютантъ Бобринскій. — Взглядъ снизу на начальство государственной канцеляріи. — Смѣсь: Голодная смерть лопарей. — Краббе. — Тихоцкій. — Войтъ. — Замятинъ. — Петрашевскій. — Ковенскіе порядки.

№ 83. Лишніе люди и желчевики. И-ра. — Разграбленіе крестьянъ архангельской палатою. — Вольное русское книгопечатаніе заграницей. — Новое стѣсненіе слова. — Александръ II Наполеону III. — 4 лошади.

№ 84. Сербы и черногорцы. — Второе письмо по поводу „Розги долой!“ — Лужинъ-вѣрный. — Смѣсь: Полицейскіе маскарады Игнатьева. — День ангела директора. — Домъ, примчавшійся къ Минѣ Ивановнѣ на почтовыхъ. — Самодержавная демонстрація. — Кончина Хомякова.

№ 85. Es reiten drei Reiter. — Положеніе евреевъ въ Россіи. — Отрывокъ изъ „Былого и Думъ“. — Смѣсь: Еще глупѣе. — Гессе. — Потоцкій, Закревскій, Ильинскій. — Полтава и Стокгольмъ. — Радъ стараться. — Дѣло крестьянъ Зиновьева. — Зажигательныя спички и тушащіе министры. — Герштенцвейгъ, Сиверсъ и Гутцейтъ. — Унковскій и Европеусъ. — Паспорты. — Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного права. — Отъ редакціи.

№ 86. Помѣщичьи злодѣйства въ Орловской губерніи. — Свѣтское и духовное образованіе. — Монастырское крѣпостное право. — Иродовскія поползновенія вологодской полиціи. — Смѣсь: Police galopante. — Крузенштернъ, Нолькинъ. — Игнатьевскія маски.

№№ 87—88. Императорскій кабинетъ и Муравьевъ-Амурскій. — Смѣсь: Шейдеманъ. — Пути разобщенія въ Польшѣ. — Гарибальдійцы въ Радомѣ. — Константинъ Николаевичъ за линьки. — Терроръ въ Польшѣ. — Помѣщикъ Харченко. — Ковалевскій. — Русская почта. — Глушковъ. — Объявленія.

1861.

№ 89. На новый годъ. — Кончина Трубецкого (декабриста). — Гоненіе христіанъ панскихъ христіанами полицейскими. — Тимашевъ и Бейстъ.

№ 90. К. С. Аксаковъ. И-ра. — Циркуляръ казеннымъ палатамъ. — Собственное дознаніе о взрывѣ „Пластуна“. — Профессоръ П. В. Павловъ и тимашевка. — Смѣсь: Еще Глушковъ. — Строгановъ и Александръ II противъ азбуки. — Уральская

пѣсня. — Тимашевствующій Чевкинъ. — Семейныя добродѣтели николаевцевъ. — Фишеръ. — Тифлисъ и покореніе „Колокола".

№ 91. Провинціальные университеты. — Нарвская революція и рукопашный Кавaньякъ-Смирновъ. — Прошеніе студентовъ кіевской академіи. — Смѣсь: Злодѣйства Долгорукова. — Крайне нужно. — Одесную и Ошую. — Императрица Марія Александровна. — Доносъ.

№ 92. Сто пятнадцать благородныхъ офицеровъ. — Прошеніе Петрашевскаго. — Смѣсь: Сенатскія арестантскія роты. — И Михаилъ Николаевичъ принимается за дѣло. — Каковъ попъ, таковъ и приходъ. — Уничтоженіе правъ, дарованныхъ Остзейскимъ губерніямъ. — Козелъ и оселъ. — Клоповникъ. — Воронежскій помѣщикъ.

№ 93. Наканунѣ. — Проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ. — Просьба Петрашевскаго (окончаніе). — Смѣсь: Вѣрные исполнители высочайшей воли. — Переселеніе крестьянъ на болото. — Послѣднее убѣжище изгнанниковъ закрыто. — Заговоръ противъ императора австрійскаго. — Доносъ „Петерб. Вѣдомостей" на „Морской Сборникъ". — Фрегатъ Генералъ-Адмиралъ и швабра. — Черный архіерей и бѣлый Арапоѵъ въ Пензѣ. — Харьковскимъ студентамъ. — Салическій законъ въ московскомъ университетѣ. — Изъ Тифлиса. — Языковъ директоръ правовѣденія. — Цензурные Зуавы. — Еще о крестьянскомъ дѣлѣ. — Освобожденіе крестьянъ.

№ 94. Духу не достало! — Vivat Polonia! — Присяжные повѣренные. — Статсъ-секретарь Карницкій. — Плугъ уступаетъ эксельбанту. — М-me Шпейеръ. — Послѣднія новости.

№ 95. Манифестъ! — Панихида въ Петербургѣ. — Смерть Шевченко. — Кабинетъ Е. И. В. — Циркуляръ Ковалевскаго. — Арбеньевъ и Смирновъ. — Исправительныя письма. — Смѣсь: День страха. — Розги и плети, употребляемыя международно. — Орлы, львы и генералъ-басъ. — Мухановъ съ Вислы уѣхалъ. — Et toi Brute. — Издателямъ журналовъ въ Россіи. — Приглашеніе на празднованіе освободожденія крестьянъ.

№ 96. 10 апрѣля 1861 г. и убійства въ Варшавѣ. — Начало освобожденія. — Кабинетъ (окончаніе). — Листъ шпіоновъ и Нордъ. — Смѣсь: Новые мѣхи. — Плетневъ. — Пятидесятилѣтіе Вяземскаго. — Шестаковъ. — Въ защиту г. Карницкаго. — Присланныя деньги.

№ 97. Mater dolorosa. — Письмо Гарибальди. — О присяжныхъ повѣренныхъ. — Муравьевъ-fils. — Смѣсь: Кончина Басаргина (декабриста). — Рейтернъ. — Александръ II и Мухановъ. — Уроки географіи и консулъ Бергеръ. — У Кокорева свой Хрулевъ. — Изъ „Петерб. Вѣдомостей". — Князь Ю. Н. Голицынъ. — Царское самодержавіе и студенческое самоуправленіе. — Крѣпостное состояніе въ Ниццѣ. — Отъ издателей „Полярной Звѣзды".

№№ 98—99. Русская кровь льется. — Отеческій совѣтъ. — О присяжныхъ повѣренныхъ. — Докладная записка Адлерберга, — Мормонизмъ въ Черниговской губ. — Бюджетъ 1860 года. — Смѣсь: Управляющій Компанейщиковъ. — Духовные и свѣтскіе доносы. — Гоненіе на университеты. — Секретный манифестъ. —

Васильчиковъ и Рейнгардтъ. — Финляндская конституція. — Игнатьевъ заказываетъ бунтъ. — L'homme aux camélias et l'homme au gibet. — Buona notte. — М-ръ вн. дѣлъ Ланской. — Правда ли?

№ 100. Отъ издателей. — Мартирологъ крестьянъ. — Нужны ли розги? — Н. И. Пироговъ. — Смѣсь: Бр. Рыльскіе. — Солдатская пѣсня. — Паткуль и горячія розги. — Превосходительный дантистъ. — Ей, просвѣщеніе! — Инквизиція Строганова. — Духъ сигаръ. — Галаганъ. — Слухъ.

№ 101. Разборъ новаго крѣпостного права. — Апраксинскія убійства. — Предсмертныя злодѣйства помѣщичьяго права. — Смѣсь: Расколничьи попы. — Княгиня Васильчикова. — Невскія героини. — Лелевель. — Апраксинъ и Гурко. — Якутская дуэль. — Къ полякамъ. — Сырокомля. — Крайне нужно. — Отъ издателей.

№ 102. Что нужно народу? — Петербургскій университетъ. — Разграбленіе Тутолминской больницы. — Смѣсь: Убійства въ Пензенской губ. — Графъ Евдокимовъ. — Надулъ! — Прогрессъ цензуры. — Князь Салтыковъ. — Откупщики гвериндасы. — Село Бездна. — Аскочинскій и его жертва. — Отъ издателей.

№ 103. Польскій адресъ. — Русскія женщины — женщинамъ польскимъ. — Разборъ новаго крѣпостного права. — Депеши Дренякина. — Смѣсь: Архіерейскіе слуги. — Изъ Орла. — А. В. Поджіо и его племянники. — Крестный ходъ. — Книга К. С. Аксакова. — Истязаніе за барщину.

№ 104. Новое крѣпостное право. — Уральскіе казаки. — Смѣсь: Дренякинъ. — Распятіе казачьихъ бородъ. — Отъ издателей.

№ 105. Заводите типографіи! — Ископаемый епископъ. — Разборъ новаго крѣпостного права. — Въ защиту помѣщика Ольхина. — Смѣсь: Гродненскій полицеймейстеръ. — Свирѣпый Феофилактъ. — Аскочинскій II. — Заговоръ.

№ 106. Разборъ новаго крѣпостного права. — Русскіе побѣдители въ Сувалкахъ. — Смѣсь: Мракобѣсіе цензуры. — Путятинъ. — Исаковъ. — Игуменья Алексѣевскаго монастыря. — Новгородъ и Іерусалимъ. — Лейбъ-правосудіе и лейбъ-гвардія. — Татариновъ. — Моск. унив. библіотека. — Берлинское изданіе стихотв. Пушкина. — Отъ редакціи.

№ 107. Repetitio est mater studiorum. — Отвѣтъ „Великоруссу". Празднованіе соединенія Литвы съ Польшей. — Смѣсь: Огаревъ Пермскій. — Филипсонъ. — Почтовые чиновники. — Съ кѣмъ Литва? — Могила Канарскаго. — „Великоруссъ".

№ 108. Отвѣтъ на отвѣтъ „Великоруссу". — Дремучее дѣло. — Смѣсь: Васильевъ и Назимовъ. — Подметныя письма. — Лихонинъ. — Къ хроникѣ прогресса. — Ламбертъ. — Хлѣбъ новой жизни. — Полный надѣлъ землею. — Паткуль и „Колоколъ". — Увѣдомленіе.

№ 109. Письмо къ русскому послу въ Лондонѣ. — О евреяхъ. — Муравьевъ-Амурскій. — Акцизный откупъ въ Гродненской губ. — Наши консулы. — „Великоруссъ" № 2. — Смѣсь: Крестьянскія дѣла. — Николай l'oiseleur. — Путятинъ. — Нѣмцы радуются. — Петербургскій университетъ закрытъ! — Мухановъ. —

Полякамъ въ Генуѣ. — Гладинъ и Игнатьевъ. — Г. Чиляевъ. — Главное общество желѣзныхъ дорогъ.

№ 110. Исполинъ просыпается. — Правительственные проекты. — Путятинъ. — Шляхетныя статьи и письма въ русскихъ журналахъ. — Смѣсь: О прикрѣпленіи крестьянъ къ свободѣ. — Ветвицкій и Игнатьевъ. — Клевета на поляковъ. — „Великоруссъ" въ ученой Москвѣ. — Консульство и Огаревъ. — Артиллерія и лицей. — Извѣщеніе.

№ 111. Преображенцы и студенты. — Что надо дѣлать войску? — Замѣтки офицера. — Смѣсь: Бруты III Отдѣленія. — Изъ Ковно. — Изъ Петербурга. — Оскорбленіе бѣдности и подлая лесть. — Залѣченный до смерти крестьянинъ.

№ 112. Третья кровь. — Студенческое дѣло. — Адресы въ Москвѣ. — Новый судъ въ Ковно. — Смѣсь: Назимовскій терроръ въ Бѣлостокѣ. — Запросъ шляхтѣ. — Сѣкли или не сѣкли? — Подробности о 12 октября (студенческіе безпорядки). — М. Л. Михайловъ. — Шуваловская эмансипація женщинъ. — Валуевъ. — Война съ дамами.

№ 113. Бакунинъ свободенъ. — Избіеніе студентовъ. — Московская бойня студентовъ. — Адресъ, не подписанный московскими литераторами. — Игнатьевъ-Мальковскій. — Православіе, артиллерія, наука и трауръ. — Смѣсь: Въ защиту г. Сафоновича. — Изъ Петербурга. — Изъ Ковно. — Контръ-адмиралъ Унковскій. — Брадке и Левашевъ. — Адресъ польскихъ дамъ.

№ 114. Адресъ гражданскихъ чиновниковъ. — Матеріалы для исторіи гоненія на студентовъ при Александрѣ II. — Смѣсь: Изъ земли Войска Донского. — Дамы и преображенцы. — Правительственныя убійства въ Подольской губ. — Лисовскій. — Лебедевъ. — Извѣщеніе.

№ 115. Что нужно помѣщикамъ? — „Великоруссъ" № 3. — Ненавистный убійца Озерскій.

№ 116. Оклеветанный графъ. — По поводу письма изъ Волыни. — Матеріалы для исторіи гоненія на студентовъ при Александрѣ II. — Правительственные проекты. — Смѣсь: Благодушный монархъ. — Мировой посредникъ. — Шуваловцы въ Кронштадтѣ. — Notre premier premier. — Кончина Добролюбова. — Озерскій и его сообщники. — Квартетъ Крылова. — Объявленіе.

№ 117. Гоненіе на крымскихъ татаръ. — Матеріалы для исторіи гоненій на студентовъ при Александрѣ II. — Еще о дремучемъ дѣлѣ.

1862.

№ 118. Mortuos Plango. — Пироговъ. — Гоненіе на евреевъ въ Литвѣ. — Московскіе студенты. — Иродъ Панинъ. — Путятинъ. — Шуваловъ. — Упорная болѣзнь. — Бакунинъ въ Лондонѣ.

№№ 119—120. М. А. Бакунинъ. — Головнинъ. — Матеріалы для исторіи гоненій на студентовъ при Александрѣ II. — Памяти Добролюбова (стих.) — Еще о дремучемъ дѣлѣ. — Смѣсь: Щаповъ. — Литературный вечеръ. — Похищеніе студента. — Политическія гоненія. — Процессъ кн. П. В. Долгорукова. — Злодѣй капитанъ русскаго корабля. — Извѣщеніе.

Прибавленіе къ № 119—120. Михайловъ и студенческое дѣло.

№ 121. Мясо освобожденія. — Юбилей. — Матеріалы для исторіи гоненій на студентовъ при Александрѣ II. — Смоленское дворянство. — Смѣсь: Антологія изъ русскихъ газетъ. — Еще о Генералъ-Адмиралѣ. — Можно ли сѣчь тѣхъ, кого нельзя сѣчь? — Подчиненные давали обѣдъ. — Объявленіе объ изданіи журнала „Будущность“. — Обмѣнъ журналовъ.

№№ 122—123. Ходъ судебъ. — Сказаніе о Бездненскомъ побоищѣ. — Смѣсь: Капитанъ-палачъ. — Письмо Іезбера. — Политическія преслѣдованія въ Пруссіи. — Дворянская крамола. — Придворныя извѣстія. — Столбовой олигархъ нашего времени. — Ерническій тонъ русскихъ газетъ. — „О считаніи Н. П. Огарева вѣчнымъ изгнанникомъ изъ предѣловъ отечества“. — Возобновленіе клеймъ. — Полтавская битва за уставную грамоту. — Помѣщикъ Реутъ.

Прибавочный листъ. Статья Бакунина: „Русскимъ. польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“.

№ 124. Адресъ петербургскаго дворянства. — О казакахъ-некрасовцахъ. — Сказаніе о Бездненскомъ побоищѣ (продолженіе). — Мировой посредникъ и немирные плантаторы. — Русская заграничная литература.

№ 125. Императорская ложа и отмороженная рука солдата. — Ученая Москва. — Исторія въ петербургской духовной академіи. — Сказаніе о Бездненскомъ побоищѣ (ок.). — Смѣсь: Филаретъ. — Ятаганъ, убитъ аукціономъ. — Еще русскій журналъ. — Безъ масокъ. — Прогрессъ въ Польшѣ.

№ 126. Адресъ тверского дворянства. — Донесеніе московскихъ профессоровъ. — Исторія въ петербургской духовной академіи. — Смѣсь: Циркуляръ Валуева. — Мировые посредники Тверской губ. — Прогрессъ въ Россіи.

№ 127. Изъ Смоленска. — Тѣлесныя наказанія. — Доносъ московскихъ профессоровъ (окончаніе). — Еще о московскомъ университетѣ. — Смѣсь: Взглядъ на дѣла Россіи. — Письма, отвѣты, поправки. — Прогрессъ въ почтѣ. — Замойскій.

№ 128. Финансовая реформа въ Россіи. — Еще о московскомъ университетѣ. — Отъ Витебска до Ковно. — Смѣсь: Латышевъ. — Нѣсколько словъ южнымъ славянамъ. — Солидарность съ нѣмцами. — Мальчишки изъ Твери. — Брошюра Шедо-Ферроти. — Извѣщеніе.

№ 129. Адресъ профессоровъ петербургскаго университета. — Протоколы засѣданія тверского дворянскаго собранія. — Финансовая реформа въ Россіи. — Отъ Витебска до Ковно (прод.). — Смѣсь: Земной шаръ и Мерхелевичъ. — Отъ редакціи.

№ 130. Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма. — Князь Орловъ и Филаретъ. — Отъ Витебска до Ковно (окончаніе). — Смѣсь: Нѣмецкій Филаретъ и русскіе офицеры. — Валуевъ и проволка. — Къ тверскому дѣлу. — Объявленія.

№ 131. Отвѣты М. Л. Михайлова. — Голосъ изъ народа. — Отъ гражданскихъ чиновниковъ. — Изъ Сибири. — Смѣсь: Загадки и вопросы. — Чудотворное дѣйствіе императора. — Simiia similibus. — Объявленіе.

№ 132. Письмо Мартьянова къ Александру II. — Голосъ за народъ. — Суворовскіе походы по грачамъ петербургскимъ. — Отъ издателей.

№ 133. Отъ издателей. — Ultimatum. — Голосъ за народъ (окончаніе). — Преображенскій, Барятинскій и бр. Шульгины. — Смѣсь: Въ защиту Баранцова. — Высочайшее освобожденіе отъ уплаты долговъ. — Прокламація офицерамъ. — Смерть Піотровскаго.

№ 134. Куда и откуда? — Убійства крестьянъ въ Пермской губ. — Помѣщикъ Пятовъ и предводитель Хомутовъ. — Смѣсь: Письмо Блюмера. — Письмо къ издателю. — Студентъ И. Кельсіевъ. — Докторъ Енохинъ. — Куда идутъ деньги русскаго народа? — Контора современника. — Отъ издателей.

№ 135. Письмо отъ офицеровъ. — Москва намъ не сочувствуетъ. — Руфинъ Піотровскій и его записки. — Филаретъ и розги. — Капитанъ Андреевъ и матросы. — Еще Лашкаревъ Пермскій. — Смѣсь: Отрывокъ изъ письма Филарета къ государю. — Неистовства Синода. — Равенство передъ закономъ. — Проектъ Зеленаго. — Лопухинъ и 2400 руб. — В. А. Поджіо (декабристъ). — Личное объясненіе.

№ 136. Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. — Записки Піотровскаго (продолженіе). — Филаретъ и розги (окончаніе). — Матеріалы для исторіи гоненій на студентовъ при Александрѣ II. — Смѣсь: Новое злодѣйство стараго Панина. — Панинъ и смѣшеніе половъ. — Крестьянское дѣло.

№ 137. Зарево. — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ (прод.). — Матеріалы для исторіи гоненій на студентовъ при Александрѣ II. — Роспись доходовъ и расходовъ. — Министерство удѣловъ. — Смѣсь: Дурное оружіе. — Новая тюрьма. — Старая исторія. — Что-то сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ въ Польшѣ? — Злодѣйства помѣщицы Муромцевой. — Отъ редакціи.

№ 138. Концы и начала (письмо первое). — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ (прод.). — Смѣсь: Москали въ Польшѣ. — Отъ кн. П. В. Долгорукова. — Отъ редакціи.

№ 139. Молодая и старая Россія. — Выстрѣлы, раны и убійства. — Адлербергъ. — Смѣсь: „Земская Дума“ (листокъ). — Примиряющее правительство. — Подрядчики русскаго посольства въ Лондонѣ. — Государь, какъ просвѣтитель. — Князья безсеребренники. — Полушубки съ короткими рукавами. — Гагаринъ. — Келлеръ. — Письмо Каткову и Леонтьеву. — Объявленіе объ изданіи „Общаго Вѣче“. — Отъ издателей.

№ 140. Новые мученики (Арнгольдъ, Ростковскій и Сливицкій). — Концы и начала (письмо второе). — Тверское дѣло. — Гагаринъ. — Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. — Головинская цензура. — Смѣсь: Министерская поправка. — Подпоручикъ Григорьевъ. — Петербургскія Вѣдомости. — Новые переводы. — Извѣщеніе.

№ 141. Отъ издателей. — Журналисты и террористы. — Къ братьямъ славянамъ отъ Всеславянскаго Общества. — Хроника террора. — Временно-обязанная литература. — Смѣсь: „Правдивый“, „Правдолюбивый“ и В. Гергардъ. — Осада Нижняго. — Кушелевъ-Минскій. — Филипповичъ и Позенъ.

№ 142. Концы и начала (письмо третье). — Кадетскіе корпуса. — Временно-обязанная литература (ок.). — Смѣсь: Св. Митрофаній. — Первый и послѣдній русскій дворянинъ. — Доносчикъ Николаевъ. — Министръ полиціи. — Духовная и свѣтская нелѣпость. — Три талера изъ Вильно.

№ 143. Извѣщеніе о полученіи „Записокъ Декабристовъ". — Письмо изъ Константинополя. — Висѣлица въ Варшавѣ (Ярошинскій, Рылль и Ржаньца). — Русскіе мученики и мучители въ Польшѣ (Арнгольдтъ, Сливицкій, Ростковскій). — Хроника террора и прогресса. — По экзамену „единица". — Кадетскіе корпуса (продолженіе). — Еще о временно-обязанной литературѣ. — Смѣсь: Чертова и Сухотина. — Ей Богу, надоѣло. — Ah, les misérables!

№ 144. Концы и начала (письмо четвертое). — Кадетскіе корпуса (ок.). — Смѣсь: Отвѣтъ поляку. — Валуевъ и Головнинъ. — Клевета. — Письмо Н. Жуковскаго къ издателямъ „Колокола". — Русское поощреніе невѣжества въ Литвѣ. — Объявленія.

№ 145. Концы! Концы!... — Умирать умѣютъ. — Петербургская нескромность М. Бакунина. — Изъ Грузіи. — Поставка хлѣба на Кавказскую армію. — Смѣсь: Наслѣдственныя болѣзни отъ дѣдушки Павла. — Общій фондъ. — Поджоги въ Каменцѣ. — Путятинъ. — „Stern-Zeitung" и „Kladderadatch". — Высокомѣріе побѣдителей. — Извѣщеніе.

№ 146. Письмо центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ къ издателямъ „Колокола". — Копія съ прошенія какошинскихъ крестьянъ. — Поставка хлѣба въ Кавказскую армію. — Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи. — Смѣсь: Третій разъ. — Празднованіе тысячелѣтія Россіи. — Шестидесятилѣтіе министерства внутреннихъ дѣлъ. — Нѣмцы не были. — La Cloche. — Объявленія.

№ 147. Отвѣтъ издателей „Колокола" Центральному польскому комитету. — Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ. — Панихида въ Москвѣ. — Н. Р. Цебриковъ (декабристъ). — Изъ Москвы. — Отвѣтъ на статью о Грузіи. — Смѣсь: Философское управленіе Олонецкою и Курскою губ. — Обращеніе петерб. и моск. церквей въ съѣжіе дворы. — Конфирмація приговора объ Огородниковѣ и друг. — Нордъ и Самаринъ. — Лауницъ. — Пожалованіе землею. — Тайныя типографіи. — Боятся офицеровъ. — Всего боятся. — Предостереженіе Гутцейту и ему подобнымъ. — — Милость офицерамъ по случаю тысячелѣтія. — Конституція, самодержавіе и боярская дума Кошелева. — Записки декабристовъ.

№ 148. Письмо вел. кн. Константину Николаевичу отъ русскихъ офицеровъ, стоящихъ въ Польшѣ. — Концы и начала (письмо пятое). — Правительственные проекты. — Прокламація „Къ образованнымъ классамъ". — О прокламаціи „Къ офицерамъ". — Изъ „Своб. Слова". — Объявленія.

№ 149. Четвертый запросъ. — Концы и начала (письмо шестое). — Правительственные проекты. — Образецъ бюрократическаго пустословія. — Смѣсь: Смертный приговоръ. — Новая газета. — Изъ русскихъ газетъ.

№ 150. Разборъ основныхъ положеній преобразованія судеб-

ной части въ Россіи. Огарева. — Объ опредѣленіи въ учебныя войска. — Варварскіе приговоры въ Житомірѣ. — Изъ Варшавы. — Съ кѣмъ войска? — Терроръ по губерніямъ и новый способъ лѣчить отъ чахотки.

№ 151. Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. — Подтасованный наборъ. — Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи (статья вторая). — Объ опредѣленіи въ учебныя войска (окончаніе). — Смѣсь: Письмо Новицкаго. — Потеря сотрудника. — Приказъ по гвардейскому корпусу (о Григорьевѣ). — Сентенція военнаго суда (о Красовскомъ).

№ 152. Пути! пути! — Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи (статья 3-я). — Секретный циркуляръ военнаго министра. — Изъ Петербурга. — Изъ „Русск. Инв.“. — Дѣло Дьяконова, Трувеллера и др. — Смѣсь: Коцебу. — Тупое злодѣйство. — Канцлеръ-памфлетистъ. — Фелькнеръ. — По поводу письма офицеровъ къ вел. кн. Константину Николаевичу. — Объ изданіи кн. Долгоруковымъ „Листка“. — О выходѣ въ Лейпцигѣ „Библіотеки русскихъ авторовъ“.

1863.

№ 153. MDCCCLXIII. — Оффиціальный контръ-адресъ. — Отъ издателей „Колокола“. — Разб. осн. пол. преобр. суд. части въ Россіи (ст. четвертая). — Изъ Петербурга. — Франко-русскій союзъ. — Третье отдѣленіе сѣчетъ. — Истина должна открыться.

№ 154. Expiatio! — Концы и начала (письмо седьмое). — Разб. основн. пол. преобр. судеб. части въ Россіи (ст. пятая). — Смѣсь: Рапортъ — не доносъ.

№ 155. Resurrexit! — По дѣлу адреса офицеровъ. — Братская просьба къ русскимъ воинамъ. — Письмо Н. Тургенева къ редактору „Колокола“ (по поводу записокъ Якушкина). — Смѣсь: Янишъ. — Удѣльные князья. — Сенатъ или домъ умалишенныхъ? — Генералъ Фрейгангъ. — Приговоръ надъ студ. Яковлевымъ. — Подать, платимая горцамъ. — Кончина Аргиропуло. — Смертная казнь въ Варшавѣ (Злобицкій). — Huxley и его чтенія. — Объявленія.

№ 156. Преступленія въ Польшѣ. — Исторія адреса и контръ-адреса продолжается. — Концы и начала (письмо восьмое). — Исповѣдь русскаго правительства. — Смѣсь: Изъ Петербурга. — Орловъ и Будбергъ. — Вспомогательное франц. войско въ Польшѣ. — Запросъ свят. синоду объ іерейскомъ двоеженствѣ. — Свѣтское консульство въ Лондонѣ. — Изъ Вильно. — Письмо Виктора Гюго русскому войску. — Извѣщеніе.

№ 157. Общество „Земля и Воля“. — Вольскій и Маркевичъ. — Schinderknecht. — Преступленія въ Польшѣ. — „Бѣлая Церковь“ (отрывокъ изъ „Записокъ Декабристовъ“). — Смѣсь: Рекрутскій наборъ въ Россіи. — „Свободное Слово“ Блюмера. — Совѣтъ общества „Земля и Воля“. — Изъ Morning Post. — 21 февраля 1863 г. — Ранненбургское и Скопинское предложенія. — Сборникъ первыхъ листовъ русской лондонской типографіи.

№ 158. Плачъ. — Русскій грабежъ и разбой въ Польшѣ. —

Къ русскимъ женщинамъ. Украинки. — Смѣсь: Александровская конституція и Павловское время. — Нѣмцы и не нѣмцы въ Зимнемъ дворцѣ. — Правительственная пугачевщина. — Безсословность въ Москвѣ. — Русскіе во Флоренціи, Женевѣ и Ниццѣ.

№ 159. Отъ издателей „Колокола". — Great Western. — Студентамъ въ Россіи отъ студентовъ изъ Пизы. — Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ. — Русская женщина у Лангевича. — Домбровскій и Мехеда. — Надвислянинъ. — Die Geschicklichkeit ist mit einer Ökonomie verbunden. — Le Nord. — Убійство въ Японіи. — Общій фондъ. — Поправка.

№ 160. Прокламаціи „Земля и Воля". — 1831—1863 г. — „Молодецкое поведеніе солдатъ". — Смѣсь: Манифестъ и литературный Липранди. — Изъ Москвы. — Графъ Ностицъ. — Совсѣмъ пошелъ въ Николаи. — Командиръ бранденбургскаго кирасирскаго регимента. — Побѣды на полѣ телеграфа. — Развратъ войны. — Бѣдное русское имя! — Изъ Флоренціи. — Русскіе посланники. — Медаль въ память десятилѣтія вольной русской прессы. — Помѣщики и крестьяне въ западныхъ губерніяхъ. — Совѣтъ общества „Земля и Воля". — Общій фондъ.

№ 161. А. А. Потебня (некрологъ). — Русскіе офицеры въ рядахъ инсургентовъ. — 1861—1863 г. — Послѣдніе могикане крѣпостного права. — Книгосожигатель Савва. — Смѣсь: Передняя тѣшится и полиція тоже. — Приговоръ Хохрякову и др. — Зарница совѣсти. — Словесныя розги. — Странныя игры случайности. — Астрономъ наблюдатель и миссіонеръ Хотинскій. — Къ лѣтописямъ петербургскаго шпіонства. — Головнинъ. — Hyde Park и запрещенный митингъ. — Польскій манифестъ. — Lard Jackson. — Общій фондъ.

№ 162. Между молніей и громомъ. — Надгробное слово. (Потебнѣ.) — Приговоръ подполк. Красовскому. — Смѣсь: Петербургскій „Голосъ" и балтійская болтовня о центр. комитетѣ. — Къ свободѣ книгопечатанія въ Россіи. — Тиранство. — „Мужицкая Правда". — Записки декабристовъ и сочиненія Михайлова. — Дороговизна кухонныхъ снарядовъ кн. Чернышевой. — Общій фондъ. — Поправка.

№ 163. Первое мая. — Чего они тамъ испугались? — 1831—1863 г. — Доносъ на „СПБ. Вѣдомости". — Смѣсь: Журналъ Донского войскового присутствія. — Приговоръ Васильеву и др. — Какое правленіе въ Россіи? — Абрамовичъ и Келлеръ. — Начало амнистіи. — Патріотизмъ въ Парижѣ. — Ковалинскій сѣчетъ беременныхъ. — „Очерки". — Потебня. — Изъ Варшавы. — Изъ Петербурга. — Имя! Имя! — „Листокъ" и „Le Veridique" князя Долгорукова. — Объявленія.

№ 164. С. Падлевскій (некрологъ). — „Свобода" № 1. — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. — Россіада. — Два образчика, циркулярно разосланные Валуевымъ. — Финляндія. — Самара. — Нѣтъ розы безъ шиповъ.

№ 165. Россіада. — Смѣсь: Финляндія и адресъ. — Пиръ въ Стокгольмѣ. — Хотинскій и III отдѣленіе. — Личное объясненіе.

№ 166. Подлые! — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. — Рос-

сіада. — Смѣсь: Подложный манифестъ на Волгѣ. — Общій фондъ. — Объявленія.

№ 167. Польскій марторологъ. — „Колоколъ“ и „День“. — Россіада. — Смѣсь: Наслѣдникъ престола и политическая экономія въ путешествіи. — Не вѣримъ! — Секреты частные и правительственные. — Побѣда. — Общій фондъ.

№ 168. Протестъ. — Сѣраковскій. — „День“ и „Колоколъ“. — Казни и пытка. — Россіада. — Письмо кн. П. В. Долгорукова къ редактору „Современника“. — А дѣло идетъ своимъ чередомъ. — Смѣсь. — Объявленія.

№ 169. Виллафранка передъ Солферино. — И. Кельсіевъ и Н. Утинъ. — Висѣлицы и журналы. — Выводъ изъ владѣнія. — Тобольское дѣло. — Центральному комитету общества „Земля и Воля“ Н. Утинъ. — Письмо изъ Гейдельберга. — Общій фондъ.

№ 170. Точка поворота. — Въ этапѣ. — Письмо съ юга Россіи. — Невинная вина. — Смѣсь: Письмо кн. П. В. Долгорукова къ императору Александру II. — Изъ заведенія А. А. Краевскаго. — Помѣшательство Погодина. — Къ свободѣ книгопечатанія. — Къ Муравьевщинѣ. — Старикъ Ведринъ. — Чистая ложь. — Адресоложество. — Аксаковскій „День“. — Общій фондъ.

№ 171. Современное положеніе Россіи. — Братское слово. — М. С. Щепкинъ. — Письмо Рощковскаго. — Варшава утѣшена! — Съ точки зрѣнія ливреи и запятокъ. — Нѣсколько словъ объ адресахъ. — Общій фондъ.

№ 172. Протестъ. — „Симъ побѣдиши“ (стих. Огарева). — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. — Изъ лѣтописи за послѣдніе два года. — Письмо Рошковскаго (окончаніе). — („Смѣсь“ изъ этого нумера, какъ гласитъ объявленіе, за неимѣніемъ мѣста помѣщается въ „Общемъ Вѣчѣ“.)

№ 173. Голосъ изъ Финляндіи. — Письмо изъ Неаполя. — Изъ лѣтописи за послѣдніе два года (продолженіе). — Смѣсь: Семейство Сѣраковскаго. — Генъ и Михаэлисъ (административно-ссыльные). — Общій фондъ.

№ 174. Историческіе документы (письма Александра I къ Аракчееву). — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. — Дѣло подпор. Григорьева. — Смѣсь: Александровская пропаганда посредствомъ павловскихъ штукъ. — Общій фондъ.

№ 175. Декабристъ Батеньковъ (некрологъ). — Въ вѣчность грядущему 1863 году. — Землю крестьянамъ, волю областямъ. — Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. — Университетскія постановленія. — Одинъ покраснѣлъ. — Біографія Муравьева-Вѣшателя въ изданіи кн. П. В. Долгорукова. — Общій фондъ.

1864.

№ 176. 1864 г. — Революція и реорганизація. — П. А. Мартьяновъ и земскій царь. — Смѣсь: Гг. библіофиламъ. — Отвѣтъ кн. Вяземскому. — Перечень доносовъ. — Мясоѣды самодержавія. — Оподленіе православія. — Хроника подлости. — Сѣраковская. — Загадка. — Поворотная линія. — Шпіоны. — Общій фондъ.

№ 177. Письмо къ Гарибальди. — Муравскій. — Еще объ университетской реформѣ. — Смѣсь: $^{8}/_{70}$ копѣйки съ души. —

Сентиментальный взглядъ назадъ. И это слава? — Дружба и братство. — Портретъ Муравьева. — Сплетни. — Фуріи. — Нашимъ библіографамъ. — Общій фондъ.

№ 178. Отвѣтъ Гарибальди. — Письмо Мартьянова къ Александру II (перепечатано снова изъ № 152 „Колокола"). — Смѣсь: Русская конституція и англійскій журналъ. — Тѣнь Банко. — Поправка.

№ 179. Они совсѣмъ сошли съ ума. — Кончина А. Н. Муравьева (декабриста). — Финансовые споры. Огарева. — Польское правительство и крестьянская земля. — Раззорены освобожденіемъ! — Смѣсь: Государь въ немилости. — Татьянинъ день. — Славянофильство на таможнѣ. — Пруссія, Руссія и палки, палки. — Убійство сумашедшаго. — Августовскіе адресы. — Между Темзой и Невой. — Графиня Блудова и Хотинскій. — Приговоръ надъ Стахевичемъ и Цвѣтковымъ. — Ссылка одного вмѣсто другого. — „Хозяинъ не позволялъ". — Нововведеніе въ журналистикѣ. — Нашимъ библіографамъ. — Отъ издателей.

№ 180—181. Финансовые споры (продолженіе). — Извлеченіе изъ всеподд. отчета м-ра финансовъ. — Письмо къ будущему другу. — На Волынь! — Смѣсь: Поощреніе охотникамъ въ рекруты. — Le Nord и le Tzar за Землю и Волю. — Умиротвореніе Литвы, успокоеніе Польши... — О журналѣ Блюмера „Европеецъ". — Рожновскія политическія понятія. — Наши патриціи. — Прибавленіе къ статьѣ о финансовыхъ спорахъ. Огарева. — Австрія на колѣняхъ. — Гильфердингъ. — Объясненіе.

№ 182. Финансовые споры (продолженіе). — Письма къ будущему другу. — Смѣсь: Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ. — Злодѣйства поляковъ и „примѣрное самоотверженіе русскаго протоіерея". — Логика паденія. — Брань на смерть идущимъ. — Патріоты Бутовичъ и Юзефовичъ. — Общій фондъ.

№ 183. Финансовые споры (продолженіе). — Смѣсь: Запросъ „Дню". — Письмо изъ Москвы. — Документы! Документы! — Кн. Черкасскій. — Кощунство „Моск. Вѣд." и ихъ тактъ. — Здоровы ли „Моск. Вѣд."? — Uncrowned king — Семейная ссора.

№ 184. 17 апрѣля 1864 г. — Финансовые споры (окончаніе). — Письма къ будущему другу. — Смѣсь: Православіе на рельсахъ. — Казнь Блашнина въ Сувалкахъ и Иванова въ Остроленкѣ.

№ 185. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Огарева. — Письмо къ Прудону. — Смѣсь: Благодарность за плодородіе. — Примѣръ вѣротерпимости. — Земля и Липранди. — Черкасскій. — Свой Гарибальди (Муравьевъ-Вѣшатель).

№ 186. Н. Г. Чернышевскій (ссылка въ каторгу). — Положеніе о губ. и уѣзд. земск. учрежденіяхъ (продолженіе). — Письма къ будущему другу. — Смѣсь: Отечественная маргаритка. — Наши прогрессы. — Русское шпіонство въ Женевѣ. — Ссылка А. П. Ермолова въ Муравьевы. — Околица Ибяны. — Изъ „Кельнской Газеты". — Патріотизмъ лифляндцевъ. — Приказъ виленскаго полиціймейстера. — Аксаковъ въ гостяхъ у Каткова. — Объявленія.

№ 187. VII лѣтъ. — Die heilige Tripelallianz. — Полож. о губ.

и уѣзд. земск. учр. (окончаніе). — Смѣсь: Изъ Польши. — Казнь Савелія Бондарцева, Дембицкаго, Липатова, Жукова, Вержбицкаго, Обуховича и Павлова. — Polizeiwuth. — Балабинъ и Норма.

№ 188. И. И. Кельсіевъ (некрологъ). — Camicia Rossa. — Смѣсь: Война, чума и пожаръ. — Памятникъ Пизакане. — Еще шагъ. — Петербургская Агрипина. — Плачъ „Моск. Вѣд.“ о Шварцѣ и равнодушіе къ Пейкеру. — Императорскіе санкюлотиды. — Штабсъ-Михно. — На III отдѣленіе III съ четвертью. — Чрезвычайное собраніе минералогическаго общества. — Кому сѣчь?

№ 189. Н. Г. Чернышевскій. — Письмо къ „одному изъ многихъ“. — Camicia Rossa. — Смѣсь: Die Russen in der Schweiz — Второй Муравьевъ и Александръ Второй. — Какъ онъ вѣренъ себѣ! — Оклеветанный Катковъ. — Предостереженіе евреямъ. — Освобожденіе крестьянъ въ Молдаволахіи. — Правда ли? — Общій фондъ.

№ 190. Отъ издателей. — Тѣлесныя наказанія во всемъ разгарѣ. — Н. Г. Чернышевскій. — Къ одному изъ многихъ (письмо второе). — Смѣсь: Приговоръ Трувеллеру. — Клеветники. — Правительственная агитація и журнальная полиція. — Убійство въ Симбирскѣ. — Объявленія.

№ 191. Письма къ противнику (письмо первое). — Camicia Rossa (окончаніе). — Свиданіе въ Ниццѣ. — Русскія деньги, польскія деньги. — Нравы молодежи исправляются. — Общій фондъ.

№ 192. Что же дальше? — Опоздавшее письмо. — Къ злодѣйствамъ въ Сумскомъ уѣздѣ. — Объявленія.

1865.

№ 193. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (Сенатская записка.) — Письма къ противнику. (Письмо второе.) И—ра. — Смѣсь: Гоненіе въ пользу иностранной церкви.

№ 194. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и польское возстаніе. — Письма къ противнику. (Письмо третье.) И—ра. — Смѣсь: О политическихъ процессахъ въ Россіи и Польшѣ. — Прудонъ (некрологъ).

№ 195. Адресъ московскаго дворянства. (Изъ № 4 “Вѣсти“; за напечатаніе этого адреса „Вѣсть была закрыта.) — Прививка конституціонной оспы. И—ра. — Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и польское возстаніе. (Окончаніе.) — Смѣсь: Царское non passumus. — Измѣненіе цензуры.

№ 196. Къ одному изъ многихъ. (Письмо третье.) — Смѣсь: Поправка и дополненіе. — Запросы сановникамъ. — Изъ Полтавы. — Либеральничанье „Московскихъ Вѣдомостей“. — Приговоръ Самарину и Бекеневу. — Бутковъ. — Изъ Москвы. — Изъ Грузіи. — Правда ли?

№ 197. Письмо къ императору Александру II. — Кровь и кровь! (Продолженіе казней въ Польшѣ. — Почему военный судъ?) — Письма къ путешественнику. (Письмо 1-е.) — Письмо къ издателю Щелкана. — Михаилы и Михаилы Николаевичи. — Газета „Народная Лѣтопись“. — Нашимъ читателямъ. — Объявленія.

№ 198. Русскія реформы. Огарева. — Освобожденіе крестьянъ

въ Грузіи. — 7 убитыхъ и 13 раненыхъ крестьянъ въ Харьковской губерніи. — Правительственныя распоряженія. — Московская пыль. — Иконоборецъ и иконопоклонникъ. — Свой наказанный принцъ. — Розги.

№ 199. Письма къ путешественнику. (Письмо 2-е.) — Освобожденіе крестьянъ въ Грузіи. — Осужденіе Н. А. Серно-Соловьевича и др. — Что городъ, то норовъ. — Графиня Строганова. — О „Народной Лѣтописи". — Государственная тайна.

№ 200. Н. А. Серно-Соловьевичъ. — Два письма Домбровскаго (къ нижегор. губернатору Одинцову и къ Каткову.) — По поводу письма Искандера къ государю. — Письма къ путешественнику. (Письмо 3-е.) — Все еще горитъ Россія.

№ 201. Русскія реформы. — Письма къ путешественнику. (Письмо 4-е.) — Наши будущіе адвокаты передъ „Московскими Вѣдомостями". — Еще о Домбровскомъ. — Старовѣры и евреи. — Приказъ варшавскаго оберъ-полиціймейстера. — „Московскія Вѣдомости". — La bourse ou la vie. — Правда ли?

№ 202. Русскія реформы. — Письма къ путешественнику. (Письмо 5-е.) — Безпорядки въ Тифлисѣ. — Русскій процессъ. — Курляндское дворянство. — Оффиціальное опроверженіе. — Объявленіе о книгѣ Флетчера.

№ 203. Отъ издателей. — Письма къ путешественнику. (Письмо 6-ое.) — Болтовня съ дороги. — Счастливые евреи. — Мощи Дмитрія Ростовскаго. — До судебной реформы. — Проф. Шефферъ. — Нигилисты — Отцы родные и воспитатели. — Потоки крови въ Тифлисѣ. — Неудачная прогулка, стоившая двухъ судовъ. — Объявленія.

№ 204. Въ редакцію „Инвалида". — Изъ Тифлиса. — Іюньскіе дни въ Тифлисѣ. — Первая ретирада. — Изъ Сибири и Казани. — Изъ Петербурга.

№ 205. (Въ черной каймѣ.) — Убили! (Извѣстіе о смерти М. Л. Михайлова.) — Казанскій заговоръ 1863—1865 г. — Изъ „Былого и Думъ". — Современныя замѣтки. Аседина. — Смѣсь: Письмо къ издателю „Отголосковъ": — Le Nord. — Эксъ-букетъ кауфмановскаго цицеронства. — Смертный приговоръ. — Правда ли? — Отъ издателей.

№ 206. Лжецы. — Казанскій заговоръ. (Окончаніе.) — Вѣроисповѣданіе молоканъ. — Смѣсь: Дерущійся губернаторъ. — Квази-павловская сентенція. — Такса за доносы. — Катковъ. — Совѣтъ г. Герцу.

№ 207. Агентство въ Тульчѣ. — Изъ „Былого и Думъ". | Вѣроисповѣданіе молоканъ. — Письмо изъ Москвы. — Валуевъ. — Къ характеристикѣ военныхъ судовъ. — Всякій разстрѣливаетъ. — Герцогъ Лейхтенбергскій.

№ 208. Двѣ кончины. — Дѣло Андрущенко (политическое). — Изъ Грузіи. — Смѣсь: Казнь Черняка. — Мельниковъ и духовные пути сообщенія. — Поцѣлуй Кауфмана,

№ 209. Запросъ издателямъ русскихъ журналовъ. — Къ концу года. — Дѣло Андрущенко. — Розги и протестъ противъ нихъ. — Истязаніе. — Поджигатели и подлецы. — Наши будущіе перы и наши прошедшіе англоманы. — Николай, какъ ораторъ.

№ 210. Къ концу года. — Дѣло Андрущенко. — Смѣсь: Первое запрещеніе, первое предостереженіе, первый судъ! — Побѣгъ политическихъ ссыльныхъ. — Отецъ Мартыновъ и отецъ Самаринъ. — Объявленія.

1866.

№ 211. Частныя письма объ общемъ вопросѣ. (Письмо первое.) Огарева — Дѣло Андрущенко. (Продолженіе.) — Смѣсь: Крѣпостники. — Подарки къ новому году. — Объявленія.

№ 212. Князь С. Г. Волконскій. (Некрологъ, написанный Долгоруковымъ.) — Дѣло Андрущенко. — Смѣсь: Вранье „Варшавскаго Дневника“. — Вранье о симбирскихъ зажигателяхъ. — Великокняжескій соціалистъ. — Изъ Петербурга. — Объявленія.

№ 213. Письма къ будущему другу. (Письмо 5-е.) И—ра. — Дѣло Андрущенки. (Продолженіе.) — Смѣсь: У насъ 10 декабря. — Новый видъ крѣпостного права. — Еще глупѣе. — Откуда холера. — Отчетъ кассы русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ.

№ 214. Ужасъ въ вражьемъ стану. — Дѣло Андрущенко. (Продолженіе.) — Письмо Москвича. — Смѣсь: Изъ Петербурга. — Выговоръ гр. Строганову. — Объявленія.

№ 215. М. С. Хотинскій. И—ра. — Дѣло Андрущенко. (Окончаніе.) — Объявленія.

№ 216. Частныя письма объ общемъ вопросѣ. (Письмо 2-е.) — Изъ Казани. — Изъ Петербурга. — Правительство и папиросы. — Дневникъ Варшавскій. — Объявленія.

№ 217. 1789. (О рѣчи кн. Щербатова въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи.) — Николаевская жел. дорога. — Несовершеннолѣтній злодѣй и совершеннолѣтніе злодѣи, губившіе его. — Уваженіе къ выборнымъ людямъ.

№ 218. Отъ издателей. — Прудонова „новая теорія собственности“. Мечникова. — Послѣ смерти. (Дѣло о послабленіяхъ Михайлову въ Тобольскѣ.) — Николаевская жел. дорога. (Окончаніе,) — Слухъ. — Оберъ-полиціймейстеръ Анненковъ. — О работахъ Гакстгаузена и Скрибицкаго.

№ 219. Иркутскъ и Петербургъ. (О смерти Серно-Соловьевича и выстрѣлѣ Каракозова.) — Прудонова „новая теорія собственности“. — Русскому дворянству. — Изъ Петербурга. — Еще Николаевская жел. дорога. — Благодѣтельные помѣщики. — Изъ рѣчи Муравьева. — Вятка. — Шахъ Константину Николаевичу.

№ 220. По поводу выстрѣла Каракозова. — Вотъ вамъ и гласный судъ. — Частныя письма объ общемъ вопросѣ. — Объ Огризкѣ. — Военная юстиція. — Стихи и проза Некрасова. — Второе предостереженіе и второй Годуновъ. — Спасибо Муравьеву. — Не стóитъ. — Хитровъ. — Кн. Ю. Голицынъ. — Еще о Некрасовѣ. — Объявленія.

№ 221. Письмо къ императору Александру II. Искандера. — Напоминаніе. — Изъ Петербурга (объ арестахъ по каракозовскому дѣлу). — Прудонова „новая теорія собственности“. — Поправленное недоразумѣніе. — О впечатлѣніи отъ выстрѣла Каракозова. — Важная поправка. — „Московскія Вѣдомости“. — Лебединая острота князя Меньшикова. — Скрашивается.

№ 222. Отъ государя кн. Гагарину. — Финансовое положеніе. — О Николаевской жел. дорогѣ. — Презрѣнный Муравьевъ. — Фальшивые монетчики изъ дворянъ. — Изъ Петербурга. — Отъ издателей.

№ 223. Война. — „Современникъ“ и „Русское Слово“. — Частныя письма объ общемъ вопросѣ. — Финансовое положеніе. — Три убійства въ Тамбовѣ. — Сказка о гостинцѣ царю. — Головастики, трубящіе побѣду. — Всякая всячина изъ нашей реакціи.

№ 224. Мартьяновъ. (Некрологъ). — Великій заговоръ и большая ложь. — Каракозовъ, царь и публика. — Финансовое положеніе. — Общественныя удовольствія въ Петербургѣ. — Отчего не посѣчь? — Иностранная цензура. — Изъ письма. — Слухи. — Правда ли?

№ 225. Частныя письма объ общемъ вопросѣ. — Катковъ и государь. — Прудонова „новая теорія собственности“. — Финансовое положеніе. — Родина въ буфетѣ. — Вавилонское столпотвореніе. — Убійство въ Харьковѣ. — Бѣшенство доносовъ. — Объявленія.

№ 226. Прудонова новая теорія собственности. — Финансовое положеніе. — Засѣданіе уголовнаго суда въ Москвѣ. — „Москов. Вѣдомости“. — Замышляемое убійство въ Рязани. — Святыя тайны и грѣшныя розги.

№ 227. Польша въ Сибири и Каракозовское дѣло. — Финансовое положеніе. — Фогтъ, Дарвинъ, Молешотъ и Бокль. — Соучастники каракозовскаго дѣла. — Американецъ Клей. — Сепаратизмъ „Московскихъ Вѣдомостей“. — Фондъ для эмигрантовъ.

№ 228. Смерть Муравьева и Каракозова. — Америка и Россія. — Финансовое положеніе. — Письмо изъ Сибири. — Дѣло Невѣдомскаго. — Холопы. — Неизвѣстнаго вѣроисповѣданія. — Нетерпимость. — Николаевская жел. дорога. — Брошюра Долгорукова „Біографія Муравьева“. — Общій фондъ.

№ 229. Заговора не было! — Приговоръ Верховнаго суда. — Гуртовая бойня. — Грязь. — Продажа имѣній въ Западномъ краѣ. — „Гмина“. — Письмо кн. Долгорукова. — Революціонное воззваніе Погодина. — По дѣлу заговора. — Страсть къ розгамъ. — Приговоръ Кувязеву. — Чѣмъ люди тѣшатся.

№ 230. Порядокъ торжествуетъ! — „Вѣсть“ о Прудонѣ. — Каракозовское дѣло. — Жалкая амнистія. — Общій фондъ. — Объявленія.

1867.

№ 231—232. Порядокъ торжествуетъ. — Бѣлый терроръ (о Караказовскомъ дѣлѣ). — Скоты. — Флора, принятая за опальную богородицу. — „Вѣсть“. — Гоненіе литературы. — По части народнаго просвѣщенія. — Губернаторъ Деспотъ-Зеновичъ. — Изъ судебныхъ сценъ. — Въ родѣ добраго стараго времени. — Газета „Москва“. — Нѣмцы. — Издательская дѣятельность Будбергъ, Чичеринъ и Ко. — Антръ-актъ и hors d'œuvres. — Общій фондъ. — Объявленія.

№ 232—234. Важная погрѣшность. — Порядокъ торжествуетъ.

— Бѣлый терроръ. — Указъ 24 ноября 1866 г. о государственныхъ крестьянахъ. — Новая „бархатная книга“ русскихъ дворянскихъ родовъ. — Наше правосудіе. — Казнь казака Подхалюзина. — Казни. — Процессъ Чичерина въ Парижѣ. — Король-губернаторъ. — А. Я. Щербаковъ.

№№ 235 и 236. Письмо изъ Петербурга. — Бѣлый терроръ. — „Москва“ мать и мачиха. — Пророкъ издатель. — Перемѣна фамиліи. — Письмо полковника Савицкаго. — Объявленія.

№ 237. Выдумка объ „обществѣ поджигателей“. — Письмо изъ Петербурга. — Частныя письма объ общемъ вопросѣ. — Выходъ въ отставку 6 профессоровъ. — Одесскія дѣла. — Походъ противъ гласности. — О петербургскомъ земствѣ. — Князья Меньшиковы. — С. Я. Жемановъ. — Н. В. Альбертини и П. Л. Лавровъ. — Общій фондъ.

№ 238. Некрологъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго. — На площади св. Марка. — Двѣ рѣчи гр. А. П. Шувалова. — Пройдохи въ Россіи. — Дѣло крестьянки Волоховой. — О финансахъ Россіи. — Пропажа 40000 десятинъ земли. — О высылкѣ заграницу иностранцевъ. — О надзорѣ за ссыльными. — Прогрессъ въ гласности. — Задержанныя цензурою книги. — Стелла Савицкій.

№ 239. Жаль. — Письмо къ Аксакову. — Частныя письма объ общемъ вопросѣ. — О желѣзныхъ дорогахъ. — Адресъ болгаръ султану о конституціи. — Гласность. — Соперникъ большого колокола и большой пушки. — Реформа семинарій. — И. С. Тургеневъ. — Новый журналъ Погодина. — Выборъ князя Щербатова московскимъ городскимъ головой.

№ 240. Отвѣтъ Аксакову. — Частныя письма объ общемъ вопросѣ. — Credit et debit. — Соль и желѣзо. — Первый что? — Новый романъ Тургенева. — Новое злодѣйство. — „Mehr Licht!“ — Общій фондъ. — Отъ издателей.

№ 241. Письмо Бакунина. — Изъ письма къ издателямъ „Колокола“. — Смѣта государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1867 г. — О Валуевѣ. — Кн. Щербатовъ и Лиліенфельдъ. — Славянская агитація. — Жертвы бѣдности. — И ту же мѣру мѣрите. — Сумасшествіе. — Басня Крылова. — Кто Б.? — Петръ IV. — Отцы сдѣлались дѣдами. — Общій фондъ. — Литературное прибавленіе: Безъ связи.

№ 242. Полноте врать. — Настоящее и ожиданія. — Письмо Шахова. — Кровавое царствованіе. — Этнографическая агитація въ Москвѣ. — Новыя стѣсненія. — Кн. Меньшиковъ-памфлетистъ. — Частное дѣло. — Положительная философія. — Поправка. — Литературное прибавленіе: Безъ связи.

№ 243. Выстрѣлъ 6 іюня (Березовскаго). — Мазурка. — Сумѣ нищаго позавидовалъ. — Дикій законъ. — Да здравствуетъ разумъ! — Катковское Vive la Pologne! — Просьба. — Вопросы, запросы, загадки, сфинксы. — Общій фондъ. — Литературное прибавленіе: Безъ связи. — Введеніе передъ заглавіемъ. — Августѣйшіе путешественники. — A la porte!

№ 244—245. 1857—1867 годъ (о перерывѣ „Колокола“ на полгода). — До свиданія (стихотв.). Огарева. — Изъ писемъ къ

Бакунину. — Настоящее и ожиданія. — Березовскій. — Котамъ игра, мышамъ слезы. — Посильный опытъ затруднить чтеніе. — Венгерская амнистія. — Цензурный бредъ. — Неудавшійся дѣтскій праздникъ. — Правда ли? — Литературное прибавленіе: Апогей и перигей.

Прибавочный листъ къ первому десятилѣтію. Примѣчанія къ будущей исторіи нашихъ завоеваній въ Азіи. — Судъ въ Парижѣ и убійство въ Петербургѣ. — Письмо къ читателямъ „Колокола". — Польское дѣло. — Опроверженіе слуха о разрѣшеніи Герцену возвратиться въ Россію. — Военный судъ. — Изъ дѣла Березовскаго. — Ходящіе въ Варшавѣ слухи. — Александръ II и Березовскій. — Письмо въ редакцію. — Народный кредитъ. — Благо есть мѣсто. — Чинъ чина почитай. — Чинъ чину подавай. — Полицейскія звѣрства. — Объявленія.

Kolokol.

1868.

№ 1. Un fait personnel. — Prolégomènes. — La Russie actuelle et son développement.

№ 2. Réponse à l'appel du centre républicain polonais aux Russes. — La Russie actuelle et son développement (suite). — La loi générale et le général Potapoff.

№ 3. Sommes-nous pour la guerre? — La Russie actuelle et son développement (suite). — Les feuilles de vigne du «Nord» et les branches de bouleau de l'Administration russe. — Université de Kazan. — Publications.

№ 4. La famine en Russie. — Mœurs russes. — La Russie actuelle et son développement (suite). — Le docteur Kroupoff. — Un cas à l'université de Moscou. — Les cadeaux de l'empereur.

№ 5. L'imbroglio. — Communisme russe. — Le docteur Kroupoff (fin). — La mort d'Arthur Beni. — Le mal des passeports.

№ 6. «La gazette de la Bourse de St.-Pétersbourg». — Études historiques sur les héros de 1825. — La Russie actuelle et son développement (suite), — Feuilleton (Variations psychiatriques sur le thème du docteur Kroupoff). — Assassinat juridique. — Scène judiciaire parmi les paysans. — The passport madness. — Un espion (Stemkowsky.)

№ 7. Frisant la question polonaise. — Études historiques sur les héros de 1825 (suite). — La famine. — Rien n'est impossible pour le tzar. — Une trouvaille pour les théologiens.

№ 8. L'article de M. Charles Mazade. — Les antagonistes de l'État en Russie. L. Mecznikoff. — Études historiques sur les héros de 1825 (fin). — La Russie actuelle et son développement (suite). — Un nouveau journal russe, à Genève („Современность"). — Les incorruptibles. — L'Eclipse de Budberg.

№ 9. Nos grands morts commencent à revenir. — Les antagonistes de l'État en Russie (suite). — Études historiques sur les héros de 1825 (suite). — Les Tchèques étonnent aussi par leur ingratitude. — La femme et le prêtre admis au droit de l'homme. —

. . . Que chaque scélérat soit un militaire. — L'ennemi vaincu. — Mesquinerie. — Groméka le persécuteur, Groméka l'orthodoxe et furieux byzantin.

№ 10. Les antagonistes de l'État en Russie (suite). — Études historiques sur les héros de 1825 (suite). — La Russie actuelle et son développement (suite). — Faits divers.

№ 11. A nos lecteurs. — La manie de délation. — Les antagonistes de l'État en Russie (suite). — Études historiques sur les héros de 1825 (suite). — L'ex-réfugié N. Kelsieff. — Le littérateur Boulahtzoff. — Publications.

№ 12. Mazzini aux Polonais. — Les antagonistes de l'État en Russie (suite). — Feuilleton (Cogitata et visa d'Iscander). — Bonne nouvelle. (Появленіе журнала „Народное Дѣло".) — Les dames russes. — Dévoilez-nous donc! démasquez-nous donc! — Pissareff. — Le prince Pierre Dolgoroukoff. (О смерти обоихъ писателей.) — L'abus de Charles le Téméraire. — Le procèsde Pavlenkoff.

№ 13. Les Russes au congrès de Berne. — Les antagonistes de l'État en Russie. — Les malheureux ou un monde à part (Ogareff.) — Cogitata et visa. (d'Iscander.) — Le Schédo-Ferroty panslaviste et les horreurs russes. — Chasse aux prisonniers. — Une commune pillée, ruinée et convertie au giron de l'Église. - La liberté individuelle en Russie. — Les lévites russes. — La locomotion en Russie.

№ 14—15. Lettre à N. Ogareff (Herzen). — A nos ennemis. — Discours de Bakounine et de Mrockowsky au deuxième congrès de la Paix, à Berne. — Les malheureux ou un monde à part. — Feuilleton (Cogitata et visa). — Un métier de grand-duc. — Le brigandage des employés. — Groméka. — L'éloquence de la noblesse. — Est-il vrai? — Les incorrigibles.

Колоколъ.

1868.

(Русское прибавленіе.)

№ 1. Передовая статья Искандера. — Циркуляры III Отдѣленія. — В. И. Кельсіевъ. — Изъ Новочеркасска. — „Голосъ". — Отъ редакціи.

№ 2. Эмигрантъ В. И. Касаткинъ (некрологъ). — Измѣнникъ Россіи. — Четырнадцатое декабря. — Объявленія.

№ 3. Письмо не для печати. — Отвѣтъ на письмо изъ Берлина.

№ 4. Клеветники. — Еще прибавка. — О подпискѣ въ пользу голодающихъ. — Объявленіе.

№№ 5—6. Къ издателямъ „Колокола". — Клеветники. — Еще прискорбнѣе. — Письмо въ редакцію. — „Земля и Воля".

1869.

Supplément du Kolokol (15 février 1869):

Mon assasin futur. — Réponse à M-r Wyruboff. — Cogitata et visa (d'Iscander). — Documents et papiers du prince Pierre Dolgoroukoff. — Голодъ и новый годъ. Огарева. — Объявленіе.

1870.

„Колоколъ“ подъ редакціей Нечаева.

(Издавался въ Женевѣ.)

№ 1. Письмо Огарева о передачѣ „Колокола“ новой редакціи. — Къ русской публикѣ отъ редакціи. — Три письма по дѣлу Нечаева. — Письмо Нечаева. — Новости изъ Россіи. — Въ редакцію „Колокола“. — Объявленіе о брошюрѣ Огарева „Будущность“, посвященной памяти Герцена.

№№ 2-го и 3-го у насъ нѣтъ.

№ 4. Отъ редакціи. — Наивность финляндцевъ и озорничество Александра II. — Организація силы. — Еще публикація по дѣлу Нечаева. — Въ редакцію „Колокола“. — Новости изъ Россіи. — Отвѣты редакціи.

№ 5.[1] Опоры абсолютизма. — Современное положеніе русской прессы. Z. (Зайцева). — Проектъ усиленія губернаторской власти въ Россіи. Огарева. — Одинъ изъ фактовъ правосудія Александра II. — Новости изъ Россіи. — Отвѣты редакціи. — Объявленія.

№ 6. Имперія. — Современное положеніе русской прессы. Z. (Зайцева). — Тирольскія шляпы. — Мнѣнія русскихъ людей о Герценѣ. — Сплотимся дружно! Огарева. — Новости изъ Россіи. — Отвѣты редакціи. — Заявленіе Чернецкаго. — Объявленія.

Кромѣ того къ № 1 было особое приложеніе на французскомъ языкѣ „Bulletin russe“ (Supplément du Kolokol), содержащее статьи и замѣтки о Россіи и русскихъ дѣлахъ.

* * *

Съ 1859 по 1862 г. включительно при „Колоколѣ“ издавалось особое прибавленіе подъ заглавіемъ „Подъ судъ!“ Его вышло 13 номеровъ съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Подъ судъ!

1859.

№ 1. Дѣло о преступномъ сообществѣ полицейскаго маіора Попова, генералъ-губернатора Игнатьева и министра Панина противъ свободы и чести купца Малкова. — Жестокое обращеніе и другія злодѣйства помѣщиковъ: 1. Гербутъ-Гейбовичъ и Закревскій. 2. Глуховской засѣченный крестьянинъ. — Потворство убійству. — Ахвердовъ. — Титовъ. 3. 35 женщинъ, пересѣченныхъ въ имѣніи Шабельскаго. 4. Честный іерей Чулковъ. — Консулъ Поповъ и консулъ Черчиль въ Яссахъ.

№ 2. Убійство Неклюдова въ Иркутскѣ. — Отчетъ о послѣдствіяхъ ревизіи, произведенной по постановленію общаго собра-

[1] Этотъ № у насъ неполный. Его содержаніе мы печатаемъ съ перваго листа, гдѣ помѣщено оглавленіе статей. Ред.

нія акціонеровъ общества Царскосельской жел. дороги, состоявшемуся 15 марта 1859 г.

№ 3. Ивана Сухозанета, Залужскаго и Подъячева подъ судъ за варварское управленіе заводами. — Письмо въ защиту г. Таубе.

1860.

№ 4. Дѣло плантатора тайнаго совѣтника Жадовскаго.

№ 5. Правительственный откупъ и при немъ состоящая императорская власть.

№ 6. Еще о стрѣлкѣ Кочубеѣ. — По поводу дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ.

№ 7. Дѣло Лихачева. — По поводу дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ (окончаніе).

№ 8. Саратовское начальство и откупъ. — Герцогъ Саксенъ-Веймарскій и графъ Закревскій.

№ 9. Процессъ Честнокова съ Бутурлинымъ.

№ 10. Дѣло о разграбленіи крестьянъ Архангельскою палатою государственныхъ имуществъ. — Дѣло Гамалея, президента Одесскаго коммерческаго суда.

1861.

№ 11. Дѣло, въ которомъ министръ Княжевичъ оказался дамскимъ лекаремъ и любезнымъ кавалеромъ. — Тамбовскій губернаторъ Данзасъ и Елатомскій исправникъ Мосоловъ. — Въ защиту г. Гамалея.

№ 12. Мертвое тѣло. — Введеніе крѣпостного права въ Мингреліи Бутковымъ. — Откупное дѣло въ Шуѣ.

1862.

№ 13. Генералы Огаревы золотопромышленники. — Аннопольское дѣло.

* * *

Другое приложеніе къ „Колоколу“, предназначенное главнымъ образомъ для раскольниковъ, называлось „Общее Вѣче“. Оно издавалось съ 1862 по 1864 г. включительно. Было 29 номеровъ съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Общее Вѣче.

1862.

№ 1. Отъ издателей. — Письмо къ вѣрующимъ всѣхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій. Н. Огарева. — Ограбленіе церкви и людей. — Хромцы. — Купцы Сергіевскаго посада. — Дѣло Сурнина. — Уральское дѣло. — Доносъ иже по дѣламъ вѣры фискальствующаго купца Сопелкина. — Еще отъ издателей.

№ 2. Что надо дѣлать народу. Огарева. — Отвѣтъ иноку. Огарева. — Надбавка на оброчную подать. — Синодъ начинаетъ

преслѣдовать единовѣрческую церковь. — Гоненія за бороду. — Раздача народной земли.

№ 3. Гоненія за вѣру. — Заговоръ людей власть имущихъ противъ народа.

№ 4. Тысячелѣтіе Россіи. — Вдовство священниковъ. — О священническихъ вдовахъ и сиротахъ. — Постановленіе о расколѣ въ царствованіе Александра II. — Преслѣдованіе раскола. — Мученики за народъ. — Пожалованіе землею.

№ 5. Что надо дѣлать духовенству. Огарева. — Въ Россіи тѣлесныя наказанія замѣняются смертной казнью. — Губернскія и уѣздныя Думы.

№ 6. Гоненія за вѣру (письмо второе). Огарева.

№ 7. Отъ издателей. — Письмо вел. кн. Конст. Никол. отъ русскихъ офицеровъ, стоящихъ въ Польшѣ (перепечатано изъ № 148 „Колокола"). — Письмо офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ (перепечатано изъ № 151 „Колокола"). — Выборы старообрядцевъ въ сельскія должности. — Уставныя грамоты. — Извѣстіе изъ Молдавіи. — Объявленія.

1863.

№ 8. Сравникъ (стих. Огарева). — Прошеніе молдавскихъ старообрядцевъ великому визирю. — Объявленія.

№ 9. Іерархамъ отъ старообрядцевъ. — Бѣлое духовенство и петербургское правительство. — Доля не взошедшей смѣси въ № 154 „Колокола". — Доносъ или не доносъ? — Уравненіе правъ иностранцевъ съ русскими передъ каторгой. — Изъ Кельнской Газеты. — Полицейская пропаганда и налогъ. — Правда ли?

№ 10. Замѣтка по поводу прошенія молдавскихъ старобрядцевъ. — Какъ у насъ понимается законность. — Отецъ ректоръ Ефремъ. — Просьба отъ издателей.

№ 11. Отъ старообрядца къ старообрядцамъ. — Еще приписка къ старообрядцамъ отъ издателей. — Объявленія.

№ 12. Отъ старообрядцевъ народу русскому посланіе. — Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Объявленія.

№ 13. Слово правды. — Подцензурная литература. — Отъ совѣта общества „Земля и Воля".

№ 14. Эхъ, ты царь нашъ батюшка (стих.). — Отзывъ старообрядца къ старообрядцамъ. — Матеріалы для жизнеописанія оберъ-іерарха древнея столицы.

№ 15. Что-то будетъ? Н. Огарева. — Отъ старообрядца о старообрядцѣ. — Матеріалы для жизнеописанія оберъ-іерарха древнея столицы (окончаніе). — Отъ издателей.

№ 16. Выкликаніе духовъ. Н. Огарева. — Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Денежный сборъ общества „Земли и Воли".

№ 17. Грѣхи и безумія. Н. Огарева. — Письмо изъ Москвы. — Изъ Екатеринбурга. — Объявленія.

№ 18. Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Отъ издателей. — Объявленія.

№ 19. Старообрядцу и его обществу. Н. Огарева. — Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Извѣстія изъ Западнаго края.

№ 20. Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Изъ Москвы.

№ 21. О вводѣ во искушеніе. Н. Огарева. — Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Нѣсколько словъ о бѣломъ духовенствѣ. — Отъ издателей.

№ 22. Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Замѣчанія старообрядца на тайныя постановленія по части раскола (стих.). — Письмо къ иноку. — Преступленія въ Біаррицѣ. — Разстрѣляніе Рузавина въ Нижнемъ Новгородѣ.

№ 23. Сущность старообрядческой свободы. — Второе письмо къ иноку. Н. Огарева.

№ 24. Отъ старообрядца іерархамъ. — Второе письмо къ иноку (продолженіе). Н. Огарева. — О Сѣроковскомъ.

№ 25. Отъ издателей. — Отъ старообрядца старообрядцамъ. — Уголовное дѣло въ г. Грязовцѣ.

1864.

№ 26. Третье письмо къ иноку. Н. Огарева. — Еще разъ старообрядцы унижаются.

№ 27. Братское слово къ учителямъ семинарій. — Письмо къ иноку. Н. Огарева. — Примѣръ воспитанія въ духовныхъ училищахъ. — Объявленія.

№ 28. Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ. Н. Огарева. — Православнымъ отъ православнаго.

№ 29. Казни въ Казани. — Отъ старообрядца. — Письмо къ старообрядцу. — Золотая грамота (текстъ „Грамоты сельскому народу", распространенной въ Подолѣ, Волыни и Украйнѣ). — Объявленія.

* * *

Съ 1862 по 1864 г. Léon Fontaine издавалъ на французскомъ языкѣ въ Брюсселѣ журналъ „La Cloche". Вышло 35 померовъ. Первый номеръ вышелъ 20 октября 1862 года въ день тысячелѣтія Россіи. За небольшими исключеніями, все изданіе наполнено переводными статьями и сообщеніями изъ русскаго „Колокола". Вотъ содержаніе журнала:

La Cloche.

1862.

№ 1. De la rédaction. — Lettre de Herzen au rédacteur de La Cloche. — Introduction de Herzen au premier numéro de La Cloche. — Persécution à cause de la barbe. — Lettre à Alexandre II. — L'aristocratie russe. — Roufine Petrovsky.

№ 2. La jeune Russie et la vieille Russie. — Une indiscrétion de Saint-Pétersbourg. — Lettre à Alexandre II. — La révolution en Russie. — Roufine Petrovsky.

№ 3. Lettre du Comité central national polonais de Varsovie. — La Russie et la Pologne. — Les Allemands-Russes et les Russes-Allemands. — Maladies héréditaires de notre grand-père Paul.

№ 4. Les Fins et les Commencements. — La Russie et la Pologne. — Copie de la supplique des paysans du propriétaire Kokochkine. — Simple question. — Une explication.

№ 5. Lettre au Comité central polonais. — Lettres aux officiers russes qui se trouvent en Pologne. — La Russie et la Pologne. — Les Allemands-Russes et les Russes-Allemands. — Variétés.

№ 6. Adresse des officiers russes. — Russie et Pologne. — Les Fins et les Commencements. — Variétés.

№ 7. Les Allemands-Russes et les Russes-Allemands. — Les Fins et les Commencements. — Echantillons de verbiage bureaucratique. — L'imprimerie secrète de St.-Pétersbourg.

№ 8. La Russie et la Pologne. — Incorporation dans les régiments. — École des fils de sous-officiers et fonctionnaires ne jouissant pas des droits de la noblesse héréditaire. — Les Fins et les Commencements. — Variétés.

№ 9. Adresse du Comité des officiers russes en Pologne aux officiers de l'armée russe. — Une réponse. — Examen du projet de loi sur la réponse judiciaire en Russie. — Les Fins et les Commencements. — Tricherie dans le recrutement. — Variétés.

№ 10. Examen du projet de loi sur la réforme judiciaire en Russie. — Les Fins et les Commencements. — Incorporation, etc. (suite). — Variétés.

1863.

№ 11. MDCCCLXIII. — Contre-adresse officielle. — Examen du projet, etc. (suite). — Les Fins et les Commencements. — Nouvelles de St.-Pétersbourg. — Variétés.

№ 12. Expiatio! — Lettre à l'Indépendance Belge. — Examen du projet, etc. (suite). — Les Fins et les Commencements. — La troisième division fouette. — La vérité éclate tôt ou tard. — Variétés.

№ 13. Resurrexit! — L'affaire de l'adresse des officiers. — Prière fraternelle aux militaires russes. — Examen du projet etc. (fin). — Correspondances du Daily Telegraph. — Variétés.

№ 14. ...Et la Russie! — Les crimes qui se commettent en Pologne. — Confession du gouvernement russe. — Les Fins et les Commencements. — Victor Hugo à l'armée russe. — L'histoire de l'adresse et de la contre-adresse continue. — Lettre au rédacteur du Kolokol. — Variétés.

№ 15. La Terre et la Liberté. — Volsky et Markévitch. — Les crimes qui se commettent en Pologne. — Eglise-blanche. — Le ministre de la guerre Milutine. — Le clergé séculier et le gouvernement de St-Pétersbourg. — 21 février 1863. — Le conseil de l'Association de la Terre et de la Liberté. — Variétés.

№ 16. Great Western. — Les Anciens Croyants au peuple russe. — Pleurs. — Les dix années de l'imprimerie russe à Londres. — Un mot de vérité. — Le pillage et le brigandage russe en Pologne. — Aux femmes russes. — Variétés.

№ 16. Proclamation du Comité de la Terre et de la Liberté. — 1831—1863. — Protestation du délégué du gouvernement provincial polonais à Londres. — Protestation des chefs de l'expédition

polonaise. — Brave conduite des soldats. — Aux étudiants russes. — Variétés.

№ 18. A. A. Potębnia. — Les officiers russes dans le rangs des insurgés. — 1831—1863. — Les derniers Mohicans du droit de servage. — Savva le brûleur de livres. — Association Terre et Liberté. — Correspondance. — Variétés. — Avis.

№ 19. Entre l'éclair et le tonnerre. — Oraison funèbre. — Danger d'avoir une maison à St.-Pétersbourg. — Le lieutenant-colonel Krassovsky. — Variétés.

№ 20. Le premier mai. — Pourquoi ont-ils si peur? — 1831—1863. — Dénonciation contre le Journal de St.-Pétersbourg. — Variétés.

№ 21. Podlevsky. — Svoboda. — Examen de quelques questions. — La Rossiade. — Deux échantillons des circulaires de Valouïeff. — Variétés.

№ 22. La Rossiade. — Extrait d'une lettre d'un correspondant russe de la Pologne. — Extrait des journaux russes. — Variétés. — Discours prononcé par M. Herzen fils au banquet donné à Stockholm.

№ 23. Les lâches. — Examen de quelques questions. — La Rossiade. — Variétés. — Discours de M. Bakounine au banquet de Stockholm.

№ 24. Le martyrologe polonais. — Le Kolokol et le Jour. — La Rossiade. — Variétés.

№ 25. Этого номера мы не достали.

№ 26. Mensonge. — Kelsieff et Outine. — Les potences et les journaux. — Dépossesion. — L'affaire de Tobolsk. — Communication de M. Outine. — Une lettre de Heidelberg.

№ 27. A nos lecteurs. — Le point de virement. — Pendant l'étape. — Post-scriptum. — Lettre de Michel Bakounine. — Variétés.

№ 28. Produits de la fabrique de Kraevsky. — L'empereur Alexandre I-er et Karazine. — Lettre du prince Dolgoroukoff à l'empereur Alexandre II. — Lettre du Midi de la Russie. — Une coupable innocente. — Variétés. — Avis.

№ 29. La situation actuelle de la Russie. — L'empereur Alexandre Ier et Karazine. — Michel Stchépkine. — Infraction aux règlements de la livrée et du marchepied. — Varsovie est consolée. Quelques mots à propos des adresses.

№ 30. Parole fraternelle. — L'empereur Alexandre Ier et Karazine. — Lettre à Mr Rochkovsky.

№ 31. Этого номера мы не достали.

№ 32. Une voix finlandaise. — Lettre de Naples. — Examen de quelques questions. — Variétés. — La princesse Catherine Dachkova. — Avis.

№ 33. Этого номера мы не достали.

№ 34. Conclusion de l'auditoriat général. — Le devoir avant tout. — Variétés.

1864.

№ 35. Requiescat 1863! — Une importation d'immondices à Londres. — Martianoff et notre tzar national. — Variétés. — Le devoir avant tout (suite). — La princesse Catherine Dachkova (suite).

Съ 1858 по 1861 годъ вышло пять томовъ „Русскаго Заграничнаго Сборника“ съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Русскій Заграничный Сборникъ.

1858.

Томъ первый: Нѣмцы и Дунай. — Журналъ Севастополя. — Письмо къ наставнику Е. И. В. Государя Наслѣдника. — Описаніе сельскаго духовенства. — Отрывокъ изъ записокъ графа Ростопчина. — Карамзинъ и Сперанскій. — „Примѣчаніе“ издателя Сборника А. Франка (приглашеніе работать въ Сборникахъ по вопросамъ: „литературы, политики и религіи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы посылаемые труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго и т. д.“).

1859.

Томъ второй: Пора! — Предувѣдомленіе. — Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. — Безполезность мѣръ пріуготовительныхъ. Необходимость и выгоды мѣръ единовременныхъ и рѣшительныхъ. — Невозможность выкупа. — Освобожденіе съ 1/3 земли. — О силѣ и дѣйствіи рескрипта 20 ноября 1857 года. — Замѣчаніе на римскія письма А. Н. Муравьева. — Іезуиты краснаго пѣтуха намъ пустили или развратится ли Россія въ латинскій католицизмъ?

1860.

Томъ третій: Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ. — Адвокаты и повѣренные или ходатаи по дѣламъ. — Петръ I членъ Парижской Академіи наукъ. — Московская рѣзня 1606 г. — Къ русскимъ (о православной и католической церкви).

1861.

Томъ четвертый: О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ въ Россіи. — Письма и статьи М. Погодина о политикѣ Россіи въ отношеніи славянскихъ народовъ и Западной Европы. — Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго (декабриста).

Томъ пятый: О новомъ устройствѣ крестьянъ. — Взглядъ на дѣла Россіи. Н. Тургенева.

* * *

Съ 1859 по 1861 г. въ Берлинѣ выходилъ подъ редакціей Головина „Благонамѣренный“. Вышло 12 книжекъ съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Благонамѣренный

1859.

№ 1. Руководство къ торговлѣ кн. Ховры (Ив. Головина). — Библіографія. — Смѣсь.

№ 2. Англійскія тѣни. — Разсказы кн. Ховры. — Смѣсь.
№ 3. Записки русскаго гусара. — Литературная лѣтопись. — Смѣсь.
№ 4. Исторія Фердинанда VII. Головина. — Политическая хроника. — О современныхъ направленіяхъ французской литературы.
№ 5. Свѣтская философія или книга жизни. — Русская хроника.

1860.

№ 6. Исторія французской революціи, ч. I. Головина. — Смѣсь.

1861.

№ 7. Исторія французской революціи, ч. II. Головина. — Смѣсь.
№ 8. Географическія изученія. Ниволога.
№ 9. Германія и нѣмцы. Головина.
№ 10. Наука финансовъ. Кн. Ховры.
№ 11. Чтенія объ уголовномъ правѣ. Головина.
№ 12. Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія. Грановскаго.

* * *

Въ 1861 г. князь П. В. Долгоруковъ сталъ редактировать въ Парижѣ журналъ „Будущность“. Вышло 25 №№. Журналъ прекратился въ январѣ 1862 г., вслѣдствіе того, что у издателя журнала, Герольда, возникло, по выраженію Долгорукова, „сочувствіе къ петербургскому правительству“. Съ марта 1862 г. Долгоруковъ сталъ издавать при участіи лейпцигскаго книгопродавца, Гергарда, журналъ „Правдивый“, но послѣ 4 № Долгоруковъ въ журналѣ уже не участвовалъ, а Гергардъ, проникшійся также „сочувствіемъ къ петербургскому правительству“, выпустилъ №№ 5 и 6 „Правдиваго“ самостоятельно. Вслѣдствіе протеста Долгорукова. Гергардъ перемѣнилъ названіе „Правдивый“ на „Правдолюбивый“, но продолжалъ прежнюю номерацію, такъ что „Правдолюбивый“ появился сразу съ № 7. Послѣ этого Долгоруковъ сталъ издавать на французскомъ языкѣ въ Брюсселѣ журналъ „Le Véridique“ (вышло 5 №№), а съ ноября 1862 г. предпринялъ тамъ же изданіе собственнаго „Листка“. Съ № 6 это изданіе было перенесено Долгоруковымъ въ Лондонъ, гдѣ журналъ и выходилъ до іюля 1864 года. Всего „Листка“ вышло 22 номера. Вотъ содержаніе всѣхъ названныхъ журналовъ.

Будущность.

1861—1862.

№ 1. Программа журнала. — Что предстоитъ Россіи? — О Царствѣ Польскомъ. — Министръ Ланской — Разныя извѣстія.
№ 2. Приказъ Игнатьева-Паши Русскому Инвалиду и Коми-

тетъ Министровъ, награждающій за злоупотребленія. — О союзахъ Россіи съ Австріей. — О положеніи христіанъ въ Европейской Турціи. — Смѣсь.

№ 3 и 4. О союзахъ Россіи съ Австріей. — Раздача земель. — Самоуправство правительства съ законами. — Дикій циркуляръ гр. Берга. — О новыхъ книгахъ.

№ 5. Неудачный походъ генерала Тимашева противъ русскаго заграничнаго книгопечатанія. — Долго ли еще русскимъ оставаться рабами? — О русскихъ евреяхъ. — Министръ Муравьевъ. — О новой книгѣ.

№ 6. Осліада. — Русское правительство и русскій сенатъ. — Министръ Муравьевъ. — Комиссія Прошеній мошенничаетъ, а государь подписываетъ бумаги, не читая ихъ. — Письмо о розгахъ князя Черкасскаго. — Стихи къ императору Александру II, при восшествіи его на престолъ. — Москва и Петербургъ. — О новой книгѣ.

№ 7. Новое казнокрадство министра Муравьева. — Правосудіе въ Царствѣ Польскомъ. — О крѣпостномъ состояніи, въ какое погружено русское дворянство. — О новой книгѣ.

№ 8. Письмо изъ Югозападной Руси. — Русская цензура. — Контрабанда въ Петербургѣ. — О новой книжкѣ. — Рескриптъ князю Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, или оффиціальные турусы на колесахъ. — Юбилей пустого всероссійскаго казначейства. — Извѣстіе изъ Петербурга.

№ 9. Воспоминанія князя Евгенія Петровича Оболенскаго. — О Государственномъ Совѣтѣ. — Письмо изъ Петербурга, о томъ, что происходитъ въ министерствѣ финансовъ. — Письмо изъ Москвы о крымскомъ походѣ и другихъ подвигахъ полиціймейстера Сечинскаго.

№ 10 и 11. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. — О нынѣшнихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. — Воспоминанія князя Евгенія Петровича Оболенскаго. — Письмо моряка. — Письмо русскаго къ владѣльцамъ книжнаго магазина А. Франку, Г. Герольду и Г. Линднеру. — Полярная Звѣзда. — Объявленія.

№ 12. Графъ Ланской и П. А. Валуевъ. — Эпидемія Мухановщины. — Маркизъ Вѣлопольскій — Воспоминанія князя Евгенія Петровича Оболенскаго.

№ 13. Изъявленіе Монаршаго благоволенія за государственный разбой. — Новое распоряженіе правительственной мудрости. — Конституція Великаго Княжества Финляндскаго. — Монгологолштинская система въ Царствѣ Польскомъ. — Письмо изъ Петербурга. — Отвѣтъ корреспонденту.

№ 14. Дневникъ посольства въ Персію въ 1817 году, Алексѣя Петровича Ермолова, веденный имъ самимъ. — Письмо изъ Петербурга.

№ 15. Журналъ Христіанское Соединеніе. — Дикая книжка о событіяхъ въ Варшавѣ. — Книжка Константина Сергѣевича Аксакова. — Поступокъ господъ Поджіо. — Письмо изъ Петербурга.

№ 16 и 17. О перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. — Дневникъ посольства въ Персію въ 1817 г., Ал. Петр. Ермолова. —

Письмо изъ Москвы. — Другое письмо изъ Москвы. — Письмо изъ Баденъ-Бадена.

№ 18. О перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. — Дневникъ посольства въ Персію въ 1817 г. — Петербургское правительство въ припадкѣ бородобоязни. — Отвѣтъ безъименному купцу.

№ 19 и 20. О перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. — Дневникъ посольства въ Персію въ 1817 году. — Смѣсь.

№ 21. О перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. — Замѣчаніе на предыдущую статью. — Смѣсь.

№ 22. Дневникъ посольства въ Персію въ 1817 г. — Письмо изъ Петербурга. — Стихи къ генералу Гарибальди.

№ 23. Великій князь Константинъ Николаевичъ. — Третій листъ Великорусса. — Письмо изъ Москвы. — Смѣсь.

№ 24. Письмо изъ Москвы. — Письмо изъ Петербурга. — Письмо херсонскаго помѣщика.

№ 25. Письмо съ Кавказа. — Письмо изъ Вильны. — Письмо о горномъ институтѣ. — Польша и Украина.

Правдивый.

1862.

№ 1. Къ читателямъ. Долгорукова. — Адресъ тверского дворянства государю. — Письмо государю князя Петра Долгорукова. — Новый русскій журналъ („Свободное Слово“). — Письмо изъ Петербурга.

№ 2. Письмо изъ Петербурга. — Воровство.

№ 3. Жестокость Синода. Долгорукова. — Рѣчь профессора Павлова. — Письмо изъ Москвы. — О новыхъ русскихъ книгахъ. — Письмо изъ Петербурга. — Объявленія.

№ 4. Чего хотятъ Константиновцы? — О книжкѣ Н. И. Тургенева „Взглядъ на дѣла Россіи“. — Пожалованіе орденомъ. — Письмо изъ Петербурга. — Объявленіе.

№ 5. Письмо изъ Петербурга. — Письмо изъ Воронежа.

№ 6. Розгобѣсіе митрополита Филарета. — Письмо изъ Воронежа. — Письмо изъ Новгорода.

* * *

Съ № 7 „Правдивый“ сталъ выходить подъ названіемъ

Правдолюбивый.

№ 7. Письмо изъ Новгорода. — Письмо изъ Польши. — Письмо изъ Петербурга. — Заграничные голоса о Россіи.

№ 8. О петербургскихъ пожарахъ. — Письмо изъ Варшавы. — Основанія университетскаго устава. — Заграничные голоса о Россіи.

№ 9. Земская Дума. (Конституція, самодержавіе и Земская Дума. А. Кошелева.) — Заграничные голоса о Россіи. — Основанія университетскаго устава. — Письмо изъ Баденъ-Бадена. — Послѣднія новости. — Замѣчаніе.

Le Véridique.

1862.

№ 1. Chronique des événements à l'intérieur de la Russie. — Le mémoire de M. Alexandre Platonow. — Correspondances. — Bibliographie. — Faits divers.

№ 2. Un mot à la censure française. — Revue des événements intérieurs en Russie. — Rapport secret du ministre de l'intérieur à l'empereur au sujet de l'envoi de télégrammes destinés à donner le change à l'opinion publique en Europe. — Les Bulgares en Russie. — Des libraires des journaux amis du gouvernement russe. — Le libraire W. Gerhard commençant son journal par le № 7 et faisant main-basse sur la propriété d'autrui. — Bibliographie. — Faits divers.

№ 3. Revue des événements intérieurs en Russie. — Revue de la politique extérieure russe en 1862. — Le comte Kissélew, notice biographique. — Circulaire secréte du ministre de la guerre aux chefs des corps pour les inviter à faire espionner et à dénoncer leurs officiers. — Le gouvernement russe en guerre avec l'économie politique. — Les villes spécialement priviligiées pour être encore plus mal administrées, que les autres. — Faits divers.

1863.

№ 4. Mon départ de Bruxelles pour Londres. — De l'état des choses en Pologne. — Lettre à l'empereur Alexandre II. — Les hauts faits de M. Bénardaki. — Le comte Worontzow et un scandale à Tiflis. — Fait divers. — Bibliographie. — Annonces de la librairie Tchorzewski.

№ 5. L'insurrection Polonaise. — Instructions secrètes envoyées aux gouverneurs des provinces occidentales pour provoquer la signature d'adresses à envoyer à l'empereur. — Le général Michel Mouraview, notice biographique. — Gabriel Batenkow, notice nécrologique. — Les embarras financiers du gouvernement russe. — Remerciements adressés au comte P. G. Schouvalow. — Le Dziennik Narodowy.

Листокъ,

издаваемый кн. Петромъ Долгоруковымъ.

1862—1864.

№ 1. Объ изданіи Листка. — Послужной списокъ петербургскаго правительства за 6 мѣсяцевъ, съ мая до ноября. — О прокламаціи къ русскимъ Польскаго Народнаго Центральнаго Комитета. — Взглядъ на основныя положенія судоустройства, судопроизводства и земскихъ учрежденій. — Письмо изъ Одессы. — Забавы и увеселенія либеральнаго петербургскаго правительства. (Ссылки по суду и безъ суда разныхъ лицъ и пр.) — Оффиціальные турусы на колесахъ. — Отвѣтъ корреспондентамъ.

№ 2. Письма къ вѣрноподданному боярину А. И. Кошелеву по поводу невинныхъ мечтаній его о самодержавіи. — Взглядъ

на основныя положенія судоустройства, судопроизводства и земскихъ учрежденій. — Предводитель Бѣганьскій. — По дѣлу Петра Новицкаго. — Увеселенія либеральнаго петербургскаго правительства (аресты литераторовъ Потѣхина, Авдѣева и др.). — Забавникъ-митрополитъ. — Двѣсти талеровъ награды. — Зоологическій садъ въ Москвѣ. — Трехъ-трапезный генералъ-лейтенантъ (Одинцовъ).

№ 3. Взглядъ на основныя положенія судоустройства, судопроизводства и земскихъ учрежденій. — Письма къ Кошелеву. — Письмо изъ Ярославля. — Письмо изъ Украйны. — Увеселенія петербургскаго правительства. — Послѣобѣденный губернаторъ. — Издателямъ „Правдолюбиваго“. — Объявленія.

№ 4. Военный министръ Милютинъ. — Генералъ-губернаторъ Анненковъ. — Кто виноватъ? (Адресъ минскаго дворянства.) — Письма изъ Москвы. — Образцовые выборы. — Прокатъ генералъ-адъютанта Безобразова. — Намѣстникъ Царства Польскаго лишаетъ гражданскихъ правъ швейцарскаго гражданина! — О подполковникѣ Красовскомъ. — Сѣченіе въ III отдѣленіи. — Международная полиція. — Извѣстіе изъ Петербурга. — Объявленія.

№ 5. Страхъ и подлость. — Письмо изъ Сиріи. — Письмо изъ Одессы. — Петербургскіе очерки. — Еще о г. Новицкомъ. — Библіографическія замѣтки. — Учрежденіе новыхъ орденовъ. — Объявленія.

№ 6. Перенесеніе „Листка“ въ Лондонъ. — Что видимъ мы въ Россіи? — Что видимъ мы въ Польшѣ? — Слово „Колокола“ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ. — Трусость петербургскаго дворянства (по поводу предложенія Платонова о созваніи Земскаго Собора). — Трусость рязанскаго дворянства (ходатайство о возложеніи на сельскія общества за круговою ихъ порукою отвѣтственности за исправность сельско-хозяйственныхъ рабочихъ при работахъ по вольному найму). — Ложь и мошенничество Гергарда (о „Правдолюбивомъ“). — Наблюдатель Хотинскій. — Памятникъ Екатеринѣ II. — Образчикъ всеподданнѣйшей ерунды.

№ 7. Растерявшееся правительство. — Нѣсколько словъ кн. Горчакову. — Образчикъ министерскаго тупоумія. — Запрещеніе журнала „Очерки“. — Услужливый дуракъ опаснѣе врага. — Петербургскіе очерки. — Нравственныя понятія петербургскаго правительства. — Михаилъ Николаевичъ (вел. князь) изволилъ зарапортоваться. — Грабежъ въ Москвѣ. — Требованіе намордника.

№ 8. Правительство съ душею въ пяткахъ. — Закоснѣлость митрополита Исидора. — Царская охота. — Петербургскіе очерки. — Мудрый законодатель. — Еще правительственная ложь. — Gazeta Narodowa. — Добросовѣстность Ханыкова. — Бенардаки. — Пришлось раскаяваться въ подлости. — Новыя книги. — Хотинскій.

№ 9. Самодурство петербургскаго правительства. — Три предателя (Бошнякъ, Майборода и Шервудъ). — Петербургскіе очерки. — Объявленія.

№ 10. Нѣсколько словъ о нынѣшнемъ положенiи дѣлъ. — Письмо къ редактору „Современника" (о книгѣ Аммоссова „Послѣднiе дни жизни Пушкина"). — Замѣчанiя по поводу книжки Аммоссова. — Петербургскiе очерки. — Объявленiя.

№ 11. Что всего нужнѣе для Россiи? — Письмо къ императору Александру II кн. Долгорукова. — Петербургскiе очерки. — Объявленiя.

№ 12. Неужели справедливъ слухъ о новомъ сближенiи Россiи съ Наполеономъ? — Письмо отца В. Печерина. — Нѣсколько словъ о свободѣ совѣсти. — Благодать не всегда выгодна. — Изъявленiе благодарности гр. Шувалову отъ одного изъ нашихъ знакомыхъ. — Arrêt du tribunal de première instance à Bruxelles. Потѣхи знатныхъ хамовъ. — Петербургскiе очерки. — Правда ли?

№ 13. Финляндскiй сеймъ и русское простофильство. — М. Н. Муравьевъ. — Новый промахъ петербургскаго правительства. — Вѣрноподданническая горячка. — Безполезность наблюденiя за [redacted]

№ 14. Дѣло чиновника Соколова. — М. Н. Муравьевъ. — Адмиралъ Лисовскiй.

№ 15. М. Н. Муравьевъ. — Петербургскiе очерки. — Царскiй грабежъ. — Министерство торговли. — Газета Нордъ. — Озеровъ.

№ 16. Правительство въ болотѣ. — Г. С. Батенковъ (декабристъ). — Одичалый (стихотворенiе Батенкова). — Письмо петербургскихъ жителей М. Н. Муравьеву. — Проказникъ-архiерей. — Новый адресъ. — Белиберда. — Ссылка Мартьянова.

№ 17. Нѣсколько словъ о нынѣшнемъ положенiи дѣлъ въ Россiи. — Двоюродная пошлость. — Законодатель Войтъ. — Петербургскiе очерки. — Отвѣтъ охотнику до оффицiальной тафты. — Кончина А. Н. Муравьева (декабриста). — Вексель русской барыни. — Награда инквизиторамъ.

№ 18. О земскихъ учрежденiяхъ. — Петербургскiе очерки. — Смущенiе Наполеона III. — Татаринъ. — Гр. Муравьевъ-Амурскiй. — Тупоумiе русской тайной полицiи.

№ 19. О нынѣшнемъ положенiи дѣлъ. — Гарибальди у Герцена. — Леонидъ Блюммеръ, агентъ тайной полицiи. — Петербургскiе очерки. — Анекдотъ о Тучковѣ. — Адресъ-календарь. — Шуваловъ. — Павловъ.

№ 20. О нынѣшнемъ положенiи дѣлъ. — Клевета Аммоссова на харьковскихъ учителей. — Русскiй пролетарiй (стихотворенiе). — Петербургскiе очерки. — Журналъ-мазурикъ (о журналѣ Блюммера „Европеецъ"). — Вѣжливость французской администрацiи.

№ 21. Что дѣлаетъ петербургское правительство? — Садоводство (стих.) — Петербургскiе очерки. — Блюммеръ. — Дѣло Северина. — Разрытiе могилы. — Оскопленiе.

№ 22. Мошенничество и ложь Наполеона III. — Петербургскiе очерки. — Овцы (стих.). — Взглядъ на природу (стих.). — Вельможа (стих.). — Старикъ (стих.). — Юношѣ (стих.). — Манифестъ Екатерины II. — Блюммеръ. — У страха глаза велики. — Сербскiй журналъ въ Швейцарiи. — Объявленiя.

* * *

Въ 1862 г. въ Берлинѣ вышло подъ редакціей Л. П. Блюммера 8 книжекъ журнала „Свободное Слово“. Всѣ вмѣстѣ онѣ составили книжку (съ общей пагинаціей) въ 589 страницъ. Содержаніе журнала слѣдующее:

Свободное Слово.

1862.

№ 1. Проспектъ. — Русско-польскій вопросъ. — Неизвѣстные заговоры противъ Александра I и Николая I. — Блюмера. — Самодержавіе, какъ элементъ противообщественный. — Замѣтка на статью Н. П. Огарева (объ универ. дѣлахъ 1862 г.). — Копоть отечества: письмо изъ Москвы. — Матрикулы и петерб. профессора. — Самый нравственный городъ (Одесса). — Новыя права евреевъ. — Русскія книги заграницею. — Библіографическія замѣтки.

№ 2. Отъ редакціи. — Плачевное утѣшеніе (табель государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1862 г.). — Уставная грамота русскаго государства. Блюммера. — По неотшельническимъ дѣламъ отшельниковъ отъ міра сего (о духовенствѣ). — Замѣчанія на статью „Неизвѣстные заговоры“. Долгорукова. — Современныя нужды Россіи (рецензія на книгу Кошелева „Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія“. Р. В—ча). — Beaumasque (о Шедо-Ферроти). — Постановленіе тверского дворянства. — Адресъ тверского дворянства. — Положеніе мировыхъ посредниковъ трерской губерніи.

№ 3. Что хотятъ русскіе отъ поляковъ. — Уставная грамота русскаго государства. — Примѣчанія къ предыдущей статьѣ. — Записка о необходимости созванія выборныхъ земли русской (составлена царскосельскимъ уѣзднымъ предводител. дворянства Платоновымъ). — Письмо о Землѣ Войска Донского. — Письмо Г. В. Берви къ предводителямъ дворянства (приглашеніе къ протесту противъ правительства по поводу его дѣйствій относительно тверскихъ мировыхъ посредниковъ). — Новая прокламація, напечатанная въ тайной русской типографіи (офицерамъ). — Копоть отечества: политическія мошенничества фирмы генералъ Крыжановскій и Ко. — Крестьянское дѣло въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ Земли Войска Донского. — Блистательный примѣръ вѣротерпимости. — Въ Перми teot est perwis. — Слухи. — Объявленія.

№ 4. Современное положеніе русскаго правительства. Блюммера. — Къ русскому дворянству отъ русскаго (о необходимости конституціи). — Ультра-цензурная кабала (о новыхъ цензурныхъ правилахъ). — Конституція и соціализмъ (письмо къ издателю). — Отвѣтъ на предыдущее письмо. — О вопросѣ національномъ вообще и русско-польскомъ въ частности. — Новыя прокламаціи, напечатанныя въ тайныхъ русскихъ типографіяхъ („Русское пра-

вительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти", „Земская Дума" и „Молодая Россія"). — Копоть иностранная и отечественная: Прусскіе и русскіе обыски. — Австрійскіе и русскіе обыски. — Переѣздъ кн. П. В. Долгорукова. — Ненаказанное злодѣяніе. — Прекращеніе газеты „Сіонъ". — Замѣтка.

№№ 5—6. Пишущіе жандармы (о Шедо-Ферроти et consortes). Необходимъ ли бракъ? (статья 1-ая). — Нѣсколько словъ о ...энности. — Польскія дѣла 1862 года. — Польская революція 1830—1831 г. — Дипломатія и человѣчность. — Еще манифестъ изъ Россіи (къ братьямъ славянамъ). — По поводу пожаровъ и молодой Россіи. — Что-то скажетъ Герценъ? — Что сказалъ Герценъ. — Аресты (Чернышевскій, Писаревъ, Серно-Соловьевичъ и др.). — По дѣлу „Правдиваго" и „Правдолюбиваго".

№№ 7—8. Кто народъ и кто не народъ? — Русская политика въ славянскихъ дѣлахъ вообще и въ сербскихъ по преимуществу. — Постановленія положительнаго права европейскихъ державъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ иностранцевъ. — Необходимъ ли бракъ? (статья 2-ая). — Соображенія и предположенія дворянства Симбирской губерніи по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ. — Европейскія доблести (о процессѣ кн. Долгорукова). — Польскій праздникъ. — Письмо Г. П. Курова. — Голосъ общественнаго мнѣнія (о Герценѣ и Катковѣ). — Русскимъ студентамъ въ Гейдельбергѣ. — Интересно бы знать.

* * *

Въ 1862 году въ Гейдельбергѣ у Бангеля и Шмита вышелъ первый (и послѣдный) номеръ „Летучихъ Листковъ". Это книжечка въ 78 страницъ съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Летучіе Листки. № 1.

Предисловіе. — „Великоруссъ" № 1. — Отвѣтъ „Великоруссу" (Михайлова). — Отвѣтъ на отвѣтъ „Великоруссу" Огарева. — „Великоруссъ" № 2. — Къ молодому поколѣнію (прокламація Михайлова). — „Великоруссъ" № 3.

* * *

Въ 1866 году въ Женевѣ вышло 2 №№ журнала „Подпольное Слово". Вотъ ихъ Содержаніе:

Подпольное Слово.

№ 1. Вступленіе. (Оно гласило: „Подъ этимъ названіемъ [„Подпольное Слово"] будетъ выходить рядъ брошюръ и народныхъ книгъ. Такъ какъ заведеніе тайныхъ типографій въ Россіи мы считаемъ совершенно невозможнымъ, то изданіе подобныхъ книгъ заграницей становится дѣломъ первой важности. Поэтому редакція обращается ко всѣмъ сочувствующимъ развитію массъ съ просьбой о присылкѣ матеріаловъ и

статей въ этомъ направленіи, также и денегъ, необходимыхъ для веденія дѣла. То и другое просятъ адресовать довѣренному редакціи Элпидину".) — Статья Элпидина: Каракозовъ и Муравьевъ (48 страницъ).

№ 2. Статья „Казань въ осадномъ положеніи". (Аресты въ Казани, Перми и Москвѣ; вятское слѣдственное отдѣленіе; Нарышкинъ; Лаишевская слѣдственная комиссія; Казанская комиссія; военный судъ; Тимашевъ и убійства.) — На добычу (стих. переводъ изъ Барбье). — Извѣщеніе о полученіи денегъ.

* * *

Въ 1868, 1869 и 1870 годахъ въ Женевѣ издавался подъ редакціей сначала Бакунина и Жуковскаго, потомъ Жуковскаго, Утина и Элпидина, журналъ „Народное Дѣло" съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Народное Дѣло.

1868.

№ 1. Отъ редакціи. — Необходимое разъясненіе. (Взгляды редакціи на задачи журнала.) — Наша программа. — Правительственныя реформы. — Постановка революціонныхъ вопросовъ (статья первая: наука и народъ). — Замѣтка (о конгрессѣ Международнаго общества рабочихъ).

№№ 2 и 3. Пропаганда и организація (дѣло прошлое и дѣло нынѣшнее). — Испанія: Генеральная революція и народное освобожденіе.

1869.

№№ 4, 5 и 6. Извѣщеніе. — Политика мѣщанства и политика соціализма. (Введеніе въ исторію рабочаго движенія.) — Юбилейное торжество петербургскаго университета. — Студенческія дѣла и профессорско-полицейскіе безпорядки. — Старыя обвиненія и старые доносы. — Интернаціональная ассоціація.

№№ 7, 8, 9 и 10. А. А. Серно-Соловьевичъ (некрологъ). — Современное выраженіе соціальной революціи на Западѣ. (Базельскій конгрессъ.) — Русское соціально-революціонное дѣло въ его соотношеніи съ рабочимъ движеніемъ на Западѣ. — Размышленія о россійскомъ образованномъ обществѣ. — Отчетъ Главнаго Совѣта Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ Базельскому Конгрессу. — По поводу прокламаціи: Запросъ Герцену, Огареву и Бакунину. — Объявленіе объ изданіи сочиненій Чернышевскаго.

* * *

Въ 1870 году „Народное Дѣло" измѣнило форматъ журнала на форматъ газеты и приняло особую отъ прежней номерацію.

№ 1. Отъ редакціи. — Русская вѣтвь Международнаго Товарищества рабочихъ.

№ 2. Крестьянская реформа и общинное землевладѣніе. — Политическое и экономическое положеніе рабочаго класса въ Сербіи. — Адресъ русской секціи Международнаго Товарищества. (При посылкѣ въ Marselieuse 100 фр. въ помощь семействамъ стачечниковъ, осужденныхъ въ Крезо.)

№ 3. Интернаціональная Ассоціація и Россія. — Политическое и экономическое положеніе рабочаго класса въ Сербіи (окончаніе). — Политическое обозрѣніе.

Прибавленіе къ № 3. Извѣщеніе объ арестѣ и процессѣ Семена Серебрянникова въ Женевѣ.

№ 4. Стачка и выставка въ Петербургѣ. — Рабочее движеніе на Западѣ. — Международное товарищество рабочихъ. — Арестъ Серебрянникова въ Женевѣ.

№ 5. Война и революція. — Подготовительная работа соціальной революціи. — Общая стачка всѣхъ строительныхъ ремеслъ въ Женевѣ. — Арестъ Серебрянникова въ Женевѣ (окончаніе).

№№ 6 и 7. Манифестъ Главнаго Совѣта Международнаго Товарищества рабочихъ. (По поводу войны.) — Величіе россійской имперіи. — Хроника Интернаціональной Ассоціаціи. — Программа Болгарскаго революціоннаго комитета. — Политическое обозрѣніе. — Объявленіе объ изданіяхъ „Библіотеки Международнаго Товарищества рабочихъ“.

* * *

Въ 1869 вышелъ первый и въ 1870 г. второй № „Народной Расправы“. Хотя мѣстомъ изданія № 1 обозначена Москва, а № 2 обозначенъ Петербургъ, но оба №№ въ дѣйствительности были изданы Нечаевымъ заграницей. Вотъ содержаніе этого изданія.

Изданія Общества „Народной Расправы“.

1869.

№ 1. Передовая статья съ эпиграфомъ: „Проснись, о, Русь, возстань родина!“ Статья начинается словами: „Всенародное возстаніе замученнаго русскаго люда неминуемо и близко.“ Подпись: „Отъ Русскаго Революціоннаго Комитета“. — Взглядъ на прежнее и нынѣшнее пониманіе дѣла (изъ 5 главъ).

Приложеніе: Выписка изъ росписи наказаній, назначаемыхъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ 15 декабристамъ.

1870.

№ 2. Статья объ арестахъ въ Россіи. — Кто не за насъ, тотъ противъ насъ. — Главныя основы будущаго общественнаго строя.

Приложеніе 1-ое. Списокъ 125 лицъ, арестованныхъ въ Россіи.

Приложеніе 2-е. Списокъ 39 лицъ, „захваченныхъ во время

весенней студенческой исторіи и сидящихъ по сіе время въ крѣпости".

Прибавленіе къ № 2: Извѣщеніе и предостереженіе отъ комитета (о захваченныхъ при обыскахъ „общихъ правилахъ организаціи", бланкахъ и печати комитета Народной Расправы).

* * *

Въ 1868 г. въ Женевѣ въ типографіи Элпидина изданъ № 1 (кажется, единственный) „Летучихъ Листковъ".

Содержаніе: Отъ издателей. — Христіанство. — Женщина.

* * *

Въ 1870 г. вышло два №№ журнала „Община" (ред. Нечаева).

№ 1. Передовая статья о положеніи Европы и Россіи въ революціонномъ отношеніи. — Наша общая программа. — Гдѣ наши силы, гдѣ наши средства? — Письмо Нечаева къ Бакунину и Огареву. — Объявленія.

№ 2 „Общины" у насъ нѣтъ.

* * *

Стараясь составить полный перечень содержанія всѣхъ зарубежныхъ журналовъ шестидесятыхъ годовъ, мы не достигли еще вполнѣ своей цѣли. Дѣло лицъ, сочувствующихъ предпринятымъ нами изданіямъ, пополнить пробѣлы нашей работы присылкою намъ журналовъ, или, по крайней мѣрѣ, перечня ихъ содержанія — „Европеецъ", „Вѣсть", „Стрѣла", „Отголоски печати" и „Современность". Тогда эта часть нашей работы будетъ, кажется, исчерпывающей предметъ.

Содержаніе перваго тома: Предисловіе. **1825 годъ:** первое правительственное сообщеніе о событіи 14 декабря. Высочайшій манифестъ о томъ же. Подробное описаніе происшествія 14 декабря. **1826 годъ:** Прибавленіе къ подробному описанію. Первое сообщеніе о возстаніи войскъ Сергѣя Муравьева-Апостола. Дальнѣйшія сообщенія о томъ же. Первое сообщеніе о ходѣ слѣдствія надъ декабристами. Высочайшій манифестъ о волненіяхъ среди крестьянъ. Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами. Донесеніе слѣдственной комиссіи. Списокъ лицъ, преданныхъ Верховному Уголовному Суду. Высочайшій манифестъ о дѣлѣ декабристовъ. Высочайшая благодарность Дибичу. Верховный Уголовный Судъ. Роспись государственнымъ преступникамъ. Указъ Верховному Суду. Выписка изъ протоколовъ Верховнаго Суда. Высочайшій приказъ объ исключеніи осужденныхъ изъ списковъ войскъ. Приговоръ надъ соучастниками Сергѣя Муравьева-Апостола. Высочайшій приказъ россійскимъ войскамъ. Высочайшій приказъ о наказаніяхъ офицерамъ, замѣшаннымъ въ заговорѣ, но не преданнымъ суду. — **1827 годъ:** Приговоръ надъ офицеромъ Усовскимъ. Приговоръ надъ офиц. Вегелинымъ и др. Донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета. Приговоръ надъ офиц. Старковымъ и Таптыковымъ. Приговоръ надъ офиц. Раевскимъ. — **1830 г.:** Приговоръ надъ офиц. кн. С. Оболенскимъ. Приговоръ надъ чиновникомъ Дороховымъ. Высочайшій манифестъ о возстаніи въ Польшѣ. — **1831 г.:** Указъ сенату о мѣрахъ къ подавленію возстанія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго Края. Высочайшій манифестъ объ окончаніи польскаго возстанія. Указъ главнокомандующему дѣйствующей арміей. Указъ объ облегченіи наказаній нѣкоторымъ изъ декабристовъ. Указъ о наказаніяхъ виновнымъ въ польскомъ возстаніи. — **1837 г.:** Приговоръ надъ Масловскимъ. — **1839 г.:** Приговоръ надъ Вейсомъ и друг. — **1840 г.:** Указъ о лицахъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ Канарскаго. — **1848 г.:** Приговоръ по дѣлу Холмскаго. — **1849 г.:** Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго и петрашевцевъ. — **1856 г.:** Амнистія декабристамъ. — **1861 г.:** Приговоръ надъ М. Л. Михайловымъ. — **1862 г.:** Арестъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ. Высылка профессора Павлова. Приговоръ надъ офицеромъ Обручевымъ. Закрытіе двухъ воскресныхъ школъ. Увольненіе отъ службы братьевъ гр. Ростовцевыхъ. Закрытіе народныхъ читаленъ и шахматнаго клуба. Закрытіе всѣхъ воскресныхъ школъ въ войскахъ. Закрытіе повсемѣстно воскресныхъ школъ и читаленъ. Закрытіе Общества для пособія учащимся. Приговоръ надъ офиц. Янковскимъ. Казнь офицеровъ Арнгольдта, Сливицкаго и Ростковскаго. Преданіе суду офиц. Григорьева. Приговоръ надъ тверскими мировыми посредниками. Преданіе суду офиц. Даниловича и др. Приговоръ надъ юнкеромъ Кудрявымъ. Приговоръ надъ офиц. Григорьевымъ. Приговоръ надъ офиц. Красовскимъ. Приговоръ надъ учителемъ Викторовымъ. Приговоръ надъ офиц. Посниковымъ и Еллинскимъ. — **1863 г.:** Приговоръ надъ студ. Яковлевымъ. Приговоръ надъ студ. Беневольскимъ и др. Приговоръ надъ студ. Вороновымъ и др. Приговоръ надъ офиц. Ушa-

ковымъ. Приговоръ надъ юнкер. Шукшта. Приговоръ надъ офиц. Крушевскимъ. Приговоръ надъ мѣщ. Мартьяновымъ. Приговоръ надъ двор. Муравскимъ. Приговоръ надъ лекар. Павловскимъ. Приговоръ надъ студ. Сунгуровымъ. Приговоръ надъ студ. Фрязиновскимъ и др. — **1864 г.**: Приговоръ надъ студ. Стахевичемъ и Цвѣтковымъ. Приговоръ надъ врачемъ Стрижевскимъ. Приговоръ надъ Н. Г. Чернышевскимъ. Публичное объявленіе приговора Чернышевскому. Приговоръ надъ учителемъ Курбаковскимъ. Дѣло о заговорѣ въ Казани. Приговоръ надъ Д. И. Писаревымъ и друг. Казнь офицеровъ Иваницкаго, Мрочека и Станкевича. — **1865 г.**: Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Приговоръ надъ студ. Самаринымъ и гимн. Бекеневымъ. Приговоръ надъ Н. А. Серно-Соловьевичемъ и др. Приговоръ надъ инженеромъ Дейхманомъ. Казнь офицера Черняка. — **1866 г.**: Дѣло о послабленіяхъ властей, оказанныхъ М. Л. Михайлову въ Тобольскѣ. Правительственное сообщеніе о покушеніи Каракозова на жизнь Государя. Назначеніе Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи. Пожалованіе дворянства Комиссарову. Свѣдѣнія о Каракозовѣ. Объявленіе приговора Мосолову и друг. Свѣдѣнія о сообщникахъ Каракозова. Приговоръ надъ Каракозовымъ. Казнь Каракозова. Приговоръ надъ докторомъ Кобылинымъ. Приговоръ надъ солдатомъ Невѣдомскимъ. Дѣло каракозовцевъ. Приговоръ надъ офиц. Кувязевымъ. — **1867 г.**: Высочайшее повелѣніе о закрытіи петербургскаго земства. Приговоръ надъ офиц. Нечмировымъ. Рѣшеніе сената по дѣлу петербургскаго земства. Покушеніе Березовскаго на жизнь Государя. Свѣдѣнія о Березовскомъ. Процессъ Березовскаго. — **1871 г.**: Процессъ нечаевцевъ. — **1872 г.**: Процессъ Гончарова. — **1873 г.**: Процессъ Нечаева. Правительственное сообщеніе объ учащихся въ Цюрихѣ русскихъ женщинахъ. — **1874 г.**: Правительственное сообщеніе о 19 эмигрантахъ. Процессъ Долгушина и др. — **1875 г.**: Процессъ Дьякова и др. — **1876 г.**: Правительственное сообщеніе о демонстраціи на Казанской площади.

Содержаніе второго тома: Предисловіе. — **1877 г.**: Дѣло о демонстраціи на Казанской площади. Сенатское рѣшеніе по этому же дѣлу. Процессъ пятидесяти. Рѣчи Вардиной, Алексѣева, Здановича и Агапова. Дѣло Южно-русскаго Рабочаго Союза. Дѣло студента Сергѣева и др. Дѣло доктора Покрышкина и др.

Содержаніе перваго приложенія: Предисловіе. — „Начало“ №№ 1, 2, 3 и 4. „Летучій Листокъ“ № 1. „Земля и Воля“ №№ 1, 2, 3, 4 и 5. „Листки Земли и Воли“ №№ 1, 2-3, 4, 5 и 6.

Содержаніе третьяго тома: Предисловіе. Обвинительный актъ по процессу 193-хъ. Отчеты объ этомъ процессѣ, печатавшіеся въ заграничномъ журналѣ „Община“. Рѣчь И. Н. Мышкина. Приговоръ. Конфирмація. Завѣщаніе осужденныхъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ политическихъ процессахъ.

Содержаніе второго приложенія: Прокламація М. Л. Михайлова „Къ молодому поколѣнію“ (полностью). Отрывки изъ записокъ М. Л. Михайлова (печатается въ первый разъ). Листки

„Великоруссъ“ (полностью). Къ дѣлу подп. Аргнольда и его товарищей. Къ дѣлу подполковника Красовскаго. Къ дѣлу подп. Григорьева. Къ дѣламъ Хмѣленскаго, Карзона и др. Къ біографіи Огарева. Прокламаціи „Молодая Россія“, „Земская Дума“, „Къ офицерамъ“, „Къ образованнымъ классамъ“ и „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти“ (всѣ полностью). Рѣчь проф. Павлова. Письмо Берви къ предводителямъ дворянства. Къ дѣлу Мартьянова. Листокъ „Свобода“ № 1 (съ подлинника). Прокламація „Офицерамъ всѣхъ войскъ Общества „Земля и Воля“ (воспроизводится впервые съ подлинника). Сенатская записка по дѣлу Чернышевскаго. Секретный циркуляръ, касающійся Чернышевскаго (никогда не бывавшій въ печати). Статьи о дѣлѣ Чернышевскаго изъ „Колокола“. Дѣло Андрущенко и др. Къ дѣлу о заговорѣ въ Казани. Рѣчь Н. В. Соколова (автора книги „Отщепенцы“) на судѣ (печатается въ первый разъ). Къ дѣламъ Карпова, Мартышевскаго и друг. (печатается въ первый разъ). Очеркъ Славянской Секціи Интернаціонала. Ралли. — **Приложеніе: Зарубежные журналы и сборники пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.** (Полный перечень содержанія слѣдующихъ изданій: „Полярная Звѣзда“ [1855—1869 г.]; „Историческій Сборникъ“ [1859 и 1861 г.]; „Голоса изъ Россіи“ [1856—1860 г.]; „Колоколъ“ [1857—1868 г.]; „Подъ судъ“ [1859—1862 г.]; „Общее Вѣче“ [1862—1864 г.]; „La Cloche“ [брюссельскій, 1862—1864 г.]; „Колоколъ“ въ ред. Нечаева [неполный; 1870 г.]; „Русскій Заграничный Сборникъ“ [1858—1861 г.]; „Благонамѣренный“ [1859—1861 г.]; „Будущность“ [1861 г.]; „Правдивый“ [1862 г.]; „Правдолюбивый“ [1862 г.]; „Le Véridique“ [1862 г.]; „Листокъ, изданный кн. Долгоруковымъ“ [1862—1864 г.]; „Свободное Слово“ [1862 г.]; „Летучій Листокъ“ [Гейдельбергъ, 1862 г.]; „Подпольное Слово“ [1866 г.]; „Народное Дѣло“ [1868—1870 г.]; „Летучій Листокъ“ [Женева, 1868 г.]; „Народная Расправа“ [1869—1870 г.]; „Община“ [ред. Нечаева; неполный; 1870 г.])

Печатаются:

I. **Литература партіи Народной Воли.** Третье приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, издающимся подъ редакціею Б. Базилевскаго.

Содержаніе: Предисловіе. „Народная Воля“ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8—9, 10, 11—12. Листки Народной Воли за 1880, 1881 и 1883 г. Прибавленіе къ Листку за 1883 г. Приложеніе къ № 8—9 „Народной Воли“. Рабочая Газета №№ 1 и 2. Документы партіи Народной Воли. Прокламаціи партіи Народной Воли (нѣкоторыя изъ нихъ воспроизводятся съ подлинниковъ въ первый разъ). Матеріалы для исторіи партіи Народной Воли.

II. **Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.** Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго. Томъ IV (1878 и часть 1879 года).

Содержаніе: Процессъ Засуличъ. Правительственное сообщеніе о демонстраціи, происшедшей при оправданіи Засуличъ. Процессъ Ковальскаго и др. въ Одессѣ. Правительственное сообщеніе о демонстраціи, происшедшей въ Одессѣ при извѣстіи о смертномъ приговорѣ Ковальскому.

Правительственное сообщеніе объ убійствѣ Мезенцева. Правительственное сообщеніе о покушеніи Соловьева на жизнь Государя. Учрежденіе генералъ-губернаторовъ. Процессъ Дубровина. Казнь Дубровина. Процессъ Соловьева. Казнь Соловьева. Кіевскіе процессы: a) Антонова (Свириденко), Брантнера, Мокріевича и др. b) Осинскаго и др. Казнь Брантнера, Антонова и Осинскаго. c) Бр. Избицкихъ. d) Горскаго, Бильчанскаго и др. e) Федорова (Гобста) и др. Казнь Бильчанскаго, Горскаго и Федорова. f) Чигиринцевъ. g) Малавскаго и др. h) Флоріана Богдановича. i) Татаринчика. k) Крыжановскаго и др.

Для полноты печатающихся книгъ не достаетъ еще нѣкоторыхъ матеріаловъ, а именно:

Для книги первой: Прибавленія къ № 4 „Народной Воли", прибавленія къ № 5 „Народной Воли", „Листка Народной Воли" 1886 г., „Рабочей Газеты" №№ 3, 4, 5 и 6, прокламацій: о казни цареубійцъ (1881 г.), убійствѣ Стрѣльникова (1882 г.), Добролюбовской демонстраціи (1886 г.), событіи 1 марта 1887 г. и нѣкоторыхъ другихъ. (Желательно было бы получить въ возможно скоромъ времени эти изданія, а также полный № 10 „Народной Воли", такъ какъ имѣющійся — съ дефектами.)

Для книги второй: Обвинительныхъ актовъ: 1. по дѣлу Ковальскаго въ Одессѣ и 2. по дѣлу Өедорова въ Кіевѣ.

Готовятся къ печати:

I. **Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.** Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго. Томъ V. (1879—1880.)

Предположенное содержаніе: 1879 г.: Процессъ Фомина въ Харьковѣ. Процессъ Сѣрашевскаго и Лянды въ Варшавѣ. Процессъ Чубарова и другихъ въ Одессѣ. Казнь Чубарова, Лизогуба, Давиденко, Виттенберга и Логовенко. Процессъ Минакова и Говорухина въ Одессѣ. Процессъ Ефремова и др. въ Харьковѣ. Процессъ Мирскаго и др. въ Петербургѣ. Правительственное сообщеніе о взрывѣ поѣзда подъ Москвой. Процессъ Малинки и другихъ въ Одессѣ. Казнь Малинки, Дробязгина и Майданскаго. Процессъ Олеховскаго въ Одессѣ. — 1880 г.: Правительственное сообщеніе объ арестѣ типографіи „Народной Воли". Правительственное сообщеніе объ арестѣ типографіи „Чернаго Передѣла". Правительственное сообщеніе о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Учрежденіе Верховной Распорядительной Комиссіи. Правительственное сообщеніе о покушеніи на Лорисъ-Меликова. Процессъ Млодецкаго. Казнь Млодецкаго. Кіевскіе процессы: а) Богуславскаго. б) Андрузскаго. в) Лозинскаго. г) Розовскаго и Ро-

діонова. Казнь Лозинскаго и Розовскаго. д) Юрковскаго и др. е) Прицгера. Одесскіе процессы: а) Россиковой и др. б) Геллиса и др. в) Лепещинскаго. Московскіе процессы: а) Бѣлоцвѣтова и др. б) Лихачева и др. в) Верстаковскаго. г) Пекарскаго. Харьковскіе процессы: а) Ястрембскаго и др. б) Сыцянко и др. в) Тулисова. Процессъ Гусловскаго и др. въ Николаевѣ.

II. **Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.** Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго. Томъ VI. (1880—1881 г.)

Предположенное содержаніе: 1880 г.: Процессъ Квятковскаго и др. Казнь Квятковскаго и Прѣснякова. — 1881 г.: Правительственное сообщеніе о цареубійствѣ, арестѣ Желябова и пр. Процессъ Желябова и др. Казнь Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и Рысакова. Процессъ Ковальской и др. въ Кіевѣ. Процессъ Лавреніуса и др. въ Курскѣ. Правительственное сообщеніе о покушеніи на жизнь Черевина.

III. **Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.** Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго. Томъ VII. (1882—1883 г.)

Предположенное содержаніе: 1882 г.: Процессъ Александра Михайлова и др. (Обвинительный актъ будетъ напечатанъ полностью въ первый разъ съ подлинника.) Казнь Суханова. Правительственное сообщеніе объ убійствѣ ген. Стрѣльникова. Казнь Халтурина и Желвакова. Дѣло Поливанова въ Саратовѣ. Дѣло Геккера въ Одессѣ. Покушеніе Кутитонской на жизнь губернатора Эльяшевича въ Читѣ. Дѣло Нагорнаго и др. въ Петербургѣ. Дѣло Филиппова и др. въ Петербургѣ. — 1883 г.: Процессъ Богдановича и др. въ Петербургѣ. (Обв. актъ съ подлинника.) Дѣло Дзвонкевича и др. въ Одессѣ. Дѣло Гориновича и др. въ Кіевѣ. Дѣло Неустроева въ Иркутскѣ. Казнь Неустроева.

IV. **Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ семидесятыхъ годахъ.** Четвертое приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи", издающимся подъ редакціей Б. Базилевскаго.

Предположенное содержаніе: Политическіе процессы, не вошедшіе въ первый и второй томъ сборниковъ. Прокламаціи Нечаева: „Мужичкамъ и всѣмъ простымъ людямъ работникамъ", „Сельскому духовенству", „Права русскаго народа", „Къ русскому мѣщанству", „Къ русскому купечеству", „Благородное россійское дворянство" и пр. (всѣ съ подлинниковъ). Прокламаціи Долгушинцева: „Какъ надо жить по закону природы и правды" и „Къ интеллигентнымъ людямъ" (обѣ съ подлинниковъ). Изданія русской вольной типографіи: „Ко всѣмъ частнымъ людямъ". „Къ русскому обществу", „13 іюля — 24 января", „Два засѣданія Комитета Министровъ", „Убійство шпіона Нико-

нова въ Ростовѣ н. Д.", „Казнь Крапоткина" (харьковскаго губернатора), „Русскіе отцы и матери къ русскому обществу", „Покушеніе на жизнь Котляревскаго", „Правительственная комедія", „Смерть за смерть" (убійство Мезенцева, брошюра), „За живо погребенные" (брошюра); адресъ Палену отъ петербургской учащейся молодежи; адресъ Палену отъ московской учащейся молодежи. Отвѣтъ московской учащейся молодежи „Московскимъ Вѣдомостямъ"; Записка Палена о революціонной пропагандѣ въ имперіи; прокламаціи къ рабочимъ, студентамъ и т. д. (почти всѣ эти изданія у насъ имѣются въ подлинникахъ, откуда и будутъ воспроизведены); заграничные журналы 70-хъ гг. (полный перечень содержанія журналовъ „Работникъ", „Впередъ" [а также газеты того же наименованія], „Набатъ", „Общее Дѣло", „Община" и др.).

Мы не имѣемъ въ виду ограничиться, конечно, изданіемъ только этихъ книгъ, а намѣрены довести предпринятую работу собранія и выпуска въ свѣтъ матеріаловъ по исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи до самаго послѣдняго времени. Но это еще дѣло будущаго. Въ настоящее время мы можемъ только просить о присылкѣ намъ всѣхъ нужныхъ для того матеріаловъ. Что же касается тѣхъ книгъ, предположенное содержаніе которыхъ мы изложили выше, то мы уже собрали для нихъ многочисленные матеріалы. Эти матеріалы могли бы быть, однако, и гораздо полнѣе, если бы намъ были присланы обвинительные акты и отчеты по многимъ изъ политическихъ процессовъ, которые не были опубликованы, а также многіе изъ изданій, до сихъ поръ у насъ еще не имѣющіяся.

Мы просимъ намъ доставить для книги „Матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія въ семидесятыхъ годахъ: недостающія брошюры, листки и прокламаціи, вышедшія изъ тайныхъ русскихъ типографій, а изъ заграничныхъ изданій комплекты журналовъ „Работникъ", „Набатъ", „Отечество въ опасности" и др. Для послѣдующихъ работъ намъ нужны еще № 3 газеты „Черный Передѣлъ" (а также прокламаціи „чернопередѣльцевъ"), №№ 2 и 3 газ. „Зерно", газ. „Рабочая Заря", „Рабочій", „Прогрессъ", „Знамя", „Русскія Новости" и др.. Было бы крайне важно имѣть также документы, мемуары, письма и пр., освѣщающіе различныя фазы революціоннаго и оппозиціоннаго движенія того времени по первоисточникамъ.

Для пополненія матеріала вышедшихъ уже книгъ желательно имѣть:

Книги четвертой: Отчетъ о процессѣ 193-хъ, изданный въ 1878 году въ тайной типографіи въ Россіи, и изданный въ 1877 г. въ Женевѣ обвинительный актъ по тому же процессу съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. А. Клеменца.

Книги пятой: Объявленіе объ изданіи газеты „Мысль и Дѣло" (1861), прокламаціи: по поводу высылки проф. Павлова (1862), по поводу казни офиц. Арнгольдта, Ростковскаго и Сли-

вицкаго (1862), отъ общества Земля и Воля „солдатамъ“ (1863), отъ общества Земля и Воля „Всему народу русскому-крестьянскому“ (1863) и др. Изъ заграничныхъ изданій у насъ нѣтъ журналовъ: „Стрѣла“ (2 №№ подъ ред. Головина въ Берлинѣ. 1-й помѣченъ 15-го декабря 1858 г. и 2-й — 18 января 1862 г.), „Вѣсть“ (Берлинъ 1862 г., редакція Блюмеръ), „Европеецъ“ (Дрезденъ 1864 г., редакція Блюмеръ, №№ 1—3), „Отголоски печати“ (редакція Шедо-Фероти 1865—1867 г.), „Современность“ (1868 г.), №№ 2, 3 и 5 „Колокола“ (ред. Нечаева) и № 2 „Общины“ (ред. его же, 1870). Весьма желательно было бы имѣть сверхъ того болѣе подробныя свѣдѣнія о политическихъ процесахъ 60-хъ гг. (въ особенности о процессахъ Вс. Костомарова, Писарева, Н А. Серно-Соловьевича, Чернышевскаго и др.), революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ, а также о конституціонномъ движеніи того времени.

Лицъ, сочувствующихъ предпринятымъ нами историческимъ работамъ и владѣющихъ недостающими намъ для этой цѣли матеріалами, убѣдительно просимъ доставить ихъ намъ хотя бы только для снятія съ нихъ копій. Мы ручаемся за сохранность и цѣлость подлинниковъ. Предметы эти просимъ направлять **по адресу редактора „Освобожденія“, П. Б. Струве, съ надписью: „для изданій Русской Исторической Библіотеки“.** По этому же адресу просимъ направлять и денежныя пожертвованія для нашихъ изданій.

Редакція Русской Исторической Библіотеки.

предисловіями Петра Струве и съ приложеніемъ записки Министра Финансовъ о напряженіи платежныхъ силъ населенія. Цѣна 6 фр. 25 сант.

МИНИСТРЪ ФИНАНСОВЪ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ О ФИНАНСОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РОССІИ. Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 30 декабря 1902 г. Съ предисловіемъ П. Струве. Цѣна 1 фр.

ДОКЛАДЪ ВОРОНЕЖСКАГО УѢЗДНАГО КОМИТЕТА О НУЖДАХЪ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Цѣна 1 фр.

КИШИНЕВСКІЙ ПОГРОМЪ. Съ пятью снимками съ фотографій. Цѣна 2 фр. 50 сант.

ДѢЛО О Т. Н БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦІИ. Обвинительный актъ. Цѣна 1 фр.

МАТЕРІАЛЫ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ. Выпускъ I. Извлеченія изъ „Краткаго очерка мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ", составленнаго бывшимъ предсѣдателемъ Ученаго Комитета М. Н. П., А. И. Георгіевскимъ. Цѣна 2 фр. 50 сант.

ТОЖЕ. Выпускъ II. Докладъ комиссіи, избранной Совѣтомъ Московскаго Университета 28-го февраля 1901 года для выясненія причинъ студенческихъ волненій и мѣръ къ упорядоченію университетской жизни. Цѣна 2 фр. 50 сант.

МАТЕРІАЛЫ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ. Выпускъ I. **Русскій законъ и рабочій.** Составленная въ отдѣлѣ промышленности Министерства Финансовъ записка о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки и досрочныя расторженія договоровъ о наймѣ, и о желательности установленія организаціи рабочихъ въ цѣляхъ самопомощи. Съ предисловіемъ Петра Струве. Цѣна 1 фр.

ТОЖЕ. Выпускъ II. **Законодательные матеріалы къ закону о старостахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ.** Съ предисловіемъ П. Струве. Цѣна 1 фр.

УСИЛЕНІЕ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ. Проектъ ф.-Плеве. Съ предисловіемъ П. Струве и съ приложеніемъ дѣла орловскаго губернатора Неклюдова. Цѣна 2 фр.

ЗЕМСКІЙ СЪѢЗДЪ 6-ГО И СЛ. НОЯБРЯ 1905 Г. Краткій отчетъ. Цѣна 1 фр.

МАТЕРІАЛЫ ПО ВЫРАБОТКѢ РУССКОЙ КОНСТИТУЦІИ. Выпускъ I. **Основной государственный законъ Россійской Имперіи.** Проектъ русской конституціи, выработанный группой членовъ „Союза Освобожденія". Цѣна 2 фр. 50 сант.

Содержаніе: Предисловіе редактора „Освобожденія". — Предисловіе авторовъ. — Введеніе. — Основной государственный законъ Россійской Имперіи (текстъ съ примѣчаніями). — Избирательный законъ (текстъ съ примѣчаніями). — Объяснительная записка.

Только что вышло новое изданіе редакціи „Освобожденія":

ЗЕМСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА. Журналы комиссіи-собранія Саратовскаго губернскаго земства. Цѣна 1 фр. 50 сант.

Печатаются и въ скоромъ времени появятся въ свѣтъ новыя изданія „Освобожденія":

1. **МАТЕРІАЛЫ ПО ВЫРАБОТКѢ РУССКОЙ КОНСТИТУЦІИ.** Выпускъ II. Проектъ русской конституціи, выработанный однимъ политическимъ дѣятелемъ, съ мотивами. Цѣна 2 фр. 50 сант.

Контора „Освобожденія" уже теперь принимаетъ заказы на это изданіе.

2. **ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II.**

Книга эта будетъ представлять очеркъ общественно-политической исторіи Россіи въ періодъ 1855—1881 гг. Первая глава этой книги была уже напечатана во второй книжкѣ „Освобожденія".

